

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2036

(1836)

Леонид Рейзер

АРКАДИЙ ЧЕРНЫШЕВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2020

УДК 796.9(092)
ББК 75.579
Р 35

Издание второе

*«Продюсерский центр «Динамо»
выражает благодарность
за финансовую поддержку
Джорджу Ильичу Рижинашвили*

*Автор и издательство выражают признательность
Борису Аркадьевичу Чернышеву
за предоставленные фотоиллюстрации
из семейного архива
и Михаилу Леонидовичу Тюркину
за помощь в работе
над выпуском книги.*

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-04378-7

© АНО «Продюсерский центр «Динамо», 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

ВЕЛИКИЙ ТРЕНЕР

Книга, которую держит в руках читатель, рассказывает об Аркадии Ивановиче Чернышеве — человеке, чье имя неразрывно связано с историей развития отечественного хоккея с шайбой. Данная книга вызвала большой интерес среди читательской аудитории, и для нас большая честь переиздать ее дополнительным тиражом. Это говорит о ее востребованности и популярности среди болельщиков и спортивной общественности.

За время своей деятельности Продюсерский центр «Динамо» выпустил серию книг о выдающихся мастерах хоккея и футбола, таких как Виталий Давыдов, Владимир Юрзинов, Валерий Васильев, Станислав Петухов, Лев Яшин. Они были встречены с огромным интересом и нашли самый теплый отклик среди широкой читательской аудитории.

Наряду с книгами создан цикл документальных фильмов о легендарных динамовцах. Эта колоссальная по своему объему работа является не только данью уважения к истории «Динамо», но и символизирует собой сохранение преемственности поколений, бережное отношение к многолетнему опыту и великим традициям, будучи залогом новых успехов и спортивных достижений.

Аркадий Иванович Чернышев — это гениальный педагог и тренер, посвятивший всю свою жизнь спорту. Он отличался высокой самоотверженностью, азартом, трудолюбием и дисциплиной, все эти черты он привнес в команду московского «Динамо» и сборную СССР, которые тренировал на протяжении многих лет. Не один десяток хоккеистов — учеников Чернышева — стали заслуженными мастерами спорта, настоящими чудесниками шайбы.

Под руководством Аркадия Чернышева сборная страны прошла огромный путь в своем развитии, заслужила искреннюю любовь и восхищение болельщиков. Были выиграны четыре Олимпиады (три из которых — подряд) и одиннадцать

чемпионатов мира (подряд — девять)! Ничего подобного ни одному из других тренеров мира добиваться не удавалось.

Целых 28 лет бессленно стоял Аркадий Чернышев у руля «Динамо». Его уникальное достижение тем более значимо, что работал он не где-нибудь, а в клубе, который 24 (!) раза входил за это время в число призеров чемпионата страны: бело-голубые дважды (в 1947 и 1954 годах) финишировали первыми, еще девять раз — вторыми и тринадцать — третьими. Причем с 1947 по 1960 год завоевывали медали четырнадцать раз подряд — абсолютный тренерский рекорд всех времен! Из хоккейных наставников в советские времена ближе всего к этому уникальному достижению подходили Анатолий Тарасов и Виктор Тихонов — у обоих по 13 подряд призовых мест. В российской истории такие серии немыслимы.

Сегодня имя Аркадия Ивановича Чернышева носят Академия хоккея «Динамо» и один из дивизионов КХЛ. Его именем названа и «ВТБ Арена», на которой с 2019 года проводит домашние матчи московское «Динамо».

Уверен, что читателям не может не понравиться эта книга о выдающемся спортсмене и тренере — Аркадии Ивановиче Чернышеве.

*Михаил Тюркин,
Президент ХК «Динамо» (Москва) 2010—2012 гг.*

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Я — счастливый человек.

Как и все те, кому довелось тренироваться и играть под началом Чернышева.

Я не стал бы тем хоккеистом, который представлял — надеюсь, достойно — свой клуб и свою страну, если бы судьба не свела меня с Аркадием Ивановичем.

Я приехал из далекого небольшого городка Кирово-Чепецка в огромную Москву и оказался как будто на другой, чужой планете. Но нашелся с первого же дня моего пребывания здесь взрослый мужчина, с которым я мог обсудить любой бытовой, любой житейский вопрос и любой вопрос, непосредственно касающийся моей работы в хоккейном клубе «Динамо». Аркадий Иванович требовал, чтобы каждый день я проживал не впустую, чтобы приобретал полезные знания и навыки в спорте и вне его. Требовал... Нет, это не про него. Аркадий Иванович предлагал подопечному самому включаться в процесс, самому включать голову и волю, прибавляя в мастерстве постоянно. Находился рядом, однако же я никакого прессинга со стороны старшего тренера не чувствовал. Очень скоро Аркадий Иванович стал для меня вторым отцом.

Адик. Так мы любя и уважительно звали нашего «старшего» меж собой.

«Адик считает...» «Адик решил...» «Адик посоветовал...» Каждый из игроков с придыханием произносил это имя. Он находил индивидуальный подход к каждому из нас как к хоккеисту и как к человеку. Мы уважали Аркадия Ивановича и были благодарны ему. Я боготворил Чернышева!

Он абсолютно заслуженно пользовался непререкаемым авторитетом. Профессионал высочайшей пробы. Мудрый и доброжелательный учитель. Принципиальный и кристально чистый человек. ЛИЧНОСТЬ!

К Аркадию Ивановичу тянулись все, кто как-то соприкасался с ним. В сборной страны не существовало разделения

на армейцев, динамовцев или спартаковцев. Коллектив был по-настоящему сплоченным. И любой игрок сборной считал большой удачей, если ему удавалось улучшить минутку-другую и поговорить с Чернышевым по душам.

Чернышев руководил нашей сборной в неповторимом, блистательном стиле. Всегда держал руку на пульсе игры, никогда никого не унижал и не оскорблял, всегда находил решения, позволявшие команде переломить ход неудачно складывающегося поединка, никогда ничего не боялся и не паниковал. И в таком удивительном чернышевском стиле Аркадий Иванович привел сборную к четырем победам из четырех на Олимпиадах и одиннадцати победам из тринадцати на чемпионатах мира. Такого никто никогда не повторит! Никто никогда не сравнится с ним и по человеческим добродетелям.

Наверное, не бывает людей совсем уж без недостатков. Был один и у Аркадия Ивановича. Скромным был донельзя. Умудрялся в лучах славы оставаться в тени. Оттого и славы этой недополучил сполна при жизни. Оттого долгие годы его недостаточно часто вспоминали в прессе и никто не разбирал его тренерское наследие.

Мне хочется, чтобы эта книга хотя бы в малой степени воздала должное Аркадию Ивановичу Чернышеву.

Тренеру от Бога и божественному человеку!

Нет дня, чтобы Аркадий Иванович не возникал перед моими глазами.

И я по-прежнему мысленно советуюсь с ним, прислушиваясь к каждому его слову...

*Александр Мальцев,
двукратный олимпийский чемпион,
девятикратный чемпион мира*

СОЛНЦЕ В ТЕНИ

— ...Вот вы охотно упоминаете Чернышева, всячески подчеркиваете значимость этой фигуры в нашей спортивной истории. Но почему же о нем не пишут статьи и книги, не снимают фильмы? Почему не высказываются в подобном уважительно-восхищенном тоне, как вы?

— Высказываются. Тот, кто знает предмет, кто в курсе нашей истории. Признаю с сожалением, что таких совсем немного. Единицы остались. Уходят люди, уходят... И оттого лично мне вдвойне обидно за Аркадия Ивановича.

Это фрагмент моей недавней беседы с Сергеем Паремужовым, руководителем компании «Глобал Спорт Консалтинг», президентом Ассоциации хоккейных агентов КХЛ, — человеком достаточно известным, успешным и, безусловно, думающим. Я заехал к нему в офис, собирая материалы для статьи в журнал, которым руководил. Когда получил исчерпывающие ответы на все вопросы моего длинного списка, захотелось перевести беседу в «режим фристайла», без однозначной тематической направленности. Сам не заметил, как несколько раз вспомнил о Чернышеве. Это вызвало неподдельно живой отклик у собеседника. Далее он справедливо заметил:

— Послушайте, они же вместе трудились в нашей сборной, вместе ковали золото ее побед. Чернышев и Тарасов. Почему же на каждом углу твердят: «Великий Тарасов!»? Или: «Основатель нашей хоккейной школы — Анатолий Владимирович Тарасов!» А про Чернышева как будто нарочно забывают.

— Да потому что Тарасов был сам себе имиджмейкером, выражаясь современным языком. Талантливым, энергичным и честолюбивым имиджмейкером. Вот инерция его многолетней и более чем успешной пиар-кампании и продолжает работать на имя замечательного специалиста. А Чернышев был по своим человеческим качествам едва ли не полной ему противоположностью. Скромным и интеллигентным мужчиной, который чурался любого лишнего упоминания о себе, своих заслугах и

своих профессиональных методах. Вот эта инерция и продолжает работать против Аркадия Ивановича; вернее сказать, усугубляет слабость нашей короткой человеческой памяти.

— Ну так сделайте что-нибудь, чтобы воздать должное Чернышеву!..

Слова о том, как и почему разошлись в противоположные стороны пути Чернышева и Тарасова в памяти последующих поколений, вырвались у меня спонтанно. Самого удивила чуждость формулировок. Вообще-то я не склонен к категоричному тону в обсуждении различных граней профессионального спорта, а в тот вечер выстреливал фразами, словно отдавал приказы своему батальону, сопровождая их лаконичными пояснениями. Отчего так меня осенило вдруг? Никакого «вдруг», разумеется. Сидело, значит, это во мне давно: в хоккее мимо эпохи Чернышева — Тарасова не пройти. И наступил наконец-то такой момент, когда после вопроса, заданного в лоб, я не замедлил с ответом и не мог допустить в нем расплывчатых формулировок.

Тот разговор накрепко засел в моем подсознании.

Чувство несправедливости касательно яркой и достойной, своеобразной личности Чернышева и в прежние годы посещало меня, а после описанной встречи я уже с этим чувством не расставался: надо предпринять что-то значительное и донести до соотечественников правду о выдающемся наставнике. Но что именно? Что в моих силах? Ответ был очевиден: написать книгу. И то правда, что сложно очень: минуло почти два десятилетия со дня его ухода; ушли из жизни многие его коллеги, конкуренты, воспитанники, почитатели. Время работало против этой затеи. И ведь не только время... А кто издаст книгу о Чернышеве, если придется сначала разъяснить, кто это такой? Кто рискнет воздать должное ему, устранив многолетнюю несправедливость?

Имея довольно большой опыт написания книг и сотрудничества с издательствами еще с советских времен, я был настроен пессимистически. Шансы на реализацию этой идеи даже не оценивал в процентах. Настолько мизерными казались. А тут еще пригласили меня в издательство, бывшее в советское время одним из ведущих и сохранившее собственный бренд по сию пору, для знакомства и обсуждения моих тематических задумок. Без какой-либо надежды, уже ближе к завершению переговоров, я решил упомянуть заслуженного хоккейного деятеля: «Чернышев являлся масштабной фигурой в нашем хоккее. Достоянейшая фигура для того, чтобы посвятить ему книгу». И услышал хорошо и печально знакомое: «Чернышев? М-да... Не знаем такого. Вот про Тарасова слышали не раз и не два. А Чернышев? Вообще не имеем представления».

Прозвучало почти как суровый приговор без возможности обращения с апелляцией в высшие инстанции.

Однако совсем уж рук я не опускал.

Решил: давай-ка я для начала подготовлю журнальную публикацию.

Стал собирать материал для очерка об Аркадии Ивановиче.

Путь был очевиден, кривая поиска выводила журналиста на две прямые — динамовские подопечные Аркадия Ивановича и игроки сборной Советского Союза времен его правления в ней. Не сказать, чтобы много их осталось с нами. Зато скажу, что каждая встреча являла собой нечто поразительное — свидание с живым Чернышевым! Свидание без оглядки на часы. Свидание со светлой личностью. Люди, работавшие под его началом, с видимым удовольствием переносились в лучшие годы своей жизни — в доблестную спортивную молодость. И старательно пытались донести до меня дыхание той эпохи и образ неподражаемого Чернышева.

Получалось у всех.

И у всех, естественно, по-разному.

Столь же естественным было совпадение в одном — главном для тренера: человечность Чернышева была стопроцентной. Запредельной!

Я написал: «...главном для тренера». Не стану подправлять свои слова и тем более отказываться от них. Напротив, подчеркну: главном для тренера чернышевской формации. А она, покоясь на двух китах большого спорта — работе с людьми и работе на результат, — неизменно придерживается именно такой последовательности: сначала человек с его способностями и характером, с его индивидуальностью, сначала личность — и только потом тот максимальный результат, который может быть достигнут. А по результату, счету на табло после истечения шестидесяти минут чистого времени, судят о твоём, тренера, профессионализме. И окружающим, от начальства непосредственного и высоко-высоко сидящего до вменяемых поклонников и оголтелых болельщиков, глубоко наплевать на твои приоритеты. Выдавай по-стахановски на-гора победу за победой, и всенародное признание тебе гарантировано.

Аркадий Чернышев самолично избрал путь наитруднейший и благородный, стремясь, по существу, к невозможному в спорте — добиваться высот без ущерба для людей, которые вручали ему свои судьбы.

Чернышевская формация — недостижима. К ней можно только приближаться. Да и желающих совмещать несовместимое — внимание к человеческому фактору с прессингом победного результата — и считающих такой гуманный подход единственно возможным — не сыскать.

Потому и слова о человечности Аркадия Ивановича — «за-предельной была» — не являются каким-либо приукрашиванием и преувеличением.

Никто из ветеранов не ставил под сомнение профессионализм мэтра. Иллюстрации тому были яркими и разными, каждый выделял какие-то особые черты, особенно повлиявшие на его становление и развитие как хоккеиста. Однако лейтмотивом этих свиданий с Аркадием Ивановичем было его уважительно-отеческое отношение к игрокам.

Признаю, что суждение автора о том, что такое качество наставника является главенствующим в тренерском деле, отнюдь не бесспорно.

Хоккейный рулевой в советское время являлся мастером на все руки. Тактические схемы, физическая готовность команды общая и специальная, техническая оснащенность игроков, психологические аспекты, педагогические наблюдения... А еще ты должен шагать в ногу со временем. А еще лучше будет, если сумеешь опережать его, а таким образом — и коллег-конкурентов... Почему же выделяю уникальный чернышевский дар — командовать людьми так, чтобы не ощущали себя подчиненными, бессловесными и бесправными? Тренер, да еще в игровом, да еще в коллективном, да еще в контактном виде спорта, прежде всего работает с людьми — молодыми, здоровыми, амбициозными мужчинами. Здесь нет конвейера, как в сборочном цеху автозавода, или полностью автоматизированного непрерывного процесса, как на нефтехимическом предприятии; здесь нет лабораторных установок и научных сотрудников, владеющих математическим анализом и законами квантовой механики; здесь ты каждый божий день ломаешь голову над решением новых и нестандартных задач, имея под руками хоккейное подразделение из двадцати с лишним бойцов. И потому человеческий фактор имеет первостатейную значимость. Найдешь ключик к каждому характеру и сумеешь эти индивидуальности объединить победоносной идеей — тогда парни выкатятся на лед и будут биться не щадя живота своего за клуб, за город, за страну и за тебя — тренера, которого уважают, которого ценят и которого любят.

Аркадий Иванович Чернышев — именно такой тренер.

И именно такого тренера более не было в нашей хоккейной истории.

Это убедительно подтверждали своими исповедальными рассказами трехкратный олимпийский чемпион динамовец Виталий Семенович Давыдов, двукратные олимпийские чемпионы спартаковцы Борис Александрович Майоров и Евгений Владимирович Зимин, цесковец Борис Петрович Михайлов,

динамовский олимпийский чемпион Станислав Афанасьевич Петухов, призер мирового первенства железнодорожник Виктор Васильевич Цыплаков, заслуженный тренер СССР Анатолий Михайлович Кострюков, заслуженный тренер СССР Игорь Николаевич Тузик, кандидат педагогических наук, доцент, в прошлом вице-президент Федерации хоккея России Юрий Васильевич Королев, двукратный чемпион мира, принявший от Чернышева эстафету на тренерском мостике в «Динамо», Владимир Владимирович Юрзинов, добившийся всех возможных тренерских достижений Виктор Васильевич Тихонов, олимпийский чемпион 1956 года армеец Виктор Григорьевич Шувалов, чемпион мира 1954 года Александр Георгиевич Комаров, заслуженный тренер СССР Николай Иванович Карпов, заслуженный тренер СССР Роберт Дмитриевич Черенков, популярный теле- и радиокomentатор, воспитанник динамовской хоккейной школы Владимир Львович Писаревский, старший сын Чернышева Борис Аркадьевич и, наконец, Александр Николаевич Мальцев — динамовское «всё».

Ни единого худого слова в адрес Аркадия Ивановича произнесено не было.

Так не бывает. В работе с людьми в такой стрессовой сфере, как большой хоккей, такого просто не может быть. Где-нибудь когда-нибудь наставник непременно сорвется в нервном угаре и сорвет голос, обрушивая на игроков град упреков и крепких простонародных выражений. Либо в какой-нибудь иной обстановке позволит себе не вполне корректное поведение, на которое, впрочем, в хоккейном коллективе мало кто и внимание обратит.

Однако с Чернышевым было иначе. Принципиально иначе. Срывов себе он не позволял. И разочка не было такого, чтобы перешел ту грань, за которой подчиненный оказывается униженным и оскорбленным, ну как минимум просто обиженным.

Такого командира бойцы готовы носить на руках. За него готовы кровушку проливать...

Такого хоккейного командира в минуту триумфа подбросят в воздух высоко-высоко и, главное, от всей души, и примут на руки бережно, и аккуратно поставят на лед, и доведут под руки до борта, чтобы, не дай господи, не поскользнулся и не упал. С командиром диктаторского пошиба внешне все будет в точности то же самое, только не так высоко подбросят и не так бережно примут на руки... А сами золотодобытчики в состоянии эйфории не обратят внимания на эти различия.

Выступавшие при Чернышеве в «Динамо» и в сборной Советского Союза охотно шли на контакт с автором, едва услышав о предмете будущей беседы. Откладывали текущие заботы

и хлопоты, забывали о своих болячках — верных спутницах прославленных хоккейных ветеранов. Не скрывали, что им это радостно и почетно — поведать об Аркадии Ивановиче. Признавали тот печальный факт, что незаслуженно пребывает он в тени, что новыми поколениями предан забвению. Выражали готовность помочь в устранении этой вопиющей несправедливости.

И только Борис Майоров — с присущей ему прямотой и четкостью в формулировках — высказался под занавес: «Пусть Аркадий Иванович простит меня за эти слова, но он ведь и сам отчасти виноват — не выступал, не писал статьи и книги. В отличие от Тарасова». Показалось, что Борис Александрович искренне сожалеет по поводу такой пассивности Чернышева и отсутствия заботы о своем имидже в глазах современников и последующих поколений.

Это правда, которая действительно колет.

С Борисом Александровичем трудно не согласиться.

Замечу, однако, что та самая указанная им вина лежит и на спортивных журналистах. Что мешало им проявлять активность и настойчивость в раскрытии и обнародовании чернышевских кладовых хоккейных технологий? Тем паче что имелись отточенные перья. Высокообразованные и интеллектуальные, знавшие предмет Евгений Рубин и Дмитрий Рыжков по праву долго считались лидерами хоккейной журналистики. Допускаю, что с Аркадием Ивановичем плодотворно могли бы сотрудничать и мастера, предпочитавшие другие игровые виды спорта. Знаю, что он отнекивался в ответ на предложение подготовить публикацию или засесть за кропотливый труд по написанию книги. Ну, значит, следовало убедить и уговорить, объяснив, что такое забвение впоследствии ничем и никем не компенсируется, увы...

В полной мере не компенсируется. Это констатация непреложного положения вещей, констатация закона природы о нашем временном пребывании на земле.

Однако попытаться хотя бы частично компенсировать упущение Аркадия Ивановича и журналистов тех лет возможно. И должно.

Собственно, потому и появилась эта книга...

Над очерком в журнал КХЛ «Горячий лед» я корпел долго. С естественным отрывом на текущие дела это заняло около трех месяцев. Каждой встрече с ветеранами предшествовали тщательная подготовка и планирование, включая консультации с ведущими историографами отечественного хоккея. Затем наступила сортировка богатого фактического материала. Набралось его значительно больше того, что могло разместиться на восьми полосах исторической рубрики (вторая по

площади тема в журнале). Как известно, при богатом урожае важно не допустить потерь при транспортировке и хранении. Я и старался не растерять обширный и весьма интересный материал, загодя понимая, что многое не удастся использовать в очерке. Тщательно подбирал фото, благо Борис Аркадьевич, старший сын, сохранил семейный фотоархив, а вдова знаменитого фотокорреспондента Игоря Уткина с душой отнеслась к моему запросу. Непосредственно написание заняло около месяца, опять-таки в свободные от рутины часы и дни. Писалось тяжело, поскольку от многого приходилось отказываться. Но писалось и легко, поскольку в меру своих способностей я рисовал штрихи к портрету совершенно незаурядной личности. Ответственность испытывал немереную. Молодые и бойкие перья спортивной прессы попросту не поверили бы в то, что была затрачена масса усилий для подготовки публикации о некогда именитом тренере.

Очерк был опубликован.

Автор получил отклики.

Автор остался в целом доволен исполненной работой.

Справедливость хотя бы в какой-то мере была восстановлена.

Я полюбопытствовал у знатоков: «Когда была последняя публикация об Аркадии Ивановиче Чернышеве?» Ответ поверг меня в замешательство: «Лет двадцать с лишним ничего серьезного нигде не появлялось».

Я был горд содеянным.

И одновременно был смят жутковатым фактом забвения Чернышева.

Впрочем, в стране подобное происходит и в иных сферах деятельности. В театре, в кино, в литературе, в науке и технике. И почему, скажите на милость, следует ожидать качественно другого восприятия истории и тех, кто ее творил, в спорте высших достижений?

Через два года обстоятельства сложились таким чудным образом, что позволили мне как главному редактору вернуться к чернышевской теме. После некоторых колебаний я определился с жанром развернутой беседы и с кандидатурой рассказчика. Борис Чернышев: кто же лучше и правдивее поведает об отце, чем его старший сын? Супруга Велта Мартыновна уже давно ушла, младший, Александр, — тоже.

Борис Аркадьевич откликнулся моментально. Устал надеяться на то, что когда-нибудь у журналистов проснется не только поверхностный интерес к личности отца. По моей настоятельной просьбе прихватил с собой семейный фотоальбом. Объем его был не таким уж малым, и это позволило хорошо оформить публикацию в глянцево-м журнале. При ближай-

шем рассмотрении обнаружилось буквально считаное количество снимков по-настоящему семейных. Искал моменты, запечатленные дома, в квартире на Войковской; за городом — на рыбалке или в походе за грибами; в Латвии, в гостях у родни Велты Мартыновны... И ничего не нашел, кроме нескольких «мелкашек» на берегу речушки. Искал, искал, уверенный, что найду обычный семейный портрет — советские семьи выбирались раз в несколько лет в фирменное фотоателье где-нибудь в центре города и снимались на века в полном составе. Но ни такого качественного контрастного снимка, ни любительского мутноватого коллективного портрета так мы с Борисом и не отыскивали. Мать с сыновьями у «Волги» по пути на Черное море и отец с сыновьями на пляже — вот два усеченных портрета семьи Аркадия Чернышева. Не поверил бы, кабы сам не удостоверился.

Борис Аркадьевич, понятно, этой недостатке не удивился: «Отец как-то не увлекался фотографированием. Да и дома нечасто бывал. В фотоателье выбраться всей семьей?.. Нет. Вот в театр хоть редко, но выбирались».

Интеллигентный в каждом слове и жесте, похожий на папу фигурой и лицом, он в какие-то моменты многочасового разговора создавал иллюзию, будто я общаюсь с Аркадием Ивановичем. Его задевала многолетняя несправедливость, однако Борис Аркадьевич не давал негативным эмоциям разгуляться.

Ближе к полуночи собрались расходиться. И выяснилась любопытная деталь.

Не один год Борис Аркадьевич собирал альбом — фотографии наших хоккейных знаменитостей с их настоящими автографами. Кого там только нет?! Около 250 личностей оставили свои росчерки. И знаете, кого там не оказалось? Не поверите — Аркадия Чернышева...

«Собирал, собирал, а отцовский автограф все откладывал со дня на день. Болел он. Долго и тяжело. После инсульта. Все ждал, когда полегчает ему...»

Чисто по-чернышевски получилось. Интеллигентно. Слишком интеллигентно, однако... Как обычно и поступал сам Аркадий Иванович.

Чисто по-тарасовски распространялись волны заслуженной славы Анатолия Владимировича после его ухода от нас. Эта звучная фамилия упоминалась едва ли не при каждой ретроспективе отечественного хоккея; его воспитанники охотно подчеркивали, кому обязаны своими титулами; приверженность тарасовской школе выражали и те, кто по-настоящему ее и не прошел... Порой вырисовывалась картина, посвященная нашей хоккейной истории, где в самом центре гарцевал

на белом коне в маршальском мундире Анатолий Тарасов, а по периферии широченного полотна виднелись фигурки не сразу узнаваемых коллег, оппонентов, союзников, конкурентов. Книга, которую неугомонный пропагандист хоккея написал в начале 90-х, уже в преклонном возрасте и с кучей тарасовскому коллеге и поклоннику, американцу итальянского происхождения Лу Вайро. И лишь спустя почти 20 лет объявилась в наших краях, во многом благодаря Федерации хоккея России во главе с воспитанником Анатолия Владимировича — Владиславом Александровичем Третьяком. Внук Тарасова обратился ко мне с просьбой помочь в подготовке книги в роли координатора и консультанта, на что я, естественно, охотно согласился. Встречался с Третьяком — уверен, что он изыскал бы возможности для издания либо переиздания бумажных трудов Чернышева. Оные, увы, отсутствуют как класс. В последние свои годы после перенесенного инсульта Аркадий Иванович совсем не появлялся на людях; врачи не рекомендовали делиться воспоминаниями и профессиональными секретами с журналистами, запоздало вспомнившими о кузнеце побед советской сборной. Инсульт сразил его из-за умственной неуклюжести и человеческой черствости крупного динамовского чиновника, далекого от спорта как от холодной луны, из-за уязвленного чувства собственного достоинства Чернышева, из-за вопиющей несправедливости по отношению к нему. Всю тренерскую карьеру спокойно мирился с окружавшей его, интеллигента, негромкой славой, явно не отражавшей его громких достижений перед родиной по его же собственной «вине», а на склоне лет внутренне взбунтовался, как всегда не подав виду при широком стечении публики.

И Чернышев, и Тарасов ушли в середине 90-х.

В начале нулевых в «генеральском» доме на Соколе с помпой открыли мемориальную доску, посвященную Анатолию Тарасову.

Аркадий Чернышев удостоился такой чести почти двадцатилетие спустя.

Пришли почти все, кто выступал под его началом в сборной, пришли динамовцы разных поколений. Виктор Тихонов стоял в первом ряду и рассыпался в благодарностях, Борис Майоров и Виталий Давыдов находили нужные слова, хорошо выступили Владимир Петров и Владислав Третьяк. Пришли динамовские поклонники возраста старше среднего. Церемония проходила на колющем мартовском ветру рядом с мостом Победы. Тем самым, который являлся в 41-м окраинной столицы и на который успели въехать несколько фашистов

на мотоциклах с колясками, передавшие по радию, что видят Кремль... Тем самым, который расположен над Рижской железной дорогой, ведущей в края, откуда родом Велта Мартыновна, супруга Аркадия Ивановича. Тем самым, в названии которого ключевое слово — «Победа». Тем самым, дальше которого вражеский сапог не ступил. А ведь впоследствии среди пленных немцев Аркадий Иванович разыскал-таки в 44-м одного, игравшего до войны в «канадский» хоккей, и первым в стране предугадал расцвет этой забавы на русской земле. Какой же, однако, коловорот совпадений и пересечений жизненных маршрутов Чернышева и его страны!

Судя по моим контактам в течение многих лет профессиональной деятельности, представления о масштабе фигуры Аркадия Чернышева можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа, самая многочисленная: люди, которые неровно дышат к спорту.

О Чернышеве что-то когда-то слышали, но большинство толком не в курсе, кем являлся.

Вторая группа — внушительная аудитория: поклонники хоккея и футбола, самых популярных в России видов спорта.

О Чернышеве что-то слышали: «Динамо» тренировал, но и не более того.

Третья группа, достаточно большая категория граждан, — поклонники хоккея и только хоккея. Мужчины среднего и особенно старшего возрастов осведомлены, кем являлся Аркадий Чернышев; молодые люди не знают.

Четвертая группа, приблизительно несколько десятков тысяч, — болельщики хоккейной команды московского «Динамо». Знают: отец-основатель прославленного клуба; заложил и развил традиции динамовского хоккея; рулил прославленной сборной СССР много-много лет; честь и совесть всероссийского спортивного общества «Динамо».

Пятая группа. Сто — двести, от силы триста человек — заядлые динамовские поклонники и хоккейные эстеты со стажем; игроки, выступавшие в годы тренерства Чернышева. Этим людям что-либо растолковывать излишне.

Шестая группа. Здравствующие ветераны, которых Чернышев тренировал в «Динамо» и в сборной: им и только им ведом масштаб этой личности.

Положа руку на сердце — негусто выходит.

Однако незнание нашей истории вовсе не освобождает нас от ответственности перед теми, кто торил нам тропу, и перед теми, кому мы прокладываем путь...

Вместе с инициаторами проекта и издателями будем надеяться, что эта книга вернет память россиянам об Аркадии

Ивановиче Чернышеве. Он того заслуживает. И россияне того заслуживают тоже.

Будем, пусть и с изрядной долей преувеличения, считать книгу, выходящую в брендовой серии «ЖЗЛ» — «Жизнь замечательных людей», — возвращением Аркадия Чернышева на авансцену.

Впрочем, и на авансцене он будет держаться особняком. Не станет выпячиваться; напротив, по возможности постарается уходить от направленных на него софитов. Как и подobaет выдающемуся российскому тренеру — истинно русскому интеллигенту.

В моих обсуждениях с людьми, которые сами считают себя компетентными в нашем хоккее и в его истории, возникал следующий пассаж: да-да, знаем, кем был Тарасов, и кем был Чернышев, тоже, между прочим, прекрасно осведомлены. Но поймите — надо ведь учитывать, что в советской сборной всё решал Тарасов, за ним, как говорится, было первое и последнее слово; что ж удивляться тому, что его вспоминаем намного чаще...

Тогда я сообщал им о том, что вообще-то все годы работы этого золотоносного тандема старшим тренером сборной страны являлся Аркадий Чернышев, а тренером сборной, то бишь его помощником, — Анатолий Тарасов. Реакция варьировалась в диапазоне от упертого отрицания в стиле Фомы неверующего до искреннего изумления. Не эффекта ради, а лишь придерживаясь линии «правдоруба», я добавлял: именно Чернышев командовал сборной во время абсолютно всех ледовых сражений, выигранных страной начиная с 54-го и завершая 72-м, и именно он, а не Тарасов, нес полную ответственность за спортивный итог выступлений советской хоккейной дружины. Одних это не спасало от неверия в историческое «открытие», других сражало наповал, словно они обрели новую хоккейную веру.

Это, признаюсь, действовало на меня обескураживающим образом. Ну ладно, откровенные дилетанты ничегошеньки не знают о золотых 60-х — начале 70-х, но как средний-то класс хоккейных поклонников умудряется оказываться профанами?!

Объяснение всё то же — долгоиграющий эффект оглушительной тарасовской пиар-кампании и чернышевской скромности, естественной для него и противоестественной в спорте. Эффект, который только усиливается с каждым годом, минувшим после их ухода от нас.

С годами слава Анатолия Тарасова ничуть не меркнет, и кажется, что, затмевая остальных, становится больше, — память об Аркадии Чернышеве бережно хранится в сердцах ограниченного круга людей, а в народе о нем забывают повсеместно.

Какие бы ни возникали дискуссии по поводу Аркадия Чернышева и роли этой личности в нашей истории, рано либо поздно наступал момент, когда мне крыть было нечем. Здравый, не испорченный стереотипами оппонент, вынужденный по ходу беседы признать мою большую осведомленность по данной теме и весомость моих аргументов, заявлял: «Чернышев не добивался высших достижений на всесоюзной арене. Да, его “Динамо” становилось чемпионом в 1947 и 1954 годах, однако потом-то долго, очень долго обходилось без золота. Подумать только — вплоть до 1974 года, целых двадцать лет Чернышев не мог одолеть эту вершину! А вы поете ему оды, со своими доводами норовите возвести его на пьедестал...»

Ну и что мне было делать с таким колющим (но, в отличие от хоккейных правил, разрешенным) ударом в самое болезненное и в самое уязвимое место? Нет, я держал круговую оборону, пробуя даже контрвыпады. Заявлял о факте общеизвестном и общепризнанном: ЦСКА Анатолия Тарасова являлся базовым клубом сборной Советского Союза и потому имел колоссальные возможности при комплектовании состава, при приглашении молодых и достаточно зрелых игроков; в этом важнейшем аспекте жизнедеятельности спортивного клуба московские армейцы имели преимущества и перед «Динамо», и тем более перед профсоюзными «Спартаком» и «Крыльями Советов», а уж про команды из регионов и говорить нечего. Оппонент соглашался с бесспорными фактами. Увы, он держал туз в рукаве: «Но почему-то “Спартак» и “Крылья Советов” все эти барьеры не помешали становиться чемпионами страны в те самые чернышевские двадцать лет! Причем спартаковцы поднимались на верхнюю ступень пьедестала аж четыре раза!» (При старшем тренере «Динамо» Чернышеве такое произошло трижды.)

Я вынужден был признавать победу оппонента — локальную, впрочем. Ибо величие фигуры Чернышева в нашей истории определяется его деяниями прежде всего в национальной сборной. Но и по работе с московским «Динамо» не всё так однозначно, как представлялось оппоненту.

Между прочим, великому и непревзойденному — не победимому никогда и никем, как многим кажется, — Анатолию Тарасову не удавалась роль старшего тренера сборной СССР. Напрочь не удавалась: три года подряд не оправдывал высокого доверия партии и правительства, не добавляя родине золотого запаса хоккейной пробы; с двух мировых чемпионатов и Олимпийских игр возвращался с медалями, которые уже спустя несколько лет после фантастического чернышевского дебюта на международной арене было не принято вешать себе

на грудь, указывая на собственную доблесть. Но об этом вспоминают лишь редкие знатоки-одиночки.

Между прочим, казалось бы непобедимому Тарасову доводилось испытать и горечь разочарования на всесоюзной арене. В 1951, 1952 и 1953 годах сильнейшей в стране становилась команда ВВС, «Ватага Василия Сталина», как ее называли. В 54-м, после ее расформирования, сильнейшие ее мастера во главе с Всеволодом Бобровым предсказуемо очутились в рядах ЦСК МО (так тогда назывался центральный армейский клуб) и сенсационно уступили чемпионство команде Чернышева. Четыре года кряду московские армейцы не поднимались на верхнюю ступень пьедестала. В 57-м Тарасов уступил «вечному ассистенту» в сборной Егорову из «Крыльев Советов». В 62-м то же самое совершил, сенсационно пропустив на самый верх московский «Спартак» с «пианистом» Новокрещеновым (тот хорошо играл на фортепиано). В 67-м закономерно проиграл золотую гонку «Спартаку» Боброва. В 69-м уже мало кого удивило третье чемпионство «Спартака» Карпова. Более четверти века Тарасов руководил прославленным армейским клубом: 17 раз завоевывал золотые медали и 10 раз это ему не удавалось; в среднем на три чемпионства приходилось две неудачи (относительные, разумеется, ведь команда — за исключением сезона 1950/51 года — неизменно попадала в призеры). Разве всего этого мало, для того чтобы не считать выдающегося специалиста и подвижника Анатолия Владимировича Тарасова непобедимым? Значит, недостаточно... Значит, преобладание побед в горючей смеси с имиджем Тарасова, о коем сам он заботился неустанно и плодотворно, перевешивало непреложные факты, накрывая их густой пеленой тумана, не рассасывавшейся десятилетиями.

А картина восприятия полюса, где пребывает динамовский наставник Чернышев, совсем иная и по спортивным итогам, и по тем условиям, которые у него были в клубе почти 30 лет.

Золотые дебюты сборной Советского Союза на чемпионате мира 1954 года и на Олимпийских играх 1956 года ни в коем случае не замалчиваются, однако напрямую как-то не очень связываются с его именем и фамилией. Нет-нет, называют Аркадия Чернышева как наставника сборной тех славных годин, но именно что называют, упоминают, констатируют факт, при этом обходясь без славословия в его адрес. На добрые слова не скупятся, однако обходятся без восторга и пафоса, вполне заслуженных для тех сенсационных событий и свершений. Неужели в том, наряду с несомненными заслугами, имеется и вина... самого Чернышева? Нисколько не использовал те деяния для собственной пиар-кампании, будто нарочно — во вред самому себе — умалчивая о них впоследствии...

Против фактов в спорте не попрешь. Правда, ничто не мешает их анализировать.

Чернышевское «Динамо» становилось лучшим в 1946 и 1954 годах. Негусто, однако. Чего уж там судить да рядить.

Чернышевское «Динамо» вообще не становилось лучшим клубом в течение девяти лет золотой поры Чернышева в сборной с 1963 по 1972 год. Тут уже судить и рядить хочется.

Это многолетнее пребывание бело-голубых под водительством Аркадия Ивановича наверху, вблизи вершины, но без ее покорения требует отдельного разбирательства. Целую главу посвятим этому. Но к чему бы оно ни привело, отнести динамовскую роль «вечно второго» в актив выдающегося наставника нам не позволит жесткое устройство большого спорта. Даже с учетом того важнейшего обстоятельства, что московское «Динамо» никогда не являлось базовым клубом сборной.

Приступая к работе над этой книгой, я был преисполнен ощущениями важности и почетности возложенной на меня миссии. Воссоздать судьбу выдающегося русского тренера по канадскому хоккею Аркадия Чернышева, чья жизнь и дело жизни переплелись так естественно и так туго, что не разделить их никак. Воздать должное заслугам наставника национальной сборной, достижения которого никто в мире не превзошел, да и не превзойдет уже никогда. Проанализировать его заслуги и его достижения, тщательно восстанавливая подробности давнишних незабываемых и знаменательных событий, по крупицам собирая то, что происходило за кулисами Олимпийских игр и мировых чемпионатов, придерживаясь элементарной логики и памятуя о законах большого спорта, о законах хоккея на высшем уровне исполнительского мастерства.

Ни единого факта и ни единой подробности в книге не придумано автором.

Всё изложенное добыто из первых рук — от непосредственных творцов громких побед и участников редких турниров под руководством Аркадия Чернышева, когда страна довольствовалась серебряными и бронзовыми медалями.

Верю, что этой книгой воздастся должное Аркадию Чернышеву. Уверен, что при этом имидж Анатолия Тарасова никоим образом не пострадает. Да и невозможно подобное, ибо мировая слава хоккейного мэтра в течение уже полувека абсолютно заслуженна и общепризнана.

Никакие достижения и никакие заслуги старшего тренера сборной Чернышева, отчасти как бы заново открытые на этих страницах, не имеют касательства к недооценке деяний тренера Тарасова в годы их совместной работы. Оба являются такими тренерскими глыбами, которых ни сдвинуть с места и

ни прикрыть от сияния заслуженной славы не представляется возможным. Загодя это оговариваю, поскольку всё же может у кого-то создаться превратное впечатление: дескать, Чернышев водружается на постамент... в ущерб постаменту Тарасова. Читатель, полагаю, осознает всю несуразность подобного предположения.

И еще — «на берегу» — объясню столь активное присутствие Анатолия Тарасова в книге об Аркадии Чернышеве.

За Чернышевым значатся сказочно успешные дебюты на чемпионате мира и на Олимпийских играх. И этому будут посвящены целые главы, как, впрочем, и турнирам, где наша сборная с ним во главе не финишировала первой. Однако десятилетие непобедимости тренерского тандема сборной СССР Чернышев — Тарасов представляет собой уникальное явление в истории мирового спорта, которое стоит изучать, и изучать без усталости. Вот почему автор уделил тому периоду повышенное внимание. И это невозможно было сделать без попыток разгадать сложнейший ими созданный хоккейный механизм, действовавший на полную мощь и безотказно по их воле и согласно их совместному разуму.

Вообще удивительно, почему восприятие великого непобедимого тренерского тандема хоккейной сборной СССР 60—70-х годов XX века так деформировалось в процессе перехода от очевидной актуальности периода своего бытования к исторической статичности настоящего времени. В одном случае их сводят к уровню вокального дуэта, где оба руководят сборной хором, то есть дублируя действия друг друга («работали, не разделяя, кто главный»). В другом — пытаются описать их роль в руководстве сборной, добавляя клубную, общественную и иную деятельность («хитрый Чернышев выезжал за счет работы Тарасова»).

Извините, господа, в рамках работы в сборной СССР Тарасов не проводил мастер-классов для ребят из «Золотой шайбы» и не писал книгу «Совершеннолетие», а Чернышев не вылавливал в Кирово-Чепецке юного суперфорварда Сашу Мальцева и в Горьком — юного суперзащитника Валеру Васильева. Существовала четкая ограниченная задача, для решения которой партия мобилизовала двух специалистов высочайшего класса. Без четкого разделения функций и зон ответственности не было бы никакого победного союза.

Книжный простор позволяет неспешно и вьедливо рассмотреть перипетии достойнейшей жизни и оценить подробности блистательной и неординарной тренерской судьбы Чернышева. Позволяет воздать ему должное, коли сам он не занимался этим напрочь.

При жизни Аркадий Иванович наверняка возражал бы против выпуска данной книги в свет.

А в серии «ЖЗЛ» — тем более...

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Хоккей прижился на российской ниве.

Прижился сразу и бесповоротно.

И так это стремительно происходило, так бурно пошла в рост всходы канадских семян, что наша история кажется длинной-предлинной, уходящей вглубь временных пластов, а еще кажется, что эта зимняя игра — нашенская, истинно русская забава, вовсе никакая не заморская... Станным даже кажется, что не мы ее изобрели. Глагол «кажется» выводит нас на развилку двух дорог: иногда наше робкое предположение близко к правде, а иногда — ничего общего с ней не имеет. Применительно к нашей якобы продолжительной хоккейной летописи сей глагол — не что иное, как плод нашей фантазии. Совсем не длинная история, с окончания войны берущая свое начало. А вот что нашенская эта игра — сущая правда.

Поколение Чернышева ничегошеньки не знало про то, что сводило с ума уже десятилетиями северные края Америки. Не знало, что в Канаде десятки тысяч играющих и сотни тысяч наблюдающих за ними с неопишущим восторгом. Наши «русачи» (то есть игроки в «русский» хоккей с мячом) и ведать не ведали про то, что по льду можно гонять не твердый плетеный мячик, а не менее твердый каучуковый диск; гонять не по просторному футбольному полю, залитому в морозец водой, а по близкой к овалу площадке куда меньших размеров. И потому начинали они с чистого листа. С абсолютно чистого листа, и рядом с ними никаких шпаргалок и путеводителей не лежало.

Аркадий Чернышев повел за собой этих молодых людей, которых так или иначе коснулась война. Они стали пионерами канадского хоккея, а он — их вождатым. Только никаких инструкций по существу предмета у него лод руками не было, кроме тех циркуляров, где писалось о необходимости внедрять и развивать по всей огромной стране новый вид хоккея, входящий в программу Олимпийских игр. Естественно, в регионах с достаточно продолжительной зимой: средняя полоса России, Поволжье, Урал и Сибирь, Прибалтика. Война закончилась в мае 45-го, а уже в начале декабря следующего года стартовало первое всесоюзное первенство по хоккею с шайбой.

Всё наше хоккейное летоисчисление отталкивается от декабря 46-го. И это формально абсолютно правильно. Старейшие

хоккейные клубы — ЦСКА, «Динамо» и «Спартак» — отмечают свои юбилей в декабре, в 2016 году семидесятилетний рубеж перейдут. Однако тщательное изучение жизненного пути Аркадия Чернышева позволило сделать небольшое открытие — всё началось по-настоящему в 44-м... И начал всё именно Чернышев.

Попробуйте представить себе положение, в котором оказался сугубо по собственноручной воле «русач» и футболист, динамовец Аркадий Чернышев, когда по совершенно загадочным причинам стал проявлять здоровый интерес к неизвестному виду спорта. Не возникнет ли у вас в голове образ бескрайней сибирской тайги, где волею судеб очутился одинокий путник?..

Владимир Писаревский, популярный теле- и радиокорреспондент:

Был я таким типичным разгильдяем, учился плохо, и меня тянуло на улицу. Мы со сверстниками пропадали на стадионе «Динамо» с утра до вечера. Пропускали занятия в школе и гоняли в хоккей с мячом зимой и в футбол летом. Такие шкеты... Словечко это было тогда в ходу. А в то время, это был уже 44-й год, в нашем районе работали пленные немцы. Их было очень много. Они реставрировали футбольный стадион, большую динамовскую арену; спортплощадки восстанавливали разные. Завидев нас, просили хлеб. Вечно голодными были. Ну а мы просили у матерей буханки, чтобы поскорее отнести им. Целую буханку, конечно, никто не давал, но куски отрезали немаленькие. Спешили к пленным, которые всегда очень благодарили нас. А среди них попадались такие рукастые люди, умельцы всякие, которые изготавливали какие-то перстни, украшения разные непонятно из чего; все это казалось нам очень красивым и очень ценным. Дарили нам кое-что. И вот незаметно у нас с этими немцами установилась какая-то странная связь, каждый день пересекались со взрослыми дядями, уже немножко лопотавшими по-русски.

В один действительно прекрасный день мы, как обычно, катались на большом поле Малой арены динамовского стадиона, где обычно проходили календарные матчи по русскому хоккею. И вдруг видим странную картину: человек с какой-то непонятной клюшкой, похожей на кочергу, что ли, гоняет по льду какой-то предмет вроде консервной банки. Не звенела: значит, не металлическая, резиновая штука какая-то. Ну и мы, ватага шкетов, посмеялись над ним. Играть сами бросили и стоим, наблюдаем за этим чудакотым высоким и взрослым мужиком и хохочем.

Он заметил нас и подъехал поближе: так, мол, и так, зря смеетесь — скоро эта игра будет самой популярной у нас в стране, вы еще гордиться будете, что первыми среди мальчишек видели новую клюшку и шайбу. Ну, мы в ответ снова посмеялись, но уже

более спокойно и без язвительности. Дядька похлопал каждого по плечу и говорит: «Вот подрастете немножко — приходите сюда, на «Динамо», будете тренироваться по-настоящему». Кто-то самый смелый спросил: «Как это хоть называется?» И мы впервые услышали: «Хоккей с шайбой. Канадцы придумали. У них там все играют». Тот же смельчак переспросил: «Кто-кто?» И получил разъяснение: «Страна такая есть — Канада. Учитесь вы, смотрю я, небось через нень-колоду. А надо, ребятки, всё успевать — и учиться, и спортом заниматься».

Мы уже было собрались расходиться, да тут возник неожиданный поворот: «Ребятки, я вижу, вы тут с пленными общаетесь. Так хорошо бы поспрошать — нет ли среди них кого-нибудь, кто играл в эту игру в Германии. До войны этой проклятой. Узнайте, пожалуйста. Ну что, поможете мне?» Мы хором пообещали. И принялись за поиски.

Расспрашивали немцев, расспрашивали, с трудом объясняя, что нам вообще-то нужно. И через несколько дней случайно нашли какого-то пленного, мимо которого сто раз проходили. Пожилой немец показал рукой в его сторону: «Кажется, это тот, кто вам нужен, он поможет вам». Как выяснилось, тот самый немец играл в молодости в хоккей с шайбой, причем в 1932 году в составе профсоюзного спортклуба приезжал в Советский Союз и играл на базе Московского института физкультуры... с нашей командой! (В той команде, как я потом узнал, были из будущих настоящих хоккеистов Якушин, Веневцев, Гранаткин, Коротков. — Л. Р.) Невероятный факт! То был первый матч в нашей истории по канадскому хоккею. Факт и в прежние-то времена мало кому известный, а ныне и вовсе забытый.

Человек, который «кочергой» гонял шайбу по динамовскому льду, был не кто иной, как Аркадий Иванович Чернышев.

Праворукий был. Так непонятно обращался с этой клюшкой, что мы продолжали уже втихаря посмеиваться над ним.

А когда нашли того пленного немца, сразу привели на каток и подозвали Чернышева. Аркадий Иванович очень был нам благодарен. Немца окружил вниманием, как понимаю, поставил на довольствие хорошее, а тот рассказывал ему об этой игре, раскрывал детали различные, объяснял, как в Европе играли до войны...

Живое повествование заслуженного хоккейного комментатора Владимира Львовича Писаревского, словно кадры чудом сохранившейся документальной хроники, дает представление о самых первых шагах хоккея в стране и о том человеке, который первым — подчеркиваю, первым — те шаги совершал. Зима 44-го. Пленные солдаты вермахта. Московские пацанята, подкармливающие их хлебушком, принесенным из дома.

И — одинокий мужчина на динамовском льду с «кочергой» в руках. И — его поиск среди пленных компетентного в канадском хоккее немца. И встреча с таковым. Моего воображения не хватает на то, чтобы поверить в происходившее тогда в Петровском парке. Однако ж и не поверить уважаемому Владимиру Львовичу, вовлеченному в хоккейные поиски Аркадия Ивановича, тоже невозможно...

До войны Чернышев являлся известным в стране футболистом, выступал в столичном «Динамо»; был игроком основного состава «Динамо» и в хоккее с мячом. Так отчего вдруг стал проявлять жгучий интерес к никому не известной игре? Что подтолкнуло лично и в одиночку пробовать, искать, нащупывать манеры поведения в хоккейном обществе, закрытом до поры для советских граждан на глухие засовы? Что способствовало поразительному чернышевскому пророчеству: «Скоро эта игра будет самой популярной у нас в стране?»

Вопросов здесь, у летописной отметки «44-й год», куда больше, чем ответов.

Собственно, ответов и нет, только предположения. Есть удивительная в своем многообразии и поразительная по своему масштабу личность Аркадия Чернышева. Личность человека, который все последующие годы будет развиваться и сверкать яркими гранями и неповторимыми красками в повседневной и спортивной жизни...

Вообще вся наша хоккейная история с момента ее зарождения и в течение трех последующих десятилетий туго сплетена с личностью и судьбой Чернышева.

Анатолий Кострюков, заслуженный тренер СССР, защитник команды «Крылья Советов» в 1947–1957 годах:

Хоккей с шайбой быстро у нас привился. Его как-то сразу полюбили в нашей стране. И мы, «русачи», дружно ринулись в новое дело, и болельщики повалили на трибуны в разных городах. На каждом матче на «Динамо» Восточная трибуна регулярно, при любом морозе, заполнялась до отказа. Почему так вышло? Почему такая повальная любовь возникла к игре, придуманной канадцами? У нее русский характер: боевой, силовой, скоростной, решительный, коллективный... Да всего и не перечислишь. Я бы подчеркнул виртуозность катания, которая здесь просто необходима. Где-то близкая к фигурному катанию. В бэнди преобладали длинные прямолинейные движения и большие дуги. Лезвие здесь прямое было, оно позволяло скользить на коньках так, как и требовалось на большом ледовом пространстве футбольного поля. А на канадской коробке только успевай вертеться и управлять клюшкой: короткие рывки, смена ритма и направления,

столкновения, борьба. И коньки понадобились другие, с дугообразными лезвиями. В первые годы у нас не было специального снаряжения, играли в том же, что в русском хоккее. А потом Всесоюзный спорткомитет закупил за рубежом коньки, защитный инвентарь — наплечники, перчатки, щитки и прочую «защитку».

Чернышев сразу выдвинулся в передовые тренеры. Пользовался всеобщим уважением. Игроки «Крыльев Советов» о нем отзывались только в положительных тонах. Мы знали, что Аркадий Иванович до войны выступал на высоком уровне в футболе и хоккее с мячом; знали, что досконально разбирается в новом виде спорта; знали от знакомых ребят из «Динамо», что вежлив, спокоен и приветлив в отношениях с игроками; сами видели, когда играли против динамовцев, как он здорово ведет игру и управляет своей командой. Когда узнали, что Чернышева назначили тренером сборной, все восприняли это как должное. Кажется, это назначение случилось во время второго сезона.

Летопись отечественного хоккея зафиксировала не так уж много событий поворотного характера, которые без каких-либо оговорок и разъяснений можно отнести к категории эпихальных.

Встречи с чехословацкими мастерами из клуба ЛТЦ в 1948 году, безусловно, из таковых. Это событие — первое в не очень длинном ряду по хронологии и далеко не последнее по значимости. Более того, считаю его вообще первостатейным из всех, что оказали влияние на развитие отечественной школы. С эволюционной точки зрения та серия матчей с ЛТЦ вообще стоит вне каких-либо сопоставлений.

Чернышев к тому времени имел уже статус, каким никто более не обладал: первый чемпион СССР как игрок и старший тренер клуба.

Анатолий Кострюков:

В 48-м в Советский Союз приехала популярная чехословацкая команда ЛТЦ. В ее составе находились чемпионы мира 1947 года во главе с Владимиром Забродским. Хоккеисты ЛТЦ составляли костяк сборной, что сенсационно отобрало очко у канадцев на первенстве мира. Это вообще были для нас первые встречи с зарубежным соперником, тем более с таким сильным. Интерес к тем играм был колоссальный.

Я был в составе сборной, которую тренировали Аркадий Чернышев с нашим крыльевским Владимиром Егоровым. Вничью, кажется, мы сыграли тогда — 2:2... Счет в двух других встречах не припомню. Помню, как умело держался Чернышев на лавке, как всё подмечал в игре ЛТЦ и как подсказывал нам в нужные момен-

ты. Уже тогда Чернышев славился тем, что не суетился и не пашиковал даже в те моменты матча, когда его команда уступала в счете. Не давил психологически на игроков. Если уж в кои веки немного повышал голос, то больше повторять ему не доводилось — игрок или звено всё быстренько исправляли в своих действиях. Это ведь намного лучше противоположной линии тренерского поведения, когда замечания и советы на повышенных тонах сыплются на голову хоккеистов сплошным потоком, нервируя спортсменов. И потом еще что получается — слыша постоянные замечания в свой адрес, игрок привыкает к ним и перестает их адекватно воспринимать, перестает к ним прислушиваться...

Владимир Писаревский:

То было событием, о котором судачили наперебой болельщики: «Чехи приезжают!»; «С чемпионами мира наши сразятся!»; «Первые международные матчи!»; «Как бы билетик раздобыть?»; «Не осрамятся ли наши?»

Побавиваясь возможных неудач, спортивные и партийные чиновники решили перестраховаться и провели поначалу два матча при закрытых дверях. Разнесут наших в щепки — не дадим информацию в газетах; окажут они достойное сопротивление знаменитой команде — тоже огласке предавать не стоит, зато хоть как-нибудь можно будет подготовиться к играм при заполненном стадионе «Динамо». Оснований для оптимистического прогноза не было ровным счетом никаких, да и как можно было что-нибудь предполагать, если прежде не встречались с европейскими командами.

Помню, первые два матча проходили без зрителей. Никаких афиш, никакой информации, вообще никакой огласки. Но в тайне такое не сохранишь, и молва народная разнесла информацию о том, что и когда будет происходить на «Динамо» при надежно закрытых дверях. Мы-то, шкеты, были пронырливыми ребятами, знали все входы и выходы на «Динамо» и пробирались-продирались на трибуны; где-то и под воротами пролезали, чтобы поглядеть на тех самых хваленых и незнакомых чехов и на то, как наши любимцы тягаться с ними будут.

Мне сразу бросилось в глаза то, что наши лучше катались. Были быстрее и маневреннее. А те были лучше оснащены техниче-ски: обыгрывали на месте, пространства им для обводки не требовалось, легко могли поднять шайбу высоко, а у нас с этим элементом — с подкидкой шайбы — еще беда была. Зато у нас красивые комбинации зарождались, предпринимались попытки поставить соперника в тупик за счет быстрых и хитроумных пасов.

Мне запомнился в «Динамо» Валентин Кузин — настоящий мужик, по-спортивному злой, активно играл, мощно. Александр

Уваров техничным таким игроком был и притом поляну видел отлично. Ну а Бобров! За ЦДКА играл. Всеволод Михайлович кого угодно обводил и кому угодно забивал. Ему все тогда подражали, все мальчишки во дворах играли «в Боброва»...

А на тех закрытых матчах с ЛТЦ контролеры стояли и никого не пускали на трибуны. Боялись руководители, что наши проиграют с треском, а им потом расхлебывать... Афиши-то вывесили заранее, билеты вмиг расхватали. На те матчи мы тем более прорвались и чувствовали себя королями, ведь мало кому из болельщиков, заплативших за билет, удалось за пару дней до того живьем увидеть чехов на льду.

Игры при зрителях стали народным праздником, зрелищем, некоторые моменты которого были абсолютно внове. Вроде как заграничный цирк к нам прибыл. Чехи своеобразно делали виражи — переставляли ноги. Коротковатые коньки помогали, по-видимому. «Космос», кажется, назывались. Странные такие шаги делали на виражах. Зато у нас было красивое размашистое катание, присущее русскому хоккею. А они играли очень рационально: всё было четко расписано, всё было по плану. Еще что бросалось в глаза — здорово клюшкой владели. Это было хорошо видно с самой верхотуры, где наша группа разместилась. Мы там на всех матчах пристроились и всё прекрасно видели и подмечали. Хоккейная коробка располагалась близко к Восточной трибуне, да и ряды шли достаточно круто, поэтому обзор был удобный.

Арбитры были наши. Толчок на борт судился — моментально выгоняли на скамейку штрафников. Столкновения, единоборства в центре площадки случались, но редко. Наши практически не применяли силовые приемы, даже техники их исполнения не знали. А откуда им знать-то это было? Негде было увидеть настоящую силовую борьбу по всем правилам. В играх всесоюзного первенства хоккеисты почти не толкались... Чехи превосходили наших в этом компоненте, но показалось, что не особо и они увлекаются силовой борьбой.

Морозы тогда были градусов двадцать пять. Ходили по рядам бабушки в валенках и белых передниках и продавали бутерброды с красной икрой, водку. Народ на трибунах был послевоенный, веселый был народ. В кепках в основном, несмотря на мороз. Много военных приходило на хоккей. Тысяч двадцать пять, а то и тридцать собиралось. Точнее сказать не возьмусь, никто ж не сидел на определенных местах, все стояли, а о количестве проданных билетов не сообщалось. Такие длинные изогнутые людские ряды опоясывали всю Восточную трибуну. Все стояли и разогревались как могли, кое-кто и чекушку с собой проносил. И никаких споров и распрей в помине не было среди болельщиков. Очень всё как-то празднично проходило. Такая приятная друже-

любная атмосфера царил не только на матчах с ЛТЦ. Так было и на календарных играх. Пустых мест зимой на «Динамо» что-то и не припомню.

Что же представлял собой состав клуба ЛТЦ (*Lawn Tennis Club*; хоккейная команда в свое время была создана на основе теннисной секции) из Праги? Несколько звезд во главе с Владимиром Забродским, еще несколько сильных мастеров — все они составляли основу сборной Чехословакии. Это был редчайший случай, когда Канада уступила европейцам место на троне. Приглашение друзей по социалистическому лагерю стало исключительно важным событием для советского хоккея. При международной изоляции, царившей в эпоху «железного занавеса», лучшей стажировки придумать было невозможно. В государствах Восточной Европы хоккей был относительно распространен, однако лишь Чехословакия была конкурентоспособной на мировой арене.

Боязнь осрамиться во встречах с нынешними друзьями по социалистическому лагерю, приехавшими в ранге чемпионов мира, была настолько велика, что спортивные начальники решили выставить на два «закрытых» матча далеко не сильнейший состав... Однако вопреки ожиданиям результаты трех матчей при зрителях оказались вполне пристойными: победа — поражение — ничья. Конечно, надо понимать, что это были чисто товарищеские встречи, чехословацкие чемпионы не выкладывались на все 100 процентов. Формальные итоги начальство признало вполне удовлетворительными. Зато для специалистов и самих наших первопроходцев та серия встреч с действующими чемпионами мира распахнула двери в иной мир, где хоккей культивируют давно и активно, где на льду действуют рационально и с учетом всяческих мелочей, строго по тактическому плану.

Аркадий Чернышев уже второй сезон трудился играющим тренером. Наверное, символично, что именно он забросил первую шайбу первого чемпионата Союза, став в составе московского «Динамо» первым чемпионом страны по хоккею с шайбой и тем отметив свою уникальную спортивную биографию. Чернышев становился чемпионом СССР в футболе, в русском и канадском хоккее — подобного не достигал даже легендарный Бобров (до войны в хоккее с мячом разыгрывался не чемпионат страны, а кубок, однако существа изложенного это не меняет). Затем Аркадий Иванович целиком переключился на тренерскую деятельность, окунувшись в пучину полной неизвестности. Приезд чехословацкой команды ЛТЦ в Москву как раз и приоткрыл для Чернышева со товарищи занавес в хоккейный мир по ту сторону советской границы.

Много самой разной пищи для размышлений подкинул Чернышеву те игры. Стали очевидны как наши несомненные преимущества, так и явные недостатки. Преимущества мы унаследовали из русского хоккея: размашистое катание, скоростной маневр, комбинационное мышление, коллективное начало. Недостатки проистекали отсюда же: отсутствие контактной силовой борьбы, в бенди запрещенной; совсем другая работа с клюшкой. Огромное пространство величиной с футбольное поле предполагало широкое, без экономии, его использование и определяло меньшую плотность игры, меньшее количество технико-тактических действий в единицу времени и меньшее количество игроков, задействованных в маневре.

Важно было наметить векторы развития, предугадав, что сохранять из наследства, что развивать и приумножать, что частично переделывать, а что и добавлять.

Всеми этими вопросами и занялся Чернышев.

Он анализировал и искал, пробовал, находил и ошибался.

Ему оставалось еще шесть лет до международного дебюта национальной сборной на мировом первенстве в 54-м в Стокгольме...

И все-таки удивителен этот поворот от хоккея русского к хоккею канадскому, случившийся после войны. Популярность исконно нашей игры была очень высокой, распространение — очень широким. Там, где зима позволяла заливать лед, гоняли плетеный мячик. Всё необходимое было недорогим и доступным. Коньки да клюшка. Площадку искать не требовалось — футбольные поля кругом были. Популярность и доступность хоккея с мячом были таковы, что им занимались даже женщины! На их матчах кипели нешуточные страсти, а самыми горячими болельщиками были... мужчины.

Как, почему Чернышев еще в 44-м увлекся каким-то загадочным и непонятным видом спорта? Играл же в футбол качественно, две золотые медали чемпиона Союза имел! Играл же в русский хоккей по мастерам! Являлся четырехкратным обладателем Кубка СССР. Что же стал искать от добра добро? Продолжал бы спокойно после войны работать тренером по футболу или по русскому хоккею, используя имя и завоеванный в мире спорта авторитет. Логично же было так поступить! И вовсе не логично — кидаться во что-то вообще неизвестное. Рисковал же своей будущей тренерской карьерой: а если не приживется канадский хоккей в нашей стране? А если не получится из него квалифицированный тренер в новой игре?.. Риск, как известно, дело благородное, да только охотно ссылаются на эту эффектную формулировку лишь в тех случаях, когда он оказывается оправданным...

Еще возникает резонный вопрос: а как 31-летний динамовец Чернышев вообще прознал что-либо про зимнюю игру, широко распространенную на противоположном — во всех возможных смыслах — конце света? Какие-то сведения ведь имел до встречи с тем самым пленным немецким солдатом. Увы, на данный вопрос, как и на поставленные чуть выше, мы уже вряд ли когда-нибудь получим ответы... Поэтому посмею строить предположения, исходя из личного представления об особенностях этой колоритной и масштабной личности.

Канадский хоккей как бы спрессовывал пространство и время, того и другого было у русского «родственника» в избытке. На ледяном футбольном поле запрещались любые единоборства силового свойства. Такой термин, как «силовой прием», вообще у нас отсутствовал. Время отсчитывалось «грязное». В действе участвовали по 11 человек, как в футболе, однако в захватки стремительных атакующих комбинациях были задействованы максимум три, от силы четыре хоккеиста. Virtuозные слаломные проходы мастеров, когда не у дел оставалось порой по полкоманды соперника, смотрелись изумительно, но при этом участь партнеров почти сводилась к роли восторженных и напрямую заинтересованных очевидцев. Видимо, интуитивно Чернышев предугадал в новой игре наличие более широкого спектра событий, комбинаций, возможностей для постоянного проявления смекалки и отваги, ловкости и атлетизма... Видимо, ему показалось это более интересным и заманчивым. С позиции истекших десятилетий мы понимаем, что всё сделал Аркадий Иванович верно. Популярность хоккея с шайбой в России несопоставимо выше популярности его русского собрата.

И снова задаю вопрос: рисковал ли Чернышев, берясь за совершенно неизвестное дело? А как же — разумеется, рисковал. Временем. Силами. Годами жизни. Однако же без тени сомнений ринулся в бурный поток нового хоккея.

Значит, поверил в зов души. Значит, оказался способен на неординарные решения и связанные с их воплощением поступки. Честь ему и хвала!

По-видимому, многое, если даже не всё, прояснилось, когда мне довелось услышать воспоминание Владимира Писарева:

Мы пропадали в Петровском парке, познакомились с Чернышевым, стали проявлять здоровое любопытство к этому необычному мужчине: то пленными немцами заинтересуется, то пообещает, что эту непонятную игру народ полюбит, то посоветует уроки в школе не прогуливать... И вот как-то под вечер видим

его, катающегося со своей «кочергой» и странными движениями ведущего маленький каучуковый диск. Заприметил нас, подвез нас и в добродушном тоне справился о том, как поживаем, как учимся, не голодаем ли. Напомнил про свое обещание, данное в те дни, когда мы искали для него пленного немца, разбиравшегося в канадском хоккее: *«учитесь и тренируйтесь, скоро в секцию нового хоккея позовем вас... И тут кто-то из нас возьми да и спроси его: «Дяденька, а что надо-то уметь, чтобы хорошо играть в эту игру?» Ответ Аркадия Ивановича я запомнил на всю жизнь:*

«Надо иметь зрение орла, хитрость лисы и силу льва!»

И сразу добавил: «А еще, мальчишки, надо иметь ловкие руки, они должны быть как у карточного шулера. Точнее, не шулера, а карточного фокусника. Шулер — обманщик, воришка, а фокусник ничего худого не совершает».

Эта емкая, четкая и одновременно образная «формула Чернышева», описывающая идеального игрока в хоккей с шайбой, очень многое объясняет.

Объясняет его тягу к новой игре, то, что он опередил время и опередил коллег по спорту.

Объясняет его видение игры и игроков, его хоккейные вкусы.

Объясняет статус Аркадия Чернышева как первопроходца.

Спустя десятилетия Владимир Писаревский, уже будучи известным радио- и телекомментатором, получил задание взять интервью у наставника московского «Динамо». Отработал и на правах старого знакомого напомнил Аркадию Ивановичу про ту его формулу. Спросил, встречал ли он на своем веку таких идеальных мастеров. Чернышев был краток: «Толк Фирсов и Саша Мальцев».

Цесковец Анатолий Фирсов блистал в сборной СССР под управлением Чернышева. Динамовец Александр Мальцев также являлся суперзвездой. Аркадия Ивановича он считал своим вторым отцом.

Однако до встреч первопроходца со звездами 60–70-х годов было еще далеко. Ему еще предстояло многое узнать, попробовать, испытать. Именно к Аркадию Чернышеву применим девиз жизни героя романа «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

Анатолий Кострюков:

Я всегда относился с глубоким уважением и искренними симпатиями к Чернышеву. По-другому к Аркадию Ивановичу и нельзя было относиться. Его вклад в наши громкие и многочисленные победы на Олимпиадах и чемпионатах мира поистине огромен. Его слово в сборной всегда было последним и решающим. Его вклад

в развитие нашего хоккея давно по достоинству оценили специалисты и игроки разных поколений, но, к сожалению, того же не готов сказать про широкую аудиторию хоккейных болельщиков и современных корреспондентов — пишущих и работающих на радио и телевидении.

Одно время в Советском Союзе была у граждан очень популярна лотерея «Спортлото». Угадавший шесть чисел из сорока девяти возможных (позже появились варианты «5 из 36» и «6 из 45») получал сумасшедшую сумму. Многим казалось, что не такая уж это сложная задача. А на самом деле угадать было почти невозможно. Вероятность счастливого события составляла порядка одной десятиллиардной! Появление на хоккейном горизонте Советского Союза такой фигуры, как Аркадий Чернышев, стало счастливым событием для отечественного спорта. Такими высокими профессиональными качествами и исключительными личностными характеристиками никто среди его коллег не обладал. Несказанно повезло и в том, что творил он в пору зарождения нашего хоккея и в славные годы его утверждения в высшем международном свете, определив во многом векторы развития отечественной школы. Он трудился в то самое непростое время, когда больше всего нужен был всем нам.

Наша страна в лице Аркадия Чернышева вытасила счастливый лотерейный билет! Удача невероятная. И выигрыш этот никакими деньгами не измерить.

Деньгами — нет, а золотом четырех Олимпиад и одиннадцати мировых чемпионатов очень даже возможно.

Пятнадцать комплектов золотых медалей получила родина из рук Аркадия Ивановича Чернышева!

Только вздумайте в то, как он долго и блистательно режиссировал «национальным хоккейным оркестром».

«РУССКИЙ БЛИН»

«Привычка — вторая натура».

Спору нет. Сами устоявшиеся наши запросы и вкусы есть плод наших же внутренних помыслов и желаний, сформировавшихся годами.

А как оценить то, что привычно нашему слуху? То, что, к примеру, ласкает его, тешит наше самолюбие?

Постепенно перестаем оценивать такую информацию по достоинству. Это происходит машинально, потому что приятная весточка словно копируется на ксероксе и доставляется

нам в озвученном виде. Здорово, конечно. Но — привыкаем. И — перестаем задумываться над присланной информацией.

Так происходит и с первой исторической весточкой о дебюте сборной Советского Союза на мировом хоккейном форуме. «Сенсационный успех!» «Триумф советской сборной!» «Бобров с товарищами разгромили канадцев!» Ну и, разумеется, не обходится без фирменного блюда русской кухни: «Первый блин не вышел комом!» Между прочим, совпадение, как ни крути, знаменательное — блины являются основным угощением на Масленицу, она выпадает на конец февраля — начало марта, а боевое крещение нашего хоккея состоялось практически в те же самые сроки.

Вот уже шесть десятков лет мы слышим оды в честь победоносного вторжения нашей дружины на территорию мирового хоккея, в которой прежде господствовали те, кто придумал это ледовое ристалище. Слышим не так уж и часто, поскольку собственной историей не очень интересуемся и не очень дорожим ею в любой, к сожалению, сфере, а спорт к основополагающим никак не отнести. Но если кто-нибудь вознамерится напомнить о славном прошлом, отматывая ленту времени к первым шагам, — всенепременно выдаст серию восторженных эпитетов по поводу хоккейного дебюта родины.

Ну а почему же такое произошло? Почему стало возможным объявиться вдруг на сцене и сразу же сыграть главную роль? О случайностях, в общем-то неминуемых спутниках большого спорта, говорить всерьез здесь неуместно, поскольку круговая формула турнира, когда каждый участник играет с каждым, случайность низводит до близких к нулю значений.

Будем разбираться. Будем раскладывать аккуратно все факторы и обстоятельства по полочкам. Если это вообще возможно в виде спорта под названием хоккей.

Но просто с языка срывается — даже в этом событии, в котором роль наставника сборной по определению являлась преобладающей, заслуга Аркадия Чернышева отмечалась и признавалась безоговорочно, но как-то в ровных тонах и без восторженного всплеска. Больше отмечалась, чем признавалась.

А почему, собственно, именно динамовцу Аркадию Чернышеву доверили сверхсложную и сверхответственную, сверхрискованную миссию вывода нашего корабля из бухты постоянной приписки в открытое море? Ведь был армеец Анатолий Тарасов и был Владимир Егоров из «Крыльев Советов». Тарасов к тому времени трижды приводил свою команду к чемпионству, был уже тогда в разы энергичнее и предприимчивее, честолюбивее и властолюбивее Чернышева. Егоров в призерах стабильно числился и, между прочим, имел высшее образова-

ние — единственный из этого трио тренеров-лидеров. Первыми чемпионами стали динамовцы под водительством Чернышева, но так много же воды утекло за минувшие семь лет.

Объективно шансов было побольше у Тарасова. Анатолий Владимирович и был назначен старшим тренером сборной СССР в 1953 году, а помощником ему определили Владимира Кузьмича Егорова из «Крыльев Советов». Возникли, однако, сразу три «но».

После ежедневных изматывающих трехразовых тренировок во время поездки на сборы в ГДР и товарищеских матчей в Чехословакии команда взбунтовалась и потребовала убрать Тарасова. Спортивное руководство прислушалось к мнению игроков сборной и отправило Тарасова в отставку, а управлять сборной доверило Чернышеву.

Этому способствовали еще два обстоятельства.

Расположение начальника Всесоюзного спорткомитета Романова к личности Чернышева. Николай Николаевич был человеком достойным во всех отношениях, пронизателен был и прозорлив. Разгадал в динамовском наставнике качества, которые были необходимы именно в работе с национальной сборной — особо ответственной и особо сложной.

А еще был к Чернышеву расположен... игрок ЦДСА Всеволод Бобров, имевший колоссальный авторитет в спортивном мире. После кончины Иосифа Сталина в марте 53-го была расформирована команда ВВС и большинство «летчиков» стали армейцами (а кто пониже котировался, перешел в «Динамо»; в их числе был и Виктор Тихонов). Бобров снова оказался под тарасовской пятой. Трещины в их взаимоотношениях несколько тремя годами разлуки не затянулись, а тут еще возник вопрос о том, кто возглавит сборную. Всеволод с бобровской решимостью поставил ультиматум: в сборной либо он — либо Тарасов! Романов нашел выход из положения, казавшегося тупиковым: включил Тарасова в состав нашей делегации консультантом (или советником): как ни назови, звучит красиво, а ответственности ровно никакой.

Годом ранее уже было собраны выходить на международную арену. Однако, взвесив все «за» и «против», отказались от рискованной затеи. Риск был не для хоккея, а для партийных и спортивных чиновников. А вдруг проиграют всё подчистую?! А что будет с нами, если без медалей вернутся?!.. Свежи еще были впечатления от сталинских репрессий после выступления футбольной сборной на Олимпийских играх в Хельсинки в 52-м, когда поражение в переигровке с Югославией расценили как несмываемый позор и мигом расформировали команду. Зимой 53-го вождь был еще жив, и атмосфера в обществе

была по-прежнему наполнена страхом. Вдобавок очередную, причем серьезную и надолго выведшую его из строя травму получил Всеволод Бобров (кстати, уникальный спортсмен играл и в той олимпийской футбольной сборной в 52-м) — чем не повод включить заднюю передачу? Мол, без Боброва ехать на мировое первенство — только срамиться... И вместо долгожданного дебюта на первенстве мира, который при любом исходе придал бы мощный импульс развитию хоккея в стране, отправили взрослых спортсменов на универсиаду в Вену. Туману напустили, прикрывшись словесами о крупных международных состязаниях. Заодно обезопасили собственное служебное положение, продолжая спокойно сидеть в уютных креслах высоко расположенных кабинетов.

В Австрию прибыли спортсмены-студенты. О советской команде такого сказать было никак нельзя. Замаскированная национальная сборная состояла из взрослых мужиков, которые и слухом не слыхивали про лекции и лабораторные в институте.

Виктор Шувалов:

Бобров — он полсезона не играл. Колено Севе оперировали, всё надолго затянулось. Ну и руководство порешило — что посылать сборную впервые на чемпионат мира без Боброва? Решили повременить... И отослали нас на универсиаду.

Для сборной устраивали международные встречи. Самые интересные матчи были, конечно, с чехословацкими хоккеистами. Мы их уже частенько побеждали. С поляками частенько играли, с немцами из Германской Демократической Республики. Сборы проводили в Берлине, где был искусственный лед в «Вернер-Зеленбиндер-Халле». У нас-то только морозов ждать приходилось, чтобы начать тренироваться. Во второй половине октября московские команды поездом по два-три дня добирались на Урал или в Сибирь только для того, чтобы пораньше приступить к полноценным занятиям. Выгадывали так целый месяц, в столице же лед заливали в середине ноября. А катков с искусственным льдом в стране вообще не было.

К 53-му сборная, что называется, созрела для больших дел. Мы мечтали о мировом первенстве. А вместо этого оказались в Закопане на Всемирных студенческих играх... Знали этот курорт в горах. Знали там и нас. Польские хоккеисты подходили к нам и с добродушными улыбками обращались: «Здравствуйте, студент Бабич, добрый день, студент Шувалов... А где же ваши офицерские погоны?..» В спортивном плане ничего та универсиада нам не дала.

По существу, год был потерян, но тут уж ничего поделать было нельзя. Игрокам и тренерам оставалось запастись терпением и выполнять свою работу на совесть и вдумчиво. До-

бросовестность и пытливость в избранной профессии были свойственны Аркадию Ивановичу — впрочем, как и терпение в ожидании долгожданных событий и терпимость к вверенным ему подчиненным людям.

Наконец, в высоких кабинетах дали добро нашему канадскому хоккею на участие в мировом первенстве.

Наш канадский хоккей. Действительно, был он наш. Заимствованиями у чужестранцев не занимались. Поначалу не могли из-за «железного занавеса», а впоследствии не шибко и хотели. Разве что товарищеские игры с чехословацким клубом ЛТЦ в уже казавшемся далеко 48-м дали изрядно пищи для самостоятельной работы. Но канадцев, канадцев, которые придумали игру, канадцев, безраздельно властвовавших на троне и приезжавших в матушку Европу как на увеселительную прогулку, поколение первопроходцев живьем не видело. И это не могло не волновать Боброва с партнерами, Чернышева и его помощника Егорова.

Виктор Шувалов:

До смерти Сталина к нам приезжали чехи в основном и поляки. А больше почти никто и не приезжал. После смерти Сталина норвежцы пожаловали, и мы с ними даже две игры закрытых — без зрителей — провели на стадионе «Динамо». Без зрителей играли, потому что траур был в стране... И потом в Норвегию выезжали на две встречи. Мы до 54-го еще со шведами встречались. Силу европейских команд знали. Но особенно волновало то, что с канадцами не играли. Считались корифеями! Родоначалники хоккея!

Вообще-то на первый чемпионат мира Тарасов должен был сборную повезти. А повез в итоге Чернышев.

Я уже рассказывал о том, что мы со сборной выезжали в ГДР, в Берлин, там тренировались на искусственном льду. Один-единственный каток на всю страну у них был. А у нас и такого не было. Тарасов старшим был, Владимир Кузьмич Егоров — помощником. Ну и Анатолий Владимирович дорвался до льда! И немцев замучил, всё давил на них, чтобы нам побольше времени отводили, и нас, само собой, замучил. Утром мы выходили и около часа разминку делали; днем двусторонняя игра часа на два растягивалась, а вечером еще на два часа команду разбивал на два состава и над техникой работали. Колька Хлыстов советовал кому-то после зарядки: «Не снимай коньки! Ложись прямо так под одеяло!» Потом в Чехословакию отправились на товарищеские игры. Ажитаж там был страшный. В Праге каток больше десяти тысяч зрителей вмещал, в Братиславе — шесть тысяч; так заявок по линии профсоюзов под сто тысяч набралось! Хок-

кеисты, с которыми мы встречались, подходили к нам и спрашивали — можем ли мы помочь им парочку билетов достать!.. Две встречи выиграли и одну вничью свели.

Вернулись по домам. Ну и ребята профсоюзные из «Крыльев» и динамовские обратились к начальству: «Тарасов нас замучил вконец. Невозможно работать. Уберите его!» И Тарасова убрали — Чернышева назначили. Егорова оставили, против него никто не выступал. Но мы-то, цезсковцы, не могли против Тарасова, нашего клубного тренера, прилюдно выступить — потому другие ребята и взяли это на себя.

С милейшим Виктором Григорьевичем я знаком давно. Живем на одной улице, в квартале друг от друга, и с его балкона на шестом вижу свой, тоже на шестом, по ранней весне или по поздней осени, когда листва не мешает. Добрейший Шувалов не исказит и мелкого фактика в угоду каким-либо стародавним обидам или неисполненным желаниям. Оттого, думаю, жив и невредим, что всем в жизни бывал доволен, а если и выпивал по случаю, то сугубо в меру... И верить стоит его изложению деталей отставки Тарасова и приглашения Чернышева стопроцентно. Безудержность Анатолия Владимировича была хороша в творческом поиске, но она же и мешала, поскольку эксперименты проводились на молодых здоровых людях. У Аркадия Ивановича выраженных перекосов ни в чем не наблюдалось, и, соответственно, сборная страны вверялась в его руки в надежде на полную ее управляемость.

Спустя много лет в день своего юбилея Всеволод Михайлович произнесет здравицу в честь двух личностей, встреченных на его пути: Бориса Андреевича Аркадьева в футболе и Аркадия Ивановича Чернышева в хоккее. Но это будет уже во времена, при которых Советский Союз ассоциировался с хоккеем почти так же, как с матрешками...

А тогда, в феврале 54-го, наличие в составе хоккейной сборной Боброва являлось уже своеобразным достижением Чернышева, у которого прекрасно складывались взаимоотношения с любимцем советского народа.

Какой предстала советская дружина на мировое обозрение под руководством Аркадия Чернышева? В чем была ее сила и в чем слабость?

Вратари.

Уже по ходу турнира по решению Чернышева пост номер один занял Николай Пучков. Занял прочно, на целых восемь лет вперед... Суперпрофессионал. Сочетал природную одаренность с фанатичным отношением к хоккею и непрерывным поиском новых путей совершенствования. Неплохо знал ан-

глийский язык — единственный в составе, конечно же; в дни вождельных заграничных выездов не покупал фирменную одежду, которой дома вообще не было, а искал и находил специальную литературу о хоккее.

Пучков сменил Григория Мкртычана. Свой небольшой рост тот компенсировал великолепной реакцией и безграничной самоотверженностью. Тренироваться готов был до изнеможения, но пучковской вдумчивостью не обладал и оттого, оставаясь стабильным голкипером, заметно не прогрессировал.

Линия обороны.

Факт отнюдь не секретный, однако почему-то прошедший мимо хоккейных историографов, которые не акцентировали на этом внимание. Армейская пара Николай Сологубов — Иван Трегубов объективно являлась сильнейшей среди коллег по амплуа в первом поколении. Мало того что каждый сам по себе был очень силен и яростен, так они еще и замечательно дополняли друг друга. Но судьба-злодейка уготовила им и Чернышеву сюрприз — эта пара не поехала в Стокгольм из-за травм. Тренеры, современные в том числе, охотно жалуются на всякие неблагоприятные обстоятельства, и прежде всего на травмы игроков, сетуют на них до турнира, подстилая солому, и ссылаются на них после финиша, как на объективные трудности, не позволившие добиться цели. «Жалобную книгу» Аркадий Чернышев не открывал никогда, чуждо было его натуре кивать на кого-нибудь либо на что-нибудь в поисках оправданий и снятия с себя личной ответственности за спортивный итог. Так было и в 54-м, когда ни до, ни тем более после чемпионата не обмолвился и полусловом о том, что, мол, Сологубова-то с Трегубовым в составе не было. Зато был Альфред Кучевский из «Крыльев» — красавец-мужчина с классным катанием и зорким видением площадки; были армейцы — габаритный Александр Виноградов, готовый кому угодно «в душу» дать, цепкие и маневренные Дмитрий Уколов и Генрих Сидоренков, неяркий, зато редко ошибающийся Павел Жибуртович. В пять защитников тогда играли.

Линия атаки.

Три звена. Совсем разных по тактическому рисунку, что Чернышев всячески поощрял, логично считая большим и редко встречающимся преимуществом нашей сборной. Армейцы Евгений Бабич — Виктор Шувалов — Всеволод Бобров по праву считались ударной силой; индивидуально ярких крайних форвардов своевременно и без усталости поддерживал «центр». Динамовцы Юрий Крылов — Александр Уваров — Валентин Кузин отличались психологической устойчивостью, скоростным маневром и отретпетированностью комбинаций. Николай

Хлыстов — Алексей Гурышев — Михаил Бычков из «Крыльев Советов» имели свой рисунок, где размашистые линии наносил реактивный правый край, малоприметным фоном служил левый крайний форвард, а жирную точку ставил центральный нападающий. Десятым форвардом поехал армеец Александр Комаров — маленький, юркий и бесстрашный. Ну и, разумеется, наличие Всеволода Боброва превращало атакующую линию в грозную силу, потенциально способную на чудо. Чудо всегда ассоциировалось с именем этого уникала.

Сила сборной заключалась в ее оригинальной манере, шедшей от ее особого чисто спортивно-русского происхождения: колоссальные скорости, помноженные на игровую смекалку, и коллективный, лишенный эгоизма подход были взяты из русского хоккея и пересажены на «канадскую» почву. Слабость отсюда же и происходила: ограниченный технический арсенал из-за всё того же отсутствия импорта передовых хоккейных элементов и недостатки в ведении силовой борьбы, которой не было как таковой в хоккее с мячом.

Сила и слабость советской сборной заключались еще и в ее полной на тот год изолированности от североамериканского континента. Господствовавшие на чемпионатах мира канадцы не имели ровным счетом никакого представления о «русских медведях» и потому изначально не были готовы бороться с «огнестрельным оружием» советского производства. Правда, и наши тренеры с игроками находились в аналогичном положении. Полная симметрия наблюдалась, вот только с одним существенным различием: Чернышев и его хоккеисты нос не задирали, да и не с чего им было этим заниматься...

А еще козырем, пока что в рукаве, был наставник сборной СССР Аркадий Чернышев. Его, ясно, никто за рубежом не знал. Зато знали и доверяли ему полностью игроки. Здравость мышления, чувство собственного достоинства и сохранение достоинства подопечных, вера в нашенький хоккейный стиль и хладнокровие при командовании сражением — эти редкостные чернышевские качества вселяли оптимизм в души дебютантов. Дебютантов, которые находились в расцвете сил и таланта, что, однако, не полностью притупляло предстартовый озноб.

Виктор Шувалов:

Канадцы, канадцы... Что же собой представляют эти хваленые-перехваленные канадцы? Эта мысль сверлила меня, не отпуская и не позволяя как-то расслабиться. Делиться своими сомнениями с ребятами не очень хотелось, у них о том же самое болела голова. Матчи матчами, поначалу соперники были явно по зубам, зато когда Чернышев объявил — «Завтра идем на тренировку ка-

надев», — каждый внутренне напрягся. Давно дело было... запятовал, когда именно он сделал это объявление... все-таки скорее не накануне, а утром того же дня, после завтрака. Чтобы последний раз нас не нервировать. Аркадий Иванович внимательно следил за такими мелочами.

Ну явились мы на их тренировку. Катание? Нормальное. Богатыри? Не сказал бы, хотя и крепкие парни. Пас? Ничего, умеют. Упражнения? Не сказал бы, что уж очень удивили... Чернышев с Егоровым тоже грузили нас как полагается. Зато как начали канадцы щелкать по воротам — мы все оторопели! Бьют по шайбе что есть мочи, она летит с бешеной скоростью. А мы-то только с кистей бросать умели — важный элемент, оружие что надо, однако и шарашить как из пушки по цели тоже ведь здорово придумано. Надо срочно попробовать!

Выходим на лед, и талько возникла передышка в тренировке, как стали пробовать. Бьем по шайбе со всей силы — и просто в борт, и по воротам. Дорвались! И тут у одного клюшка сломалась, у второго, у третьего... Слышим зычный окрик Аркадия Ивановича: «Заканчивайте, а то клюшек скоро не останется!» Экипировка же была сплошь отечественного производства, а деревянные клюшки на такие нагрузки и близко не были рассчитаны.

Сходили еще разок на тренировку канадцев. Присматривались и приценивались. Обсуждали. Меж собой и со «старшим». Замечательная черта была у Аркадия Ивановича — не стеснялся обсуждать с нами, игроками, разные вопросы подготовки команды. Не считал для себя это зазорным. Это и делу помогало очень, и обстановку создавало доброжелательную и творческую.

Такая чернышевская демократия и такой появившийся по его инициативе коллективный разум способствовали тому, что никакие психологические комплексы не мучили дебютантов и преобладал здравый расчет. Канадцы — тоже люди: а чем, собственно, мы хуже? На их тактику, не менявшуюся от матча к матчу, найдем управу!

Случайно получилось или нет, но первые встречи стали для чернышевской команды разогревом, столь важным для новичков крупного международного форума. По финнам и западным немцам будто асфальтовым катком проехали. С чехословаками начали не здорово, уступали 1:2 во втором периоде, и тут «старший» решил на замену на посту номер один. Убрал Григория Мкртычана, чьи огрехи в предыдущих встречах компенсировались нашим значительным игровым преимуществом. Кроме того, Мкртычан был постарше Николая Пучкова и как-то привычнее для авторитетного Боброва с его армейскими партнерами. Чернышев поначалу прислушивался к ним, однако

в сложный момент решительно произвел замену и тем самым снял какие-либо проблемы на этой важнейшей позиции в команде до самого финиша турнира.

Неожиданно со скрипом одолели Швейцарию. Такое бывает на длинной дистанции кругового турнира. А Канада тем временем крушила всех подряд.

Хозяева льда — шведы — выступали в ранге мировых чемпионов. Ими стали годом ранее, когда на турнир не прибыли канадцы и американцы. Наши мастера успели в том дебютном сезоне провести две товарищеские игры с «Тре Крунур» и ничего непреодолимого не обнаружили. Расчет на скоростной маневр был оправдан вполне, но вмешались силы небесные, ниспославшие снегопад в течение всех шестидесяти чистых минут. Скорости подравнялись, а с игровыми навыками у скандинавов всё было еще тогда в полном порядке. Еле-еле спаслись благодаря шайбе, заброшенной Шуваловым в самой концовке.

Аркадий Чернышев:

Нам, между прочим, было выгодно, что хоккейные авторитеты, равно как и фавориты турнира, вознамерившиеся заранее вести между собой борьбу за призы, не принимали нас всерьез. А между тем хорошая подготовка позволяла нам не только играть мощно и ровно, но и гибко решать оперативные задачи.

Возьмем, к примеру, игру со шведами. Они были куда техничнее и опытнее нас. Были у них в команде и игроки мирового класса, такие как Тумба Юханссон, кумир стокгольмской публики. Однако, наблюдая за матчами и тренировками шведов, мы обнаружили у них одно уязвимое место. Они не выдерживали до конца ими же предложенный быстрый темп. Мы их в этом превосходили. Вывод напрашивался сам собой: заставить шведов играть весь матч на пределе скоростных возможностей, чтобы они побыстрее выдохлись. Что нам для этого нужно было предпринять? Почаще производить смену звеньев на льду, играть широко, маневренно, стараться подольше контролировать шайбу, вынуждая соперника гоняться за ней по всей площадке. К самому опасному нападающему Тумбе, как некогда к Владимиру Забродскому (лидер сборной Чехословакии и клуба ЛТЦ, посетившего в 48-м Москву. — Л. Р.), «прилипал» один из игроков...

Правда, полностью осуществить задуманный план нам не удалось. Матч проходил при сильном снегопаде, и шайба то и дело буквально застревала в снегу. Время от времени судьи были вынуждены останавливать игру для расчистки льда, но через несколько минут площадка снова покрывалась слоем снега. Та встреча со сборной Швеции закончилась с редким для хоккея счетом — 1:1.

Виктор Шувалов:

В Стокгольме каток-то искусственный был, но открытый. Как на стадионе «Динамо». Такой же большой. И точно так же под Восточной трибуной хоккейная коробка была сделана. И, как назло, сплошной мокрый снег шел два периода. Такими большими хлопьями падал. Судьи каждые десять минут игру останавливали — ну вообще не протащить шайбу было! Но помогало это ненадолго. Скорость у нас пропала, а Чернышев просил ее взвинчивать постоянно. Да еще у шведов в первом периоде хорошая атака получилась, и они долго вели 1:0. Хорошо, мы ближе к концу третьего периода еле-еле сквитали. Тогда миром разошлись — 1:1. У ребят чувство досады осталось: эх, кабы не снегопад, разделились бы со Швецией!..

Неумолимо приближается 7 марта, когда скрестят клюшки-шпаги невесть откуда взявшиеся русские самоучки с родоначальниками и королями хоккея.

Понятно, чем закончится эта встреча: разгромом советской сборной. А золото чемпионата Европы и серебро мирового первенства достанется тому, кто окажется сильнее в переигровке Швеция — СССР: обе сборные наберут одинаковое количество очков — по поражению от канадцев и ничью между собой. И заблаговременно, дабы избежать толчеи, в кассах Королевского стадиона начинается продажа билетов на этот внеплановый поединок, который наверняка вызовет ажиотаж среди местной публики...

В предстоящем унижении русских уверены были абсолютное все. Кроме самих русских хоккеистов и их наставника.

Накануне поздним вечером, когда спортсмены разошлись по своим номерам, собирается «Совет в Филях». Аналогия с событиями Отечественной войны 1812 года напрашивается сама собой, пусть и не претендует на множество совпадений. Схожесть же усматриваю в неординарном подходе к раскладу сил и выработке командующим войсками окончательного решения на фоне неминуемых и весьма острых разногласий.

Итак, совет, устроенный в тренерском номере стокгольмской гостиницы, держали четверо — Чернышев с Егоровым, руководитель делегации, в недавнем прошлом хоккеист Коротков, и Тарасов в статусе консультанта. Шансы превзойти канадцев были, как ни крути, призрачными и трудно просчитываемыми, зато в переигровке со шведами можно предъявить все наши козыри и побороться за звание чемпионов Европы: не каждый же день, в конце-то концов, будет во время матча валить снегопад, который в первой встрече со скандинавами лишил нашу команду скоростного маневра! Логика, холодный

расчет и чувство самосохранения подсказывали рациональное решение, которое казалось само собой разумеющимся: ну конечно же, ставку сделать на переигровку! Также казалось, что двух мнений здесь и возникнуть не может. Велик был соблазн не перенапрягаться с грозными канадцами, с которыми прежде не встречались лицом к лицу даже в товарищеских играх, а сконцентрироваться на «синице в руках».

Тарасов озвучил очевидное:

— Канадцы нам не по зубам. Выложимся с ними — и вообще без медалей останемся. Жди потом оргвыводов. Убежден — надо прибегнуть к силе на главный бой со шведами.

Чернышев, не разделявший такой подход, до поры не ставил точку в обсуждении. Чиновник, видя неожиданно возникшее расхождение между Чернышевым и Тарасовым, предложил:

— Давайте Боброва разбудим. Его спросим.

— Не надо его беспокоить. Пусть сил набирается, — довольно решительно возразил «старший».

Возникла пауза. Только не театральная, а всамделишная. Положение, в котором виделся единственно возможный выход, нежданно-негаданно получило иной окрас.

Короткову, дорожившему своим креслом, была, понятно, куда ближе тарасовская позиция, нежели чернышевская. Однако всю полноту ответственности нес старший тренер сборной. Так уж заведено в спорте. За место в финишном створе отвечает старший тренер команды. Он и только он. Иного не дано. Ныне изменилось лишь название должности рулевого — главный тренер.

Пауза не слишком затянулась.

— Ну так какое решение принимаем, товарищи? — спросил чиновник.

— Завтра побьемся с канадцами! Это мое решение, — подытожил Чернышев.

Это решение Аркадия Чернышева стало поистине МОМЕНТОМ ИСТИНЫ для отечественного хоккея.

И не вижу здесь ни малейшего преувеличения. Зато вижу длившуюся десятилетиями недооценку той исключительной решимости и отчаянной смелости Аркадия Чернышева, проявленных поздним вечером 6 февраля 1954 года в стокгольмском отеле. Впрочем, сам факт проведения «Совета в Филях» был обнародован, если не ошибаюсь, уже после горбачевской перестройки.

Факт этот автор подал в формате кинематографической реконструкции на основе различных воспоминаний. Еще одно подтверждение «Совета в Филях» на шведской земле получаем от единственного здравствующего ныне участника исторического события.

Виктор Шувалов:

Всё так оно и было. Перед игрой с канадцами тренерский состав — Чернышев с Егоровым — и руководство, которое приехало в Швецию, собрались поздним вечером на разговор: как настроить команду на игру? И на что нас нацелить? И в самом деле Тарасов сказал, что, мол, мы знаем силы всех этих европейских команд, мы шведов в переигровке победим и выиграем первенство Европы. А канадцам-то всё равно проиграем. Давайте, мол, не будем выкладываться, отдаваться полностью завтрашней игре. Тарасов всё это предлагал тогда. Если мы канадцам проигрываем, то набираем со шведами одинаковое количество очков и назначается переигровка. А в первой игре с ними пошел снегопад сплошной, и мы не смогли использовать наше преимущество над ними в скорости... Аркадий Иванович говорит: «Нет. Будем играть. Как получится, так получится. Не так страшен черт, как его малюют!»

Но как же Аркадий Иванович сподобился на такой шаг?

Юрий Королев, кандидат педагогических наук, один из ведущих методистов в истории нашего хоккея:

Признаю, что на первом для страны чемпионате мира Чернышев продемонстрировал качества выдающегося специалиста, стратега и психолога. Я даже не склонен в чем-то упрекать Тарасова, потому что Анатолий Владимирович высказал разумное в тех обстоятельствах предложение. Девять из десяти тренеров предложили бы то же самое. Так почему Чернышев решил дать бой канадцам? Сложный, очень сложный вопрос. Сам он нигде не заострял на этом внимание, во всяком случае, я не встречал в периодике его воспоминания о том случае. Я предполагаю следующее — Аркадий Иванович являлся мужчиной, способным на риск. На риск в самый ответственный момент! На смелое и неординарное решение. Эта его способность как-то не вязалась с образом интеллигентного и сдержанного в проявлении эмоций человека. Тем поразительнее был такой дар Аркадия Ивановича! Я обязан оговориться, что всё это является лишь моим предположением. И тем не менее убежден в правомерности такого видения ситуации, сложившейся в 54-м году накануне решающего поединка против Канады.

...Утром установка на исторический матч заняла менее получаса. На макете тренер всё досконально разложил: ловим соперника на контратаке — защитники при их вбрасывании шайбы в нашу зону быстро разворачиваются и должны быть первыми на шайбе — сразу пас вперед — отрезаем трех канад-

цев в нашей зоне — в атаке имеем численный перевес и должны его реализовывать.

План русского наставника Чернышева сработал на 100 процентов!

Всеволод Бобров:

— Как будем играть против канадцев? — спросил Чернышев. — У кого какие будут мнения?

Все, как один, говорили об обороне. В том смысле, что удержаться бы хорошо, главное, мол, духом не пасть.

— Да, плохо вы изучили противника, — сказал, поморщившись, Чернышев. — Очень плохо. Этого-то как раз они и ждут. И страсть как любят, когда соперник обороняется. Шведы оборонялись — проиграли. Мы станем обороняться — тоже проиграем. Значит, вот что, ребята: игра на высоких скоростях — только так. Они не любят высокого темпа. Тройка из «Крылышек» самая у нас быстрая. Ей и карты в руки — она начнет. Задаст тон. Дальше. Канадцы не любят возиться в своей зоне. Значит, наша задача запереть их там. Не вздумайте уступить и в их излюбленных силовых единоборствах у бортов. Натиск, натиск и еще раз натиск. Задумки Чернышева оправдались полностью...

Виктор Шувалов:

Волновались мы, сами понимаете. Нервничали. Но не сказал бы, что коленки тряслись. Очень помогла та рабочая и несуетливая атмосфера, которая сложилась в предшествовавшие дни благодаря Аркадию Ивановичу. На предматчевом собрании Чернышев держался очень уверенно и спокойно, тактический план объяснил четко и доходчиво и, что важно, недолго излагал. Своим планом и своим поведением Аркадий Иванович вселил в нас уверенность в том, что обязаны выложиться по максимуму и что, если строго выполним его план, в состоянии потягаться с канадцами.

Первый период... Ну никто такого не ждал. Играем как по нотам. Одну забрасываем, вторую... В обороне действуем строго и оперативно. От игры защитников многое зависело, так и они здорово отыграли. Третью забрасываем. И четвертую до кучи!

В раздевалку ввалились обалдевшими. Перевели дух. Аркадий Иванович находил какие-то слова для того, чтобы не расслабились мы. Чего еще Аркадий Иванович с Владимиром Кузьмичом опасались? Того, что канадцы, опростоволосившись в первом периоде, что-нибудь поменяют в тактике и это может оказаться неожиданным для нас. Да и игроки тоже этого опасались, сами понимаете.

Пошла игра, и мы видим, что ничего с их стороны не поменялось. Продолжают всё в том же ключе. Еще злее ломились в ту

же бронированную дверь! Ну так нам только этого и надо было. Еще три раза отгрузили им. Аркадий Иванович хладнокровно контролировал всё, не ругал нас — да и не за что было-то, подбадривал и призывал не расслабляться и быть внимательными в силовой борьбе. На лавке царила рабочая и, скажу откровенно, в третьем периоде приподнятая атмосфера.

7:2!

Вот так мы познакомились с хваленными канадцами.

Наша первая схлестка с родоначальниками удалась на загляденье. Канадская мощь и канадская обученность напоролась, как на вовремя выставленный штык русской трехлинейки, на русскую смекалку и русскую захватскую скорость. Напоролась и сдулась... Те 60 минут чистого времени превратились в чистую победу Аркадия Чернышева над канадским визави Грегом Карри. Положил того на лопатки! Те минуты стали «хроникой пикирующего бомбардировщика» с опознавательным знаком государства, где зародился этот вид хоккея, под градом молниеносных выпадов истребителей с красной звездой на борту.

Восторг наши первопроходцы пережили неопишуемый.

Лаконично и весьма красноречиво высказался форвард Александр Комаров:

Вечером в городской ратуше чествовали победителей чемпионата. Церемония была очень торжественной. Мы верили и не верили в то, что происходит с нами. И вот когда Чернышеву передали поднос с золотыми медалями, мы как один рванули к Аркадию Ивановичу. Торопились. Испугались — а вдруг на всех медалей не хватит?!

Первый блин, испеченный по-русски, оказался не комом, а самым румяным, самым большим и самым вкусным. А вкусить его не удалось никому из бывалых конкурентов. Сами испекли — сами и откушали всласть!

Приведу несколько выдержек из пространной статьи консультанта сборной на том дебютном чемпионате Анатолия Тарасова, посвященной анализу триумфального выступления нашей сборной. Причем остановлюсь на том, как тщательно разбиралась манера игры канадской сборной.

«Руководитель канадской команды заявил в печати, что она «разобьет русских на хоккейном поле». За день до игры в одной из газет появилась карикатура, где за партией сидел Бобров, а над ним стоял канадский хоккеист, раз в 5–6 больше его ростом, и

учил Боброва (иначе говоря — всех советских хоккеистов) азбуке хоккейной игры».

«Анализ встреч канадской команды показывал, что наряду с сильными сторонами их игры имеются и уязвимые места. Действуя тактически однообразно как в атаке, так и в обороне, команда Канады давала возможность вопросы решить до игры с ней».

«А частое вхождение в зону с помощью проброса шайбы в лицевой борт? Это ли не говорило о тактической бедности канадцев, понапрасну терявших инициативу в игре».

«Атаку они вели двумя хоккеистами, третий лишь поддерживал ее глубину; вдали следовали два защитника».

«Правда, это все подчас скрашивалось, скраживалось, временно терялось на общем фоне силовой игры. Особенно бурно канадцы начинали все встречи, надолго захватывали инициативу и добились победы».

«Даже наши друзья, чехословацкие спортсмены, говорили нам: "У канадцев есть кое-какие недостатки, но трудно, да, пожалуй, и невозможно воспользоваться ими". Теория чистой воды, теория, использовать которую успешно можно в лекции, а не на хоккейном поле».

Упоминает Анатолий Владимирович — но мимоходом и почему-то без крайне важных и крайне любопытных подробностей — установку на матч:

«На собрании команды был выработан детальный план игры. Теперь важно было осуществить его возможно точнее на поле».

Очень странно смотрится всего лишь обозначение того, что у Чернышева был некий план на игру. И это после подробнейшей и пространной описи преимуществ и недостатков грозного соперника. Отчего же не поделился описанием тренерских находок Чернышева? Ведь нелогично даже с точки зрения редактора, работавшего над статьей, это выглядело — столько площади нашлось на журнальной полосе для тарасовского видения родоначальников игры и всего-то три скупые строки про факт наличия плана на игру у нашего тренерского штаба. Весьма и весьма странная и показательная нестыковка.

Что ж, при таких перекосах в воспроизведении членом советской делегации Анатолием Тарасовым событий, сопровождавших триумф сборной Аркадия Чернышева в 54-м, не стоило ожидать даже упоминания «Совета в Филях». Ведь тогда пришлось бы признаться в собственной личной инициативе — не сражаться по-настоящему с канадцами, а лишь сделать вид, с тем чтобы все силы бросить на переигровку со шведа-

ми. Признаться в том, как мужественно и достойно, в высшей степени профессионально и патриотично повел себя в сложнейшей ситуации Чернышев. В отличие от него, Тарасова. Как Чернышев разработал план боя и как донес его до игроков. Как сумел зарядить их энергией и несокрушимой верой в наш возвращенный в условиях изоляции хоккей. Как безошибочно дирижировал советским оркестром 7 марта 54-го.

Вообще фамилии Чернышева и Егорова упомянуты лишь раз, и то по поводу того, что правильно поступили, повысив интенсивность предматчевой разминки для снятия нервного предстартового напряжения.

В периодике 1954 года публикации самого Аркадия Чернышева, посвященной невероятному в мировом спорте дебюту, отыскать не удалось...

Удалось найти лишь фрагменты его комментариев к решающим встречам против Швеции (они приведены выше) и Канады. Опубликованы они были четверть века спустя после дебюта в 54-м.

Аркадий Чернышев:

Почему же все-таки мы с таким внушительным счетом победили канадцев, хотя встречались с ними в первый раз?

Потому что все три периода превосходили их в скорости, в организации коллективной игры, в выносливости, в хладнокровии, если хотите. Крупно проигрывая и не видя возможности переломить ход матча, канадцы стали всё чаще прибегать к грубости. Мы не отвечали, хотя и могли бы. Их игроки отправлялись один за другим на скамью штрафников. Разве выиграешь, найдя чуть ли не большую часть времени в меньшинстве? Тем более если соперник играет с огромным подъемом, а наши ребята в том финальном матче играли именно так, отдавая всю энергию, все силы без остатка победе!

Ни о «Совете в Филях», ни о дельном предложении Тарасова, ни о своем полном риске решении и своей в связи с этим повышенной ответственности за результат, ни о хитроумном тактическом плане, оставившем родоначальников в дураках, ни об обстановке на лавке советской сборной...

Ни о чем этом важном для современников и потомков Чернышев не поведал.

Не очень-то, полагаю, расспрашивали его, а сам Аркадий Иванович не имел склонности к эпистолярному жанру и живописанию собственных ратных подвигов.

Благодаря Аркадию Чернышеву и плеяде Всеволода Боброва Советский Союз одним махом из неизвестного родоначаль-

никам игры соперника превратился в их главного конкурента на мировой арене.

И по сей день нет более интригующей рекламной вывески хоккейного форума, нежели «Россия — Канада».

А началось всё в далеком 54-м.

Победоносное шествие советского хоккея по планете началось с места в карьер благодаря Аркадию Ивановичу Чернышеву, который оказался способен на разумный и вместе с тем отчаянный риск ради общего дела...

ТАНДЕМ — 1. НА РАЗНЫХ ПОЛЮСАХ

Дуэт.

Альянс.

Тандем.

Связка.

Союз...

Все эти слова, близкие по смыслу и потому звучащие как синонимы, подходят к обрисовке работы Аркадия Чернышева и Анатолия Тарасова в сборной Советского Союза. Работе, исключительной по яркости и плодотворности, по небывалым достижениям и по количеству тех страниц тренерской повести о хоккее, которые хочется и которые стоит перечитывать снова и снова.

Какое же слово наиболее точно отражает специфику их совместного творчества? Предлагаю определиться попозже, а пока пользоваться любыми из них без излишней разборчивости.

Хронология назначений на заветный пост была такова.

51-й — Чернышев. Без участия в официальных турнирах.

52-й — Тарасов. Без участия в официальных турнирах.

53-й — Чернышев. Без участия в официальных турнирах.

Дебют на чемпионате мира был намечен на 53-й год, однако его отменили после того, как Бобров получил серьезную травму; без него начальство не решилось официально дебютировать на международной арене, подставляя свои головы под возможный удар, и отправило сборную... на универсиаду.

57-й — Тарасов. После серебра на московском чемпионате мира, когда страна жаждала воочию увидеть триумф сборной Чернышева, быстро приучившего начальство и болельщиков к успеху, его попросили освободить место — понятно для кого.

61-й — Чернышев. После трех бесплодных попыток Тарасова добыть для родины хоккейное золото, включая Олимпийские игры 1960 года (поражения и от Канады, и от США),

его попросили освободить место — понятно для кого. Созревало начальство неторопливо и лишь за считанные дни до мирового форума уволило Тарасова.

62-й — Чернышев руководил сборной без участия в чемпионате мира (по политическим причинам) 1961/62 года, проходившем в США.

62-й. Осень. Чернышев — Тарасов.

Решение объединить в одну упряжку усилия этих двух хоккейных гигантов вызвало громкую сенсацию, поскольку даже теоретически трудно было представить вместе столь несхожих крупномасштабных специалистов и столь несхожие человеческие натуры. Антиподы, словом, чистой воды. Ведь каждый шел своей дорогой. Оба и шли до поры, прекрасно обходясь друг без друга. Пора настала, когда чаша терпения высокого начальства переполнилась после шести лет без хоккейного золота — особо ценимого в отечественном спорте.

Каких только красочных эпитетов тот шаг не удостаивался. Гениальный! Провидческий! Эпохальный!.. Я бы оценил то решение как совершенно неординарное и достаточно смелое, рискованное. Однако было оно подсказано раскладом объективных факторов. В стране были гигант Чернышев из «Динамо» и гигант Тарасов из ЦСКА; еще был Егоров из московских «Крыльев Советов», стабильно входивших в призеры, — хороший специалист, хотя и мягковатый, без претензий на руление в сборной, словом, идеальный ассистент того и другого; был Кострюков, тренировавший крепкий коллектив московского «Локомотива», а далее на горизонте виднелись фигуры достойные и, возможно, потенциально готовые для сборной, но возглавлявшие нестоличные клубы — периферийные по географическому расположению и удаленности от того самого пьедестала. Вспышки горьковского «Торпедо» в 61-м с Дмитрием Боговиным и «Спартака» в 62-м с Александром Новокрещеновым остались лишь вспышками, ничего в тренерской иерархии не поменявшими.

Главе советского спорта Николаю Николаевичу Романову нельзя отказать в крутизне полета кадровой мысли. Это сегодня кажется, что сама жизнь подсказала нетривиальное решение. Но ту подсказку еще услышать следовало. Да переварить ее, да решиться, да замахнуть на шаг, за который Романов несет ответственность по служебной и партийной линиям. И Чернышев был с характером, и Тарасов с еще каким норовом. Стоило ли больших усилий убедить обоих в полезности и перспективности их союза? Вряд ли аудиенции в романовском кабинете в Скатертном переулке длились подолгу, ведь государственная система не предполагала каких-либо отказов от почет-

ных предложений. «Партия сказала: «Надо!» — комсомол ответил: «Есть!»».

С кем у Романова состоялась первая встреча? Ну разумеется, с тем, кто являлся на тот момент старшим тренером. С Чернышевым. Почему именно его было решено оставить у руля сборной, а не Тарасова?

Вопрос, конечно, интересный.

За Чернышева громко говорил его послужной список в сборной — два золотых комплекта были добыты при его деятельном участии. Против — свежее разочарование на чемпионате мира 61-го. Впрочем, сборную к тому испытанию долго и упорно готовил Анатолий Владимирович, а Аркадий Иванович, получив ее, очень скоро отправился защищать спортивную честь страны; ответственность за бронзовый итог лежала на обоих специалистах. Романова мало волновал тот факт, что динамовцы около десяти лет не могли сдвинуть цезсковцев с трона; но этому не стоило придавать первостепенное значение, поскольку сборная и клуб — два совсем разных места работы. А еще в пользу кандидатуры Аркадия Ивановича говорили — негромко, зато весомо — весь его облик, манера поведения, речь, наконец, та самая интеллигентность, которая не могла не подкупать такого взвешенного и разумного деятеля, как Николай Николаевич.

За спиной Анатолия Владимировича громоздились чемпионский статус армейского клуба, колоссальная энергетика и новаторская роль в советском хоккее, которую он исполнял артистично, с блеском. Но клуб и сборная, повторюсь, имеют мало общего. А в сборной за ним высших достижений вообще не значилось, причем в течение трех лет кряду. Впечатление на окружающих производить умел позитивное, был красноречив и убедителен, целеустремлен и честолюбив, однако без перехлестов не обходилось. Они-то в высоких кабинетах и могли вызывать отрицательную реакцию.

Выбор Романова пал на Чернышева, что выглядит вполне резонным.

Почему Чернышев дал согласие на совместную работу со своим антиподом Тарасовым?

А чем, собственно, он рисковал? Сохранял должность старшего тренера со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Бразды правления при нем; при нем в качестве помощника (значит, подчиненного, ассистента) и вечный оппонент, страсть как охочий до критических в его адрес публикаций и вообще пространственных комментариев везде, где это возможно. Отныне главный рупор оппозиции в лице Тарасова замолкал согласно элементарной должностной диспозиции. Командовать в матчах

будет Чернышев, контролировать подготовку будет тоже он, следить за атмосферой в сборной — тоже он. Так что же — отказываться от предложения, выше которого ничего на свете не бывает, находясь в расцвете сил и таланта? Уверен, что от ассистентской роли категорически бы отказался: на его способность жестко занимать принципиальную позицию, несмотря ни на что, указывает поразительная история с его членством в коммунистической партии, точнее, с отсутствием в ней почти всю сознательную жизнь (о чем будет рассказано ниже). С какой стати ему, Чернышеву, руководившему сборной в золотые 54-м и 56-м, идти в помощники к Тарасову?! Ни за что бы не согласился на такое.

А почему властолюбивый Тарасов принял предложение стать помощником в главной хоккейной команде государства, причем, судя по всему, без проволочек и постановки дополнительных условий?

А что, собственно, оставалось делать? Так он будет на мировой орбите, будет на виду и, главное, при деле постоянно во время международных выступлений. Будет причастен к успехам и в то же время без какой-либо ответственности за неудачи. Будет ковать в армейской кузнице кадры для сборной и стремиться, чтобы они составляли подавляющее большинство. А отказавшись, неминуемо уйдет в тень и растеряет многочисленные рычаги влияния, пребывая только на должности наставника ЦСКА; того гляди, и позиции самого клуба несколько пошатнутся, чем не преминут воспользоваться конкуренты, давно привыкшие к неприступности тарасовской армады. И первым делом — вечно второе «Динамо»... Верно поступил Анатолий Владимирович. Верно для всего нашего хоккея, а заодно для клуба и себя лично.

В свое время легендарный вратарь первого поколения Николай Пучков, ставший видным тренером, выказал удивление: странно — что же раньше мешало создать связку гигантов Чернышев — Тарасов?

Впрочем, автору странным такое не кажется. Двум медведям в одной берлоге обычно бывает тесно. А Чернышев блистательно справлялся с ролью командарма при выходе сборной на международную арену в середине 50-х. И только последовавшее долгое отступление и потеря лидерских позиций советской сборной заставили руководство остановиться на третьем из трех возможных кадровых решений, о которых автор упоминал ранее.

Итак, Аркадий Иванович Чернышев — старший тренер сборной СССР, Анатолий Владимирович Тарасов — тренер сборной СССР.

Как и положено, были оговорены функциональные обязанности: за Тарасовым — подготовка команды, весь трениро-

вочный процесс (и только он, между прочим), а всё остальное — за Чернышевым. И прежде всего — Чернышев является командиром во время самого ледового сражения. Единоначалие абсолютное — как в армии. Чернышев и только Чернышев несет всю полноту ответственности за итоги выступлений сборной.

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Статный. Подтянутый. Правильные черты лица. Располагающий к себе взгляд.

Импозантный мужчина.

Это всё про внешний облик Аркадия Чернышева.

И такой «джентльменский набор» далеко не исчерпывает впечатление, которое он неизменно производил на окружающих.

Обманчива ли внешность? Говорит ли что-нибудь о человеческой натуре сразу, еще до непосредственного знакомства и дальнейшего общения?

И да и нет.

Зависит от объекта изучения и от того, кто изучает. От рельефности природы первого и от наблюдательности и прозорливости второго.

Чернышев был рельефен исключительно. Рельефность его облика отличалась проработкой каждой складочки и морщинки, каждой мышцы и связки — профессиональному культуристу на зависть. Только не занимался он этим специально, ежедневно тратя время и силы на «косметический» уход за собой. Просто был таковым. Красавцем-мужчиной, с какой стороны на него ни погляди!

Не писаным красавцем, не слащавым донжуаном, о котором женщины, не обремененные делами да хлопотами, охотно щебечут с себе подобными: ох, какой мужчина, «настоящий полковник»... Аркадий Иванович был хорош собой благодаря впечатлению, которое производил с первого взгляда и с первого слова, произнесенного им. Негромкий голос, культурная речь, мягкие интонации, минимум жестикаляции, высокий, подтянутый, с открытым лицом, с глазами пронизательными и без злобинки, и, конечно же, осанка — та благородная осанка, которую за версту видно. Такой мужчина вызывает искренние симпатии, абсолютно не прикладывая каких-либо усилий, а лишь оставаясь самим собой, у любого встреченного на жизненном пути вне зависимости от пола и возраста, социального статуса и профессиональной принадлежности. Такие мужчины — большущая редкость. Мне кажется, что они

из какого-то далекого и светлого прошлого, где повсеместно почитались честь, достоинство, интеллект, порядочность и элементарная воспитанность.

Статным был Чернышев мужчиной. Это если одним словом его обрисовать.

От этой стати веяло аристократизмом XIX века... Не вычурными манерами и французским прононсом, а высоким духом и внутренней созидательной силой.

Родился он таким или воспитание получил соответствующее? Или, что обычно ближе к реальности, верно то и другое?..

К попытке ответить на данный вопрос, поставленный прожитой им жизнью — в высшей степени достойной, — мы будем в той или иной степени возвращаться в этой главе, да и в других тоже. Ибо заслуживает этого чернышевская натура — многоплановая и многослойная, пропитанная высоким духом и кристальной чистотой, загадочная и потому до сей поры недостаточно познанная.

Задачник, оставленный им потомкам, содержит головоломки разной категории сложности. Средние, сложные и совсем трудно поддающиеся разгадке. Что ж, будем корпеть над ними по мере поступления и в меру способностей автора.

Владимир Юрзинов:

...В модном дорогом ратиновом пальто, в руках крутит ключ от «Волги», от него исходит какой-то свет...

У Владимира Владимировича такая реальная картинка стоит перед глазами. Приведенные слова вырвались из его уст непродуманно, сами собой. При этом теплая улыбка озаряла его лицо еще минуту-другую, когда просто молчал, переместившись в ни с чем не сравнимые годы своей спортивной молодости.

Тут уже по внешнему впечатлению Чернышев — барин, аристократ. Но не купец. Отнюдь... Как типаж для съемок художественного фильма, скажем, по мотивам русской классики «золотого века» подошел бы наверняка, да только сомневаюсь, что прошел бы кастинг. Разве что предложили бы играть самого себя... Целевая натура, он никогда не примерял чужого платья, не удаляясь от самого себя ни на шаг.

...Ратиновое пальто.

Далеко не каждый советский гражданин мог такое себе позволить. А из тех немногих, кто был в состоянии раскошиться, далеко не каждый выбрал бы верхнюю одежду с таким изысканным вкусом.

...«Волга».

Такой автомобиль был пределом желаний для советских мужчин, не боявшихся сесть за руль. Мало было хорошо за-

рабатывать, еще сберечь да накопить следовало. Но и этого было недостаточно, ибо существовала запись на супермашину; в те списки еще и попасть было непросто, и ждать потом невесты сколько... Но тут рельеф характерный проступает не во владении шикарным транспортным средством, а в том, как оно обрамляется. Как он крутит ключи от замка зажигания, предвкушая эту поездку и радуясь тому, что вот сейчас сядет и, плавно трогаясь с места, поплывет по окрестностям, рассекая их, как быстроходный комфортабельный и элегантный корабль на подводных крыльях, скользящий по широченной Волге-матушке. (Те «корабли», которые законно производили неизгладимое впечатление на нашу публику, строились на заводе в Нижнем Новгороде — месте рождения и первых двух лет жизни Чернышева.)

...Свет, исходивший от него.

Ну, это категория нематериального свойства, не пощупать и не измерить. Таинственная и неисчерпаемая. Всяк на свой лад воспринимает ее и, если пожелает, интерпретирует. Но ежели излучение личности мощное и сфокусированное, то естественная разноголосица стихает и улетучивается в туманную даль. Чернышев обладал полем притяжения, куда попадал любой к нему приближавшийся.

Такое поле подобно магнитному. И в этом смысле оно очень даже материально. Любой из нас, кому доводилось встречать притягательную личность, подтвердит осязаемость подобного явления.

Такое поле — дар небесный. И удел единиц.

В любой сфере личности, обладающие магнетизмом обаяния, наперечет. Тем паче их редко встретишь в большом спорте с его прямолинейной заточенностью на результат и потому крайне жестким и непримиримым разделением на «красных» и «белых» — на победителей и побежденных.

А уж в хоккее, где грань между жесткостью и жестокостью размыта, днем с огнем их не сыскать и случайно не встретить подобного Чернышеву.

Вовсе не занижаю интеллектуальный уровень тех, кто выходит на арену, и тех, кто выводит хоккеистов на матч, чтобы доказать, что только их команда является сильнейшей из сильных, достойнейшей из достойных. Сам смысл и сама технология состязательности на стадионе отличаются от всех прочих форм конкуренции тем, что здесь физические, умственные и волевые возможности человека, щедро одаренного и ежедневно тренирующегося, подвергаются испытаниям на предельных, а подчас и запредельных оборотах. В реактивном и жестком хоккее — игре командной и, пожалуй, самой динамичной и самой

экстремальной из придуманных доселе — молодые люди не шадят живота своего и находятся в водовороте событий, зачастую скоротечных и непредсказуемых, а не часто, но с шокирующей регулярностью, и роковых даже (увы, мировая спортивная медицина ежегодно фиксирует смертельные исходы в игре).

И как, скажите на милость, дирижировать ансамблем из двух десятков смельчаков? Они же не в смокингах сидят за пюпитрами в составе симфонического оркестра. И каким человеком должен быть тренер, способный управлять бушующей стихией? Владимир Спиваков и Валерий Гергиев вместе со своими музыкантами гарантированно получают гром оваций после финала симфонии, разницы в децибелах рукоплесканий благодарных посетителей концертного зала никто и не уловит. А вот после финального свистка арбитра в почете будет лишь один из двух руливших сегодня тренеров.

Интеллигенты в хоккейные наставники не идут. Делать им там нечего. Не поймут и не воспримут их. Слушаться и даже прислушиваться молодые люди не станут.

На режиссерском пульте, размещенном на лавке команды, в цене оперативность мышления, лаконичность приказов и неотвратимость наказаний за их неисполнение вплоть до перевода в «штрафбат». На лавке звучат крик или окрик, матерок, угроза и подчас оскорбительный тон... Уже потом, когда Дворец спорта опустеет и эмоции улягутся, наиболее совестливые тренеры спишут все словесные перехлесты на экстремальность ситуаций. Не зря же хоккейный матч называют боем или битвой.

И всё же попадались среди наших наставников те, кого можно было отнести к интеллигентскому сословию. Дмитрий Николаевич Богинов. Николай Семенович Эпштейн. Александр Никифорович Новокрещенов... Тут уже пальцев одной руки может и хватить.

Аркадий Иванович Чернышев возвышается в этой узкой компании как исполин.

Интеллигент номер один в истории отечественного хоккея!

Интеллигентность является понятием достаточно широким, допускающим некоторые различия в толковании и, соответственно, различия в портретах тех, кого мы вправе считать интеллигентами.

Однако есть и набор красок, которого не обнаружишь в портретах этой почтенной публики. Одна из них — общение на повышенных тонах, переходящее в каких-нибудь сложных обстоятельствах в крик, угрозу и даже оскорбительные выражения. Интеллигент органически не может допустить того, чтобы хоть на самую малость унизить достоинство другого человека, унизив, кстати, тем самым и свое собственное.

Всё правда и всё красиво звучит, но как быть хоккейному тренеру, находящемуся в бурлящем котле страстей и эмоций? Как ту самую грань не перейти? Рецепта нет и не будет. Либо это есть в человеке, либо такая способность сохранять самообладание и уважительность к окружающим, к подчиненным отсутствует изначально. Такое не лечится и не тренируется. Эта редкостная способность была в полной мере присуща Аркадию Ивановичу Чернышеву. Проявлялась она не только в московском «Динамо» в напряженных матчах всесоюзного первенства, но и, что особенно удивительно и ценно, во время выступлений сборной Советского Союза в зарубежных турне, на мировых чемпионатах и на Олимпийских играх.

Борис Майоров, капитан сборной СССР в 60-е годы:

Сам я в годы спортивной молодости был очень честолобив и эмоционален, ничего кроме победы в матче не признавал и в «Спартаке», и в сборной. Эмоции били буквально через край. Мы даже с Женькой, моим братом, могли после какой-нибудь неудачно отыгранной смены разругаться вдрызг на лавочке. Но в хоккее считаю это естественным — специфика игры накладывает свой отпечаток и требует от игроков выплеска адреналина. Но одно дело — когда игрок перебарщивает с эмоциями, и совсем другое — когда такое происходит с тренером. И уж совсем никуда не годится, если при этом на хоккеистов обрушивается град обидных слов и явно грубых выражений, если окрик становится нормой при ведении игры.

Ничего подобного не бывало с Чернышевым. Что бы ни происходило на площадке, какие бы цифры ни горели на табло, какие бы оплошности ни допускали мы, игроки сборной, никогда не выходил из себя, сохраняя выдержку, терпение и уважительность к нам. Понятно, что в тяжелые минуты решающих поединков против сборных Чехословакии, Швеции или Канады его нервы бывали на пределе, ему приходилось принимать решения в считанные секунды. И потому переходил на другую громкость и на другую тональность. А как же иначе-то в хоккее? Но чтобы Аркадий Иванович позволил себе высказать что-нибудь обидное и тем более оскорбительное — нет и еще раз нет, категорически заявляю: такого в чернышевской сборной вообще не случалось.

Впоследствии я сам много лет тренировал. И в нашей стране, и за рубежом. И в клубах, и в сборной. Но всегда пример чернышевского поведения на лавке, его безукоризненной манеры управления командой во время матча служил для меня образцом, достойным подражания.

Как ему это удавалось? Благодаря чему сохранял выдержку?

Не возьму на себя смелость дать четкий ответ на эти сложные вопросы.

Всё же думаю, что шло это от характера Аркадия Ивановича, от его интеллигентности.

Чернышевская интеллигентность. Это достойно включения в хоккейный, да и вообще в спортивный лексикон.

Фамильное это качество.

Само понятие «фамильности» в хоккее придумал не кто иной, как Тарасов. Так Анатолий Владимирович оценивал хоккейного мастера, когда обнаруживал в его арсенале игровые качества, которыми обладал он и только он. Обнаруживал крайне редко и тогда стремился без устали развивать ту самую фамильность. Даже в ЦСКА такие игроки были наперечет. Рагулин, Фирсов, Викулов, Харламов... Единицы, владевшие неповторимым и непревзойденным почерком на льду.

У самого Тарасова, вне каких-либо сомнений, были фамильный тренерский почерк и фамильная линия поведения. Тарасовская интеллигентность? Никогда не звучало подобное словосочетание. Чего не было, того не было.

А чернышевская интеллигентность проявлялась повсеместно, была многогранной и гармоничной. Не показушной, а абсолютно естественной. Органичной. С учетом работы в экстремальной сфере, какой хоккеем является на все 100 процентов, натура Аркадия Ивановича подвергалась регулярным — как восходы и заходы солнца — рутинным проверкам, показательным тестам и суровым испытаниям.

И ни единого срыва, ни единого поступка, за который ему было бы мучительно стыдно и следовало незамедлительно извиниться перед хоккеистом, за Аркадием Ивановичем не значилось. Откуда такая железобетонная уверенность, такая широкая информированность? Рассуждаем по методу «от противного». Предположим, он все-таки сорвался однажды — ну человек же, не машина, не робот — и когда-то кого-то в пылу сражения обидел, унизил, оскорбил. В таком случае тренерский срыв моментально стал бы сенсацией среди хоккейного люда и молва об этом разнеслась бы «по полям и лесам». И, продолжим домысливать, тогда сам Аркадий Иванович не успокоился бы, покуда не улучил бы момента для извинения. Извинений никаких, однако, не случалось — за их полнейшей ненужностью.

По-человечески почти отказываюсь поверить в эту непогрешимость его природы, но факт остается фактом, а именно — полное отсутствие подобных эпизодов биографии Аркадия Чернышева.

Борис Чернышев:

Отец непосредственно нашим воспитанием не занимался. Времени на это не было. То клуб, то сборная. То сборы на базе, то выезды. Но отец своим авторитетом, своими манерами, своим поведением в разных обстоятельствах, конечно же, оказывал влияние на меня и Сашу. Нас мама воспитывала. Велта Мартыновна. И ремнем попадало, и в угол ставила.

Отсутствие отца в нашей квартире на «Войковской» было нормой. Тогда же за двое суток до матча команда съезжалась на загородный сбор. И когда «Динамо» проигрывало, сразу после матча все ехали обратно на новогорскую базу: как наказание за плохой результат, как воспитательная мера. Вот уже, считай-те, несколько дней подряд главы семейства нет дома.

Если в Лужниках принимали уральцев или сибиряков, Горький, Воскресенск или Ленинград, увидеть отца тоже было непросто, ведь возвращался он домой поздно вечером, когда мы с Сашкой уже спали. Когда я повзрослел, стал сам выбирать на игры. Возвращались вместе с отцом, который обсуждал со мной — как с равным! — подробности матча: «Ну как тебе — понравилась игра?..»

Помню, после второго периода динамовцы «горели» Горькому 1:4. Коноваленко, основной вратарь сборной, стеной у них стоял. Ну не пробить! Звено Петухов — Юрзинов — Волков в третьем периоде завелось, и всё закончилось удивительно хорошо — 5:4.

Отец всегда держался стойко, на семейной атмосфере результаты команды не отражались напрямую, в какой-нибудь нарочитой форме. Если наши динамовские парни одерживали победу — не сказал бы, что в доме устраивали праздничный ужин; если была неудача — мы не ощущали, что у отца неприятности на работе. Однако я видел, как он переживал поздним вечером, когда динамовцы в Москве теряли очки при встречах с Воскресенском, Горьким, Питером — теми провинциальными клубами, которые не считались прямыми конкурентами в борьбе за медали, но были достаточно сильны и иногда давали бой на московском льду. Мама наша была в молодости спортсменкой, играла в хоккей с мячом — женский хоккей тогда был популярен, — и для нее тренерская работа не являлась какой-то далекой и непонятной областью. Отец мог маме спокойно рассказать про хоккей: как, что и почему происходило.

Обычно он приезжал на игру вместе с командой на клубном автобусе, но как-то раз зимой прибыл в Лужники на своей «Волге». Видно, какие-то неотложные дела днем возникли, и отлучился в городской или центральный совет «Динамо». А мороз-то к вечеру ударил под минус 20 градусов. Выходит после хоккея, а машина — ни с места! Двигатель заводится, а двигаться — ну ни в какую. Когда разобрались, что к чему, оказалось, задний мост примерз.

Так отец спокойно и по-деловому взял паяльную лампу и... залез под «Волгу» отогревать мост! Пролежал в этой «VIP-ложе» достаточно долго. Я-то уже подмерзать начал, а отцу хоть бы что. Наконец, отогрел машину, и мы поехали домой.

Согласитесь, что изложенное сыном представить себе не просто. Чтобы старший тренер московского «Динамо», который являлся этим вечером в течение двух с лишним часов центральной фигурой хоккейного спектакля в большом лужниковском дворце, заполненном под завязку более чем десятью тысячами болельщиков, вот так повел себя в лютый мороз при неисправности личного авто?! Разобрался в том, что произошло, — значит, голова на месте, устранил неисправность — значит, руки правильно растут, но чтобы самому под машину залезать и там еще копошиться, обходясь без нервозности и крепких русских выражений, — нет уж, увольте, не поверю, а если и поверю его сыну — очевидцу невероятной послематчевой сценки, то всё равно представить себе эту картину не сумею... Воображения не хватает.

Года три или четыре назад известный российский специалист, трудившийся в провинциальном промышленном городе, вышел из дома, где клуб снимал для него жилье, и не обнаружил возле подъезда положенной ему клубной иномарки. Достал мобильный телефон и закатил скандал клубному администратору из-за пятиминутного, как выяснилось, опоздания водителя. Тому тренеру лет под пятьдесят всего, да и с виду буквально пышет здоровьем. Пешочком пройтись до ледового дворца ему было минут пять—семь. Вот уж он-то на смех поднимет того, кто расскажет ему, как прославленный тренер Чернышев, выйдя после динамовского матча на мороз и намереваясь вместе с сыном ехать на личном авто домой на другой конец города, не сумел двинуться с места, зато сумел найти неисправность и ликвидировать ее, находясь в горизонтальном положении под «Волгой» не менее получаса. И уже совсем до кучи — тот самый тренер, капризный донельзя, воспитывался в потомственной спортивно-интеллигентной семье и прилюдно держался подчеркнуто корректно.

Времена иные. А нравы? Ну уж определенно совсем другие.

Вот складывается образ такого человека, занятого в сфере высших напряжений — физических, эмоциональных, психологических, умственных, — человека, который несет полную ответственность за итоги работы вверенного ему коллектива перед массовым популярным спортивным обществом, перед преданными динамовскими болельщиками, а как дирижер сборной — перед народом и партией, и нервы у него как кора-

бельные канаты. Ни на лавке у хоккейного борта, ни в бытовых передрягах никто не видел, чтобы он терял контроль над собой, позволяя себе выплеснуть отрицательные эмоции на окружающих.

Борис Чернышев:

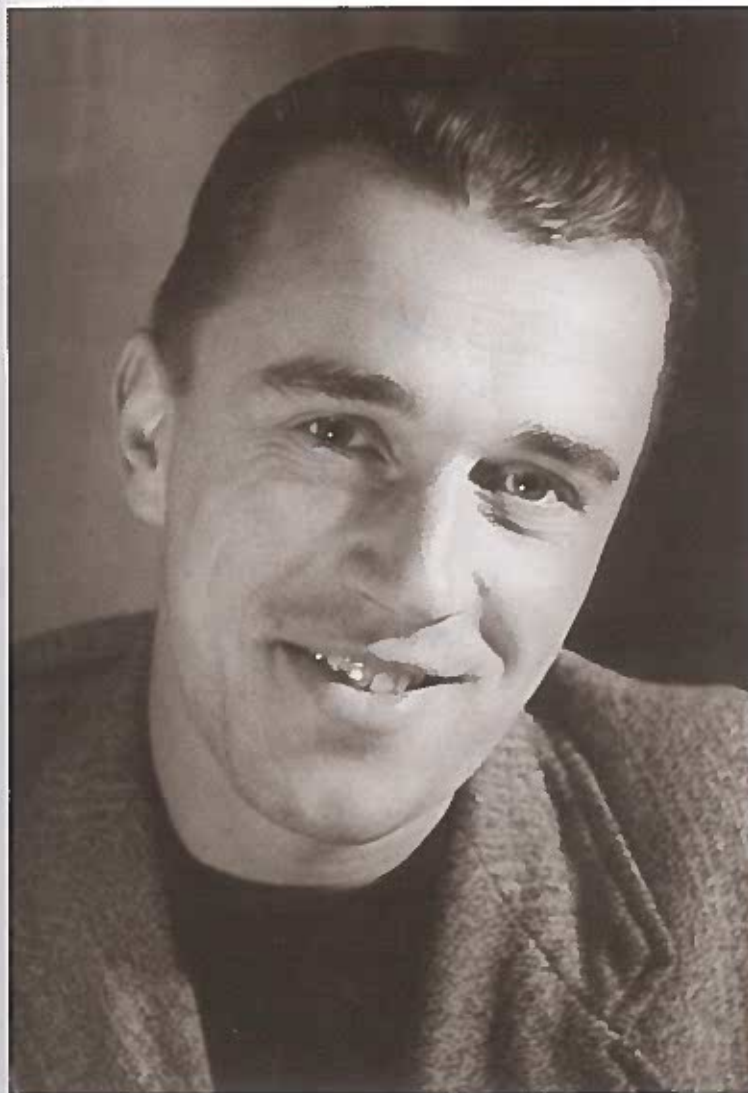
Нервы у отца были совсем не железные. Переживал по любому поводу. Но там, где другой человек как минимум громко выругался бы матом, он сохранял приличия. Интеллигентный мужчина не позволит себе распоясаться или выйти из себя по пустякам. И в сложных обстоятельствах сохранит выдержку. Не припомню, чтобы у отца нервишки сдавали. А поводов для нервного срыва бывало у него немало...

После матча, после всех этих бурлящих страстей, после решений вынужденно скоропалительных, импровизационных и потому когда точных, с попаданием в «яблочко», а когда и с попаданием в «молоко», хоккейные тренеры могли позволить себе выпить. Одни в домашнем кругу, а другие — в своей служебной комнатке, куда приглашали, как правило, тренера соперников. Такая «уважуха» к коллеге, негласно разумеется, была почти что ритуалом. Ничего дурного и ничего противозаконного в том не присутствовало. Снималось напряжение и проявлялось джентльменское отношение к своему сегодняшнему оппоненту. Пагубной привычкой это не становилось, во всяком случае, спившихся наставников клубов высшей лиги я что-то не припомню. Утверждать подобное про игроков, увы, было бы искажением фактов: переборы в употреблении спиртного нередко приводили к явно преждевременному финишу карьеры, пагубная зависимость зачастую возникала у тех, кто в послеспортивной жизни не находил себе места.

Борис Чернышев:

Мог ли отец позволить себе стопочку водки после хоккея? Ну а почему нет? Только стопочку, две — да и то редко, по случаю какого-нибудь досадного поражения. В лужниковском дворце буфетчица Маринка работала, полная такая, приветливая — наливала отцу рюмку, но это было как успокоительную таблетку принять: никаких долгих посиделок и обильных возлияний, отец скорее всего направлялся домой. А в кругу семьи после обычного календарного матча бутылки вина или водки на столе я никогда не видел. Такое случалось только на праздники.

Интеллигент.
Интеллектуал.

Александр

С мамой Александрой Николаевной

Отец
Иван Петрович
Чернышев

Аркадий
в возрасте
девяти лет

В составе московского «Металлурга», 1935 г.

В составе московского «Динамо» с Михаилом Якушным и Евгением Елисеевым

В борьбе за мяч.
Слева
от вратаря,
в белой
форме, —
Аркадий
Чернышев.
Матч «Динамо»
(Москва) —
«Спартак».
Сентябрь 1940 г.

Спортивное
ордена Ленина
общество
«Динамо»
(Москва) —
чемпион СССР
1937 года. 1938 г.

На предсезонном
сборе. 1938 г.

Команда «Динамо»
(Москва). Аркадий
Чернышев —
крайний справа
в нижнем ряду

На тренировке

Московские динамовцы, обладатели Кубка Москвы (февраль 1941-го, вверху) и Кубка СССР (март 1941-го, внизу) по хоккею с мячом

На воинской службе

Аркадий Чернышев. Довоенное фото

Хоккейная площадка родного стадиона «Динамо»

Первые чемпионы страны по хоккею с шайбой 1946/47 года.
Чернышев — четвертый слева

Аркадий Чернышев. Начало 1950-х гг.

Сборная СССР по хоккею на тренировочном сборе в ГДР. 1951 г.

Команда московского «Динамо» по хоккею с шайбой — чемпион СССР. 1954 г. Фото Л. Доранского

Капитан сборной СССР Всеволод Бобров с Кубком чемпионов мира 1954 года. Фото из шведской газеты «Афтонбладет»

Встреча олимпийских чемпионов 1956 года в Москве. Фото И. Уткина

Товарищеский матч сборной СССР. Сезон 1956/57 г. На переднем плане слева направо: Алексей Гурышев, Всеволод Бобров, Аркадий Чернышев. Фото И. Уткина

В динамовской раздевалке

Звучат эти слова похоже. Почти как синонимы. Хотя, разумеется, понятие интеллигентности куда шире и куда глубже, а в чем-то многослойнее и неоднозначнее.

Обладал ли Чернышев широким кругозором? Можно ли сказать, что не замыкались его интересы и увлечения сугубо хоккейной ареной? Тянуло ли его к общечеловеческой культуре?

На все эти вопросы получаем утвердительные ответы.

Культурный человек ведь не может довольствоваться когда-то давно прочитанной книгой или много лет назад услышанной симфонией. У такого человека есть постоянная потребность в подпитке — духовной и интеллектуальной; он черпает воду из колодца, где сокрыты культурные ценности, не в силах напиться досыта и лишь утоляя жажду на короткое время.

Аркадий Иванович читал запоем, едва выдавалась пауза для спокойного погружения в писательский замысел. Читал избирательно, вдумчиво, хорошо запоминая прочитанное. С учетом вечной занятости по ходу сезона в клубе и сборной, частых поездок по стране, Европе и Северной Америке толстым фолиантам предпочитал компактные издания: повести и рассказы, историю и географию... Спортсмены не могли не подивиться его эрудиции: во время зарубежных выездов он легко, охотно и мастерски справлялся с ролью русскоговорящего гида, что было прикладным использованием часов, проведенных наедине с книгой.

Было и нечто большее, более глубокое и органичное в его начитанности. Это, как у любого человека, развивало личность, одухотворяло ее, поднимало на новый культурный уровень. И так продолжалось всю его жизнь.

Борис Чернышев:

В редкие свободные вечера родители старались куда-нибудь выбраться, чтобы культурно провести досуг. Отец был знаком с Владимиром Владимировичем Кудряшовым, который много лет работал в Большом театре. Звонил ему: «Мы с женой хотим пойти в Большой — сможешь?» Театр, балет, классическая музыка. Для отца это было естественным занятием, будь его воля, каждый день выбирался бы куда-нибудь, а из-за его вечной занятости любой культпоход становился настоящим семейным праздником. На аккордеоне замечательно играл, музыкальным слухом обладал — в отличие от меня. Хорошо помню, как всей семьей пошли на «Царскую охоту» в Театр имени Моссовета, с Маргаритой Тереховой и Леонидом Марковым в главных ролях. Спектакль очень понравился. Весь обратный путь мы живо обменивались впечатлениями.

Свободное время служит наградой за исправную службу. Награду эту каждый из нас использует по-своему: застолье в веселой мужской компании, сидение у телевизора, плутание по интернетовским лабиринтам, терзание тела физической нагрузкой, чтение книг... Всё хорошо, что мило нашему сердцу и позволяет нам отвлечься от трудовой рутины и подышать полной грудью. Не всё, однако, работает на личностное развитие, на расширение кругозора и, наконец, на подпитку от того самого интеллектуального колодца с живительной влагой, без которой интеллигентному человеку никак не обойтись. Иначе ощущает он душевный дискомфорт и вообще дисбаланс в жизни.

Тягу к культуре Аркадий Иванович испытывал абсолютно естественную. Для него это было сродни пополнению организма недостающими в ежедневном спортивном рационе абсолютно необходимыми витаминами и микроэлементами. Были у него и другие увлечения. В каждом из них находил что-то свое, необходимое его разуму и душе, находил те эмоции, которых не хватало в тренерстве, либо, что ближе к реальности, те, что компенсировали интеллектуальные и нервные перегрузки большого спорта.

В этих увлечениях выступал в одиночном разряде, в той или иной форме оставаясь наедине с самим собой.

В шахматы играл при первой возможности. А возможности предоставлялись частенько, в рамках трудовых будней. Что ж не сразиться на черно-белом поле после ужина на динамовской загородной базе? Зачем упускать такую приятную передышку после встречи с динамовским руководством, отыграв в обеденный час партию-другую с кем-нибудь из аппаратных сотрудников? Никаких специальных условий и никакого временного простора не требуется, а только нужны доска да соперник, готовый отвлечься от трудов праведных.

Игорь Тузик, мастер спорта, выступал за динамовские клубы Москвы и Киева, заслуженный тренер СССР:

Аркадий Иванович очень прилично выглядел за шахматной доской. Готов был сыграть партеечку с кем угодно и когда угодно. Над ходом подолгу не корпел, схватывал ситуацию на лету и ясно предвидел замысел противника. Двигал фигуру уверенно. Не говорил много, не утомлял, подиштит по-доброму и снова молчит. Самоиронии не был лишен. Малопосвященному человеку было довольно затруднительно по его невозмутимому виду догадаться о том, насколько переживает ход партии, насколько задевает его, выиграет или проиграет. И из-за этого я однажды попал впросак.

Меня только-только включили в основной состав, и я потихоньку обживался в коллективе. Накануне матча сидим на базе

в Новогорске, после ужина кто чем занят: бильярд, телевизор, шахматы... И неожиданно для меня Аркадий Иванович предлагает: «Ну что, молодой, — сразимся в шахматешки?» Я охотно согласился. Играть-то умел, но не скажу, чтобы очень уж силен был. То ли от неожиданности, то ли от желания себя проявить в новом коллективе, но прыгнул я выше своей головы. И выше головы Адика... Он встал нахмуренный, озадаченный и, не проронив ни слова, пошел в свою комнату. А я-то ничегошеньки не понимаю, что натворил, такой довольный собой встаю из-за стола — и тут на меня накидываются парни: «Ты что натворил, молодой?! Дурья твоя башка — Адику настроение испортил. Перед игрой!» Кто-то огрел меня тапкой по заднице, кто-то отаесил подзатыльник. С молодыми игроками, нарушившими внутренний «устав», не церемонились те, кто по многу лет находился в команде. Везде так было принято, в «Динамо» еще помягче были нравы. В общем, радость от победы вмиг улетучилась. И на будущее я этот урок усвоил накрепко: в отличие от хоккея, где я из кожи вон лез ради того, чтобы закрепиться в «основе», за шахматной партией с «Самим» пыл свой умерял. Особенно важно это было делать перед игрой, не доставляя отрицательных эмоций старшему тренеру. Динамовские старослужащие следовали такому правилу неукоснительно.

Логично предположить, что шахматы позволяли Аркадию Ивановичу чувствовать себя в игровом тоне, поддерживая интеллектуальную форму. Оценка ситуации, предугадывание вражеского замысла, разработка плана действий и внесение в него корректив по ходу сражения, сохранение психологической стойкости при вынужденном отступлении и потеря части наличного состава, при планировании острого контратакующего выпада — ну разве это не моделирование того, с чем приходилось сталкиваться там, на хоккейной арене? Да только в куда более комфортной обстановке, не обременяя себя ответственностью за коллектив и за итоговые цифры на табло, полагаясь на себя одного. А то, что так остро отреагировал на поражение от молодого новобранца команды, так плохо прикрыл недовольство собой и подпорченное настроение, указывает на эмоциональность натуры и неприятие неудачи в игре. Однако же не выплеснул негативные эмоции и, само собой, не вымещал потом досаду на молодом неоперившемся игроке. Сохранил корректность в поведении. Как, впрочем, сохранял ее при всех спортивных и внеспортивных обстоятельствах.

Имелось у Аркадия Ивановича хобби, которое требовало нескольких часов покоя и тишины на природе. Там, на берегу речки или озера, он оставался один на один с собой. Едва появ-

лялась возможность выкроить пару-тройку часиков, устремлялся на рыбалку. И переключался полностью.

Мне всегда, даже в юношескую пору, желание человека побыть несколько часов в уединении представлялось вполне естественным и потому необходимым. Необязательно часто и необязательно подолгу. Иногда, в охотку. Чтобы ты мог поверить в путае собственной души и ее общее состояние, ощутить ее потаенные помыслы... Прислушаться к самому себе ведь возможно только вдали от окружающих и, если получается, на природе, в заповедной тиши.

Борис Чернышев:

Отец был заядлым рыбаком. Любую возможность использовал, чтобы выбраться на берег водоема. С Яшиным они регулярно отправлялись с удочками на озеро недалеко от динамовской базы в Новогорске. Однажды Лев Иванович решил с резиновой лодочки поудить и неудачно двинулся, лодку накренило, она зачерпнула воду и начала медленно погружаться. А Лев Иванович стоял, боясь пошевелиться, как капитан на тонущем корабле. На берегу все умирали от хохота... Хорошо, мелководье там. Спасли Льва Ивановича, но было уже не до рыбалки.

Вообще-то отец предпочитал в одиночестве заниматься этим. Но и не отказывался от приятной ему компании. Нас с братом брал на рыбалку на Истру. Советами не досаждал, так, подкажет что-нибудь и молчит себе с довольным и сосредоточенным выражением лица. Ему сам процесс нравился, нравилось находиться на природе и в тишине, от суеты всякой уставал. Ну а если что выловит, домой привезет и попросит маму сварить, например.

Семья для Аркадия Ивановича означала очень и очень многое. Это была пристань, куда тянуло постоянно и куда он неизменно торопился вернуться. Старался наверстать упущенное из-за вечных отлучек из дома. То по два-три дня его не было, то по неделе, а то и по полмесяца разъезжал по миру. Это сказывалось на супруге и детях, на нем самом. И он будто всегда был «в долгах как в шелках» перед ними и перед собой.

Поздним летом и осенью наступала благодатная пора, позволявшая семье Чернышевых побыть вместе и насладиться занятием, любимым и родителями, и детьми.

Борис Чернышев:

Вся наша семья — заядлые грибники. Уж не помню, от кого обычно инициатива исходила. Зато помню, как выбирались за город. Дачи у нас никогда не было. На воскресенье мы не набеялись, матчи у отца часто случались по выходным. Мы подгадывали под

тот день, когда он ночевал дома. В 4.00 подъем. В 4.30 выезжаем на отцовской «Волге» на Ленинградское шоссе — полчаса до бетонки и сворачиваем. Раз, помню, здоровенный лось прямо перед машиной перебежал дорогу — отец еле успел затормозить от неожиданности! Потом еще раз такое повторилось...

Где-то минут через сорок мы были на месте. Уговаривались, что собираем только белые. Мы с отцом и братом прямиком в лес, а мама неподалеку от машины искала, побаивалась далеко в лес уходить. Возвращаемся часа через два и сравниваем, у кого белых больше: «У нас — по полсотни!» А мама скромно так: «Сколько нашла?.. Где-то около семидесяти будет». Как ни старались, никак мы не могли собрать больше, чем она. Возвращаемся к восьми часам в Москву. Мы с братом в школу, отец на работу, мама начинает хлопотать по хозяйству.

Хоккей являлся призванием Аркадия Чернышева. Судьбой, свыше предначертанной, был он призван еще в военном 44-м послужить родине на спортивном фронте «особого назначения» — хоккейном. Сверхсрочная и сверхсложная служба растянулась на несколько десятилетий. Боевой хоккейный генерал Аркадий Чернышев со множеством регалий оставлял в своем сверхплотном распорядке время и силы для близких — жены и детей, сестер и братьев, для своих увлечений.

Исступленная хоккейная служба Анатолия Тарасова и фанатичная тренерская служба Виктора Тихонова красочно расписаны и вкусно поданы коллегами по перу старших поколений.

У каждого из этого трио — Чернышева, Тарасова, Тихонова — были свой путь, своя педагогика, свой образ жизни. Каждый имел на то право и основания. Каждый шел столбовой дорогой к высокой цели, будучи убежденным в правильности именно своего маршрута продвижения, именно его способов достижения прогресса.

Воздержусь от оценок такой глобальной «логистики», от оценок стратегии и тактики каждого из них. Лишь напишу, что чернышевские подходы к профессии и к тем людям, за которых держал ответ, мне импонируют очень. Как вызывает ответственное душевное тепло любой встреченный в жизни истинно интеллигентный мужчина.

Интеллигент русского, или, дабы быть национально корректным, российского покроя — это особая статья. Статья, которой в полной мере обладал Аркадий Иванович Чернышев.

Во время законного июньского отпуска он позволял себе полностью отключиться от спорта и возвращать те самые долги своей семье. И от того ничуть не терял в своей высочайшей профессиональной квалификации. А восстановление сожжен-

ных в матчах нервных клеток впоследствии только помогало ему и его командам — столичному «Динамо» и сборной Советского Союза.

Борис Чернышев:

Летом наша семья, когда мы с братом еще не выросли, обычно отправлялась на Черное море. Своим автомобильным ходом. Отец и водил хорошо, расчетливо и уверенно, и разбирался в устройстве автомобиля — голова и руки были на месте. Ему даже удовольствие доставляло покопаться в «Волге». Мелкий ремонт брал на себя.

Алик Занберг, динамовский администратор, посоветовал: «Аркадий Иванович, есть не место, а сказка! Никто про него не знает. Под Анапой. Джемете называется — кусок Балтики на Черном море!»

Поехали на машине. 1800 километров — два с половиной дня в дороге. Остановившись на ночевку под Харьковом и за Ростовом. Спали прямо в «Волге». Прибыли на место и убедились в правдивости слов администратора: стометровой ширины песчаная полоса — конца-края не видно, за ней вдоль берега тянутся крестьянские домики с садами и огородами, между ними и берегом — дюны с кустарником, местные называют их «кучугурами». Мы снимали комнату на самой окраине поселка — глиняный пол да керосиновая лампа, еще не во всех домах было электричество. Море мелкое — идешь, идешь, а все тебе вода по пояс, зато она чистая и прозрачная. С утра пораньше шли на берег, делали тент из палок от клюшек с отпиленными крюками, купались и загорали до обеда. Затем мы с мамой возвращались в комнату, а отец уходил в «кучугуры» и зарывался в песок. Прямо как Саид в фильме «Белое солнце пустыни»! Грел поясницу — помогало от радикулита.

Радикулит донимал его жестоко. Мучился годами... Когда мне было десять лет, он взял нас на летний сбор «Динамо» в Сочи. Снял специально комнату, чтобы мы находились не с командой. И за два дня до возвращения в Москву его скрутил такой острый приступ радикулита, что лежал пластом и не мог без боли даже пошевелиться. Уж на что терпеливый был, но стонал при каждом движении — такую боль испытывал. Местный врач сказал: «Хотите, чтобы встал на ноги, — несите пчел!» Команда дружно отправилась на пасеку, и каждый принес по пчеле. Двадцать пчел по очереди прикладывали к пояснице и те жалили. Больно, когда одна укусит, а тут целая стая... Пытка была настоящая! Отец корчился от боли, но терпел. Вскоре поясница стала похожа на надувную подушку. Зато на второй день отец сам встал, и мы успели с ним к отправлению поезда. А на будущее врачи рекомендовали ему греть поясницу в горячем песке,

что он и делал, пока мы отдыхали в Джемете. Такого прогревания ему хватало на год, а следующим летом мы снова отправлялись на юг.

Вот картина отдыха советского гражданина — крепкого семьянина и счастливого обладателя легкового автомобиля. Рассчитывающего сугубо на себя. Готового, если что-нибудь в «Волге» забарахлит, разобраться, что к чему, и устранить неполадки. Не претендующего на отдых в шикарном санатории, куда легко мог бы попасть, в дорогой комфортабельной гостинице, пребывание в которой мог оплатить, или на хорошей спортивной базе, где его с семьей охотно разместили бы бесплатно либо за сущие копейки. Отвечающего в семье за всё в течение месячного отпуска.

Старший тренер хоккейной сборной Советского Союза никакими персональными льготами и служебными связями не пользовался — никакой протекции для обустройства семейного черноморского отдыха. А ведь наверняка это было в его силах и по динамовской линии — спортивной и офицерской, и по линии Всесоюзного спорткомитета. Да перед наставником непобедимой в 60-е годы сборной любые двери открывались... Однако никуда не шел и ничего для себя, для своей семьи не просил. Такова вот натура чернышевская. Интеллигентная в любом проявлении, какое ни возьми.

Семья в его жизни представляла собой что-то очень важное, очень дорогое и очень обязывающее. Домой спешил не столько для отдыха от сложной и хлопотной работы, сколько ради того, чтобы побыть среди самых ему близких людей. Погруженность в хоккейную тему и энергозатраты при выполнении тренерских обязанностей были полнейшими, однако нельзя сказать, что они закрывали весь горизонт перед Аркадием Ивановичем. Потребность в постоянной интеллектуальной подпитке и в подпитке взаимной любви и преданности с родными являлась сопоставимой со службой категорией. Необходимость нести персональную ответственность за результаты хоккейной сборной необъятной страны, разумеется, определяла линию и образ его жизни, но параллельно существовали и линии, со спортом никак не связанные.

Чернышев не являлся фанатиком тренерской работы, какими представлялись окружающим Тарасов и впоследствии Тихонов.

Камень в огород Тарасова или Тихонова не собираюсь кидать, поскольку безграничная по времени и силам самоотдача, круглосуточная тренерская вахта не могут не вызывать уважения и отчасти неверия в то, что подобное самоотречение от

мирских занятий вообще возможно. Но автор не вполне уверен, что стопроцентная погруженность в тренерство гарантирует более высокие достижения команды, да и вообще благотворно влияет на коллектив. Зато уверен, что профессиональный потенциал Чернышева ничуть не снижался из-за похода в театр или нескольких часов с удочкой в руках. Более того — повышался даже! Ибо это интеллектуально и духовно развивало его личность, а значит, интеллектуально и духовно обогащало хоккеистов в процессе их каждодневного взаимодействия на спортивной работе и неформального общения вне льда. Развивало их личности — о чем они единогласно, будто сговорившись, вспоминали с безмерной искренней признательностью к Адику. Такая многогранность и широта интересов позволяли взглянуть на свою тренерскую службу по-новому, свежо, что-то переосмысливая и корректируя. Бывает же, что нам хочется показать результаты своего труда постороннему человеку, у которого нет погруженности в решение нашей задачи и поэтому нет и привычности, будничности и замысленности в ее восприятии.

Интеллигентность природы предполагает многогранность и потребность в шлифовке тех самых граней и порой открытии новых. Предполагает непрестанную работу над собой и самообразование.

Откуда берутся такие подходы к себе и к жизни? Каковы истоки интеллигентности? Наследственный это признак либо благоприобретенный? Тема диссертации. И не кандидатской, а докторской. И не одной, а нескольких. Всё ли определяют родительские гены? И насколько важно воспитание в детстве и юности?..

Математически выверенной формулы не существует, насколько мне известно.

Владимир Писаревский:

Интеллигентность Чернышева меня поражала в течение пяти десятков лет нашего знакомства, начиная с 44-го, когда попросил нас, пацанов, найти среди пленных хоккеиста, и заканчивая моими многочисленными интервью для радио и телевидения. И не помню, чтобы он позволил себе как-то человека задеть, обидеть жестом или словом. Аркадий Иванович вел себя тактично и доброжелательно, никогда не проходил, будто нарочито не замечая, мимо даже малознакомых людей и всегда обменивался рукопожатием, стараясь сказать какие-то приветственные слова. Он был прост и доступен, но при этом был тонким психологом, был проницательным и обладал врожденным чувством меры.

До сих пор не знаю, было ли у него высшее образование... Но разве это важно для человека с таким характером и с таким

интеллектом? Все годы нашего с ним общения мне казалось, что он — человек голубых кровей. А расспросить Аркадия Ивановича об этом было мне как-то неловко, и я все откладывал, откладывал, надеясь на то, что возникнет какой-нибудь удобный случай.

Я почти уверен в том, что он — выходец из непростой семьи. Благородный человек. Рыцарь того времени!

Борис Чернышев:

Если бы меня попросили одним словом охарактеризовать отца, ответил бы — интеллигент. Истинный интеллигент! Я это признание слышал от самых разных людей.

Хотя происходил отец из семьи высококвалифицированного рабочего. Когда деда из Горького переводили в Москву, кажется, пятьдесят человек подписали и подарили ему памятный адрес с благодарностью от дирекции завода. Семеро детей в семье этого деда было, отец был самым младшим. Три папины сестры учиться пошли, а он после того, как их большая семья осталась без кормильца, в семнадцать лет, чтобы помочь семье, отказался от продолжения учебы в институте и устроился на работу в ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт. — Л. Р.), когда там трудился Мстислав Келдыш, который впоследствии стал президентом Академии наук СССР. Уже став тренером «Динамо» и потом сборной, он живо реагировал на упоминание в печати или на телевидении Мстислава Всеволодовича Келдыша: «Хороший мужик. Очень толковый и работающий. И справедливый. Требовал с подчиненных по всей строгости, но по-человечески к каждому относился».

Отец так и не получил высшего образования. Все годы как-то не до того было. Зато интеллигентом был высшей пробы.

Оказался не прав ветеран тележурналистики Владимир Писаревский.

До какой же степени облагораживал всё вокруг себя Аркадий Иванович, что человек, знакомый с ним накоротке много-много лет, по сию пору убежден в высоком происхождении Чернышева. Поразительно, зато правда.

Означает ли факт пролетарского происхождения, что чернышевская интеллигентность — сугубо благоприобретенная? Не уверен.

Избегая диссертационной фундаментальности, напишу, что и генами его родители одарили качественными, и воспитали по-людски, и сам он руку приложил, чтобы стать тем, кем стал.

И кто отказал наотрез человеку, способному своими руками изготовить сложные детали, или человеку, возделывающему ниву, в способности быть простым и доброжелательным,

вдумчивым и самокритичным, ищущим и ироничным? А если и есть исследования исключительно генных истоков интеллигентности, то я никогда и ни за что с ними не соглашусь. Прожитые годы и встреченные мной люди дают мне на это право — право не верить в какие-либо шлагбаумы на пути тех, кто, подобно Чернышеву, стал безупречно интеллигентным человеком. И верить в естественность всех трех кристально чистых источников интеллигентности: родители — воспитание — личностные устремления. Словно высокогорные ручьи, питающиеся от заоблачных ледников, они и создают людей высокой породы. Чистой породы.

Борис Чернышев:

Мама мне потом рассказывала... В начале 50-х это случилось. Как-то поздно вечером, ближе к полуночи, к нам в квартиру пожаловал какой-то офицер, который привез с собой радиолу и сказал, что это подарок от Василия Сталина, который предлагает ему перейти из «Динамо» в ВВС. Команда летчиков в те годы была сильнейшей в стране и громила всех подряд. Какие только неведомые и немереные блага не обещал тот полковник, ссылаясь на Василия Иосифовича!.. Отец внимательно выслушал и ответил, что подумает. Совещались они с мамой недолго: нет, конечно, такие там ВВС, зачем это, если всю жизнь в «Динамо»? Отец не принял этого предложения.

Легче было согласиться. Уж больно велики были соблазны и уж больно магически действовала на психику фамилия генералиссимуса. А добавляло соблазна то, что становилось известным в спортивных кругах: сын вождя народов, обещая многое, всё неукоснительно выполняет. Без напоминаний — всё в оговоренный срок спортсмены получали. Квартиру отдельную однокомнатную? Пожалуйста, переезжайте из своей коммуналки. Легковой автомобиль? Забудьте о дребезжащем трамвае, оформляйте документы и садитесь за руль... Зарплата и премиальные в ВВС были на высшем уровне. Однако всего важнее был жилищный вопрос, массовое строительство доступного жилья началось только при Хрущеве...

Василий Сталин создал первый в стране суперклуб, где развивалось несколько видов спорта. Ясно, что футбол и хоккей находились под его особым присмотром. Он зазывал под знамена Военно-воздушных сил Московского гарнизона лучших из лучших, сильнейших из сильных. И к нему переходили, потому что условия предлагались шикарные и потому что они выполнялись. А еще потому, что Василию Иосифовичу просто было очень трудно отказать... В хоккее к нему из ЦДКА пере-

шли Бобров с Бабичем и Шуваловым, а также еще целый ряд сильных игроков.

Чернышев отказал.

Не склонный кочевать в поисках сладкой доли, Аркадий Иванович такой вариант продолжения карьеры вообще не рассматривал. Не польстился ни на зарплату с премиальными, ни на квартиру с «легковушкой». А зачем уходить куда-то, если еще до войны осознанно вступил в динамовские ряды? Если с «Динамо» добился кое-каких достижений. Если душой и разумом прикипел накрепко к родному клубу. Если есть у него в своем клубе перспективные планы, которые он обязан реализовать...

Мало кто осмеливался отказать от предложения самого Василия Сталина. Хотя никто не слышал про какие-нибудь козни с его стороны в адрес тех, кого не удалось переманить в ВВС. Однако в те годы подобные опасения невольные могли лезть в голову любому здравомыслящему гражданину.

Аркадий Чернышев осмелился так поступить. Потому что смелым был человеком.

Способность не повестись сгоряча на заманчивое предложение, которое идет вразрез с твоими жизненными установками, или готовность по той же причине послушаться указаний высокого начальства свидетельствуют о принципиальности человека и о силе его духа.

На чемпионате мира 1967 года в Вене сборная досрочно обеспечила себе золото. Накануне последнего матча против Чехословакии в номере Чернышева раздался звонок из Москвы — из ЦК партии. Старшему тренеру порекомендовали подсобить нашим друзьям, дабы еще одна социалистическая страна стала призером мирового первенства. Он ответил, что подумает. Аркадий Иванович решил на то, чтобы не внять этим антиспортивным советам. Решился послушаться указания с самых верхов государственной власти. Поделится этим с Тарасовым и нашел у Анатолия Владимировича полную поддержку. Вся ответственность за такое неповиновение лежала на старшем тренере. Своей головой отвечал... Мало того что послушался ЦК — так еще камня на камне не оставила советская дружина от друзей по сошлагерю!

Автор, поживший в те достопамятные времена и так и не вступивший в коммунистическую партию ради карьерных интересов, не замечал за собой низкопоклонства и приспособленчества. Представляю себе — а как бы я поступил при схожих обстоятельствах? Хватило бы мне чернышевской принципиальности и чернышевского мужества? И вынужден признать, что уверенности в том не ощущаю...

Мягкотелый, слабохарактерный... Такие ярлыки недалекий обыватель горазд приклеивать к тем, кто выгодно выделяется на общем фоне, никак к этому не стремясь, держась просто и скромно. Намек на недостаток отваги и стойкости абсолютно прозрачен. И, бывает, нам кажется, что есть какая-то правда в подобных попреках.

Автор признавался и еще будет признаваться в том, что неоднократно бывал изумлен при «раскопках», предшествовавших написанию этой рукописи.

Факт, о котором расскажу на этих страницах, пожалуй, вне сравнений даже среди умопомрачительных эпизодов судьбы Аркадия Чернышева.

Долгие годы старший тренер хоккейного клуба «Динамо», представлявшего Министерство внутренних дел и потом Комитет государственной безопасности, и старший тренер сборной СССР не являлся членом Коммунистической партии Советского Союза!

И не стал им даже на склоне лет.

Как такое было возможно? Если всё было абсолютно четко структурировано и люди, занимавшие серьезные должности в промышленности, науке, культуре, сельском хозяйстве, были просто обязаны иметь партийный билет? Если в спорте высших достижений жесткость данной установки становилась абсолютной? Если динамовский наставник обязательно являлся аттестованным офицером, да не просто армейским капитаном или подполковником, а сотрудником МВД или, по прошествии времени, когда изменилась ведомственная принадлежность хоккейного клуба, КГБ, где требования к благонадежности каждого сотрудника зашкаливали?

Кажется, что в принципе такое было нереально. Но было.

Борис Чернышев:

Отец вступил в партию еще до войны. Еще совсем молодым человеком. Осознанно принял решение, искренне поступил.

Один из его старших братьев, Петр, работал на кафедре гимнастики Института физкультуры вместе с сестрой Верой. Кто-то написал на него донос, и Петра Ивановича арестовали как «врага народа». Позднее арестовали и Веру Ивановну только за то, что отказалась подписать бумагу, что ее муж — «враг народа». Она просидела целый год в Новинской тюрьме в одной камере с женой маршала Тухачевского, которую у нее на глазах увели на расстрел, а выпустили сестру отца только потому, что бабушка написала письмо Сталину.

А Петра Ивановича расстреляли, и отца автоматически исключили из партии.

В 50-е годы его пригласил на встречу председатель Всесоюзного спорткомитета Николай Николаевич Романов:

— Аркадий Иванович, мы тут посоветовались и решили доверить вам хоккейную сборную. И выяснилось, что вы не коммунист.

— Так сложилось. Не по моей воле.

— Да вы не волнуйтесь. Откровенно скажу — мы вам доверяем больше, чем некоторым партийцам.

— Благодарю, конечно.

— Ну так вы напишите заявление в партию. И закроем этот вопрос раз и навсегда. Никаких проблем впредь не будет.

— Меня же несправедливо исключили: за брата, которого ни за что расстреляли. И если я второй раз напишу заявление, значит, признаю, что брат был виновен. Если в ЦК считают, что меня исключили неправильно, то пусть восстанавливают в членстве, но второй раз писать заявление я не буду.

— Ладно, ладно, Аркадий Иванович. Работайте себе спокойно...

Вообще стране очень повезло, что в 50–60-е годы спортом руководил Романов — умный, чуткий, справедливый, работающий. Когда отца в пожилом возрасте парализовало, Николай Николаевич регулярно позванивал и справлялся о его здоровье.

И у кого после этой истории повернется язык назвать Аркадия Чернышева мягкотелым интеллигентом?..

Чернышев дослужился до звания полковника КГБ, так и не вступив в компартию. И так и не получив высшего образования, что, впрочем, ничуть не помешало ему являться блистательным специалистом, всегда шагавшим в ногу со временем, зачастую и опережая его бурное течение, быть в высшей степени эрудированным человеком.

Вот выписка из анкеты, которую стоит прочитать очень внимательно:

Чернышев Аркадий Иванович.

Полковник КГБ.

Старший тренер хоккейного клуба «Динамо» (Москва).

Старший тренер сборной СССР по хоккею с шайбой.

Партийность: беспартийный.

Высшее образование: не имеет.

Не был осужден, не привлекался и т. д. и т. п.

Вот не знаю, не показалось ли вам фактической нелепицей сочетание его фамилии с высоким офицерским званием, приправленным названием всесильного и грозного для советских граждан ведомства? Мне показалась принадлежность такой светлой личности к ведомству, неусыпно и бдительно стояв-

шему на страже интересов государства и не знавшему пощады, как минимум иронией судьбы. Чернышев никогда не показывался на публике в офицерском кителе — в отличие от Тарасова, который охотно облачался в мундир... Впрочем, допускаю, что фамильная сдержанность Чернышева отчасти была связана и с его пусть и сугубо формальной принадлежностью к «органам».

Борис Чернышев:

В конце 60-х наконец-то была решена организационная проблема — хоккейную команду «Динамо» оформили как штатную структуру: тренеры и игроки после аттестации получали офицерские звания; кроме всего прочего, это создавало предпосылки для нормального трудоустройства после окончания спортивной карьеры.

«Динамо» было приписано к погранучилищу в подмосковном Голицыне. Отец как-то заехал туда по делам. Местный начальник полушутя-полусерьезно заметил:

— Аркадий Иванович, смотрите, что получается: вот я, начальник училища, подполковник, а вы, старший тренер «Динамо», в звании полковника?!

— Ну вы уж не обессудьте, я здесь ни при чем, — виновато улыбаясь, ответил отец.

Военную форму надевал только в тех редких случаях, когда надо было в ателье сфотографироваться для каких-нибудь документов. Ему находили мундир, соответствовавший его званию, отец снимался и благодарно возвращал взятую на несколько минут одежду.

Игорь Тузик:

Аркадий Иванович по характеру своему и поведению удивительным был человеком. Имея высокий авторитет и большие должностные полномочия, никогда не командовал в обычном понимании этого слова. Не повышал голоса и, указывая, что надо делать, как будто просил, а не требовал.

Классный хоккеист или футболист обладает чувством дистанции: знает точно, когда, владея шайбой или мячом, стоит сблизиться с соперником и обвести его, а когда повременить; опять же, знает, на какое расстояние сблизиться, знает, когда лучше держаться от опекуна подальше. Без этого чувства дистанции звездами не становятся. Врожденное оно, считаю.

Вот таким чувством дистанции в тренерской работе, в отношениях с людьми обладал Чернышев. Считаю, это тоже врожденное у него качество. Ценнейшее для тренера.

А еще мне кажется, что рамки его офицерского звания, его принадлежности к «органам» накладывали дополнительные ограничения на излишнее проявление эмоций, заставляли всегда держать себя в руках, вести себя солидно, безупречно — так,

чтобы придаться нельзя было. Понятно, что офицером Аркадий Иванович был чисто номинальным и никаких задач кроме спортивных не решал, но какие-то дополнительные обязательства всё это накладывало. С его интеллигентным поведением это никаких сложностей собой не представляло.

Спортивное, комитетское и, наконец, партийное руководство спасовало перед чернышевской принципиальностью и непреклонностью либо было просто вынуждено смириться с его линией поведения, которая не укладывалась ни в какие рамки. А ведь ему доверяли в течение многих лет ответственный участок идеологического фронта, причем доверяли в разгар холодной войны. Советский Союз был «впереди планеты всей» — в космосе с Юрием Гагариным и Германом Титовым, в балете с Галиной Улановой и Майей Плисецкой, в хоккее с Аркадием Чернышевым и Всеволодом Бобровым. Как-то хватило ума и дальновидности начальникам — не только, понятно, Николаю Романову — не ломать через хребет Аркадия Чернышева, испытывая судьбу страны на стратегическом спортивном направлении, а заодно и оберегая свои личные судьбы, и даже не пытаться искать замену этой незаурядной и сильной личности. Равновеликого конкурента-дублера на место «старшего» сборной не было, и поэтому, допускаю, крупные чиновники позволили Чернышеву роскошь оставаться самим собой на 100 процентов и без каких-либо оговорок в далеком будущем: мол, ради дела, ради советского хоккея я уступил и написал новое заявление в партию...

Автор оценивает данную историю как высшую проверку по шкале любой строгости и любой качественной направленности: моральной, интеллектуальной, принципиальной, патриотической. И — спортивной. Пост номер один в советском хоккее, находившемся в авангарде советского спорта, был доверен беспартийному Аркадию Ивановичу Чернышеву. Очевидно, что люди, въезжавшие в Кремль через пост номер один у Спасской башни, были хорошо осведомлены об анкете и характеристике главного творца хоккейных побед страны.

Автор вполне серьезно допускает и сугубо неформальный фактор, а именно влияние на крупных чиновников личности Чернышева. Его облика, манеры разговаривать, поведения, всего того, что так imponировало окружающим его людям в повседневных обстоятельствах. А почему, собственно, нет? Ведь начальники тоже люди...

Исключения из правил случаются крайне редко.

На память приходит личность планетарного масштаба. Сергей Павлович Королев. Человек, запустивший СССР в космос.

Гениальный конструктор, обеспечивший космическую обороноспособность державы. Успевший отпахать в сталинской шарашке не один год... Партийного билета Сергей Королев не имел.

Наверняка в разных сферах деятельности встречались беспартийные личности подобного масштаба, настолько нужные и полезные своей стране, что идеологические пушки замолкали и партийные установки исключительно для этих людей клались под сукно.

Исключения из правил облагораживают те самые надуманные и несправедливые, вредоносные для общества, придумавшего их, и ядовитые для подпадающих под них правила, которые из-за очевидной несуразности широкой огласке не предаются. Или, лучше сказать, служат, сами того не ведая, пьедесталом почета для этих избранных деятелей, порушивших неволью своим авторитетом дурацкие фильтры.

Аркадий Чернышев пребывает на верхней ступени этого пьедестала. Что неразрывно связано с тем, сколько раз и каким образом выводил он национальную сборную на верхнюю ступень пьедестала спортивного. Что органично связано с человеческими чертами этой личности.

Да простят меня сограждане за еще одно смелое сопоставление Чернышева с Королевым. Оба выдавали на-гора продукт своей интеллектуальной деятельности, пребывая в тисках прессинга, обусловленного государственным масштабом возложенных на них задач. Оба создавали продукт — космический корабль и хоккейную сборную, — предназначенный для движения к высокой цели в абсолютной экстремальных условиях. И в условиях непростых и неземных — космос и лед. Правда, в хоккее хотя бы действует закон всемирного тяготения...

Судя по воспоминаниям соратников и подчиненных, Королев также относился к числу людей интеллигентных. Королев — пожестче, посуровее, чем Чернышев, — так и масштаб задач был иным: не просто престиж страны, на который работали советский балет и советский хоккей, а обороноспособность державы. Но и про намеренную жестокость и несправедливость, словом, бесчеловечность Королева никто никогда не говорил.

Советские хоккеисты, как правило, были родом из так называемых простых семей. И работали с ними бывшие игроки — выходцы из таких же по социальному статусу и интеллектуальному уровню слоев. Каково же было рулить Чернышеву таким коллективом? Не являлась ли серьезной помехой его интеллигентность? Ведь не учеными и инженерами, не врачами и педагогами руководил...

Владимир Писаревский:

Без ложной скромности скажу, что данные для хоккея были у меня довольно-таки приличные. С катанием проблем не испытывал. То, что пропал на дворовой площадке, прогуливая школу, помогло очень. Маневренность была, скорость и стартовая, и дистанционная. Скорость вообще была сумасшедшая! Ежегодно 5 декабря устраивались городские эстафеты в честь Дня конституции, и это считалось открытием зимнего спортивного сезона. На Малой арене «Динамо» бежали по 400 метров. Меня всегда ставили на последний этап, доверяли концовку. В 53-м, хорошо помню, динамовцы выигрывали метра четыре, вторыми мчались «Крылья Советов», а третьими ЦДКА. Армейцы меня мало волновали, а вот у «Крылышек» на последнем этапе бежал Хлыстов — он уже в сборной был: скоростью обладал и маневренностью фантастической! Николай меня догнал на последнем рубеже, и мы финишировали конек в конек... Лет десять назад Николай Васильевич уже серьезно болел, я приехал к нему с камерой сделать интервью и напомнил о том эпизоде. Он разрыдался так, что я его еле успокоил.

Я занимался в динамовской секции у Ильи Васильевича Бизюкова — участника войны и романтика хоккея. Учил нас, как жить, как играть. Ранение имел — осколком выбило глаз, и ему вместо глаза вставили стеклянный протез. Занимались на «Динамо», а освещение не ахти какое включали. Тренер сам с клюшкой бежал, и вот в самый ответственный момент тренировочной игры вдруг кричал: «Стойте, стойте, я глаз потерял!» И вот мы все с полчаса по льду ползали, пока не находили ему искусственный глаз... У Бизюкова я был на хорошем счету и мечтал всей душой о динамовской команде мастеров. Физически был достаточно крепким, легко обводил одного-двух соперников, забивал, отдавал... Чувствовал себя на площадке уверенно, как в родной стихии. Начал выступать за первую мужскую команду динамовского клуба. Тогда клубное первенство Москвы было очень серьезным турниром, зрителей полно ходило на матчи. Чернышев обязательно посещал их, видел меня, однако как-то не приглянулся я ему. Удивлялся этому, злился, досадовал, каждый раз старался прыгнуть выше головы, чтобы проявить себя как можно лучше. Но Чернышев как будто не замечал меня. При том, что знакомы были еще с 44-го, когда я увидел его с клюшкой-кочергой... При том, что был со мной неизменно приветлив, явно помня подробности нашего знакомства.

Самому подойти напрямую к Чернышеву и расспросить о перспективах попадания в «мастера» было мне не с руки. Стеснялся. Не принято было. Авторитет у Чернышева был высочайший. «Сам!» «Сам идет!» Так говорили с придыханием, когда он при-

ближался к площадке. Не помню уж, при каких обстоятельствах Аркадий Иванович отозвал меня в сторонку и разъяснил всё по-доброму и доходчиво: «Пойми правильно, Володя, ты слишком для хоккея интеллигентен. Вижу, что стараешься, дисциплину соблюдаешь, скорость очень хорошая. Но характером ты мягковат. А тут надо быть наглым и злым! Ты так не можешь. Слишком добрый ты. Хотя есть данные, есть хорошие качества, но далеко не продвинешься. Обманывать не хочу тебя, добра тебе желаю. Играй себе в удовольствие — только про учебу не забывай и получи нормальную профессию».

Приобнял меня за плечи и пошел по своим делам.

Кроме глубочайшей признательности к «Самому» у меня в душе ничего не осталось.

Ну что я мог поделать с тем, что родители мои были скульпторами? Незаметно отпечаталась эта наследственность и на моей игровой манере: робости не испытывал, но в столкновениях у бортов и в углах площадки шел не очень охотно, а если попал там в переплет, то в кость не бил, вблизи ворот старался обвести или обогнать защитника, а не идти напролом, силовые приемы проводил нечасто и как-то мягковато.

Между прочим, в мастера я все-таки попал. В Электросталь позвали, где приличная командочка была, вратарь Еркин в сборную входил. Поиграл несколько лет, про чернышевский совет не забывая. Получил образование. Стал спортивным комментатором на радио и телевидении, хоккей считался моим «коньком».

И снова — ирония судьбы.

Чернышев попрекнул Писаревского излишней интеллигентностью, а сам-то состоял из такого же теста!

И «Самому» она отнюдь не всегда служила подспорьем. Разве в раскаленные минуты ледового сражения тренеру до выбора слов и выражений, до внимания к тону и тембру голоса и прочих интеллигентских штучек? И то правда, удивительная вещь, что Аркадий Иванович каким-то непостижимым образом умудрялся держать себя в руках, а если и употреблял крепкие русские выражения, то звучали они призывно и подбадривающе, а не обидно и оскорбительно.

В главной команде страны безукоризненные манеры «старшего» при управлении командой становились благом. Хоккейные поколения тех лет были преисполнены патриотизмом и ответственностью, доверие народа где-то и сковывало отчаянных удальцов, и потому им не накачки, не подначки требовались от тренера, а, напротив, хладнокровное и со знанием дела ведение корабля между подледными рифами. Редкостная интеллигентность Чернышева в сборной воспринималась с

благодарностью и с сознанием того, что выложиться нужно без остатка и отыграть «за тренера».

В родном динамовском клубе при постоянной многомесячной работе с одним и тем же мужским коллективом, допускаю, требовались и некоторые иные подходы. С учетом специфики игры и еще в большей степени с учетом того, что место под прямыми лучами солнца в советском хоккее было одно-единственное — первое. И чтобы занять его, следовало идти напролом — вместе со своим наставником. Чернышевская интеллигентность такому движению напролом как-то не способствовала...

Зато динамовцы находили достойное место в послеспортивной жизни. Необязательно под солнцем, но и не в тени прозябали. Что на круг, считаю, повесомее и поценнее медального перезвона будет.

В чем-то теряешь, а в чем-то находишь.

ТАНДЕМ — 2. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

С каким багажом в марте 63-го явились оба маститых специалиста на «вокзал для двоих», где под парами их ожидал поезд специального государственного назначения и загранично-ломаного маршрута следования? Протяженность маршрута напрямую зависела от того, как сработает их союз нерушимый, какие песни их дуэт заставит петь всю страну...

Предлагаю дать волю воображению.

В небольшом, зато дорогим элегантно саквояже Аркадия Ивановича вещей насчитывалось немного; всё самое необходимое, модное и всё добротного качества; в маленькой сумочке с замочком хранилось самое ценное — две, а формально считая, даже три золотые медали: чемпионатов мира 54-го и 56-го (в те времена Олимпиады шли в зачет мировых первенств, только с Игр-72 в Саппоро такое дублирование прекратилось; в дальнейшем автор не будет придерживаться формального подхода) и Олимпийских игр 56-го года. Само по себе немало весьма, а с учетом того, что у Тарасова такого в наличии вообще не имелось, и вовсе содержимое чернышевской сумочки превращалось в драгоценности, которым в пору было находиться в Гохране. Золота динамовской чеканки было откровенно маловато, да и было оно, всесоюзное, куда менее высокой пробы, чем в мире признанное; да и было оно давнишнее, потому и не захватил с собой в дорогу, и не за то вручили ему торжественно билеты за границу в обе стороны.

В большущем чемодане Анатолия Владимировича чему только не нашлось места. И одежда цивильная, и одежда рабо-

чая — для утренней разминки на свежем воздухе и для ледовых занятий, и костюм «на выход». Кое-что из припасов: икорочка, водочка, соленья из своего дачного погребка. Гроссбухи свои тренерские. Ворох собственных публикаций в центральной прессе за годы обживания заморского хоккея в стране. И в отдельном увесистом пакете, туго перевязанном бечевкой, целая россыпь медалей высшей пробы команды Центрального спортивного клуба армии. Иных, взятых со сборной, не имел. А клубные регалии был резон взять с собой, потому добрая половина состава сборной состояла из его, Тарасова, подчиненных. Ведь прежде всего благодаря этому доверили ему должность в главной команде.

Такая багажная диспозиция важна для понимания того, что происходило в дороге, растянувшейся на тысячи километров и на целых девять лет.

Чей багаж был весомее?

Определенно, Чернышева.

Сборная на то и сборная, что является закрытым полигоном для специально одаренных и обученных, приспособленных к ведению боевых действий командиров. Разумеется, с учетом ответственности и сложности маршрута, всяких передряг по пути следования, которые ожидали этот диковинный, на взгляд разбирающихся в хоккее людей, тренерский тандем.

Однако при получении «секретной информации» при выезде за рубеж дотошный таможенник обнаружил бы в чемодане гражданина Тарасова А. В. «несекретный список» сборной, где красным карандашом были жирно обведены фамилии цезаревцев. Цвет карандаша и толщина замкнутого контура создавали впечатление их значительного преобладания. Армейцы — ну и все остальные. Либо — армейцы и кое-кто еще в придачу. «Тарасовцев» было в 60-е годы в среднем две трети состава; спартаковцев чуть больше, чем динамовцев (только в 63-м выступала целиком тройка «чернышевцев»); и еще единичные экземпляры попадались — Виктор Коноваленко из Горького, Валерий Никитин из Воскресенска.

Анатолий Владимирович мог опираться на свою многочисленную делегацию, мог чувствовать себя комфортно и не бояться того, что кто-то когда-нибудь бросит камушек в его огород: мол, за какие такие заслуги вы в сборной очутились?.. Только за одну такую мощную делегацию заслуживал привлечения в тренерский штаб этой команды. А мог ли он в связи с изложенным разговаривать с Аркадием Ивановичем с позиции силы? Ни в коем случае! Знал, что с Чернышевым такое не прокатывается и что у того с характером всё в порядке, лучше не провоцировать на конфликт. Понимал, что бразды правления

не у него, а у динамовского коллеги. Однако бодрости духа и дополнительной статусности такой кадровый расклад в сборной команде, разумеется, добавлял.

Армейская диаспора превращалась в «титულную нацию». Это придавало службе их командира в штабе сборной дополнительный вес, поскольку обеспечивало подчиненность, исполнительность и полную управляемость мужского коллектива. Представим себе, что Тарасова нет в сборной: все группировки — «государства в государстве», а такое чревато потерей рычагов управления. Впрочем, при всей очевидности изложенного мне кажется, что при Чернышеве подобного не случилось бы благодаря тому, что уважение и симпатию к нему испытывали абсолютно все игроки сборной независимо от клубной принадлежности. В сборной середины 50-х выступало три звена — армейское Шувалова, динамовское Уварова и крыльевское Гурышева — и наблюдалась полная сплоченность сборной команды.

Что послужило крепким фундаментом союза этих двух крупных тренерских фигур? Что предопределило попадание в «десятку» Николая Николаевича Романова?

Факторов несколько, и все они лежат на поверхности.

Высочайшая квалификация обоих позволяла им общаться на одном языке без дополнительных разъяснений и комментариев. Каждый считал напарника как минимум себе равной, что, впрочем, не мешало каждому из них в глубине души почитать себя первым номером.

Одержимость хоккеем у обоих была такая же, как у альпинистов бывает неутолимая жажда шагать и шагать, карабкаться и карабкаться, лезть и лезть все выше и выше. Сам процесс ничуть не менее увлекателен, чем штурм последних скальных метров, и не менее значим, чем минуты пребывания на пике. У Тарасова эта влюбленность была всепоглощающая — у Чернышева был с хоккеем пожизненный роман, в котором не было измен, но в котором находилось место и для увлечений иного свойства.

Патриотизм обоих зашкаливал: они же оказывались на передовой мирового спортивного фронта. Сама игра на международной арене превращалась в генеральное сражение за спортивную честь любимой и могучей социалистической державы. Они и являлись хоккейными генералами, не смеявшими и помыслить о позорном отступлении...

И, наконец, Аркадий Иванович с Анатолием Владимировичем были людьми умными, очень умными; прекрасно понимали, что куда лучше вместе тянуть тяжелый воз и приумножать славу советского хоккея, прославляя отечество, а заодно и ут-

верждая свой незыблемый авторитет, нежели заниматься внутренними разборками, не справляясь по этой причине с высокой миссией и в конечном счете оказываясь у разбитого корыта.

Союз братским оказался.

Союз нерушимым стал.

На целое десятилетие приутихли кругом голоса завистников и скептиков, голоса оппонентов, возможно, в чем-то и правых.

Борис Михайлов:

Чернышев... Ну это же тренерская легенда! Я под его опекой работал только в сборной команде. И впечатления остались только самые положительные. И — самые сильные.

Когда мы нашей армейской тройкой (Михайлов — Петров — Харламов. — Л. Р.) попали в 69-м в сборную, уже была пара Чернышев — Тарасов. Она гремела на весь мир! Ни один турнир не проигрывала. Я потом работал в сборной с Бобровым, Пучковым, Кулагиным, Юрзиновым, Локтевым, Тихоновым... Лучшие пары, чем Чернышев — Тарасов, не было. И не будет никогда!

В одной тренерской связке встретились два гения!

Один — эмоциональный и супертребовательный, второй — тоже требовательный, но по-своему, спокойный прежде всего, никогда не повышавший на игроков голоса.

Мы, армейцы, вспоминаем — работаешь год с Тарасовым и при выкаешь к тому, что он может в пять утра встать и разбудить кого угодно. Требовал, требовал... Некоторые считают, что он жестоким был, — ничего подобного! А сколько Анатолий Владимирович воспитал игроков, чемпионов мира и Олимпийских игр.

И другой тренер сборной. Мягкий. С которым можно поговорить, пообщаться по душам. Мог иногда и матюжком сказать на тебя, но так, что не обидишься. Толковый. Всегда четко излагал свои мысли и требования. И никогда не терял присутствия духа.

У них четкое было разграничение: игру ведет Чернышев, учебно-тренировочный процесс — Тарасов. К этому привыкли и они, и мы, игроки.

Юрий Королев:

Принято считать, что хороший тренерский коллектив — это когда единомышленники объединяются, им же легче понять друг друга. А вот в связке Тарасова с Чернышевым получилось, что работали в какой-то степени антиподы. Придерживались разных взглядов на хоккей и разных манер поведения, но нашли в себе силы и волю объединиться, когда Романов дал указание на совместную работу в сборной. Тарасов — человек порыва, эмоций и высокой задачи, которую сам себе ставил каждый новый день, Чернышев —

тот был хладнокровнее, более рассудителен в оценках сегодняшних обстоятельств и при ближайшем планировании.

С Анатолием Владимировичем мне посчастливилось много и плодотворно потрудиться. Однажды, вспоминая, объяснил мне про тот момент своей биографии: «А что делать-то оставалось? Я Адиду предложил — давай вместе работать, только давай так — ты главный, а я просто тренер и беру на себя физподготовку, весь тренировочный процесс. Но самое главное — если будет какой-то конфликт, мы должны друг друга поддерживать, когда игроки придут жаловаться на кого-нибудь из нас...» Они дали друг другу слово и очень долго его выдерживали. Все годы совместной работы.

Они не ходили друг к другу на юбилеи, зато трудились бок о бок совершенно замечательно.

Эпоху Чернышева — Тарасова вспоминают очень часто и неизменно с гордостью за наш хоккей и за нашу страну. Эпоха! В таком высокопарном стиле нет ни малейшего преувеличения, ибо девять золотых лет кряду вполне оправдывают пафос.

Когда автор вскрывал и удалял поверхностный слой информации о функционировании того тренерского штаба, то получал от заслуженных ветеранов исчерпывающий ответ. В сборной Тарасов отвечал за тренировочный процесс, а Чернышев — за стратегию и тактику. Лаконично, ясно и правдиво. Но не исчерпывающе.

Любой штаб любой хоккейной сборной действует по пяти основополагающим направлениям.

Кадры.

В первом приближении комплектование сборной заключается в отборе самых умелых в стране исполнителей. А в приближении втором, третьем и прочих — это учет их морально-волевых качеств, игровой и человеческой совместимости с партнерами и прочее, прочее, прочее. Напортачить с кадровым подбором означало самим себе подложить мину отнюдь не замедленного действия. Задача наполовину упрощалась благодаря тому, что добрая половина состава сборной состояла из игроков ЦСКА.

Кондиции.

Во время сбора перед отъездом на турнир функциональная готовность подтягивалась либо, что было чаще, поддерживалась на необходимо высоком уровне; тактическое взаимодействие шлифовалось в случаях появления в атакующих звеньях или в дугах защитников новых хоккеистов. Это являлось скорее подводкой к старту, нежели чем-нибудь основополагающим.

Атмосфера в команде.

Психологические аспекты жизнедеятельности мужского коллектива из двух десятков разнохарактерных мастеров сколь важны, столь и не бросаются в глаза. Тонкая и отчасти таинственная материя; может творить чудеса, а может разрушить всё разом.

Тактика.

План сражения. Грамотно разработанный, с учетом сильных и слабых сторон соперника и особенностей своей команды, — залог успеха.

И, наконец, управление боем.

Искусство тренерской связки, проявляемое в боевых условиях, венчает все усилия всех игроков и тренеров, врачей, массажистов, администраторов, менеджеров, сервисменов (в те годы администратор выполнял функции и сервисмена, и менеджера).

Какое из этих пяти направлений отнесем к генеральному? А какое — ко второстепенному?..

За сортировку я не возьмусь. Тем не менее кое-что отмечу.

Ни одно из них нельзя игнорировать. Потому что сбой на любом из них способен порушить всю цепочку и привести к печальному исходу.

Ни одно из них нельзя превозносить. Потому что это не позволяет рассчитывать на то, что другие недоработки таким образом компенсируются.

И всё же...

Не всё представляется автору равновеликим.

Логичнее будет разобраться в этом, задав отнюдь не риторический вопрос: так кто же и за что именно отвечал в союзе Чернышева — Тарасова?

И попутно: почему так происходило? На каком качественном уровне выполнялись эти обязанности? Много вопросов, чувствуя, возникнет по ходу погружения в тему...

СПУСТИВШИЕСЯ НА ЗЕМЛЮ

Послевкусие победы!..

Как после грузинских хванчкары или киндзмараули, французских бордо или божоле, итальянского кьянти, чилийского санрайза, выпитых в разудалой жизнерадостной компании в ресторане с великолепной изысканной кухней и с радующим глаз интерьером. Выпитых в изрядном количестве под звон тонкостенных бокалов и под аккомпанемент шуток, анекдотов и дружеских подколов, приправленных жгучим соусом из комментариев по поводу только что закончившегося ледового ристалища.

Послевкусие поражения!..

Как после водки не самой глубокой очистки или вина не самых «голубых кровей», выпитых вместе с товарищами по оружию в первом попавшемся на пути кабаке в объемах явно излишних, в искренней надежде заглушить боль от разочарования, от неудачи, от неоправдавшихся надежд. А поутру сухость и горечь на языке и мутноватая голова. И одно лишь желание — поскорее бы ринуться в новый бой, чтобы смыть эту горечь и облегчить душу.

Победа придает дополнительные силы и одновременно расслабляет.

Поражение повергает в болевой шок, зато закаляет и заставляет проанализировать свои действия и мотивирует на скорый реванш.

Это неминуемо влияет на спортсменов. И на тренеров, между прочим, тоже. Ничто человеческое им не чуждо, к тому же сами они, как правило, слеплены из теста бывших игроков.

Послевкусие победы непременно проявилось спустя год, на мировом первенстве 55-го.

Чернышев вместе с игроками сборной не мог не оказаться в эйфории после содеянного в феврале 54-го в Стокгольме. Их, золотоносных первопроходцев, встречали на Белорусском вокзале, как воинов-победителей! Почти как в 45-м...

Чернышев не мог не осознавать те факторы, которые позволили Советскому Союзу с первого захода взойти на вершину, сотворив сенсацию. Сенсацию, аналогичную которой в истории мирового спорта вряд ли сыщут самые вездельные историографы.

«Чем богаты, тем и рады». Русские прибыли тогда в Стокгольм с арсеналом оружия сугубо отечественного производства, перепрофилированного из русского хоккея. Высокая дистанционная скорость вкупе с маневренностью на ограниченном пространстве. Такая манера катания, такое владение коньком произвели эффект разорвавшейся бомбы. Второй бомбой не меньшей устрашающей силы стала комбинационная игра советской дружины, от избытка точных пасов у соперника голова шла кругом. Ну и третьей если не бомбой, то грозной силой стала коллективная отвага этих загадочных и прежде не виданных на мировых форумах русских.

А ведь Чернышев отдавал себе отчет в том, что и слабые стороны имелись в подготовленности сборной, особенно по части силовой борьбы. Он это понял еще в 1948 году во время командировки в швейцарский Санкт-Мориц на мировое первенство, проводившееся в рамках Олимпиады. Подметить, находясь в качестве стороннего наблюдателя, — одно, а провести в настоящей схватке, просветив команду насквозь, как в

рентгеновском аппарате, — совсем иное. Подобного исследования «железный занавес» не позволял Аркадию Ивановичу, и потому только встречи лицом к лицу с родоначальниками «шайбы», непревзойденными мастерами игры в туловище, могли позволить наконец-то заполучить ценную информацию. Сильные европейцы — чехословаки и шведы — могли дать тренеру лишь приблизительную оценку готовности к силовой борьбе — важнейшему компоненту хоккейного искусства. Кстати говоря, очное знакомство с «Тре Крунур» состоялось на льду викингов незадолго до мирового первенства 54-го.

Небольшое отклонение от избранного курса.

«Русачи», из коих состояло поколение первопроходцев, навыков контактной борьбы не имели по определению: в бенди она отсутствовала напрочь, и практически любое телесное соприкосновение каралось арбитрами неукоснительно. Вдумайтесь в само звучание слов — «поле» и «коробка». Перейти с просторного заледенелого футбольного поля на «коробку», казавшуюся поначалу тесноватой, и сразу научиться играть в корпус было чем-то противоестественным. Хотя сама теснота ледового пространства подталкивала к почти неизбежным столкновениям. Однако устоявшиеся двигательные навыки и, главное, устоявшуюся психологию с наскака не перестроить, каким бы дальновидным ни являлся наставник.

Вот еще что существенно. Поколению Боброва наряду с мужеством и отвагой были присущи добродушие и благородство по отношению к сопернику. Вообще присущих русской натуре добродушия и благородства имелось в явном избытке, что в хоккее не есть хорошо, а есть недостаток, причем весьма значимый. Надо ведь не только терпеть боль, стойко перенося чужой силовой прием, надо удержаться от того, чтобы дать сгоряча сдачи, подведя команду и получив штраф в виде удаления с площадки. Необходимо и самому проводить силовые приемы, зачастую в упреждение давая острастку наиболее ретивому оппоненту. В этом советская сборная безоговорочно уступала канадцам, которых хлебом не корми, только дай возможность врезаться со всего маху в чужака. Иван Трегубов, тот самый Иван Сергеевич Трегубов, прозванный впоследствии на Западе «Иваном Грозным», не шибко любил первым «врезаться по первое число» чужому форварду; более того, фидосословствовал даже на тему, насколько это правильно, этично и далее в том же духе. Ну прямо толстовское непротивление злу насилуем! Но если уж кто разозлил Сергеевича не на шутку, тогда берегись...

Во всесоюзном первенстве качество силовой борьбы и частота ее применения находились где-то на уровне «тройки с минусом». Наш первый «тафгай» спартаковец Анатолий Сег-

лин потому и выделялся, что был даже охоч до физических контактов с визави. Настоящих навыков и настоящих занятий по изучению «канадского искусства единоборств» практически не было. Отсюда и тот же в целом посредственный уровень у «сборников». Исключение составлял жилистый и взрывной Николай Сологубов — звезда первого поколения.

По сравнению с чемпионским составом 1954 года появилась пара из ЦСК МО Сологубов — Трегубов, которые вынужденно «прогуляли» дебют сборной в 54-м. Усиление оборонительной линии было налицо. Однако даже это обновление не могло компенсировать отставание в технически четком исполнении приемов силовой борьбы. И Чернышев со своим помощником Егоровым вынужден был с этим смириться.

То есть Советский Союз остался в хоккее в целом прежним, только годом ранее приобрел бесценный опыт встреч с канадцами; страна поверила в собственные силы и способности. Однако эффект новизны происходящего и неизвестности для канадцев в 1955 году уже отсутствовал.

Бобров, Сологубов, Уваров, Хлыстов, Пучков со товарищи прибыли в Федеративную Республику Германии, смакуя послевкусию изысканных вин, испитых полной мерой. Такое состояние сохранилось почти нетронутым за год, минувший после сенсационного дебюта в Швеции. И ничегошеньки с этим поделаться не мог даже такой тонкий психолог, как Аркадий Иванович Чернышев.

Зато канадцы заметно преобразились. Получив не шелчок по вечно задранному перед европейцами носу, а звонкую — и прилюдную! — пощечину, родоначальники проанализировали ЧП и предстали в другом обличье. Прежде они спокойно направляли на мировые чемпионаты, всегда проводившиеся в Европе, одну из сильнейших любительских команд, благо выбор исполнителей имелся широчайший. Клуб с таким годичным статусом национальной сборной оправдывал высокими ожиданиями почти без сбоев. И только учиненное «русскими медведями» унижение заставило канадцев пересмотреть подход к комплектованию. В ФРГ прибыла команда «Пентиктон Виз», усиленная мастерами из других клубов. Да и в тактическом плане канадцев было не узнать. Снизостили до того, что командировали своих «спецов» на товарищеские матчи сборной СССР понаблюдать пристально за этими непонятными русскими.

Вместо обычной самоуверенности и беспечности появилась жгучая жажда реванша. Они были готовы горы своротить. Послевкусии канадцев от чаши, испитой в Стокгольме после разгрома от Советов 2:7, сохранилось почти нетронутым и потому жесточайшим образом требовало смыть позор подчистую.

Это различие в психологическом состоянии советской и канадской сборных было очевидным в те дни, когда те и другие встречались с прочими участниками турнира. Родоначальники обыгрывали соперников с большой легкостью, а наши еле-еле одолели шведов — 2:1. Правда, американцев и чехов победили «всухую» — 3:0 и 4:0.

Наступил день решающего испытания.

Сборная СССР уже обеспечила себе золотые медали европейского первенства, однако из-за худшей разницы шайб ее не устраивала ничья в поединке против канадской команды.

5:0!

Это был эффектный реванш Канады. И холодный душ для Советского Союза.

Так убедительно нельзя случайно победить и так убедительно нельзя случайно проиграть.

Отчего столь плачевно вышло? Могло ли сложиться как-нибудь иначе? Насколько продуктивен был тренерский тандем Аркадий Чернышев — Владимир Егоров?

Восприятие игры зависит от формы твоей причастности к ней и точке ее обзора. По приведенным ниже комментариям отчетливо видны совпадения и различия тех, кто находился на льду (игроки), на лавке (тренеры) и на трибуне (члены делегации).

Аркадий Чернышев:

Игру с «Пентиктоном» мы начали хорошо. Наши хоккеисты имели ощутимый игровой и территориальный перевес. Действуя в точном соответствии с тактической установкой, игроки много и стремительно передвигались по льду, запутывали соперников, готовя переход к затяжному штурму. В ходе первого периода сумели создать немало голевых моментов. Но, во-первых, прекрасно играл их вратарь Айвен Маклелланд, а во-вторых, как частенько бывает, нашим нападающим удивительно не везло: шайба упорно не шла в ворота...

Виктор Шувалов, центрфорвард сборной СССР-55:

Я до сих пор переживаю тот самый поединок с канадцами. Просто чувствую, как пульс учащается. Я ощущение досады и какой-то несправедливости, возникшее у меня после финального свистка, нигде за минувшие полсотни лет не исчезло...

Спору нет, играли они здорово. Сильнее тех, кого мы в щепки разнесли в 54-м. Но и не скажу, что мы плохо подготовились к решающему дню. Чернышев подчеркивал, что успех повторить труднее, чем достичь его в первый раз, что канадцы наверняка извлекут уроки из той прошлогодней неудачи. Никакого шапкозакидательского настроя среди ребят не было и в помине, была

нормальная и законная уверенность в собственных силах, которая появилась в сборной после успеха в 54-м. Хотя, если уж совсем откровенно, где-то в голове мелькала мыслишка: мол, мы же этих хваленых канадцев год назад грохнули! И наверняка не только у меня такое было...

Александр Комаров, крайний нападающий сборной СССР-55:

Готовились мы к решающему матчу серьезно. Чернышев с Егоровым повторяли: включайтесь на полную катушку с первых же минут, с первых же смен. Но если в Стокгольме мы очень нервничали перед игрой, очень волновались, пока не повели в счете с большой разницей, то в Крефельде были поспокойнее, поувереннее. И сначала катались хорошо, четко комбинировали, выходя на выгодные позиции для броска. Но как-то не ставили жирную точку, что-то в последний момент срывалось у нас. Потихоньку выравнилась игра. И тут-то канадцы как стали нас лупить! Колошматили без перекуров! Встречали жестко и умело. Только появлялась возможность врезаться в корпус — использовали по полной программе. Не ожидали мы такого поворота. Поплыли маленько. Да и ответить не очень-то получалось — в умении вести непрерывно и азартно жесткую силовую борьбу мы уступали канадцам не на полголовы, а на голову. А тут еще, как на грех, пропустили перед перерывом дурацкую шайбу.

Аркадий Чернышев:

В перерыве мы с Владимиром Кузьмичом постарались подбодрить ребят: ничего, мол, страшного не произошло, играйте, как играли, только спокойнее, поменьше суетитесь в завершающих стадиях атак... При счете 0:2 с тревогой начал замечать по некоторым признакам: по неточным передачам, недостаточному взаимопониманию, появившейся нервозности, что команда находится в состоянии психологического шока, что игроки растеряны.

Виктор Шувалов:

Вторая шайба заскочила в наши ворота после нелепого рикошета. А третья? Канадцы заперли нас в зоне, и их нападающий, фамилию что-то запомнил, кажется, один из братьев Уорвик, от лицевого борта набросил верхом шайбу на пятак, набросил, как говорится, не глядя, а я дежурил на пятаке, и она угодила мне в спину, а потом влетела в ворота мимо Коли Пучкова. Невезение было какое-то страшное. Но это все равно нас не оправдывает, ведь никто не мешал нам доводить атаки до логического конца. Постепенно инициатива перешла к канадской сборной. И отдаю ей должное — не сбавляли оборотов и доставляли нам массу проблем.

Николай Пучков, вратарь сборной СССР-55:

Канадцы отменно подготовились к решающему матчу. Вопреки своей манере они не бросали по воротам даже со средних дистанций, а разыгрывали «до верного». Они оставляли нас без шайбы, держали ее, даже выводя в среднюю зону. И мне было очень не просто войти в игру, что называется, почувствовать шайбу. Вот почему чуть ли не первый бросок канадцев привел к голу...

Аркадий Чернышев:

Не сумели мы, тренеры, справиться с нервозностью хоккеистов. Больше того, их нервозность передалась и нам... Продолжая играть в своей манере, мы почти наверняка смогли бы не только отыграть эти злосчастные две шайбы, но и выйти в счете вперед... Нет, начали спешить, пытаясь отыграться. «Вперед, ребята, вперед!..» Нарушились наигранные связи, а значит, свелось на нет наше преимущество перед канадцами в коллективной, маневренной игре... Мы, тренеры, видели обреченность попыток добиться перелома в матче за счет той же тактики, что применял соперник, сознавали, что, уступая в индивидуальном мастерстве, в силовом единоборстве, мы ничего не добьемся... Понимали, видели, сознавали. Но, внезапно оказавшись в критической ситуации, не сумели принять необходимые меры. То, что наша команда, пусть на какое-то время, сбилась на манеру игры канадцев, было им на руку. В ходе такого жаркого, такого азартного поединка очень трудно перестроиться психологически... Как я теперь понимаю, нам, тренерам, прежде всего не хватило турнирного опыта.

Андрей Старовойтов, член советской делегации (в прошлом — игрок ЦДКА, в будущем — член Международной федерации хоккея и Федерации хоккея СССР):

Канадцы своим мощнейшим силовым натиском буквально смяли наших парней. Смяли! Били в корпус при любой возможности, а они умеют такие возможности находить. Причем старались пореже получать штрафы, а когда все-таки удалялись, наша сборная не реализовывала благоприятные моменты. А это, в свою очередь, дополнительным психологическим грузом ложилось на плечи игроков. Урок преподали наглядный! Стало ясно, что нам еще учиться и учиться, а не почитать на лаврах золотого дебюта 54-го.

Чехословацкая газета «Руде право» дала экспертную оценку выступлению советской сборной:

Конечно, советские хоккеисты играли на этот раз не так хорошо, как в Стокгольме, и даже не так, как они играли в некоторых товарищеских международных встречах этого года. Во встречах первенства было доказано, что гораздо труднее защищать звание

чемпиона мира, чем за него бороться. Однако серьезное поражение в заключительной игре не выражает настоящего соотношения сил СССР и Канады. Это поражение явилось, как часто бывает в спорте, результатом многих обстоятельств. Одним из них была слабая игра Пучкова, Боброва и Сологубова, из которых двое первых всегда были главной опорой команды. Пучков и Сологубов допустили грубые ошибки, следствием которых были первый и третий голы. Вторым гол (на самом деле третий. — Л. Р.), забитый в собственные ворота Шуваловым, также сильно расстроил сыгранность команды. В дальнейшем советские хоккеисты, добиваясь сыгранности, снизили темп игры и скорость, то есть сами лишили себя наиболее сильного оружия, которым они обладают.

Меня впечатлил разбор полетов Чернышева. Внятный, предметный, доскональный. И, что особенно ценно, — самокритичный. Действительно, о каком турнирном опыте можно было говорить во время второго для нашего хоккея мирового первенства? И всё это при «железном занавесе» и скудном календаре международных встреч. И это при невозможности в те годы помыслить о пересечении Атлантики и проведении серии матчей на родине хоккея для получения богатого и бесценного опыта, которого так не хватало отечественному хоккею. Замечу, что впоследствии, в победоносные 60-е, новогодние турне в Северную Америку сборной Чернышева — Тарасова стали традиционными, добавляя каждый раз бесценного опыта — как игрокам, так и тренерам...

Известно, что сколько людей, столько и мнений.

Снова прочитываем впечатления о разгроме, учиненном канадцами. Три участника событий с нашей стороны, наставник нашей сборной, советский функционер из числа бывших хоккеистов, иностранный спортивный журналист. Каждый заострил внимание на чем-то своем, показавшемся тем, что предопределило громкое фиаско.

Десятый форвард Александр Комаров: «...И тут-то канадцы как стали нас лупить! Колошматили без перекуров!»

Основной вратарь Николай Пучков: «...Вопреки своей манере они не бросали по воротам даже со средней дистанции, а разыгрывали “до верного”».

Центрфорвард первого звена Виктор Шувалов: «...Невезение было какое-то страшное».

Старший тренер сборной СССР Аркадий Чернышев: «...Мы, тренеры, сознавали, что, уступая в индивидуальном мастерстве, в силовом единоборстве, мы ничего не добьемся. Понимали, видели, сознавали. Но, внезапно оказавшись в критической ситуации, не сумели принять необходимые меры».

Андрей Старовойтов, член советской делегации: «...Канадцы били в корпус при любой возможности, а они умеют такие возможности находить!»

Обозреватель чехословацкой газеты: «...Во встречах первенства было доказано, что гораздо труднее защищать звание чемпиона мира, чем за него бороться... Была слабая игра Пучкова, Боброва и Сологубова, из которых двое первых всегда были главной опорой команды».

Картина вырисовывается мозаичная. Как, собственно, и должно быть в хоккее при разборе не самых высоких полетов...

Всё же выделил бы силовой натиск канадцев в качестве главного фактора, определившего разгром, да еще «всухую».

Известно, сколько дают за одного битого.

Чернышев и его подопечные извлекли уроки, полученные от родоначальников в небольшом западногерманском городе Крефельде, и продемонстрировали это наглядно спустя год в олимпийском Кортина-д'Ампеццо...

Крепость в силовых единоборствах и крепость коллективного духа — вот что требовало совершенствования в кратчайшие сроки.

Наши экс-«русачи» (так и хочется назвать их на древний манер русичами) по-прежнему превосходили всех в скоростном маневре, были способны в легкую обвести одного-двух соперников, однако с реализацией выгодных моментов была настоящая беда. На этом турнире статистики подсчитали эффективность выходов форвардов один на один с вратарем: канадцы были успешны в трех случаях из десяти, а русские лишь в одном. Индивидуальное мастерство, которое обманчиво казалось несколько завышенным благодаря виртуозному владению коньком и непривычной для соперников подвижности, нуждалось в трудоемком совершенствовании.

...Между прочим, сборная под водительством Аркадия Чернышева вернулась на родину в ранге чемпионов Европы. Кого-то воодушевил данный факт? Никого. Как-то оценили статус сильнейшей на континенте хоккейной державы, добытый второй год кряду? Ничуть. Виктор Григорьевич Шувалов, человек в высшей степени объективный в оценках спортивных событий и предельно скромный в быту, на вопрос о том, было ли по возвращении премирование игроков, лишь махнул рукой: «О чем вы говорите? Так, за “муку” мы бились в Германии на том первенстве мира. А между прочим, чемпионами Европы стали».

А «виноват» был прежде всего Аркадий Иванович Чернышев.

Прислушайся он на предыдущем первенстве к совету сложить оружие перед канадцами, чтобы в переигровке со шведами добыть первое для страны европейское золото, глядишь, и

встречали бы советскую делегацию в Москве в 55-м почти как героев. Как двукратных чемпионов Европы.

Чернышев тогда не смалодушничал и, проявив незаурядное педагогическое и тактическое искусство, с отчаянной смелостью взяв на себя полноту ответственности, позволил канадскому хоккею с маркой «СССР» с ходу ворваться на самые верха. С первой попытки задрал планку максимально высоко. Благодаря Чернышеву уже с 55-го года любое место на Олимпийских играх и чемпионатах мира кроме первого расценивалось руководством страны как провал. Да и народ, так быстро и так повально влюбившийся в канадский хоккей, разделял столь суровый подход к делу.

Партийный лозунг гласил: «Народ и партия едины!» Граждане за словом в карман не полезли и продолжили сей пафосный тезис: «...Раздельны только магазины».

Однако что касается восприятия хоккея — основной лозунг был удивительно достоверен и не требовал шутливо-язвительных добавлений. И в этом тоже несомненна заслуга Аркадия Ивановича Чернышева — главного наставника поколения перепроходцев!

ТАНДЕМ — 3. КОМПЛЕКТОВАНИЕ СБОРНОЙ

Состав советской сборной был почти таким же неизменным, как незыблем был социалистический строй Страны Советов.

Рекомендации по столь животрепещущему поводу никто из коллег Чернышева и Тарасова активно давать не смел, а если и случалось такое, то являлось большой редкостью. Ведь что обычно обсуждают в приближении ответственного турнира? Ясно же: кого следует призвать под знамена национальной сборной, а кого лучше оставить дома. Только ленивый не участвует в этих пересудах. А что обычно обсуждают после завершения мирового форума? Опять-таки состав. Если оплошали, значит, не тех взяли; если «со шитом» вернулись, значит, правильно игроков отобрали, никто не подкачал.

Хоккейная сборная Советского Союза еще до турнира вызвала у народа повышенные оптимистические ожидания, ее силу и шансы обсуждали и рабочие, и ученые, и инженеры. Однако такие обсуждения надолго не затягивались и жарких споров не вызывали. Круг реальных кандидатов ограничивался Московской кольцевой дорогой, весь цвет исполнителей был собран в столичных клубах: больше половины в ЦСКА, остальные в «Спартаке» и «Динамо»; провинциалы попадали в

обойму, если только являлись редкими самоцветами. Наиболее яркий пример — голкипер Виктор Коноваленко из Горького. Изменения к следующему сезону бывали точечными и касались неосновных позиций.

Но наряду с бесспорными кандидатурами — такими как Александр Рагулин и Виталий Давыдов, Борис Майоров и Анатолий Фирсов, Константин Локтев и Вениамин Александров, Вячеслав Старшинов и Виктор Кузькин, Владимир Викулов и Александр Мальцев, Борис Михайлов и Валерий Харламов, Валерий Васильев и Владимир Петров — попадались и один-два, ну максимум три-четыре кандидата, чьи достоинства не были столь очевидны и чьи шансы пробиться в «основу» были сопоставимы с конкурентами тех же игровых амплуа. Вот за них-то и разворачивалась борьба умов, точнее, борьба тех тренеров, в чьем подчинении кандидаты находились.

Игроки ЦСКА либо игроки «Динамо»? Игроки ЦСКА либо игроки «Спартака»?..

Армейцы либо неармейцы? Тарасовцы либо нетарасовцы? Вот в чем состоял выбор, вот за что разворачивалась борьба в горячие денечки «избирательной кампании» в сборную страны.

По логике в наиболее тяжелой весовой категории в кадровых вопросах должен был выступать Чернышев. Старший тренер сборной несет ответственность за спортивный итог выступлений на международной арене. Несет ответственность за все участки работ. За комплектацию, само собой. И, между прочим, за моральный облик членов сборной во время их пребывания под его командованием. В общем, за всё — как это было принято в советском обществе. Набедокурил сотрудник — кто виноват? Его непосредственный начальник: не воспитал, не проследил, не учел...

Парадоксальный, но многократно подтвержденный факт: заведующим кадрами являлся не Чернышев, а Тарасов — не начальник, а его помощник!

Анатолий Владимирович действовал с позиции силы, поскольку имел большинство в «парламенте»; действовал энергично, предприимчиво, а иногда и нахраписто; действовал порой и искусно, как квалифицированный дипломат, порой и агрессивно, как военный при захвате вражеской территории.

А что же поделявал в то же самое время Аркадий Иванович? Уступал тарасовскому кадровому натиску и позволял протаскивать всеми правдами и неправдами его бойцов в сборную? Отчасти да, пасовал перед этими методами. Интеллигентность, проявлявшаяся у него во всем, мешала. Кандидатуры своих динамовцев готов был отстаивать лишь при том условии, когда они были заметны выше цезсковцев.

Виталий Давыдов:

Появляясь в сборной, Чернышев и Тарасов забывали о внутреннем первенстве — о лидерстве ЦСКА и о почти стабильном втором месте «Динамо». Никаких трещин между ними не возникало. Только во время игры иногда у них разногласия возникали, когда Тарасов подсаживал Чернышеву: «Ставь этого!» А этот, само собой, был армейцем. Но это даже не разногласия были, а обычные рабочие моменты. Аркадий Иванович всегда ставил Анатолия Владимировича на место в жесткой, но не грубой манере.

По тем временам ЦСКА был суперклубом. Там играли такие мастера, кого уже не надо было учить чему-то; они постоянно в сборной варились. Человек одиннадцать-двенадцать в сборной было армейцев. Из «Динамо» я приглашался, Петухов, Юрзинов. Потом взяли целую динамовскую тройку Петухов — Юрзинов — Волков. Из Горького Витю Коноваленко, из «Спартака» Майоровых и Старшинова. И всё. Якушева Витю из «Локомотива» регулярно звали, потому что универсалом был сильным. Мы вливались в состав сборной, и складывалось такое впечатление, что мы сами становились... армейцами! Так их много было. Такая была дружба в коллективе. Без всякой предвзятости — кто из какого клуба.

Существовали определенные фильтры, их надо было миновать, чтобы твой игрок заполучил место в сборной.

Состав хоккейных делегатов на международный форум обсуждался и утверждался на заседании тренерского совета Федерации хоккея СССР. За длинным столом рассаживались наставники всех клубов высшей лиги, штаб сборной, председатель совета, президент федерации. Каждая кандидатура проходила чистилище... Большинство кандидатов не вызывали каких-либо острых вопросов или сомнений, это были уже неоднократные чемпионы мира и Олимпийских игр. Обстановка накалялась лишь при обсуждении спорных фигур. Да и то не всегда. Благодаря Тарасову.

Станислав Петухов:

На тренерском совете любой мог взять слово и выступить. Но главным оратором, конечно, Тарасов был. Когда зачитывались фамилии ведущих мастеров, он большой активности не проявлял. И без того всем всё было ясно. Ну что долго обсуждать Фирсова, Рагулина, Старшинова, Давыдова, Бориса Майорова? Зато когда возникали фамилии цезсковцев не звездного ряда, Анатолий Владимирович выходил на сцену и выступал с монологом.

Почему я говорю, что с монологом?

Да потому что редко кто-то встречал с ним в полемику. Ну иногда Николай Семенович Эпштейн, иногда Николай Георгиевич Пучков, Дмитрий Николаевич Богинов, еще кто-нибудь.

У Тарасова были собственные мощные рычаги влияния на членов тренерского совета. Вот он, предположим, за месяц до совещания встречается на хоккее коллегу из Челябинска или еще откуда-нибудь: так, мол, и так, хороший у тебя игрок растет, взял я его на заметку — надо бы парня в армию призвать, пусть гражданский долг перед родиной отдаст... Этот провинциальный тренер, естественно, в ноги бросается всемогущему Тарасову: Анатолий Владимирович, давайте уж как-нибудь парень у нас в городе поиграет, с составом-то у нас и так, сами знаете, не то чтобы очень здорово... И в завершение слышит: ну ладно, учту твою просьбу, но и ты не забывай про моих армейцев, когда состав сборной обсуждать будут...

Это я передал правдиво по смыслу. Не дословно, конечно...

Клубные тренеры боялись прогневить Тарасова, чтобы это потом им боком не вышло. Хорошо знали, что, если он положил глаз на их игрока, жди повестки в военкомат и затем длительного расставания со своим воспитанником. Ну и за кого они голосовали при редких расхождениях? Сто процентов — за кандидатов, предложенных Анатолием Владимировичем. За армейцев.

Председателем тренерского совета долгое время являлся Анатолий Михайлович Кострюков. Сильный и уважаемый специалист, «Локомотив» московский тренировал. Так он, между прочим, тоже имел основания опасаться насчет того, как бы ЦСКА не выдернул у него очередного новобранца. С Евгением Мишаковым так было, с Борисом Михайловым. Ну и разве стал бы Анатолий Михайлович, пользуясь своим положением, вставать и пытаться что-то возразить Анатолию Владимировичу, пытаться затеять настоящую дискуссию? Нет, конечно.

Ко всему этому добавлялось умение Тарасова выступать на людях. В узком кругу специалистов, среди студентов, перед широкой публикой — везде говорил убедительно и красочно, вел себя артистично. Ему в хоккее даже прозвище дали — «Троцкий».

Чернышев прекрасно излагал свои мысли, позицию по тому или иному вопросу, но в силу характера был немногословен, скромен и сдержан. Не ставил перед собой задачу во время выступления решить какие-то свои проблемы как старший тренер «Динамо» и сборной страны.

Как держался на этих совещаниях руководитель сборной Чернышев?

Поддерживал Тарасова.

Ну а как иначе могло быть, если они еще при создании их союза по-мужски договорились о том, что вовне выступают единым фронтом, оставляя все внутренние разногласия внутри штабных стен сборной? И строго-настрого придержива-

лись данной линии, скреплявшей намертво две абсолютно несхожие конструкции и позволявшей высотному зданию, сохраняя устойчивость в зыбком спортивном пространстве, с каждым новым успешным сезоном наращивать и наращивать этажи, приближаясь... к небу. Авторитет Чернышева — Тарасова к концу 60-х был непререкаем.

Анатолий Тарасов:

Работать с Чернышевым легко еще и потому, что он никогда не отфутболит от себя ответственности за принятые решения. Допустим, договорились мы о чем-то таком, с чем Аркадий Иванович был поначалу несогласен. А потом — неудача. Нет, никому Чернышев не пожалуется, что лично он, дескать, думал иначе, да и меня не попрекнет: «Ну что, мол, я тебе говорил?..» Стойкий он человек, Чернышев — стойкий во всем.

Что же предпринимал Чернышев в обстоятельствах, позволявших рассчитывать на дебют на чемпионате мира какого-нибудь московского динамовца?

Ничего дополнительного не предпринимал. Никаких ресурсов своего командирского положения не использовал. И никогда не испытывал колебаний по такому поводу.

Скорее напротив, испытывал неловкость лишь только при мысли об этом. О протекции своих игроков. Об использовании своего высшего служебного положения в сборной.

Безусловно, мог вступить в лобовой спор со своим помощником Тарасовым, одновременно исполнявшим обязанности заведующего отделом кадров, по поводу динамовских кандидатов, но только при одном обязательном условии: они должны были продемонстрировать такое мастерство, такую результативность и такую надежность, такую стабильность, чтобы ни у кого — ни у Тарасова, ни прежде всего у него самого — не осталось сомнений в том, что они не просто сильнее тех же армейцев, а значительно превосходят их.

Ставил себя в изначально невыгодное положение.

Но все эти слова — выгода, личная заинтересованность — не из лексикона Аркадия Ивановича. Настоящего интеллигента.

Однако лоббирование по-тарасовски нельзя представлять себе как обычное протаскивание своих подчиненных на более теплые служебные позиции. Это было бы примитивно. Ведь в спорте все у всех на виду, и поэтому только по благу ты никуда не продвинешься. Ты выходишь на арену, на всеобщее обозрение и демонстрируешь то, что умеешь, добываясь определенного результата и показывая определенные качественные показатели в атаке, в большинстве, в обороне...

Тарасов гонял на тренировках ЦСКА своих «спорных» кандидатов до седьмого пота, и те из кожи вон лезли, чтобы оправдать высокое доверие и воспользоваться шансом. Как-то дополнительно прогрессируют, оставаясь, возможно, примерно на своем уровне мастерства, далеко от звездного. Дополнительный азарт им придавала мысль о том, что «Тарас-то, если что, заступится, встанет горой за своих». В контрольных матчах сборной прыгали выше головы и действительно по формальным спортивным показателям зачастую превосходили, пусть и на самую малость, своих конкурентов из других клубов. Динамовцы, те вроде бы должны были иметь распрекрасную возможность пробиться в сборную: Чернышев на этом оживленном перекрестке с «пробками» для них-то должен был зажигать зеленый свет — ан нет, в лучшем случае видели лишь мигающий желтый, светофор функционировал в режиме общего предупреждения об опасности из-за пересечения дорог. Да и не гонял их на тренировках Аркадий Иванович до одури.

Евгений Зимин, двукратный олимпийский чемпион, заслуженный тренер России:

В сборную я попал, когда Чернышев с Тарасовым там уже долго работали. Сразу увидел, что все у них было отлажено до мелочей. До того я слышал, что раньше у них возникали принципиальные стычки... Старшим тренером был интеллигентнейший Аркадий Иванович, типичный динамовец: свою власть не демонстрировал, наоборот, скромно очень держался. Мало давал интервью, мало общался с прессой. И как-то жил сам по себе. Анатолий Владимирович был полной ему противоположностью и кое в чем власть прибрал к своим рукам. В кадровых вопросах властвовал.

Он везде проталкивал своих армейцев. Не говорю про сильных мастеров, про «железных» игроков сборной, к которым игроки звена Мишакова не относились. Это не только мое мнение было. Но Анатолий Ионов, Евгений Мишаков и Юрий Моисеев включались в состав. И едва Тарасов на этом не погорел на Олимпиаде в 1968 году в Гренобле. На моих глазах было. Мы же чуть не пролетели мимо первого места!.. Чехам-то проиграли 4:5, и дальше от нас мало что зависело. Тройка Мишакова провалила ту игру... Хорошо, чехи со шведами вничью сыграли — дурака сваяли, и там уже мы с канадцами под настроение разобрались. Ну, Женю Мишакова еще можно было брать в сборную, да и то так, на подмену в лучшем случае.

Динамо-ское звено Мальцева и армейское звено Мишакова... Непопадание в сборную одного и попадание второго — хрестоматийная история на заданную тему.

Юрий Чичурин — Александр Мальцев — Анатолий Белоножкин. Звезда — суперзвезда — «рабочая лошадка».

Филигранные чичуринские пасы, видение площадки, катание, интуиция... Полезность действий гармонично сочеталась с их красотой. Мальцев, соответствовать которому было весьма затруднительной задачей для любого партнера, не скрывал, что получает радость от игры с ним. Правый крайний форвард редкостного дарования. Не случайно Николай Семенович Эпштейн выделил Чичурину в ряду самых ярких воскресенских мастеров в истории. Юрия Чичурину и Игоря Ларионова.

Анатолия Белоножкина отличали колоссальная работоспособность и боевитость. Вписывался в тройку очень здорово, дополняя ярких партнеров. Таскать рояль кому-то ведь надо; справлялся с этой функцией.

Анатолий Ионов — Евгений Мишаков — Юрий Моисеев. Добротный середняк — бесстрашный силовой «центр» — «вечный двигатель».

Габаритный, с широким катанием, пробивной Анатолий Ионов придавал эдакую солидность и размашистость коллективному почерку. Попытаться свалить его было делом неблагодарным. Но по мастерству явно уступал Чичурину.

Танком бороздил ледовое пространство Евгений Мишаков. Успевал повсюду и устали не ведал. Смести мог любого со своего пути. И дать острастку готов был любому. В обороне отработывал за двоих. Преданность команде и тренеру имел безграничную. Но с Мальцевым сравнивать Мишакова, конечно же, нельзя. С Мальцевым вообще проблематично кого-нибудь рядом ставить: слишком уж блистательным мастером являлся.

Юрий Моисеев, если получал задание персонально кого-нибудь опекать, то вцеплялся как клещ, и освободиться от его пут мало кому удавалось. Реактивный и буквально кидающийся в самое пекло, он, пожалуй, превосходил динамовского визави Белоножкина в энергетике, проворнее таская тот самый рояль, уготованный представителям амплуа «рабочих лошадей».

Объективно на круг выходило, что динамовцы либо превосходят армейцев, пусть и не на голову, либо уж никак не уступают им. Оставалось совсем немного — удостовериться в том самому и убедить тренерский штаб сборной. На очередной международный турнир на Приз «Известий» в декабре подопечных Чернышева вызвали в сборную, где уже получили временную прописку подчиненные Тарасова.

Мальцевская тройка выступила в свою силу, играла грамотно и старательно, но и только. На «четверку». Мишаковское звено тоже восторгов не вызвало, зато в его действиях присутствовали агрессивность и самоотверженность в двой-

ном размере; оно буквально «рвало подметки» и добилось-таки более высоких, чем конкуренты, спортивных показателей.

По возвращении в клуб Чернышев объявил своим парням: «Вот видите: сами недотянули немного, у цеесковцев результаты повыше ваших. Ну и как я могу взять вас в сборную? Сама виноваты. Поймите меня правильно».

Ясно, что касалось это звена целиком, а ни в коем случае не Мальцева.

И как это восприняли Чичурин с Белоножкиным? Ну не взяли... На нет и суда нет... Ничего не попишешь... Юрий предложил снять с души негатив, забыв про огорчение, традиционным для российских мужчин способом. Анатолий согласился, но в раж не вошел... За Чичуриным водилась расположенность к такого рода «восстановительным процедурам». И это не способствовало повышению шансов прекрасной динамовской тройки на попадание в сборную при будущих просмотрах и обсуждениях.

Представим себе аналогичную ситуацию в ЦСКА: Ионов с Моисеевым уже пахали бы дополнительно, а заодно с ними Мишаков — под окрики и назидания Тарасова. Какое там уныние, какое, к чертям собачьим, примирение с неудачей! Вперед и с песнями — до победного конца!

Известинский турнир всегда устраивался в декабре, задолго до мирового первенства. И кто же мешал динамовцам в январе — феврале добавить в игре и снова продемонстрировать свою готовность защищать хоккейную честь отчизны? Никто не мешал; увы, никто и не подгонял. Аркадий Иванович слишком полагался на сознательность своих игроков, на то, что разыграет в них уязвленное честолюбие, что будут стремиться к новым рубежам, без чего в большом спорте не обойтись.

Станислав Петухов:

Тарасов всегда протаскивал в сборную своих ребят. Протаскивал всеми правдами, и я бы даже сказал, что и неправдами. Не был разборчив в методах.

Вот Володя Брежнев. Защитник ЦСКА. Хороший был защитник. Так его уровня еще были игроки в других клубах, а кое-кто был и повыше. Брежнев всё время находился в обойме сборной. На чемпионат мира, по-моему, не попадал, потому что конкуренцию в итоге не выдерживал. Впрочем, пару раз, кажется, все ж таки отыграл...

Тарасов Брежневу прямо указывал:

— Володя, слушай меня! Хочешь попасть в основной состав?

— Ну само собой, Анатолий Владимирович.

— Так слушай меня внимательно — надо «убить» кого-нибудь из конкурентов.

— Как это — «убить»?!

— Убрать со своей дороги того, кто на то же место претендует. Ну теперь-то уразумел, что почему?..

Того же Виталика Давыдова предлагал вывести из строя. Или еще кого-то из сильных защитников. Вот на что нацеливал... Для того чтобы попасть в сборную команду, в «основу», надо вывести прямого конкурента из строя, нанеся тому травму. На тренировке, к примеру. Или в календарном матче против «Динамо».

За эти слова отвечаю. Володька Брежнев мужик-то был нормальный и сам мне признавался. Мы иной раз жили с ним в одном номере, когда сборная выезжала в турне по Америке. Но чаще с Давыдовым меня размещали.

Виталий Давыдов:

Тарасов, конечно, «бомбился» за своих... Он выдавливал иногда спартаковцев и динамовцев, ребят из других клубов. Просто видно было, что выдавливает из круга тех, кто был не слабее, а иногда и посильнее некоторых армейцев.

Мы же, постоянные игроки сборной, это ясно видели.

Я много играл со спартаковской тройкой. Очень сильной она была. Самобытной. Старшинов с братьями Майоровыми. Однако случилась у Евгения травма плеча, а тогда ее не очень хорошо лечить умели. Но это крест на карьере не ставило, просто надо было как следует восстановиться. Тарасов зацепился за это, вдобавок, кажется, отношения у них с Евгением были напряженные, и выдавил спартаковца из сборной, а на его место поставил Толю Ионов. Своего игрока. И у звена игра разладилась, уж больно Ионов не вписывался в их стиль.

Про динамовское звено Чичурин — Мальцев — Белоножкин много спорили в те годы и много вспоминали потом. Про их конкуренцию с армейской тройкой Ионов — Мишаков — Моисеев я скажу, что там тоже не всё было чисто... Но скажу и про другое. Юра Чичурин мастером был высоким, очень хорошим партнером Мальцеву — Александр редко о ком так хвалебно отзывался, но не хватало ему воли и настоящего желания пробиться в сборную. Где-то как-то сразу не получилось и не пошло, побывал на сборе и не потянул, не заиграл, как мог бы. И уже поставил на себе крест. Это страшное дело, когда игрок ставит крест на своей карьере — нажимает на тормоза и говорит себе: «Всё — дальше не поеду!» Находит оправдание: «Ну меня же не взяли в сборную — что я буду дальше корячиться». Вторую, третью попытку и не думает предпринимать. Продолжает себе спокойно играть за клуб, получать зарплату и премиальные, отдыхать в положенное время. Поэтому Чичурин с Белоножкиным и не показывали того, на что были способны, когда их вызывали на товарищеские матчи сборной, когда давали шанс проявить себя.

Александр Мальцев:

Мастерюга это был — Юра Чичурин. Толя Белоножкин полезен был в нашем звене. Но как дело до сборной доходило, оба как-то сникали, вместо того чтобы «выпрыгивать из штанов». Я как «центральный» старался их как-то подбодрить, встряхнуть, заставить их поверить в себя, в то, что могут выступать за сборную. И Аркадий Иванович просил меня об этом. Бесплезно... Не верили в то, что при отборе всё будет по справедливости, боялись, что опять будут протаскивать армейцев. Чичурин с Белоножкиным в товарищеских встречах за сборную играли хуже, чем за наш клуб...

Почему-то совсем не вспоминают историю другой динамовской тройки, Сакеев — Мотовилов — Шилов. А она-то, я скажу, очень показательная.

Тройка эта выдавала очень хорошую и стабильную игру. И у нее были все шансы попасть в состав сборной. Каждый хоккеист был хорошего уровня, и они здорово дополняли друг друга. Сыгранность была полная.

По-моему, перед Олимпиадой 68-го года решался вопрос — какое звено взять: Ионов — Мишаков — Моисеев или Сакеев — Мотовилов — Шилов?

Окончательно этот вопрос решался на международном турнире в Питере. И мотовиловское звено там вчистую переиграло мишаковское, буквально по всем показателям! Настолько лучше выглядели, что даже Тарасов вряд ли сумел бы их бортануть. Всё, казалось бы, задачу решили и шанс наконец-то использовали. Готовьтесь теперь спокойно к Олимпиаде...

Из Питера мы возвращались ночным поездом.

Армейцы, Мишаков с товарищами, дисциплинированно разместились в купе и готовятся к отбою. Лежат на полках. Отдыхают спокойно. Никаких эмоций. А наши динамовские соколки решили отметить радостное событие. Сидят в купе, галдят, празднуют так, будто уже чемпионами с Олимпийских игр возвращаются.

Тарасов имел привычку контролировать дисциплину в команде. В своем клубе, в сборной. Слышит, Шилов с динамовцами разгулялись не на шутку, хотя ничего особенного те и не делали. Зато повод дали на крючок их посадить. Анатолий Владимирович и говорит Аркадию Ивановичу:

— Адя! Вон посмотри, что твои бойцы вытворяют!

— Да. Безобразия.

— И это кандидаты в сборную?!

Всё сразу и было решено в пользу армейцев.

Ну какая может быть сборная, если люди себя так ведут?! Спортивный режим, видите ли, нарушили!

Отцепили динамовцев.

И больше они уже на места в сборную не претендовали. Тоже, скажу, крест поставили на себе.

Я вот подумал: а могли Чернышев как-то вступить за них — за своих, к тому же игравших действительно здорово? Наказать, конечно, но до отцепления из сборной не доводить? Ничего такого страшного ведь наши парни не натворили. Назавтра пришли бы потихоньку в норму. Мог, думаю. Но не стал этого делать. Своих динамовцев не тащил за уши в сборную.

Еще представил себе: а как бы Тарасов поступил, окажись на месте Чернышева? Наказал бы. Зато нашел бы способ всё равно протащить своих игроков в сборную.

Суждения Евгения Зимины и особенно факты, приведенные Станиславом Петуховым и Виталием Давыдовым, впечатляют. Нет смысла замалчивать подобное спустя столько лет.

Александр Мальцев не отличается словоохотливостью, зато если что вспомнит, если собственное мнение сформулирует, то рядом сидящим мало не покажется. Всё прямо, жестко. И почти всегда о том, что мало кому известно.

Александр Мальцев:

Там история не закончилась в поезде. Тарасов взял да назначил контрольную двусторонку на 11.00 утра. С тем, чтобы наша чутка загулявшая тройка Мотовилова не успела оклематься. Им бы поутру в баньку сходить и веничком помахать как положено, а тут здравствуйте — на лед прямо с поезда. Ну и были «тяжелыми», по игре хуже мишаковского звена были. Вот вам роль Тарасова. Вот как было попадать динамовцам в сборную.

Важно всё это учитывать, чтобы представлять себе то, в каких условиях Чернышев руководил сборной и приводил ее к очередному триумфу. Как можем увериться, копнув поглубже и пошире, условия были далеки от идеальных и, что важно, от тех идиллических, которые живописались впоследствии десятилетиями в одах об этом действительно поразительно успешном тандеме.

Внутри этого союза шла сокрытая от посторонних глаз работа, в которой находилось место для коллизий и противоречий, разногласий и примирений. Не было, однако, главного зла любого союза, сотканного из разнородных тканей, — предательства и подсиживания.

Ну, от Чернышева подобного ожидать и гипотетически не приходилось. Что называется, не из того теста — интеллигент, порядочный в высшей степени. Тарасов — натура совсем иного помола. Не то чтобы козни кругом строил, однако при

каких-нибудь предгрозовых либо туманных обстоятельствах готов был, предполагая сугубо гипотетически, накинуть сеть для запутывания ситуации.

Семен Вайханский, один из ведущих историографов советского хоккея:

Имея в сборной большинство из ЦСКА, Тарасов блестяще пользовался этой ситуацией, виртуозно избавляясь от неудобных ему людей, чаще других стремившихся отстаивать свое мнение (таких как братья Майоровы), всячески притормаживая появление в сборной таких нецезковских суперталантов, как Александр Якушев.

Анатолий Владимирович постоянно и, я убежден, не без определенного ущерба для дела сохранял в команде высокий процент хоккеистов ЦСКА.

Большой хитрован, Тарасов использовал своеобразные методы, желая отбить у претендентов стремление пробиться в сборную против его воли.

Существовала, например, такая формальная практика. Накануне отъезда на чемпионат мира, когда еще не объявлен состав, — последняя прикидка, матч между первой и второй сборными, живущими на общем сборе в Москве. «Вторые» горят желанием показать себя во всем блеске. У кого-то еще есть шансы, которые кажутся почти очевидными. И вдруг — объявление Тарасова: играть не будем, подустали. Так решим. И всё — полнейшее расслабление. А наутро — новая команда: играем! Тут и не поспоришь, и не соберешься... А поезд опять ушел.

Александр Мальцев:

На моих глазах это делалось. Тарасов «химичил», когда планировался «междусобойчик» первой и второй сборных. То назначит конкретное время сегодня, то ни с того ни с сего перенесет на завтра, а там еще что-нибудь взбредет ему в голову. «Химичил», чтобы своих армейцев протащить в состав куда-нибудь в третье звено или на подмену — те же всегда по струнке ходили и были готовы к любым переносам игры, а кто из другой команды был — то настраивался на контрольную игру, то расслаблялся. Я сам был свидетелем этой суеты. В 67-м я за вторую сборную у Эпштейна играл...

Виталий Давыдов:

Тарасов — это фонтан энергии, выдумок и, что греха таить, не всегда достаточно корректных ходов.

Чернышев же — гарант благородства в руководящем дуэте. С виду — само благообразие, ну прямо член британской палаты лордов. Он был мягок со звездами, от которых зависел в своем «Динамо».

«Кадровик» сборной действительно правил бал — кого хотел, привечал, на кого-то серчал, карал без промедлений при первой же возможности. В опалу попадали, как правило, спартаковцы, из-за своей «безотцовщины» были они беззащитны при крайних обстоятельствах. Обычно их пригревал Аркадий Иванович, однако, когда возникал повод для тарасовского гнева и соответствующих карательных мер, он, случалось, уходил в сторону. Исключением, пожалуй, стала нашумевшая история с загулом, а если быть точнее, всего лишь несвоевременным прибытием на базу сборной армейца Виктора Полупанова и динамовцев Валерия Васильева и Александра Мальцева. Секиру занес Тарасов над Полупановым и, не дождавшись публичного покаяния, выгнал его из ЦСКА, сломав в одночасье карьеру 25-летнему центрфорварду. Чернышев же, который не в силах был оставить без наказания дисциплинарный проступок, сохранил Васильева с Мальцевым для клуба и сборной, для себя и для них самих сберег, для их семей, наконец.

«ОТЕЦ РОДНОЙ»

Контракт. Его длительность, возможность пролонгации, сумма трансфера и сумма отступных, ежегодное вознаграждение, бонусы за голы и голевые передачи, бонусы за решение командой определенной турнирной задачи... Сегодня хоккеист знает свои обязанности и свои права, помнит их досконально, многочисленные пункты контракта вызубрил, как образцово-прилежный школьник. Знает про корпоративную этику и про то, когда, как и в какой тональности может либо должен контактировать с корреспондентами телевидения, радио и периодической печати. Помнит, какой штраф заплатит за опоздание на тренировку; помнит, как сурово пострадает за нарушение спортивного режима — лишится кругленькой суммы и очутится в фарм-клубе; помнит, что помимо своей воли даже в течение сезона может в результате обмена очутиться в другом клубе, за тридевять земель от нынешнего места обитания...

Зато ни от кого не зависит «по жизни». Приобрести качественный «субару-форестер», либо огромный «геленденваген», либо шикарный «порше»? Нет проблем. Снял со счета несколько миллионов рублей без ущерба для семейного бюджета и сел за руль. Переселиться в двухуровневые апартаменты в тихом арбатском переулке или на Чистых прудах? В загородное пристанище в элитном коттеджном поселке по индивидуальному проекту? Только плати, благо есть чем.

Хорошо это или плохо для спортсмена? Ну разумеется, хорошо. Правильно. Нормально. Цивилизованно. То небольшое из скопированного с западных образов, что является естественным и потому стоящим.

Другой вопрос — а стоят ли нынешние игроки столь дорого? Стоят ли по своему мастерству, по тому зрелищу, которое преподносят гражданам? И естественны ли заоблачные суммы, превышающие даже не в разы, а на несколько порядков средние доходы средних граждан, когда билет на матч стоит относительно мало и все клубы глубоко убыточны?

В советские времена спортивный уклад был совсем иной.

Хороший или плохой для спортсмена? Плохим никому не казался. Казался справедливым. Слова такого иноземного — «контракт» — и не произносили. Слышали и слушались только одного человека — старшего тренера. Во всем и везде. Это был царь и бог в клубе! От «старшего» зависело всё: начиная с того, будешь ли ты в основном составе и в каком звене, и заканчивая тем, привезут ли тебе в обычную двухкомнатную или трехкомнатную квартиру, которую твоя семья получила от клуба после царского одобрения, импортную мебель или импортный холодильник.

А кем являлся Аркадий Иванович Чернышев в течение почти трех десятков лет в хоккейном клубе московского «Динамо»?

Царем? Царем — умным и справедливым, дальновидным и пекущимся о моральном и физическом здравии вверенных ему граждан.

Богом? Богом на земле динамовской. Преувеличения и образность здесь кажутся вполне допустимыми.

Ну а если без пафоса обойтись при описании роли личности Чернышева в истории полутора сотен хоккеистов, прошедших через его руки и через его сердце? Какими словами его роль определить метко, емко и кратко?

Отец родной! Вот кем являлся Аркадий Иванович для своих подопечных и подчиненных.

И сразу подчеркну краеугольное: динамовцы формально числились его подчиненными, однако Аркадий Иванович относился к ним как к подопечным, именно подопечным. Спортивная карьера и отчасти человеческая судьба были вверены ему, наставнику популярного клуба, и потому он обязан был держать ответ за них за всех перед ними, перед их близкими, перед болельщиками и перед самим собой.

Такой лишенный и капли формализма подход к людям выпукло проявлялся в ситуациях, когда требовалось отреагировать на дисциплинарный проступок игрока и наказать того по всей строгости спортивных законов и ведомственных правил.

Кнутом не пользовался. Претило его натуре штрафовать игроков, как это было принято в других клубах и у других тренеров.

Ни кнут, ни пряник не были в чернышевском «Динамо» моделью управления сложным мужским коллективом — небольшим по численности, но выполняющим необычную работу, результаты которой на виду у миллионов, проходящую зачастую в условиях, приближенных к стрессовым. Собственно, каждый матч требует полной выкладки физических, интеллектуальных и моральных сил от игроков и тренеров. А далеко не всякий советский хоккеист проявлял разумность и стойкость в редкие часы досуга после ледовых сражений...

Узнавать о шалостях взрослых мужиков, оценивать степень их тяжести и выносить наказание являлось тогда прямой служебной обязанностью старшего тренера. Чернышев не старался специально узнавать о провинностях, со скрипом оценивал их и с натугой выносил наказания. Предпринимал всё, чтобы вообще не наказывать. Рассчитывал на совесть и разумность спортсмена, на свой педагогический дар.

...Валя Чистов был классным центральным. Талантище! Чудил, однако... Как-то летом два или три дня отсутствовал на тренировках. Явился — не запылится.

— А ты где пропадал, Валентин?

— Аркадий Иванович, да я вышел из дома — гляжу, дождичек зарядил, ну я и решил, что тренировки отменят.

— Так прямо и решил?!

— Честно вам, Аркадий Иванович, говорю...

— Ну иди, переодевайся. Потом разберемся с тобой.

Коллеги при схожих обстоятельствах устроили бы загулявшему игроку форменный разнос, повысили бы голос, переходя на крик, обозвали бы нелицеприятным образом, угрожали бы страшным судом. И объявили бы меру наказания, применив кнут по полной программе, кое-кто держа в уме и выдачу пряника после штрафных санкций. Кто-нибудь наказал бы по полной программе за прогул, кто-нибудь ограничился бы превентивными мерами, однако никто бы не повел себя, как Чернышев.

Александр Мальцев:

Наказаний при Чернышеве не бывало. Не то что, скажем, лично меня не наказывал, а вообще никого не трогал. И с дисциплиной в целом был в «Динамо» порядок.

Александр Мальцев и Валерий Васильев. Таланты милостью Божьей. Две звезды мирового масштаба. Этот форвард и этот защитник были невероятно популярны среди любителей спорта в нашей стране, а уж для динамовских болельщиков оба являлись кумирами.

и свое, тренерское. Забавными эти истории стали благодаря чернышевскому чувству юмора — тонкого помола, ненавязчивому и ситуативному. Аркадий Иванович не осыпал окружающих шутками-прибаутками, припасенными в памяти на все случаи жизни, как это делают заштатные балагуры; он подключал острое словечко и ироничную интонацию именно тогда, когда ситуация заслуживала на его педагогический взгляд. Всё происходило мгновенно, то была чистая импровизация, окрашенная в жизнерадостные тона.

С тем же без меры одаренным и без меры ленивым московским голубятником Вале́й Чистовым, на сей раз явившимся на тренировку минута в минуту и трезвым как стекло, произошел у старшего тренера такой занимательный диалог, свидетелями которого стала вся динамовская команда:

— Аркадий Иванович, знаете что — не могу я сегодня тренироваться.

— Что, Валь, случилось? — В голосе тренера участие, готовность помочь и готовность услышать что-нибудь диковинное.

— Нога разболелась. Ноет. Не отпускает, зараза.

— А где болит?

— Да мозоль. Мозоль натер на большом пальце. На левой ноге.

— О, это со мной тоже бывало. Когда играл. У тебя ж большой размер ноги? У меня 47-й.

— А у меня 46-й.

— Валентин, не переживай. Не страшно это. У меня это быстро проходило. И у тебя пройдет. Я тебе скажу, что делать. А пока иди переодевайся...

Виртуозный выход из положения нашел Аркадий Иванович. И выслушал внимательно, и посочувствовал, и подбодрил, и пример из своей практики привел, и обещал дельный совет дать, и спокойно отправил спортсмена на тренировку, от которой тот желал отвертеться. Что размеры ступни у обоих схожие и что у него, у тренера, в годы спортивной молодости такое бывало — творческая находка, и никак не меньше!

Без юмора в жизни вообще пресновато. Без юмора в спортивной жизни тяжело. Без юмора в хоккее совсем неумоготу бывает, уж больно мужицкое и суровое это занятие. Советские тренеры с юмором предпочитали дружить. У кого лучше получалось, у кого похуже. Чернышев обладал редким даром непростую ситуацию превращать в забавную и поучительную. Подшучивал нечасто, зато метко и непременно по-доброму; потому и запомнились те случаи надолго и, распространяясь среди хоккейного люда, обрастали подчас деталями, коих и... не было вовсе. Настолько хорош был Аркадий Иванович в

этом компоненте профессионального искусства, который не упоминается ни в каком учебном пособии.

Самобытный динамовский наставник трудился не в чистом поле, а в жестко регламентированных условиях. Как мог, маневрировал в них, однако и сам тоже находился под контролем кабинетного начальства. Кнут, а чаще кнутик брать в руки все же доводилось. Когда хоккеист доставал его уж совсем, когда чаша терпения переполнялась, когда доводил даже его, терпеливого донельзя, до ручки.

Станислав Петухов:

Чернышев не применял систему ножниц, как Тарасов. Тот «нолики обрезал». В зарплатной ведомости нолик справа зачеркивал, и провинившийся в десять раз меньше домой приносил. Штраф был ох каким болезненным. В нашем клубе, если объяснения и предупреждения не действовали и игрок снова попадался, Адик вел его на ковер ко Льву Евдокимовичу Дерюгину, председателю городского совета «Динамо». Тот пронесочит как следует, с матерком, доходчиво разьяснит, что будет при повторном нарушении, и отпустит. Но уж если и это не действовало отрезвляюще, тогда штрафовали деньгами. Подрезали зарплату либо премиальных лишали. Но не так болезненно это было, как в ЦСКА у Тарасова.

Непосвященному человеку это может показаться удивительным, но в силовых структурах наказывать рублем провинившихся было делом сложным. Очень сложным. Всё же четко прописано и жестко исполняется, формалистика железная, никакого самоуправления. Денежный штраф следовало как-то оформить, провести эту канитель через все инстанции. Цезсковца проще было на гауптвахту в Лефортово посадить суток на десять, Тарасов к этому прибегал иногда. Но потом Анатолий Владимирович каким-то образом решил и вопрос с накладыванием денежного штрафа: хоккейная команда находилась на территории Центрального спортивного клуба армии, и ее как-то встроили в их систему со всеми вытекающими.

Спустя годы Аркадий Иванович при помощи Юрия Владимировича Андропова, возглавлявшего Комитет государственной безопасности, сумел привести к одному знаменателю спортивные и ведомственные вопросы, правила внутреннего распорядка. Еще раньше динамовцы, и с воинскими званиями и без них, проходили месячную подготовку, после которой им присваивали звания лейтенантов внутренних войск МВД. Помню, Белоножкину, Чичурину, Мотовилову, Тале Севидову в один год лейтенантов дали. А уже потом перевели всех в КГБ и оформили коллектив как спортивную команду. Чернышев в чине подполковника был начальником — командиром хоккейной команды. И тогда стали легко

решаться всякие организационные вопросы, в том числе и наказания в виде денежных штрафов; чаще лишали премиальных, а зарплату не трогали, чтобы семья не страдала особенно. В 80-е годы все динамовские хоккеисты включались в штатное расписание пограничного училища в подмосковном Голицыне, стояли там на ставках, как тогда принято было говорить.

Адик.

Так называли его все близкие и дальние знакомые. Кратко. Тепло. Сердечно. Ласково. Так же звали между собой Аркадия Ивановича динамовцы.

В одном коротком слове умещались и глубокая почтительность, и безмерная благодарность, и душевная расположенность подопечных к учителю.

Так обращался к нему и Тарасов, для которого Чернышев являлся единоличным начальником по штатному расписанию сборной Советского Союза.

Адик.

Просто и красиво. Лучше не придумаешь. И ведь кто-то же первым так сказал. Вот бы узнать, кто именно?

Адик бережливо и трепетно обращался с талантами, но запанибрата с ним никто не был. Дистанцию всегда соблюдал. Однако и крепкие середняки, и те, кто был пожиже мастерством, ощущали себя людьми первого сорта. Ко всем был по-человечески расположен.

Виталий Давыдов:

Про добросердечность Аркадия Ивановича знали и далеко за пределами динамовской территории. Уважали его и завидовали нам. Такого, как Чернышев, больше ни в одном клубе не было, конечно. Ну и слухи о его отношении к игрокам, о нашем отношении к нему, вообще об атмосфере в коллективе обрастали подробностями, которых сами динамовцы... не знали. До того договорились, до того стали райской рисовать картину происходящего в московском «Динамо», что якобы мы обращаемся к старшему тренеру так — Адик. Не на «вы», не по имени-отчеству, а запросто в лицо тыкаем — «Адик»! Но такого и в мыслях ни у кого из нас не было. Взаимоотношения тренера с командой действительно были уважительными и добрыми, однако добрячком Аркадий Иванович никогда не был. Требовал от нас по полной программе. Дистанцию с хоккеистами соблюдал, и никто с ним запанибрата не был. Между собой мы частенько называли его Адиком. Только и всего.

Анатолий Тарасов:

«Время — вот лучший судья!» — считает Чернышев. И хотя мне кажется, что, полагаясь на это, он слишком мягковат к

ным из своих подопечных (чем, к сожалению, они и пользуются), сам он убежден, что риторикой взрослого человека нельзя ни воспитать, ни перевоспитать, ибо главное тот должен понять сам. И еще убежден, что жизнь в конечном счете показывает, кто был прав — тот ли, кто финтил, манкировал делом, либо тот, кто честно и верно относился к нему, — и что именно это является для взрослых людей важнейшим воспитательным фактором. Вот почему он склонен подчас оборвать разговор на полуслове, если собеседник не понимает, о чем идет речь. Но делает это не резко, не грубо, а так, словно бы тема исчерпалась сама собой.

Про Александра Мальцева и Валентина Чистова речь еще зайдет не раз. Два Игрока оказались под крылом одного Тренера. Только в разные времена. Один дошел в «Динамо» до мировых вершин, пребывал там непрерывно полтора десятилетия и приводил в повальный восторг трибуны и телеаудиторию, а другой, буквально ошеломляя партнеров и соперников своими хоккейными дарами, даже в сборной не удосужился закрепить-ся. Для обоих Чернышев был отцом родным. Так почему же их пути оказались столь несхожими? Позволю себе лишь предположить: у москвича Чистова, в общем-то, все было под боком — родня и друзья, квартира какая-никакая и голубятня к тому же, а семнадцатилетний Шура Мальцев один приехал из глубоко провинциального и насквозь промышленного Кирово-Чепецка в столицу и подарок судьбы в лице учителя Чернышева ценил всеми фибрами своей души, прикипев к нему накрепко, на всю жизнь. И прислушивался к его советам. И в ответ на заботливость и демократичность Аркадия Ивановича платил безграничной преданностью. Хоккею в первую голову. А значит, и Адик, чьи завышенные ожидания просто не имел права не оправдать.

Александр Мальцев:

Когда я в семнадцать лет перебрался из Кирово-Чепецка в Москву, чувствовал себя непривычно; неуютно мне было в большом городе без родных и без друзей. Если б не Аркадий Иванович... Не знаю, как сложилось бы у меня, если б не встретил такого человека. И сложилось ли бы вообще что-нибудь путное...

Откровенно повезло мне, что в «Динамо» попал. Ни в «Спартак», ни в «Крылья» я бы так не раскрылся. А про ЦСКА и говорить нечего. Не та обстановка, не мой тренер. Нигде не было такого тренера, которого хотя бы сравнить можно было с Чернышевым. Сравнить как профессионала. Сравнить как человека. Нигде бы я себя не почувствовал нормальным человеком, к которому по-человечески относятся. Не давят, не контролируют каждый мой шаг и не наказывают за что ни попадя. Учат жить

незаметно, а не осыпая советами и предостережениями: делай то-то и не делай того-то. Учат играть незаметно, а не выдают кучу ценных указаний. Нигде, кроме как в «Динамо», такого не было. Только у нас. И только благодаря Аркадию Ивановичу.

Как я переступил первый раз порог динамовской базы, как вышел ко мне Аркадий Иванович, так и началась моя новая жизнь. По существу, счастливая жизнь, покуда рядом со мной был он...

Он тогда сразу велел: «... Так, не дури и сходи поужинай. Тут у нас по-домашнему готовят и, если что, добавку дают». Увидел же, что я с ноги на ногу переминаюсь, стесняюсь всего.

Разместился. Пошла новая жизнь. Потихоньку втянулся. Всё вроде путем было. Тренировки интересные. За «основу» играю. Сыт и обут. По существу, чего еще мне не хватало? Но что-то я заскучал, затосковал... Так что Аркадий Иванович придумал — забрал меня к себе в номер! И жил я там с год, пожалуй. Пока не дали нам с Валеркой Васильевым места в динамовском общежитии...

По существу, стал Аркадий Иванович для меня крестным отцом.

Как отец родной был для меня.

Как автор уже упоминал, у Валеры Васильева тоже были основания для особого расположения к динамовскому наставнику. В Москву перебрался из Нижнего Новгорода (по символическому совпадению — города, где родился Чернышев и где прошло его детство). Рано остался без отца. И его восприятие Аркадия Ивановича было сродни мальцевскому.

Мальцеву с Васильевым после пребывания на загородной базе «Динамо» выделили по однокомнатной квартире, что было по тем временам большим благом для игрока. Вскоре они в составе клуба отправились за границу. Впервые в жизни пересекли границу родины.

Вечером команда возвращается в гостиницу. Мальцев подходит к Чернышеву:

— Аркадий Иванович, пожалуйста, зайдите в мой номер.

— А что случилось-то, Саша?

— Ну очень прошу — зайдите!

Поднялись в номер. Мальцев развернул объемистый сверток, лежавший посреди комнаты:

— Аркадий Иванович, гляньте — это я шторы для квартиры купил. Как оно? Ничего? Сгодится?

— Хорошие шторы, Саша. То, что доктор прописал...

Какой еще молодой хоккеист мог так «прессинговать» звездного тренера? Где кроме чернышевского «Динамо» подобное могло произойти?

Уникальный хоккеист — уникальный тренер. Уникальным был и их союз.

Как и союз Валерия Васильева с Аркадием Чернышевым.

Вообще всё, что касается личности Чернышева, его человеческих и профессиональных качеств, предполагает при описании такие слова, как «уникальный», «неповторимый», «ни на кого не похожий».

В Союзе от старшего тренера зависело и материальное положение игроков, недостаток в их семьях, наличие всевозможных благ, ведь всё или почти всё было дефицитом.

«От каждого по способностям — каждому по труду». Этот девиз времен развитого социализма распространялся на все сферы деятельности. Разумеется, большой спорт стоял особняком, но принципы оплаты этого весьма специфического труда были сходными. Тренер был обязан выжимать максимум из способностей игроков, что вообще характерно для профессии. Оплата хоккеистов не отличалась дифференцированностью, и поэтому какой-то элемент уравниловки присутствовал неизбежно. Существовало штатное расписание с ограниченным набором ставок, премиальные полагались за победные матчи и за достижение командой итогового места в турнирной таблице. Все были прекрасно осведомлены о том, кто, сколько и за что получает в кассе. И вовсе не потому что страдали нездоровым любопытством, залезая в чужой карман. Просто уклад спортивной жизни тогда был таким незамысловатым и таким открытым. В отличие от современного, при котором никто ничего не знает про финансовые условия контрактов своих одноклубников.

В привилегированном положении находились только «сборники»: они получали дополнительно ставку Всесоюзного спорткомитета; заграничные вояжи позволяли на весьма скромные суточные покупать за рубежом дефицитные товары и по возвращении их продавать... Однако социалистическая система и тут не позволяла труженикам спортивной нивы особенно разгуляться. Так, динамовцы, имевшие офицерские звания, получали доплату за чин, но лишались спорткомитетовской ставки.

Старший тренер хоккейной команды «Динамо» (Москва), понятно, влиял определенным образом на то, какой хоккеист на какой ставке будет находиться. Это зависело от качества демонстрируемой игры, от ее стабильности, от соблюдения общекомандного распорядка. Тренер же не враг самому себе. Он будет зачислять в основной состав объективно сильнейших, комплектовать ударное звено из лучших исполнителей. Однако широкого маневра для продвижения игрока по материальной зарплатной лестнице у Чернышева не было, поскольку всё было жестко регламентировано.

Совсем иной расклад существовал, когда спортсмен претендовал на крупномасштабные приобретения.

Их было всего два вида — машина и квартира. Крыша над головой была, понятно, важнее, даже сравнивать тут нечего, однако и от возможности заполучить авто никто не отказывался.

Легковой автомобиль — совсем не роскошь, а средство передвижения. Эта расхожая формулировка звучала как насмешка, как издевательство, потому что, даже имея деньги, гражданин не мог пойти напрямую в магазин и купить вожденное транспортное средство, предназначенное для индивидуального пользования. Такой дефицит распределялся по длинным и замысловатым схемам, в которые еще попасть надо было...

Станислав Петухов:

Я рано пробился в динамовскую «основу». Был от счастья на седьмом небе. Я рано женился, в девятнадцать лет. Летом мы жили на тещиной даче вблизи станции Отдых Казанской железной дороги. А недалеко, поближе к Москве, была дача моего однолюбника Роберта Черенкова. Вернее, его отчима, Павла Александровича Севастьянова. Отец Роберта рано ушел из жизни... Интересный был человек Павел Александрович. Заведовал кафедрой хоккея в инфизкульте. В общении очень доброжелателен был. Я к ним частенько наведывался; в теннис играли, в футбол. Павел Александрович немножко учил меня вождению машины и правилам дорожного движения.

А тут счастье привалило — теща каким-то образом сумела записаться в очередь на приобретение автомобиля. Это 57-й год был, просто купить машину было невозможно. И пришла открытка, которая извещала о возможности приобрести «Волгу». 21-ю «Волгу!» О таком я и не мечтал. Света сообщила мне радостную новость и одновременно огорошила: а где денег-то столько взять? Марья Михайловна говорит мне: «У меня есть половина — ищи остальное, Стас». Что делать? Где искать? И времени в обрез... Но я-то уже в команде, решил подойти к Аркадию Ивановичу и посоветоваться. А это же было вскоре после победной Олимпиады 1956 года, где динамовская тройка здорово выступила: Юрка Крылов взял «москвич», Валька Кузин тоже, «Чиж» Уваров взял «победу»-шоколадку. Ну а Аркадий Иванович получил «победу» серо-пепельную.

Подхожу к нему после тренировки:

— Аркадий Иванович, тут дело такое — открытка на машину пришла.

— Поздравляю тебя, Стас!

— Ну да... Но денег нет. Не хватает. Что делать? Подскажите, пожалуйста.

— А зачем тебе «Волга»?

— Открытка такая теще пришла. Другой открытки нет и не будет, сами понимаете.

— А сколько ты денег собрал?

— Теща дает половину.

— Могу тебе дать часть деньгами и часть облигациями золотого займа. Только наберись терпения... А если так уж нужна тебе машина, будет тебе «москвич». Дешевле выйдет.

— Хорошо. Согласен. Огромное вам спасибо, Аркадий Иванович!

Возвращаюсь домой и горделиво так объявляю, что я решил вопрос с недостающими деньгами. Теща переспросила: «Точно всё сделают? Не обманут тебя?» Ну я, естественно, заверил: «Железно! Чернышев лично пообещал помочь». Поменяли облигации и дотянули до шестнадцати тысяч, столько «Волга», если не ошибаюсь, стоила. Поехали ее получать, заветную. Получили кастрюльного цвета — темно-синюю. Стал ездить с дачи на «Динамо». От станции Отдых пилил по Рязанскому шоссе, а оно узкое и грузовиками забитое. Приезжаю наконец-то на стадион, поднимаюсь в раздевалку, а у меня одежда, извините за подробности, к телу прилипла, я весь измочаленный после долгого и непривычного напряжения, зато на машине ни царапины. Напоминаю Аркадию Ивановичу насчет обещанного «москвича». «Завтраками» стал кормить. Я-то спокоен, верю его слову, но теща уже досаждала начала: я ж тебя спрашивала, не обманут ли?.. Я возражал: ну деньги же мне одолжили в клубе и, между прочим, не торопят с их возвратом... И вдруг, две-три тренировки проходят, подзывает меня Аркадий Иванович: «Стас, тебе надо связаться с Володей Шабровым, футболист наш бывший, в центральном совете работает; у него две открытки пришли и одну отдает. Не волнуйся. Он сделает для меня. Гарантирую». И действительно, все прошло как по маслу. Получил я «Москвич-407». Двойной — середина зеленая, а верх белый. И все мы, прежде всего теща, успокоились.

Ну зачем, спрашивается, нужны были Чернышеву эти лишние хлопоты, зачем вместо доброго совета, за которым, собственно, и обратился к нему по личному вопросу хоккеист, принял он активное участие в решении чисто житейской проблемы молодого человека, только-только приглашенного в команду мастеров? Одолжил свои кровные деньги и не менее кровные облигации, потратил время и силы на то, чтобы кого-то из динамовского ведомства лично просить как для себя — для Чернышева, которому отказу не будет? Не стал бы всем этим заниматься, и ничего бы страшного для команды не произошло: молодой форвард Стас Петухов никуда бы не делся, не рванул бы от обиды в другой клуб, потому что обижаться не на что было — за советом же явился, а не за конкретной помощью;

продолжал бы прилежно тренироваться и выкладываться в матчах, почтительное отношение к старшему тренеру сохранил бы. Так зачем же вечно занятый Чернышев занимался подобными делами? Зачем ему были эти лишние хлопоты?

А без всякой на то причины. Обратился к нему подопечный с житейским вопросом — вот он и откликнулся. А что вместо совета помог конкретно, ничего страшного. Что ж не помочь динамовскому парню, коли представляется такая возможность? Вот и весь сказ.

Таким был Аркадий Иванович. Человечным.

На динамовской территории в Петровском парке работала автошкола. Там еще с послевоенных лет очень сильная секция мотогонщиков базировалась. Обучали всему — от досконального знания материальной части до квалифицированно-го вождения. Аркадий Иванович, сам заядлый автомобилист (шоферил же в войну!), мимо этого не мог пройти. Направлял своих игроков туда, заставлял обучиться автоделу, объясняя: «Это вам в жизни пригодится. Вот вы все о машине мечтаете, а без знания ее начинки, без умения хотя бы мелкий ремонт своими руками сделать вы как водители будете нулевыми». К Адиду прислушивались, естественно, и занимались в свободное время в динамовской автошколе. Вместе с футболистами и «русачами».

«Аркадий Иванович учил нас не только хоккею, но и жизни!» Уверен, что под этими словами, сказанными Станиславом Афанасьевичем Петуховым, подпишется каждый динамовец, кому посчастливилось работать под началом Чернышева.

Такое признание дорогого стоит.

Этот педагогический подход Аркадия Ивановича я бы поставил выше золота спортивной чеканки, которого Чернышев добыл для отчизны великое множество.

Чернышевские уроки жизни, которые круглогодично получали динамовцы, а по два-три месяца — цеэсковцы, спартаковцы и другие «сборники», были бесценны. Ибо ничего ценнее жизни, прожитой по уму и по совести, нет на белом свете.

Рискну предположить, что в нашем хоккее такого «отца родного», как Аркадий Чернышев, не было. И уж определенно не будет, ибо новый, западного покроя уклад спортивной жизни подобных взаимоотношений в принципе не предполагает.

Однако вернемся в достопамятные времена.

Все-таки кардинально условия ежедневного быта семьи определял не автомобиль. Отдельная квартира — вот что было самой важной и самой сложной проблемой для советских граждан. Спортсмены популярных клубов находились в привилегированном положении, однако ключи от «хором» и на них с

неба не сыпались. От заботы и пробивной мощи тренера зависело очень многое: длительность ожидания квартиры, ее площадь и планировка, район.

Динамовское ведомство располагало немалыми ресурсами и в этом направлении. Однако, как ни странно, были они не такими уж неограниченными, как могло казаться со стороны. В профсоюзных клубах порой квартирный вопрос решался в более короткие сроки, чем в тех же ЦСКА или «Динамо», где опять-таки всё было жестко регламентировано.

Чернышев ежегодно занимался получением жилья для своих игроков. Одни получали и успокаивались на время, вторые терпеливо ждали в очереди, третьи, едва появившись в составе, информировали о том, что ютятся с родителями в комнате в коммуналке... То была вечная проблема, и проще она с годами не становилась.

Аркадий Иванович делал всё возможное для игроков, что было в его силах, в его компетенции. Динамовские ветераны не припомнят случая, чтобы какой-нибудь хоккеист обратился к нему за помощью с бытовыми проблемами, а он ничего не сделал или, пообещав, не сдержал слово.

Почти слово в слово так говорили все ныне здравствующие прославленные динамовцы. И Александр Мальцев, и Виталий Давыдов, и Владимир Юрзинов, и Станислав Петухов... Не верить им нельзя.

Казалось бы, поставить под сомнение слова столь авторитетных людей, всю спортивную карьеру находившихся под крылом Чернышева, ни у кого рука не поднимется.

Чего же, однако, не случается, если пытаешься копать вширь и вглубь...

Мои журналистские маршруты за четыре десятка лет выводили меня в разное время на двух известных в хоккейном мире людей, которые не подписались бы под приведенными выше словами знаменитых динамовцев.

Николай Карпов, тренер, дважды приводивший «Спартак» к чемпионству:

По мастерам у меня всё хорошо получалось. Был в основном составе ЦДКА и никаких проблем не имел. Проблема возникла буквально на ровном месте. Отдал по доброте пару ключей парню из первой мужской команды армейского клуба, про это разузнал Тарасов и устроил дикий разнос. Выгнал меня, как врага народа, сослав в Ленинград, в СКА. Там я дослужил свой срок в армии. Играл я прилично, и Тарасов уже на понятную пошел, угваривая вернуться к нему. Но я — ни в какую. А Чернышев позвал в «Динамо», и я охотно, без раздумий, согласился.

У Аркадия Ивановича меня всё устраивало: тренировочный процесс, атмосфера в коллективе, материальные условия. Я и выкладывался в каждом матче по полной. По-другому и не умел. Год прошел, два. Никаких проблем не имел, одна только была, со спортом не связанная. Квартирный вопрос в моей семье был очень острым. Ну я, естественно, обратился к Чернышеву: так, мол, и так, все устраивает, но только прошу поспособствовать с улучшением жилищных условий. Он пообещал помочь. Я поверил, потому что человек был уважаемый и слово держал. Да и известно было в команде, что многим помогает в этом главном бытовом вопросе.

Время шло, я спокойно ждал. Никаких претензий ко мне по игре и по дисциплине у старшего тренера не было. Однако же гляжу — никаких подвижек. Раз подошел к нему и напомнил, второй раз... Ну и решил, что не светит нашей семье квартира по динамовской линии. А тут как раз «Крылья» стали меня обхаживать и квартиру обещать в короткие сроки. Ну, я ближе к концу сезона, ничего не утаивая, переговорил с Аркадием Ивановичем:

— Вы уж извините, но вижу, что с квартирой для меня ничего не решается, а в «Крыльях» мне конкретно обещают помочь. Жаль уходить, да, видно, придется. Ничего не напишешь. Работать с вами мне было очень приятно, Аркадий Иванович.

— Жаль, жаль, Николай. Недотерпел ты. Я старался решить твой вопрос, но все это не так-то просто пробивать у начальства... Ладно, спасибо, что в открытую все сказал. Успехов тебе на новом месте!

Между прочим, Владимир Кузьмич Егоров обещание выполнил, и вскоре после моего перехода в «Крылья Советов» переехали мы с женой и двумя детьми в новенькие хоромы.

Со сплошь благодарными и радужными отзывами о чернышевских добродетелях этот рассказ, мягко говоря, диссонирует. Невольно хочется заподозрить Николая Ивановича Карпова в искажении фактов либо в том, что забыл о каких-нибудь важных обстоятельствах, помешавших Аркадию Ивановичу решить квартирный вопрос стабильного игрока «основы». Но почему-то верится в им изложенное. А почему, собственно, такое не может быть правдой? Разве Чернышев был всемогущ, разве была за ним слава искусного ходока по высоким кабинетам? Разве был он прирожденным конъюнктурщиком, ловким слаломистом в дебрях всевозможных инстанций? И разве себе, любимому, выхватывал из ведомственных кормушек немислимые блага? Нет, нет и еще раз нет.

Так почему же непременно должен был решить квартирный вопрос защитника московского «Динамо» Николая Карпова именно в те сроки, которые того устраивали? Решить качественно и достаточно скоро. Значит, была длинная очередь — как

всегда, впрочем. Значит, в ней находились те, кто острее нуждался в «лишних» квадратных метрах, либо те, кто этого больше заслуживал своим многолетним вкладом в клубные достижения.

Получилось так, как получилось.

Допускаю, что «пробивание» всех этих житейских благ для подопечных не являлось любимым занятием Аркадия Ивановича. Что не очень-то силен был в этих вопросах, непосредственно к хоккею никакого отношения не имевших. Допускаю, что так сложились обстоятельства, что именно с Карповым как-то в чем-то и недоработал...

Но вот еще одно воспоминание.

Роберт Черенков:

Три года я выступал за «Динамо». Среди основных защитников был. По составу мы уступали ЦСКА в каждой линии. Во встречах с ними давали бой, ну а по всей длинной дистанции чемпионата конкурировать с армейцами не получалось. Силенок и мастерства не хватало.

Сезон 1960/61 года выдался на редкость неудачным. Все шло наперекосяк... В итоге мы мало того, что остались без медалей, — вообще откатились на седьмое место. Ну и, как водится, начались разборки полетов. Чернышев очень критично отозвался о моей игре, сделав меня чуть ли не крайним. Зашла речь об отчислении из состава. Беда не приходит одна: врожденные проблемы с сердечно-сосудистой системой беспокоили врачей, наблюдавших за мной. Я-то ничего, хорохорился, играл «на характере» и очень старался, чтобы никто не знал о моих сложностях, чтобы никто даже догадаться об этом не мог. Получалось.

Когда после плохого сезона заварилась эта каша в клубе, я написал заявление об уходе. Меня отпустили. Никто не уговаривал остаться.

Я устроился в обычную общеобразовательную школу учителем физкультуры. Каждый день хожу на работу и возжусь с мальчишками и девочками. Мне нравится. Хотя кривить душой не стану — скучал по хоккею, конечно, со страшной силой. Но семью-то я должен хоть как-то кормить.

Неожиданно в школу заглянул Чернышев:

— Давай, Роберт, возвращайся в команду. Забудем об этом сезоне.

— Да я решил закончить со спортом, Аркадий Иванович.

— Куда тебе заканчивать? Ты нужен команде.

— Аркадий Иванович, сами знаете — я вам не досаждал...

Но ютимся с семьей в одной комнате в коммуналке. Ну невозможно уже! Сможете помочь — я вернусь. И не подведу.

— Ладно, я подумаю...

Продолжения тот разговор с Чернышевым так и не имел.

А здесь как разобраться в том, что произошло между тренером и игроком?

Ведь одну сторону уже не услышим... И наверняка у Чернышева и Черенкова было совсем разное восприятие событий провального сезона, причин, повлекших откат команды в непривычные средние слои турнирной таблицы. Каждый мог быть прав по-своему.

Допускаю, что наставник, пребывая в удрученном состоянии, переборщил с критикой в адрес хоккеиста. Эмоции же при шторме захлестывают не только матросов, но и штурманов.

Допускаю, что Аркадий Иванович попытался решить квартирный вопрос для освобожденного из клуба хоккеиста, но не справился с задачей, которая простой никогда не бывала.

Допускаю также, что, взвесив все «за» и «против», вообще не стал этим заниматься...

И огульно упрекать его рука не поднимается.

Но и обиду, которая осталась у Роберта Дмитриевича на Аркадия Ивановича, понять можно.

Эти две истории-«разоблачения», которые я откопал в своих запасниках, при всей их критичности никак портрет Чернышева не затуманивают, не наносят на полотно мрачные тона или полутона.

Добавляют красок реалистичных, земных. С этим, пожалуй, соглашусь.

Еще скажу: этот портрет рисуется автором книги. Рисуется для широкой аудитории поклонников хоккея. Увлекательная и по-настоящему мужская игра близка им; немало среди них тех, кто хорошо разбирается в хоккейных нюансах, однако все они далеки от происходящего за кулисами спортивного действия. Кем являлся Аркадий Чернышев в пору активной деятельности? Об этом мало кто из болельщиков догадывался. Тем более сокрытой выглядит картина сегодня, когда время неумолимо удаляет нас от нашего славного хоккейного прошлого, существенно связанного с этой личностью.

Автору остается только сокращать ту самую временную пропасть. Еще автору остается принимать на веру рассказы заслуженных ветеранов и делать то и дело свои предположения, обмозговывая фрагменты чернышевской тренерской карьеры.

Я же поверил на слово и Николаю Ивановичу Карпову, и Роберту Дмитриевичу Черенкову. И допускаю, что мои предположения по поводу их обид и претензий в адрес Аркадия Ивановича Чернышева не исчерпывают сути дела. Зато не колеблюсь в собственном видении и изложении. Почти не колеблюсь...

Ни царем, ни богом Чернышев не являлся. На троне не сидел и не одаривал людей откуда-то с небес тем, чего они заслуживали.

Виталий Давыдов:

Роберта я еще застал в составе. Защитником был горячим, жестким и самоотверженным, соображал в игре; страдал от одного дефекта — при срыве нашей атаки и резком переходе к обороне, резком развороте на катание спиной вперед частенько падал, и нам приходилось тяжело в защите. Чернышев Черенкову выговаривал:

— Ну что опять случилось-то?

— Да там трещина во льду была.

— Да у тебя кругом трещины. И где только находишь их...

Я уже не помню, из-за чего Роберт ушел из «Динамо»... При распределении квартир Аркадий Иванович всё учитывал и первым делом смотрел на то, насколько игрок нуждался в улучшении жилищных условий. Мог похлопотать за того, кто в игре и не особенно выделялся, но был, предположим, семейным, с ребенком, и имел комнату в коммуналке. С Черенковым, думаю, какая-то нестыковка произошла. И с Карповым что-нибудь в этом роде было. Но за семнадцать лет, что я отыграл у Чернышева, не было случая, чтобы кто-то из ребят имел к нему претензии по житейским вопросам.

Другое вам скажу. Не очень-то Аркадий Иванович любил ходить по всяким инстанциям и кабинетам, чтобы решать организационные вопросы, возникавшие в коллективе. Ходил, конечно, если нужда в том была. Но мне кажется, что предпочитал такие вопросы обсуждать с начальством после игры в неформальной обстановке. Особенно благоприятной была обстановка, если «Динамо» выигрывало в тот вечер.

Теперь предложу нечто диковинное — оказаться на месте старшего тренера при решении житейских проблем своих игроков. Для чего заглянем в ведомство, куда простым гражданам категорически не хотелось попадать и откуда была хорошо видна... Колыма.

Станислав Петухов:

В 63-м сборная вернулась с чемпионата мира с золотыми медалями. Это случилось после явно затянувшегося перерыва, мы же целых шесть лет подряд ничего не выигрывали. А благодаря Чернышеву и первому нашему поколению страна ждала от нас только первого места. И успех в Стокгольме, где, кстати говоря, Советский Союз в 54-м впервые навел шороху, был воспринят народом на ура. На самых верхах реакция тоже была самой что ни на есть благожелательной.

Это открывало дополнительные возможности для того, чтобы решать проблемы игроков, связанные с зарплатами, должно-

стями, квартирами... Ковать надо было, пока горячо. Сразу четыре динамовца стали чемпионами мира — Виталик Давыдов, Володя Юрзинов, Юра Волков и я. Ну и Чернышев, само собой. В клубе сообщили: «Вас приглашают в КГБ, принимать будет лично Семичастный». Для Аркадия Ивановича наступил благоприятный момент — грех было им не воспользоваться, чтобы улучшить какие-то вопросы в нашем обеспечении. Он собрал нас и предупредил: «Ребята, вы хорошенько подумайте — какие вопросы поднять. Принимать же нас будет председатель КГБ! Семичастный не каждый день к себе приглашает... Я ведь тоже туда просто так не попадаю».

Ну и каждый из нас стал прикидывать, о чем таком попросить и при этом впросак не попасть. Не переборщить, но и не размениваться на мелочи. Шанс предоставлялся, сами понимаете, редкий. Редчайший!

Наибольшую инициативу проявлял обычно тихий и скромный «Волчок». Левый крайний нашей тройки. Сначала звали его Серый, Серенький, а закрепилось прозвище, которое напрашивалось из-за фамилии. Предложил мне:

— Стас, можешь ему, Семичастному, задать вопрос — могут ли они нас аттестовать? Футболисты же аттестованы. А мы-то чем хуже? Зарплата будет у нас другой, положение, выслуга лет пойдет, пригодится же, когда играть закончим.

— Юра, ты ведь МИИТ окончил. Инженерный вуз. Вы же, я знаю, когда заканчиваете, лейтенанта получаете. Военная кафедра наверняка была. Не то что у нас в Институте физкультуры на заочном...

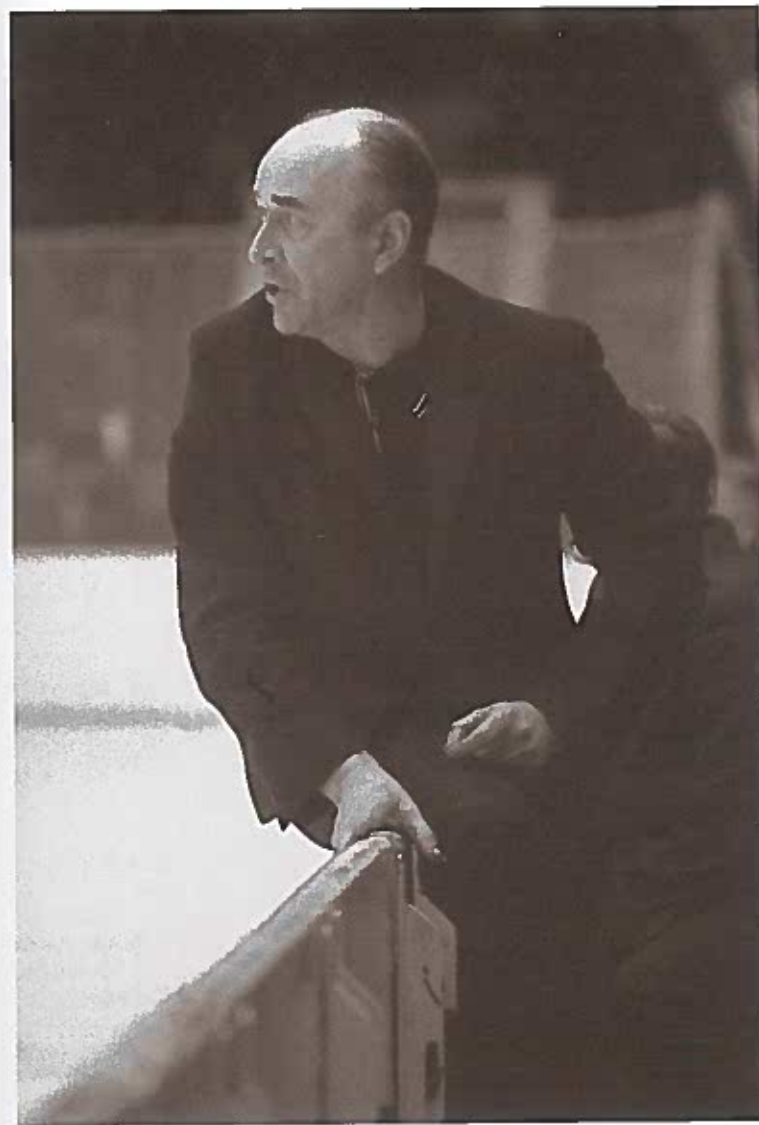
— Это ты верно говоришь. Удостоверение лейтенанта имею. Но я считаюсь лейтенантом запаса, если буду аттестован, то это совсем другое дело. Даже не сравнишь, насколько лучше.

— Ладно, Юрок, я попробую. Еще неизвестно, как в том кабинете всё пойдет...

Прибыли все с Аркадием Ивановичем на Лубянку. Идем по длинному коридору, а сопровождал нас сотрудник комитета Владимир Кузьмич Верхолашин — страстный болельщик «Динамо», много книжек написавший о футболе, он жил в нашем динамовском доме, который рядом с Петровским парком. Ну, я пользуюсь моментом и спрашиваю его:

— Владимир Кузьмич, у нас тут кое-какие вопросы имеются. Насчет прохождения службы, насчет того, чтобы аттестоваться. Что скажете — удобно там будет поинтересоваться? Не перегнем мы палку? Вдруг не принято это.

— Станислав, смотри по обстановке. Сам решай. Если Семичастный сам этого не коснется, найди удобный момент и подними руку, чтобы спросить.

Излюбленное место тренера Чернышева во время матчей — на бортике.
Фото И. Уткина

С легендарным спортсменом Сергеем Ильным

Борис Андреевич Аркадьев

Виталий Андреевич Аркадьев

С Алексеем Лапшиным и Гавриилом Качалиным

С женой Велтой Мартыновной и сыном Борисом. 1948 г.

С ветеранами Великой Отечественной

В день появления на свет младшего сына Александра. 1951 г.

На природе

С сыновьями Борисом и Александром. *Джемете, под Анапой*

На рыбалке
в Новогорске

На отдыхе с семьей

Рядом с любимой «Волгой»

С аккордеоном

При случае Аркадий Иванович мог сам поменять колесо

Московское «Динамо» на сборе в ГДР

Тренировка команды

С Владимиром Кузьмичем Егоровым, помощником старшего тренера сборной СССР

Творческий процесс. Фото Н. Уткина

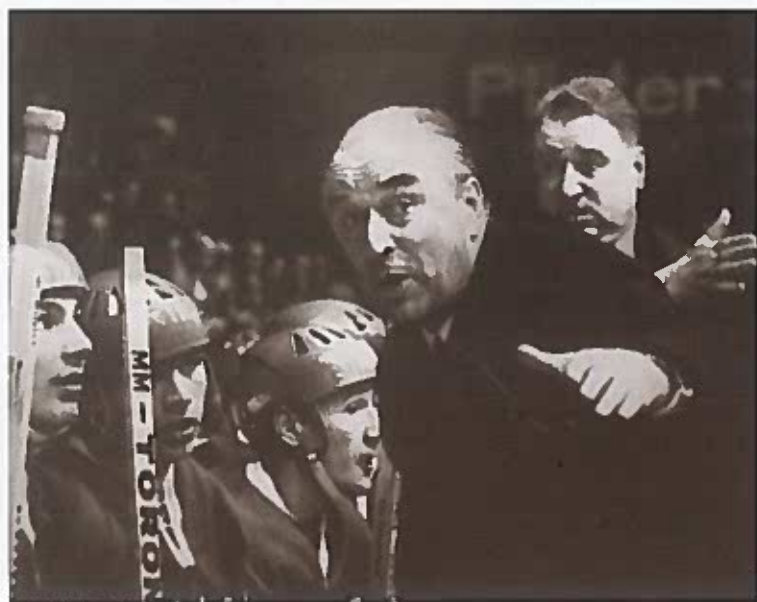
Размышления перед матчем

Тандем двух великих тренеров

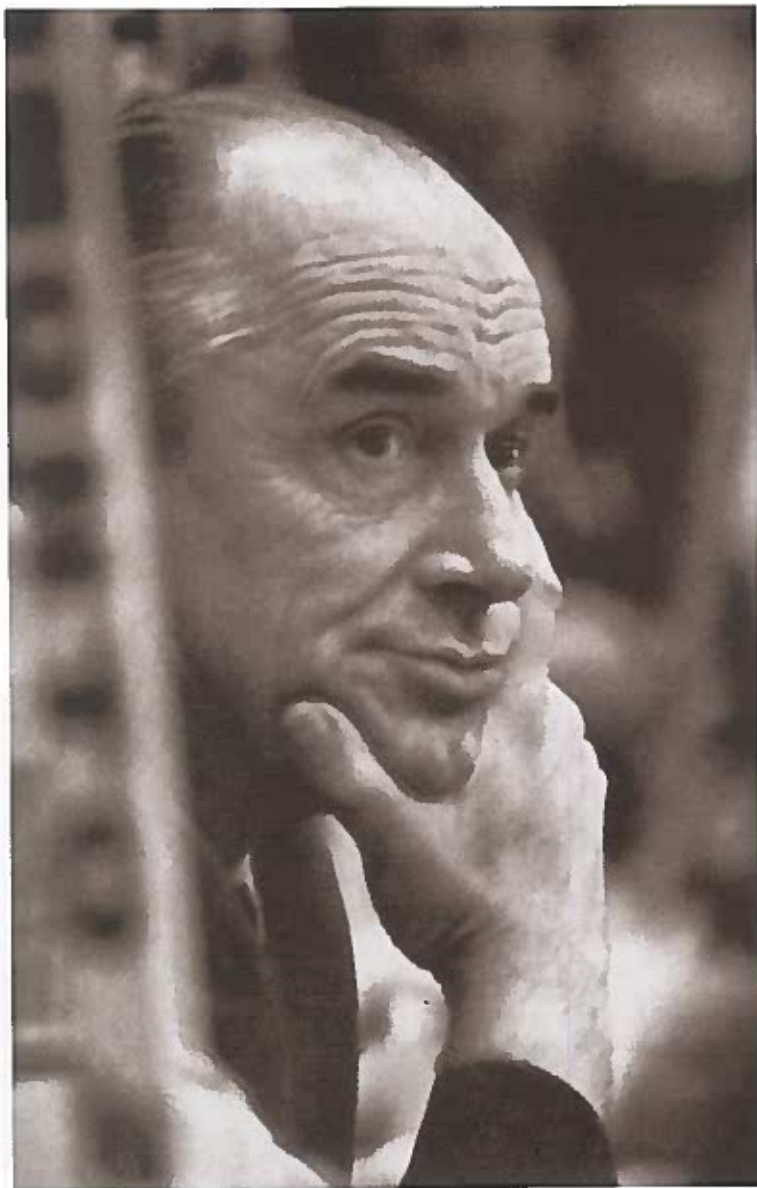
Единство противоположностей. Фото И. Уткина

Анатолий Фирсов, Анатолий Тарасов, Аркадий Чернышев и Никита Хрущев на чествовании победителей Олимпиады 1964 года

Очередной триумф сборной. Вена, 1967 г. Фото И. Уткина

Во время матча. Фото Н. Уткина

Ладно, думаю, и на том спасибо. Ну так, откровенно говоря, поеживаюсь: председателю Комитета государственной безопасности вопросы задавать про наше житье-бытье... не перебор ли... страшновато все-таки...

Заходим в кабинет председателя. Просторный. Столы расставлены змейкой, нигде больше такого не видел. Сидишь — и будто рядом с тобой никого. Владимир Ефимович поблагодарил нас за победу на чемпионате мира, за то, что с честью пронесли флаг родины за рубежом, за то, что советский народ порадовали. Недолго говорил. Короткие фразы чеканил. Вручили нам огромные серые магнитофоны «Яуза» — катушечные, фанерой обитые; звучание у них было очень неплохим. Помощник председателя обращается к нам:

— Товарищи спортсмены, может, у вас имеются какие-нибудь вопросы к Владимиру Ефимовичу? Не стесняйтесь — спрашивайте.

Я тяну руку, и мне дают слово:

— Владимир Ефимович, можно задать вам вопрос?

— Да, да, слушаю тебя.

— Вот мы, динамовцы, серьезное внимание уделяем учебе. Волков окончил Московский институт железнодорожного транспорта, Юрзинов — Институт физкультуры имени Сталина, мы вот с Давыдовым еще учимся в том же инфизкульте. Нельзя ли нас аттестовать по линии вашего ведомства?

— Знаете что доложу вам, чемпионы: я, например, — гражданский человек!

— Всё ясно. Спасибо...

Идем обратно по коридорам в сопровождении Верхолашина. Видит наши потухшие лица и говорит:

— Семичастный — генерал-полковник. Слукавил Владимир Ефимович.

— Как это? — изумляюсь я.

— А вот так. Слукавил по-доброму. Я-то хорошо его знаю. Да не волнуйтесь вы. Коли помощник твой вопрос записал, значит, делу будет дан ход.

То в жар бросало меня, то в холод...

Прав был Верхолашин. Месяца, наверное, не прошло, а дела наши сдвинулись с мертвой точки. Нашли возможность, ввели в кадровый состав, аттестовали.

Аркадий Иванович в то время был подполковником. После приема на Лубянке он, думаю, активизировался, потому что важно было отслеживать всё прохождение по инстанциям и не допустить всяких пробуксовок и задержек. Уверен на все сто, что аттестация наша не обошлась без его контроля и усилий. Причем к тем, кто был у Семичастного, добавили еще динамовского вратаря

Борю Зайцева и нападающего Юру Парамошкина, которого перед тем сезоном пригласили из Электростали. Оба тоже стали чемпионами мира: Зайцев два матча отыграл, а Парамошкина Аркадий Иванович так на лед и не выпустил; не рисковал, потому что очень уж важно было вернуть нам лидерство на международной арене.

До пятидесятого колена проверяла каждого Лубянка на благонадежность...

Прикрепили нас к военно-строительной части. Ехать надо было по Кутузовскому проспекту и потом сворачивать; там еще деревеньки рядом были. На клубном автобусе туда добирались. Командиром части был здоровенный мужчина; рыжеватый, с красным носом, очень общительный и гостеприимный. Помню, предупредили нас, чтобы в следующий раз взяли с собой хоккейные баулы: «Мы вам выдадим шинель, материал, чтобы китель пошить в ателье». Приезжаем через месяц, а нас уже каптерщик ждет, всё аккуратно разложено по размерам. В «Динамо» не было принято приезжать куда-нибудь к началу в военной форме. Это позже Тарасов в ЦСКА ввел такой порядок... Единственный раз я сфотографировался на офицерские документы в ателье на улице Дзержинского, где рядом знаменитый 40-й гастроном находился. Зашел в ателье, а там уже висело два-три кителя. Выбрал свой размер. Осталась единственная фотография, где я в кителе, в сорочке с галстуком.

В то время я был игроком сборной и получал дополнительно по спортокомитетовской ставке аж 300 рублей. Когда нам присвоили звание офицеров, в моей трудовой книжке появилась запись: «Инструктор первой категории в звании младшего лейтенанта». После того как стал получать в «Динамо» доплату за офицерское звание, доплату за членство в сборной отобрали.

К чему я так подробно вспоминаю организационные вопросы тех лет? А к тому, что без помощи Адика ничего этого мы бы не имели. К игрокам, вообще к людям относился исключительно по-доброму, заботливо.

Борис Чернышев:

Петухов, Юрзинов, Давыдов, Чинов, Васильев, Чичурин, Мальцев, Самочернов... Мой отец был для них да и для всех динамовцев как родной! Сами в этом признавались. Относились к нему тепло и преданно, с каким-то душевным трепетом. «Сам» — так между собой называли отца.

Чуткость и внимание к хоккеисту пронизывали всю многоплановую деятельность динамовского наставника. При этом дистанцию сохранял, ничуть не роняя авторитета, а лишь добавляя к уже имеющемуся, очень и очень высокому.

Не считал зазорным советоваться с хоккеистами. В 50-е годы блистало динамовское трио Крылов — Уваров — Кузин; оно на Олимпиаде-56 решило исход финального боя с Канадой, забросив обе шайбы. Казалось бы, всё хорошо, тащат они за собой одноклубников который уже сезон, являясь настоящими стабильными лидерами. Так нет же, мало этого Аркадию Ивановичу — регулярно собирал их, чтобы вместе обсудить текущие вопросы. Например: «С какими защитниками вам лучше играть?» Либо: «А кто, по-вашему, кроме вас, лучше сыграет в большинстве, в меньшинстве?» В 60-е обсуждал похожие задачи с игроками звена Петухов — Юрзинов — Волков. Не чурался влезать в шкуру игрока. Так лучше понимал его решения и действия, трудности, с которыми тот сталкивается в конкретных игровых ситуациях, лучше понимал, чего звену не хватает для улучшения взаимопонимания на льду. Неизменно высказывал свое мнение по поводу услышанных откровений и, если не соглашался в чем-то, спокойно и обстоятельно аргументировал почему.

Тарасов впоследствии перенял у Чернышева такой неординарный метод. Стал собирать мини-собрания отдельно по тройкам нападающих и по парам защитников. Молва, разумеется, приписывала педагогическое новаторство Анатолию Владимировичу, который охотно, умело и активно пропагандировал собственные профессиональные умения. Полной ему противоположностью по этой части был Аркадий Иванович.

Пару лет назад, готовя очерк о Чернышеве, я наткнулся на весьма примечательный снимок. Поначалу отложил его как пригодный, не более того. Ну стоят по разные стороны от борта Чернышев и Майоров со Старшиновым... Стал далее искать в надежде натолкнуться на кое-что полюбопытнее. Невзначай как-то глянул снова на то фото и, вникнув в тот момент, который был запечатлен, был просто изумлен. Спартакоские лидеры Евгений Майоров с Вячеславом Старшиновым подкатились к динамовской лавке, к Аркадию Ивановичу, все приветливо улыбаются друг другу, а происходит это... перед матчем принципиальнейших соперников в лужниковском дворце. Да где ж такое было видано, когда ж о таком было слышано?! Игроки одной команды подъезжают к тренеру другой и выказывают свое к нему расположение, а он отвечает им взаимностью!

Отцом родным для хоккеистов являлся Аркадий Иванович и в сборной Советского Союза. Одного того снимка, сделанного перед встречей «Динамо» со «Спартаком», было бы достаточно для иллюстрации его неформального и оттого еще более ценного статуса.

Борис Чернышев:

Обычно за рубежом тренеры и игроки размещались в двухместных номерах. Анатолий Владимирович куда-то вышел, и в дверь осторожно постучали: «Аркадий Иванович, можно с вами поговорить?» Это Валерий Харламов заглянул, дождавшись, когда уйдет Тарасов, чтобы обсудить с отцом какие-то личные и сугубо житейские вопросы. Замечу — не динамовец. И так частенько бывало. А какие замечательные отношения были у отца со спартаковцем Борисом Майоровым, капитаном той золотой сборной Советского Союза!

Борис Майоров:

В сборной 60-х существовало негласное разделение на цезковцев, динамовцев и спартаковцев. Однако это абсолютно не мешало созданию сплоченного и по-настоящему боевого коллектива, просто были нюансы в общении между игроками и тренерами. «Динамчики», те, понятно, тянулись к Чернышеву. Мы, спартаковцы, оставались без своего клубного тренера, и потому хотелось прибиться к какой-нибудь «пристани»; конечно, находили взаимопонимание с Аркадием Ивановичем, который очень тепло и внимательно к нам относился, поддерживал во всех вопросах. Армейцы? Пожалуй, даже они, при наличии Тарасова, тоже как-то тянулись к Чернышеву в ситуациях, вроде бы далеких непосредственно от хоккея, но по-своему важных для настроения, для психологического состояния. Важных в конечном итоге и для готовности игрока к предстоящим испытаниям.

Борис Александрович Майоров — человек авторитетный и заслуженный, думающий, прямой и порой даже резковатый в формулировках своего мнения, а оно у него имеется по любому хоккейному аспекту. И потому приведенное его воспоминание о Чернышеве действительно очень дорогого стоит. Проформы ради Майоров ни при каких обстоятельствах не выскажется. Ну и, разумеется, такой благодарный отзыв о старшем тренере сборной, старшем тренере «Динамо» от спартаковского вожака вообще мы вправе причислить к категории из ряда вон выходящего. Взаимость была полная. Аркадий Иванович так уважительно и тепло относился к блистательному капитану сборной, что обращался к нему в неформальной обстановке не иначе как Бося. Придумал сам и не стеснялся выражать таким вот образом свое душевное расположение к образцовому капитану национальной команды.

В советской истории рулевые хоккейной сборной менялись очень редко, работали, как правило, подолгу. При всем уважении к этим крупным специалистам ни о ком из них иг-

роки не отзывались так душевно, благодарно и почтительно. Такой чести удостоился один только Аркадий Иванович.

После горбачевской перестройки, когда деятельность в самых разных сферах жизни была скопирована по западным лекалам, представить что-либо подобное в отношениях между игроками и тренером стало невозможно даже теоретически. Выходит, и по этой части Чернышев навсегда останется на неприступной высоте...

Не иначе как благодетелем почитала Чернышева супружеская чета Яшиных — Лев Иванович и Валентина Тимофеевна. Невероятно, но факт: путевку в большой футбол легендарный вратарь «Динамо» и сборной СССР получил из рук Аркадия Ивановича. В 1951 году Яшин стал в чернышевской команде серебряным медалистом и в 1953-м завоевал Кубок СССР. Однако получил от наставника неожиданный совет: попытать свое спортивное счастье на зеленом поле. Интуиция сработала на «все сто». Не только интуитивный дар был им проявлен, но и доброта и порядочность: ведь при этом терял хорошего игрока в своей хоккейной команде.

Лев Яшин:

Он (Чернышев. — Л. Р.) умеет приободрить и взыскать. Людей не чурается, но и панибратства не допускает. Душой не кривит. Всё прямо высказывает: и приятное, и не очень. Удивительным образом умеет создать, сплотить и вдохновить коллектив.

Валентина Яшина:

Наша семья очень благодарна Аркадию Ивановичу. Ведь у Лёвы поначалу не очень ладилось в футболе, он зимой выступал за хоккейное «Динамо». И завоевал с родной командой Кубок СССР в 1953 году. Чернышев что-то такое разглядел в нем и посоветовал полностью сосредоточиться на футболе. И оказался для Лёвы добрым пророком.

Однако вернемся к хоккею. Аркадий Иванович не мог изменить общий уклад жизни, даже уклад спортивной жизни кардинально изменить был не в силах. Зато ему хватало ума, доброты и воли, дабы как-то оживить, облагородить, что ли, чрезмерно жесткий график пребывания команды на межигровых сборах.

Борис Чернышев:

Отец старался скрасить для игроков вечера на динамовской базе в Новогорске. День-то был занят двухразовыми тренировками, а по домам распускать спортсменов строго-настрого запрещалось. Он ни за кем не следил и никого не контролировал. Очень

был доволен, если кто-нибудь сидел в своей комнатухе с книгой или, что еще больше его радовало, готовился к зачетам или экзаменам в институте. Миша Титов и Володя Юрзинов этим отличались.

Владимир Юрзинов:

Адик постоянно интересовался моими делами в инфизкульте. Похваливал за то, что, несмотря на матчи и разезды, не имею «хвостов», что занимаюсь регулярно и получаю хорошие оценки на экзаменах. Поздравил с получением диплома. Мне тогда исполнилось двадцать два года.

А в 64-м, буквально за неделю до отъезда на Олимпийские игры в Инсбрук, у меня случился острый приступ аппендицита. Мечту о высшей спортивной награде пришлось отложить... Во время вынужденного простоя я принял решение — получить второе высшее образование. Гуманитарное. Посоветовался с Аркадием Ивановичем и получил «добро». Я сдал вступительные экзамены в МГУ на факультет журналистики и прошел по конкурсу. Для моего интеллектуального развития, для расширения кругозора, для расширения круга друзей и знакомых те годы в Московском университете дали мне очень много. Адик поздравил меня с получением второго диплома так же сердечно, как и с первым.

Борис Чернышев:

Иногда на базе в Новогорске жил знаменитый гроссмейстер, динамовец Давид Бронштейн, который с удовольствием готовился к очередному турниру в компании хоккеистов. Кстати, отец довольно прилично играл в шахматы. Вот они и использовали соседство с гроссмейстером — на огромной доске сражались против него всей командой. Причем Бронштейн сразу объявил: «Играю с вами вслепую!» Спиной к доске сидел вдалеке на диване, ему только ход команда называла. Но и так обыгрывал одноклубников. Ну, им это надоело, парни же честолюбивые, и они тихонечко бронштейновскую ладью убрали с доски. Через несколько ходов Давид Ионович, по-прежнему не оборачиваясь, со смущением произнес: «Вы уж извините, Аркадий Иванович, а ладью-то мою надо бы поставить на место!» Хохот раздался гомерический.

Каким бы хоккейный наставник ни являлся демократом и как бы ни стремился одинаково относиться к игрокам, это в принципе не представляется мне возможным.

...Вот, к примеру, вчера наша команда провела тяжелейшую встречу с середняком турнирной таблицы. Как-то не заладилось с самого начала. Имели преимущество по игре, однако не в счете. А очки-то позарез нужны... Еле-еле в концовке выиграли положение и победили. С грехом пополам побе-

дили. И если бы не Иванов, не видать нам тех очков. А через день встречаемся с ЦСКА — с лидером. Опять вся надежда на Иванова, хорошо еще, если Петров или Сидоров подсобят...

И вот Иванов снова выручил, а Петров с Сидоровым снова в тени ошивались. Естественно, в благодарной тренерской памяти откладывается, кто и в какой момент вытаскил команду наверх. И неминуемо возникает дифференциация чувств к хоккеистам в зависимости от их вклада в общекорпоративное дело.

Без любимчиков ни один нормальный амбициозный тренер не обходится. Как можно одинаково относиться к тем, кто напарил, совершив кучу грубых и непростительных промахов, вызвавших пожар в команде, и к тем, кто в экстренном порядке явился на подмогу и затушил разгулявшееся пламя?

У Боброва были любимчики. И у Эпштейна. И у Кулагина. И у Тарасова...

Были, разумеется, они и у Чернышева.

Ну как мог он не привечать особую статью Валерия Васильева, неброскую и невероятную надежность Виталия Давыдова, филигранную технику и импровизационный дар Александра Мальцева? Привечал их, и правильно делал. Заслуживали того без вопросов.

Самое сложное — сделать так, чтобы партнеры явных лидеров не были обделены тренерским вниманием и не ощущали себя людьми второго сорта. Без них ведь крепкую команду не склотить. Коллективный же труд, и работники всякие нужны; не самые яркие в том числе. Такое подвластно лишь искусным педагогам, умеющим сохранять эти тонкие балансы и не допускать малейших претензий или мелочных обид со стороны «подсобных работяг».

Аркадий Иванович владел таким искусством.

И потому никто из динамовцев, числившихся среди «хорошистов», а то и «троечников», не чувствовал себя обделенным уважением и вниманием «Самого». Сомневаюсь, что сумел бы тренер доходчиво объяснить молодым коллегам, каким образом достигал этого...

В любимчиках ходил и Валентин Чистов. Талантище милостью Божьей. Однако же и наполовину себя не реализовал. Не воспользовался чернышевским к нему расположением... А Валерий Васильев с Александром Мальцевым сторицей вознаградили Чернышева за то, что не видели в его руках кнута.

Тренеры — не кудесники. «Чтоб сказку сделать былью» — не про них это. Без синхронизации их умения с усилиями игрока, с волей его и мотивацией ничегошеньки путного не выйдет. Исключения даже искать не рекомендую...

И потому ни Чернышев с Тарасовым, ни Эпштейн с Богинным, ни Кострюков с Пучковым, ни Бобров с Кулагиним,

ни Тихонов с Юриным не избежали тех самых потерь даровитых парней, которые обиднее и чувствительнее всего. Для тренеров и тех игроков. Для всего нашего хоккея.

Как раз у Чернышева процент подобных потерь в пути был минимальным.

А вот что было у Чернышева максимальным, так это процент людей, прошедших его университеты — хоккейные семинары в сочетании с лекциями и коллоквиумами «по жизни» — и состоявшихся после финиша спортивной карьеры как личности. Как профессионалы в новой сфере. Как главы своих семейств. Как зрелые мужчины, наконец.

Могучее силовое ведомство, под крылом которого находилось спортивное «Динамо», безусловно, способствовало этому. Дисциплинировало аттестованных офицеров-игроков и ставило их на рельсы послехоккейной карьеры. Не оставляло у разбитого корыта, как это бывало сплошь и рядом в профсоюзных клубах... Заслуга Чернышева, однако, от того меньше не становится. С тем же тщанием, что и на тренировках, готовил молодых и обласканных славой людей к дальнейшим испытаниям в условиях, когда ни славы, ни премиальных за победы не было... Но даже у него не с каждым выходило благополучно. С тем же одареннейшим Юрием Чичуриным, заблудившимся после ухода со льда...

Хотя за мощной спиной Тарасова стояло самое могучее в стране армейское ведомство, судьбы цезарей в целом были не столь благополучны, как динамовские. Так мне, во всяком случае, представляется.

Ветеранская же команда московского «Динамо» была и есть тем самым вторым домом для спортсменов, еще краешком глаз заставших старшего тренера команды мастеров Чернышева при деле. Там в составе перебивало уже несколько поколений динамовцев. И безо всякого притягивания за уши утверждаю: в том огромная и прямая заслуга Аркадия Ивановича.

В начале 90-х, после горбачевской перестройки очень много заслуженных мастеров, добивавшихся славных побед в 60–80-е годы, остались у разбитого корыта. Накопления, которых и так-то негусто было, сгорели в дни гайдаровских реформ; работы, позволявшей обеспечить семье элементарный достаток, не было; в тренеры хоккейных клубов пробились единицы, там с вакансиями всегда было туговато... Что было делать? Куда следовало податься, чтобы вернуться в нормальное человеческое русло? Бесперспективность и беспомощность положения, его унижительность и незаслуженность, тупиковость жизненного пути ломали через хребет еще зрелых мужчин, прошедших в хоккее огонь, воду и медные трубы. Достаточ-

но вспомнить Сергея Капустина — блистательного форварда «Крыльев Советов», ЦСКА и «Спартак». Кристально порядочный, он ничего кроме как играть в хоккей не умел; даже на выгодные предложения деловых людей дать попользоваться его громким именем в спорте отвечал неизменно отказом. Вот кому бы лет десять — пятнадцать выступать стабильно за солидно организованную команду ветеранов популярного московского клуба. Ну и где были «Крылышки» да ЦСКА? Где был «Спартак», который на своих мощных ногах буксиром тащил Капустин шесть лет подряд с капитанской повязкой? Ушел Сергей Алексеевич, не дожив и до полтинника...

А у динамовцев была своя ветеранская команда. Худо или бедно, а жить и выживать это помогало. Не все же были аттестованными офицерами, не все же были нормально трудоустроены на «гражданке». Для некоторых скромная стипендия и скромные премиальные за выезды в регионы становились спасением личным и семейным. Занимался делами этой «команды молодости нашей» трехкратный олимпийский чемпион Виталий Семенович Давыдов. Ясно, что там был порядок во всем, что там была та самая динамовская облагораживающая атмосфера, которая существовала все годы чернышевской эпохи.

«Отец родной!»

Так смело могли отзываться и те динамовцы ветеранской команды, которым не посчастливилось тренироваться и играть под его чутким руководством. Зато посчастливилось пожинать плоды гуманной деятельности Аркадия Ивановича, которую продолжили плоть от плоти его воспитанники.

«Отец родной!»

Когда бы и с кем бы автор ни заговаривал об Аркадии Ивановиче, слышал исключительно добрые слова. Слова искренней теплоты, глубокого почтения и безграничной благодарности.

Более всего меня поражало то, каким благоговейным тоном всё это произносилось. А еще более того поражала широкая улыбка, озарявшая лица тех, кому посчастливилось находиться под началом Адика.

Адик!

Тепло. Уважительно. Благодарно. И никакого панибратства. Только между собой. Только про себя...

Ведь отцам нашим мы редко или вообще никогда не признаёмся в открытую в любви и преданности. Всё про себя да про себя выражаем им безмерную благодарность и почитание. А лишь после их ухода начинаем говорить вслух...

«Кадровик» сборной Тарасов не только карал и миловал. Все-таки основным его занятием в течение года был сам процесс — воспитание и совершенствование советских хоккеистов, продвижение хоккейной мысли, прогресс нашей школы. Да, не всегда бывал справедлив к игрокам — особенно к чужим. Да, не всегда бывал последователен в своих решениях. Зато как клубный наставник отвечал за подготовку большинства защитников и нападающих национальной сборной. И бражка практически никогда не допускал — столичных армейцев отличала полная боевая готовность к предстоящим свершениям. Отдадим должное помощнику старшего тренера сборной Чернышева.

Но вернемся к той самой формуле «функционала», которую слышишь от «сборников» 60-х. Тарасов отвечал за тренировочный процесс, а Чернышев — за стратегию и тактику. Формуле слишком упрощенной, далеко всё не учитывающей.

Вклад Анатолия Владимировича выглядит, согласитесь, как-то повесомее. Это же он готовил команду, а что там тактика Аркадия Ивановича — ну, нарисовал схему действий, объяснил что-то... Но мы-то уже определились с пятиступенчатым «функционалом» любой сборной в любые времена.

Комплектование разобрали по косточкам. Там центральной фигурой являлся второй тренер, а не первый, как это ни парадоксально звучит.

Настал черед разобраться в том, сколь весом был в сборной тренировочный процесс Тарасова. Ясна его первенствующая роль и на этом участке штабной деятельности. Только одно отсутствие Чернышева непосредственно на льду на такое соображение наталкивает.

Анатолий Тарасов, признанный во всем хоккейном мире, включая и Северную Америку, новатор и выдающийся специалист, каждый день переживал как новый и ощущал возможность творить. Творил он на тренировках команды ЦСКА. Известно, что считал недопустимым провести занятие, полностью копирующее вчерашнее. Для него абсолютно любое место тренировки — на льду, на земле, в лесу, на морском побережье, в зале тяжелой атлетики — являлось полигоном, где испытывались его — тарасовские! — свежие задумки. Обкатав их и отсеяв то, что не оправдывало новаторских ожиданий, применял свои наработки далее в трудовых буднях.

Перемещаясь в штаб сборной, Анатолий Владимирович не мог полностью копировать цеэсковские занятия. И вовсе не потому, что не мирился с повторением себя вчерашнего.

А потому, что контингент был другой, состоявший не только из армейцев. Да и потому, что задачи перед ним стояли принципиально иные. Здесь не было места полигону и испытаниям, здесь важно было подвести команду к турниру в хороших физических кондициях, чтобы запаса хватило на весь чемпионат мира или Олимпийские игры.

Согласитесь, велика разница между словами «развивать» и «поддерживать».

Виталий Давыдов:

Тренеры как-то между собой договорились о том, кто за что отвечает. И строго придерживались этого. Хорошо, что так было. Команда должна чувствовать, кто главный и кто помощник. Главным был Чернышев, и это проявлялось во всем. А Тарасов, надо отдать ему должное, как-то особо не вылезал за рамки той договоренности и не встречал тогда, когда на первый план выходил старший тренер. Только изредка срывался в самой игре, да и то не сказал бы, чтобы очень это выпирало.

Установку на игру давал Аркадий Иванович. Всегда он.

А Анатолий Владимирович... Он был фанат учебно-тренировочного процесса. Вот там, на тренировках, да — расходился на полную катушку. Это была его родная стихия. Мне казалось — вот дай ему волю, так он с утра до вечера гонять нас станет! Загрузить кого угодно мог. И... замучить, если не притормозить его. Или сам игрок должен был схитрить в какой-то момент.

На занятия надевал хоккейный свитер — как другой человек надевает костюм с белой рубашкой и галстуком. Как на праздник шел, чтобы провести тренировку.

На самом деле интересно было с ним работать.

Упражнения давал такие, что вроде не очень-то сложно, а ты уставал. Интересен был сам процесс. И положительно влияла его манера поведения. Анатолий Владимирович не просто стоял на льду с микрофоном в руках и раздавал налево-направо задания и замечания, а сам подключался к процессу. То сам ляжет на лед, то подпрыгнет, то мешает нападающему исполнить финт, то прибаутками начинает сыпать...

Заражал нас своей увлеченностью. И сам заводился от этого еще сильнее. Тренировка переставала быть обычным рутинным занятием, превращалась, я бы сказал, в азартную игру.

Вот это была, конечно, отличительная черта Тарасова.

Фанатик и фантазер тренировочного процесса. Я считаю, что он как черновой тренер, который ведет учебный процесс, был исключительным.

Ему равных вообще не было! И не будет! Я так думаю. Я же сам потом тренировал...

И в сборной Анатолий Владимирович никуда не рыпался куда-то на верха, хватало ему тренировок, они же каждый день проводились.

Аркадий Иванович на лед не выходил. А зачем, если там помощник всю работу делает. Но присутствовал обязательно. И не просто наблюдал со стороны. Стоял у борта и периодически останавливал тренировку: «Стоп, Толя! Ребята, подъехали ко мне». Собирал нас в кружок и давал конкретные указания. Отрабатываем, предположим, тактику силового давления: так, ты сюда смещаешься, а ты это делаешь... Недолго это продолжалось. Скажет: «Всё — выполняйте». И стоит, внимательно наблюдая. Замечаниями по ходу дела нас не осыпал. Обычно подзывал к себе по пятеркам, учитывал специфику звеньев.

После такой короткой паузы Тарасов снова включался в процесс.

На льду я у Чернышева в клубе не уставал. И у Тарасова в сборной не уставал. Он же не давал нам пустую беготню, «челноки» же мы не делали. Я вообще не знал, что такое усталость на ледовых занятиях. И, думаю, остальные тоже легко переносили те увлекательные, с выдумкой тренировки. Ну, конечно, Анатолий Владимирович нет-нет да и слишком увлечется процессом — тогда вмешивался Аркадий Иванович и урезонивал его, указывая на то, что пора заканчивать.

Зато в зале атлетизма легко было перегрузиться. У Тарасова, само собой, не забалуешь, но свою голову на плечах тоже надо было иметь.

На сборе перед утренней тренировкой на катке мы заходили в зал тяжелой атлетики. Ну и Тарасов своим зычным голосом командовал: «Ну-ка, взяли блинчики! Сейчас поработаем!» Все снимают со штанг блины эти: «Ну-ка все легли!» Мы ложимся. «Положили блинчик на грудь». Положили. «Поехали, ребята! Отжимы лежа!» Все лежат и пыхтят с этими блинами, а Тарасов ходит, ходит по большому залу и внимательно следит, кто как выполняет, не филонит ли кто-нибудь. Витька Коноваленко пыхтит, пот с него ручьями льется. Ну, видно, накануне режим нарушил. Тарасов приостановился рядом с ним. Витька не выдержал:

— Анатолий Владимирович, так тяжело же, черт подери!

Тарасов театральную паузу выдержал и наклонился к нему:

— Витья, тяжело, говоришь?

— Еще как тяжело.

— Так ты устраивайся на завод!

Сказанул так, что мы все услышали. Смех прокатился по всему залу.

Вообще, с юмором и у Чернышева, и у Тарасова всё было в порядке.

Я думаю, это было хорошим подспорьем в тяжелой работе. Вообще в спорте без юмора плохо.

Но я же не просто так сказал, что в зале надо было голову включать. Мы уже всё знали. Если сказали 15 раз жим сделать, я сделаю 10 раз. Зачем я буду 15 повторений делать, если и 10 — норма, хорошая норма. Переборщить в зале еще хуже, чем недогрузиться. Мы ж все-таки не тяжелоатлеты, а хоккеисты. Игровики.

Тарасов любил ставить в пример Сашу Рагулина: «Смотрите все! Смотрите, как Палыч вкалывает!» А Палыч стоит себе спокойно и так качественно выполняет упражнение. Да только в руках держит не 20-килограммовый блин, а... 12-килограммовый. Издалека можно сразу и не обратить на это внимание. По виду-то они одинаковые, только в этом проем больше, пустоты побольше.

Чернышев в зал редко захаживал.

Вроде даже странно, ведь контролировал процесс, чтобы Тарасов не перегрузил нас. Но я думаю, что был в курсе того, что мы, игроки, сами во всем разберемся.

Вот такая замечательная была подготовка в сборной.

Конечно, это было важно для поддержания нашей спортивной формы.

Евгений Зимин:

В «Спартаке» мы привыкли к определенной системе тренировок: их содержанию, интенсивности, длительности. Скажем, у Боброва абсолютно своя система была, нам она нравилась, и потому всегда тренировались в охотку у Всеволода Михайловича. Тарасов по-другому строил занятия, но армейцы были привыкли к требованиям Анатолия Владимировича, а мы, само собой, нет. Но он это как-то старался учитывать. Аркадий Иванович следил за тем, чтобы нагрузки и характер упражнений отвечали задачам, стоящим перед сборной на текущий момент подготовки.

Тарасов — он же человек увлекающийся. Как-то неожиданно предложил мне:

— Женька, а что — сделаешь кульбит прямо здесь?

А мы в этот момент прогуливались по территории базы, кругом слякоть да сугробы. Ну я удивился, конечно, и спросил:

— А зачем это надо, Анатолий Владимирович?

Ответа я не дождался. Тут мимо проходил Женя Мишаков, и, завидев своего преданного ученика, Тарасов предложил ему то же самое. Мишаков без звука исполнил кульбит — Тарасов сиял от радости, а мне назидательно сказал:

— Вот видишь, как надо готовить себя к чемпионату мира!

В советском хоккее всё было четко отлажено и систематизировано. Календарь стабильный и заточенный под интересы сборной. На заключительный сбор все игроки прибывали, находясь в полной боевой готовности. Сочетания пар защитников и атакующих троек тоже были обычно известны. Всё шло по накатанным годами рельсам... Это ныне на олимпийскую базу в Новогорске приезжают сначала те хоккеисты, чьи клубы не пробились в плей-офф, потом те, кто прошел один раунд, за ними те, кто два раунда, три раунда и, наконец, измочаленные финалисты Кубка Гагарина. Тут надо выравнивать физическое состояние кандидатов, давая одним восстановиться, а других, наоборот, дополнительно нагружая... А в руки Тарасова попадали испытанные мастера, находившиеся в приблизительно одинаковом физическом состоянии, поскольку успевали провести к этому моменту одинаковое количество матчей всесоюзного первенства. И если уж они с Чернышевым решали «физику» повысить, то делалось это без индивидуального подхода. За исключением тех, кто восстанавливался после небольших травм, разумеется.

Станислав Петухов:

В «Динамо» тренировочный процесс был отлажен годами, десятилетиями, «до винтиков». Естественно, мы привыкали и к набору упражнений, и к их последовательности, и к тем требованиям, которые предъявлял Чернышев. Выходных тогда игрокам почти что не давали: если неигровой день, значит, обязательно тренировка. Они были для нас как трудовые будни для обычных граждан, а матчи — как праздники. Для хоккеистов и трудящихся.

В сборную каждый хоккеист, не важно, из какого клуба, приходил в особом, приподнятом настроении: попал, тебя выбрали, ты будешь выступать на чемпионате мира... Поэтому всю подготовительную работу воспринимали с дополнительным энтузиазмом. В этом смысле некоторая смена декораций была очень даже кстати. Занятия у Тарасова проходили активно и очень живо. Интересно было. Нам, динамовцам и спартаковцам, в целом нравилось. Не говорю уже об армейцах. Естественно, многое из того, что Тарасов практиковал у себя в ЦСКА, здесь он не использовал; в первую очередь — то, что касается атлетизма. Особенно не перегружал. Правда, случалось, увлекался с этим делом, перебарщивал с «оборотами» — тут вступал Чернышев, который внимательно наблюдал, стоя у борта: «Всё, Толя, — пора заканчивать!» Аркадий Иванович прекрасно знал, что Анатолий Владимирович в состоянии увлечься и перегрузить нас.

Чернышев и Тарасов отличались почти во всем.

Я важным считаю то, как тренер находит общий язык с врачом команды: доверяет ли ему, прислушивается ли к его рекомендациям. А в 60-е годы наука еще не так продвинулась, и информация, получаемая от «дока», могла помочь с оценкой функционального состояния хоккеиста. Про восстановление после травм уже не говорю. У Тарасова врач мог только «лепить заплатки», а его мнением о «переваривании» игроками нагрузок и необходимости их подправлять тренер не интересовался. Чернышев, наоборот, все время находился на связи с медсанчастью. Если получал какую-то информацию, которая вызывала беспокойство: у одного явное переутомление, у второго есть опасность рецидива старой травмы, третий вчера получил чувствительный ушиб, четвертый не жалуется, но ведь у него микрорастяжение мышцы... — то встревал в тренировочный процесс и давал конкретные указания помощнику. Иногда это касалось, понятно, индивидуального подхода к игроку по объемам и характеру нагрузок.

Аркадий Иванович особенно внимательно и, мне казалось, даже придирчиво контролировал тренировочные нагрузки в дни проведения чемпионата мира или Олимпийских игр. Меру важно было соблюсти: недобор и перебор одинаково вреден. План тренировок они составляли наверняка вместе, но Анатолий Владимирович частенько выходил за рамки, увлекаясь самим процессом.

Валерий Васильев:

Игроки, как водится, не только друг другу прозвища придумывают. Тренерам — тоже. Вот и Чернышева с Тарасовым эта участь не минула. Мы звали их, в нашем, разумеется, кругу, между собой — Адя и Ваня. Разные они, конечно, по характеру, по складу. Чернышев — тот мухи не обидит. Молчун по натуре. Тарасов — полная противоположность. Удивительно, конечно, как они умудрялись ладить, столько лет вместе работая.

У них и разделение негласное было: Чернышев, что называется, вел команду, вопросы стратегии и тактики на нем, подбор игроков, ведение игры, а Тарасов, естественно, ко всему этому имел опосредованное отношение, ведал в основном физподготовкой, на льду с нами любил повозиться.

Да уж, Тарасов мастер был нагрузить. Я лично, к примеру, порой просто не выдерживал его нагрузок, он — злился. А Чернышев меня время от времени под свою защиту брал. Говорит, бывало, Ване: «Да отстань ты от него, слезь, не надо мучить. Загубишь ведь паренька, он ведь совсем еще зеленый». Тот в ответ: «Выживает сильнейший — у нас всё по закону джунглей. Вот у меня Ромик на подходе» (это он Ромишевского имел в виду). А когда я уже сам ерпенился, петушился, Ваня всё кричал: «Адя, Адя, иди сюда! Уйми ты своего бандита, а то он мне морду набьет...»

То, что процесс подготовки к важнейшим международным турнирам был поставлен на высшем уровне, сомнений не вызывает. То же самое касается и занятий между матчами турнира.

Сборная неизменно была «бодра и весела»; команду отличали работоспособность, большой объем катания и способность в любой момент даже добавить в энергетике. Последнее мало кому из конкурентов было по силам. А это ведь зачастую и склоняло чашу весов в нашу пользу.

Анатолий Тарасов безупречно и на самом высоком уровне справлялся с той самой обязанностью, которую оговорил с Аркадием Чернышевым сразу же после создания их тандема.

Однако «старший» на то и старший по званию, чтобы за всем внимательно и вдумчиво следить и всё держать под своим контролем. Что и делал Чернышев в вопросах тренировок. Ненавязчиво и деликатно. Последовательно и неукоснительно.

Нелепо отрицать весомость качественной тренированности сборной. Автор, однако, не стал бы очень уж преувеличивать значимость и сложность данного участка в функционировании тренерского штаба сборной. Скорее, отнесу эту задачу к категории необходимой и совершенно очевидной, без выполнения которой на качественном профессиональном уровне нечего и рассчитывать на «праздник на нашей улице».

В те же 60-е годы в стране проводили олимпиады среди школьников по физике и математике, географии и химии: первый тур — районный масштаб, второй — городской, третий — всесоюзный, финальный. Массовые состязания были с жестким отбором тех, кто пробивался дальше. Так и в нашем экскурсе. Чем дальше продвигаемся, тем сложнее и, главное, неординарнее задачи. Напомню, что наше рассмотрение деятельности тандема Чернышев — Тарасов насчитывает пять туров: комплектование, тренировочный процесс, психологический климат, план на матч, управление игрой. Без приглашения под знамена национальной сборной самых достойных и без грамотного поддержания их спортивной формы нечего было и соваться на чемпионат мира или Олимпиаду; далее тренеров ожидали задачи повышенной сложности — чем дальше, тем нестандартнее...

САМОУПРАВСТВО ЧЕРНЫШЕВА

Олимпиада. Слово это вызывало у советских людей трепет и почитание. Выше победы на Олимпийских играх ничего не существовало в спорте. И ничего более патриотичного не мог сделать атлет, чем добыть в честной и отчаянной борьбе медаль

олимпийской пробы для необъятной родины. Это искусно и широко подавалось в средствах массовой информации, благо отдел агитации и пропаганды ЦК компартии трудился не покладая рук. Однако и без популяризации гуманных идей олимпийского движения советским гражданам и атлетам была отчетливо видна на горизонте главная вершина большого спорта.

1956 год готовил для Чернышева и его сборной новое испытание на прочность и на проверку избранного пути развития. Олимпиада! Это звучало как приказ высшего командования государства вернуться домой со шитом. Иного и в помыслах не допускалось. У Аркадия Ивановича уже накопился определенный опыт управления главной командой во время выступлений на международной арене, его подопечные успели побывать и в роли бивших, и в роли битых. Все они были уже зрелыми мужиками, кое-что повидавшими и кое-чего хлебнувшими. Родились до войны. Воевать на передовой довелось только Николаю Сологубову, получившему серьезное ранение ноги; некоторые, как Виктор Шувалов на челябинском танковом, вкалывали в тылу, на заводах; все воспринимали послевоенное лихолетье с легкостью, свойственной молодости, а спорт был для них манной небесной. Большинство приближалось к тридцатилетнему рубежу, многие обзавелись семьями, детьми; их ответственность, их патриотизм, их самоотверженность попросту зашкаливали по мере приближения старта олимпийского турнира. Такой набор естественных и необходимых оттенков внутреннего душевного состояния, выраженных сверх всякой меры, мог негативно повлиять на боеспособность коллектива, хотя это может показаться странным на первый взгляд для непосвященного человека.

Чернышев прислушивался и присматривался к игрокам, всегда и везде отслеживал психологическое состояние хоккеистов, словно не расставался с каким-то хитрым техническим устройством, из которого черпал массу ценной и труднодоступной информации. В этом компоненте педагогического искусства Аркадию Ивановичу трудно было отыскать равных во всей нашей богатой хоккейной истории.

Игра туловищем. Жесткое единоборство. Действия у борта и в углу площадки, вблизи своих и чужих ворот... Любая разновидность силовой борьбы оставалась нашей ахиллесовой пятой, что отчетливо проявилось в сражении с канадцами в западногерманском Крефельде в 1955 году. И такое отставание наряду с очевидными потерями в качестве самой игры — потеря инициативы, сбой в контроле шайбы, проигранные позиции и прочие напасти — вызывало очень неприятные последствия в эмоциональном состоянии наших хоккеистов. Уступка в жестком единоборстве была по самолюбию, по гордости, без

которых нет настоящего ледового бойца. И это причиняло боль куда бóльшую той физической, которая возникала сразу после того, как канадец врзался в тебя на полном ходу. Ушиб или синяк — пустяки, виду не подал, перетерпел на лавке во время передышки и снова на лед; а вот сам факт того, что канадец размазал тебя по борту или сшиб с ног, оседал в сознании накрепко и надолго. И лучше от того играть в следующих сменах не получалось.

Чернышев всё это видел и понимал.

Понимал, что ничего эффективнее, чем встречи с канадцами — товарищеские и в изрядном количестве, придумать невозможно. Силовую борьбу следовало осваивать в ходе очной формы обучения, и учителями должны были стать безусловно сильнейшие в этом компоненте. Да вот только как претворить это в жизнь? Зазвать канадских инструкторов по «рукопашному бою»? Исключено по политическим причинам. Отправиться за океан прорубать окно в хоккейную Канаду? Исключено по тем же самым причинам. И что же — тупик? Так и будем отставать в важнейшем средстве обороны и атаки? А до первой для советского хоккея Олимпиады оставалось, между прочим, меньше года...

Чернышев нашел совершенно замечательный выход из положения, казавшегося безнадежным.

Задумал турне в Англию, где родился футбол и где в хоккей играли почти сплошь... канадцы. В поисках заработка некоторые канадские профессионалы находили пристанище на Туманном Альбионе, где функционировало несколько хоккейных клубов. Лига своя имела. Бодались друг с другом, собирая довольного большую зрительскую аудиторию. Об этом еще надо было прознать, ведь Великобритания собственных любителей не делегировала на мировые первенства. И надо было обосновать — как краткосрочный «курс молодого бойца» для наших бывалых мастеров. И пробить в высоких кабинетах спортивного и партийного руководства. Наставник сборной справился и с этим.

Скупые строчки с ленты телетайпа ТАСС подтверждали правильность чернышевского выбора. Клуб «Харрингей Рейсерс» еще зимой 55-го не испугался зазвать в Лондон свежеспеченных мировых лидеров — канадцев из клуба «Пентиктон», тех самых, кто спустил советскую сборную с небес на землю в Крефельде. И превзошли их «британцы» — 5:3. А в ожидании приезда русских разобрались с нашими друзьями по социалистическому лагерю чехословаками весьма убедительно — 6:2. Но главным для Чернышева оставались не эти победные счета канадских профи с временной английской пропиской, главным был их остро выраженный агрессивно-силовой стиль.

Боевое крещение чем-то напомнило громоподобный дебют сборной Советского Союза в 54-м. Местные канадцы варились в собственном соку, бились друг с другом в кровь и потому совершенно не представляли себе качественно иной хоккейный стиль. Стиль с маркой «СССР»: темповой, комбинационный, коллективный. Они были обескуражены до такой степени, что даже не успевали толком применять силовые приемы — ведь для этого им надо было, как говорится, поймать соперника, а он-то проносился мимо как ветер, словно и не замечая хозяев льда. Это дало повод лондонским газетчикам съязвить: дескать, стремительные харрингейцы выглядели медлительными на фоне реактивных русских. Чернышев вряд ли остался тем вечером доволен: ведь той учебы, ради которой привез команду, не состоялось, будто учителей по силовой борьбе подменили какими-то неопытными дублерами — малоподвижными и малоагрессивными.

Однако вскоре всё стало на свои места. Перестроив тактику и укрепившись кадрово за счет привлечения нескольких мастеров из клуба-конкурента, «англичане» предстали в том самом грозном обличье, которое от них и ожидалось. Удары и толчки по правилам и без них посыпались на головы наших «сборников»; возникла растерянность в обороне, нарушилась комбинационная стройность. Но четыре метких выстрела хозяев не сломили командный дух подопечных Чернышева, и они сумели вернуться в игру, переломив ее и забросив победную шайбу на последних минутах матча. Главным же для наставника было то, что в жестких единоборствах его парни не стушевались и старались давать отпор. И когда вошли во вкус, когда сами при удобном случае стали врзаться в канадцев, перехватили инициативу и добились успеха. Несмотря на минимальный перевес, второй урок получился в разы полезнее первого. И третий матч, также закончившийся с перевесом в одну шайбу, оказался крайне полезным. О «добросовестности» местных учителей свидетельствовали травмы Александра Уварова и Николая Хлыстова, вынудившие их покинуть лед. Местные фанаты визжали от восторга, когда после эффектного приема их любимцев русский хоккеист вылетал за борт, однако моментально вскакивал и возвращался в игру. Заслужив массу комплиментов, советская сборная получила приглашение провести незапланированный матч с английским клубом... в Париже. Чернышев согласился, хотя состав поредел из-за травм. И снова был качественный урок со стороны родоначальников игры, и снова минимальный перевес на нашей стороне.

Аркадий Иванович, мысля стратегически и действуя разумно и решительно, сумел совершить невозможное по тем време-

нам. Спланировал форсированную стажировку своих бойцов на канадском полигоне, существенно повысив крепость их рядов.

Все затраты на это турне окупились сторицей на Олимпиаде, которая была уже на носу. Там, в Долмитовых Альпах, сборная СССР оказалась готова к любому физическому натиску главных конкурентов в борьбе за золото — канадцев.

При тщательной подготовке к олимпийскому дебюту Чернышеву пришлось учесть и совсем иной аспект физических кондиций, необходимых в турнире. Фактор высокогорья Кортина-д'Ампеццо с недостаточным богатым содержанием кислорода в воздухе накладывал дополнительные сложности, и их игнорирование неминуемо привело бы к фиаско.

Виктор Шувалов:

Чернышев повез сборную на Кавказ. С тем, чтобы мы заранее акклиматизировались на высоте. Прибыли в Домбай и разместились на какой-то альпинистской базе. Красотища вокруг была сумасшедшая! Лесистые склоны, ледники, скалистые вершины и ослепительное солнце... Ребята же впервые в таком шикарном месте оказались, по горным курортам ведь не ездили до того. От той красоты голова кружилась в первые дни, а нехватку кислорода переносили мы сносно. Совершали вылазки в горы. Аркадий Иванович делал упор на длительность маршрута, а не на его сложность, конечно. Всё равно какие-то подъемы попадались на пути, и нам казалось, что самым трудным будет продвигаться вверх, а вышло-то совсем наоборот: на спусках было тяжеловато и, честно скажу, как-то беспокойно...

Тот сбор в Домбайской долине очень помог нам на Олимпиаде, в итальянских горах мы акклиматизировались без каких-либо проблем. Опять же Чернышев всё предусмотрел.

Аркадию Ивановичу не было нужды ломать себе голову над окончательным составом олимпийцев. Знакомые все были лица. Ребята оббитые и обкатанные. Сыгранные между собой годами. Сплоченные патриотизмом и чувствами, которые ведомы только настоящим первопроходцам. Ну и, если быть объективным, выбора-то широкого у наставника не было. Новое поколение только на подходе, а круг тех, кто осваивал канадский хоккей, очень и очень ограничен. При этом состав являлся сбалансированным во всех линиях: надежнейший вратарь Николай Пучков, Григорий Мкртычан, блистательный дуэт защитников Николай Сологубов — Иван Трегубов, опытнейшие Генрих Сидоренков — Дмитрий Уколов, Альфред Кучевский; разностильные звенья форвардов: Евгений Бабич — Виктор Шувалов — Всеволод Бобров, Юрий Крылов — Александр Уваров — Валентин Кузин, Юрий Пантюхов — Алексей Гу-

рышев — Николай Хлыстов, десятый нападающий — Виктор Никифоров. Новичков было двое: острослов Пантюхов, умевший быть на льду серьезным и боевитым, и писаный красавец Никифоров, любивший красиво пожить.

Чернышев придавал большое значение тому, что наши тройки — армейская, динамовская и крыльевская (в ней Михаила Бычкова заменил армеец Юрий Пантюхов) — действовали в совершенно разном тактическом ключе. Аркадий Иванович не ломал их привычный тактический рисунок, подгоняя под единый стандарт, а, напротив, всячески приветствовал такую разноголосицу. Эти несхожие хоккейные мелодии атак советской сборной, являясь ее фирменным устрашающим оружием, создавали колоссальные проблемы даже самым грозным оппонентам. Что ни смена, то русских не узнать — и как прикажете тактически действовать против них?!

Виктор Шувалов:

Каждый из нас сознавал, что это первый и последний шанс стать олимпийским чемпионом и прославить родину в хоккее. Большинству было уже под тридцать, кому-то и больше. Мы знали себе цену и никого не боялись. Не боялись и канадцев, хоть и проиграли им год назад крупно, да еще «всухую», хоть и слабее их были в силовых приемах. Реже применяли эти приемы и не всегда с такой агрессивностью, как они. Вообще агрессивности и игровой наглости нам не хватало чуть-чуть. Чернышев, вот ведь умный человек, устроил сборной серию встреч с английскими клубами, а за них сплошь канадцы выступали. Злые такие и физически мощные хоккеисты. После турне в Англию мы поувереннее себя почувствовали в жестких единоборствах.

Прибыли в Кортина-д'Ампеццо. Все здоровы, слава богу. Тренируемся. Готовимся. Но какое-то напряжение будто витало в воздухе над нами. Каждый это ощущал, а вслух никто не высказывался. Экс-чемпионы мира, двукратные чемпионы Европы — мы, однако, очень нервничали из-за особой важности Олимпийских игр. Ответственность перед командой, ответственность перед родиной — это были для нас не пустые слова. Нас заметно лихорадило, то был предстартовый озноб. И, насколько помню, он продолжился и когда начались игры предварительного турнира.

Аркадий Иванович постоянно общался с нами. Не считал зазорным что-нибудь обсудить по делу, охотно разговаривал и на отвлеченные темы. Ощутил, видать, этот самый наш озноб, который наверняка боком бы вышел во встречах с серьезными противниками. И нашел выход из положения. Оригинальный очень! И очень поспособствовавший тому, что все ребята психологически раскрепостились. Выдающийся тренер! Тут двух мнений быть не может.

Предварительную стадию наша сборная прошла вполне уверенно, не оставив и малейших шансов Швейцарии и даже Швеции. Та же радужная картина наблюдалась уже в финальном турнире, когда были вторично повержены обычно грозные шведы, а за ними и скромные западные немцы. Благоухающий альпийский пейзаж и яркое горное солнце, отражавшееся от голубого льда, создавали иллюзию беспроблемного шествия команды. Однако проблема была. Она проявилась еще перед стартом и никак не притуплялась даже на фоне уверенных побед. Чернышев, чувствуя все это и понимая, чем это грозит обернуться в решающих схватках, предпринял неординарный тренерский ход.

Аркадий Чернышев:

Я что придумал — повез команду в горы! Накатались на санях, погуляли, посмеялись... Гляжу, вечером, после ужина, ребята совсем в другом настроении. На завтра повторил. И пошло-поехало. В горы отправлялись либо после тренировки, либо вообще вместо нее. Кстати говоря, к нам в этих вылазках присоединялся Женя Гришин (конькобежец-спринтер, который на этих Играх стал двукратным олимпийским чемпионом. — Л. Р.).

Теперь мысленно перенесемся в те времена и в то место, где проводилась зимняя Олимпиада, первая для советской страны. Гиперответственность ощущали не только игроки, но и тренеры — Чернышев и Егоров. Владимиру Кузьмичу было полегче, помощник ни за что по строгому счету не отвечает. А наблюдение и контроль были в нашей многочисленной делегации неусыпными и придирчивыми. Любое своеволие, любой шаг влево-вправо приравнялся к самоуправству со всеми вытекающими отсюда административными последствиями. Вплоть до снятия с должности и исключения из партии... Каким же Аркадию Ивановичу надо было обладать мужеством, какой способностью рисковать, какой прозорливостью, наконец, чтобы осуществить подобную психологическую перезагрузку! Любой из его современников признался бы, что Чернышев и только Чернышев мог такое сотворить. Любой из нынешнего поколения наверняка недооценит тот неординарный психологический ход, а у кого все-таки хватит воображения, чтобы перенестись в советские 50-е, заявит категорично: «Нереально!»

Последние две игры были решающими для сборной СССР. Очковых потерь не было, но в финальном створе нас поджидали американцы и канадцы. Одна сенсация уже приключилась в Кортине-д'Ампеццо, когда США при блистательном выступлении вратаря Айколы и форварда Мэйасича превзо-

шли Канаду 4:1. Лишь у этих трех стран сохранялись надежды на золото высшей олимпийской пробы. А наибольшие шансы были у «штатников», которые как никогда оказались близки к заветной цели.

Во встрече с американцами долгое время сохранялся минимальный шаткий перевес сборной Чернышева. Он часто производил смены игроков для поддержания высокого темпа, и в конце концов соперник не выдержал бесчисленных скоростных комбинаций. Все три звена забросили по шайбе в течение трех минут, доведя перевес до значительного — 4:0.

Американский тренер Джон Мариуччи не поспешил на комплименты: «Это была лучшая игра, которую я когда-либо видел. Советские хоккеисты заслужили победу!»

В отличие от своих географических соседей американцы придерживались умеренно жесткого стиля. Настоящую проверку на устойчивость в силовых единоборствах нашим парням предстояло получить в последнем матче, в котором канадцев устраивала только победа с разницей не менее чем в две шайбы. Вот когда должна была пригодиться «стажировка» советских мастеров в серии с англо-канадскими клубами!

Руководство сильнейшего на тот момент любительского клуба Канады «Китченер Датчмен» пригласило накануне советских корреспондентов на дружеский обед и в неформальной обстановке полюбопытствовало, в каком состоянии находится хоккей в Советском Союзе и что представляют собой наши олимпийцы. Канадский наставник Боб Бауэр в восторженных тонах отозвался о завтрашнем сопернике: «Мы никогда не видели команды, которая бы играла так комбинационно и точно, как играют ваши хоккеисты. Наши игроки не привыкли думать в игре. Их девиз — вперед, только вперед. А у вас главное в игре — расчет... Вы играете разнообразно, умно, и это делает вашу команду особенно сильной... Против вашей сборной мы будем действовать сильнее, чем это было против других».

Перед тренерским штабом нашей сборной стояло несколько задач.

Психологическая перезагрузка.

Она уже дала зримые плоды, что было видно вооруженным взглядом Чернышева с Егоровым по ходу предыдущих педингов финального турнира против Швеции, Чехословакии и Соединенных Штатов Америки. Решили от добра не искать добро и продолжили те самые «полуподпольные» прогулки в живописных горных окрестностях. Коли уж старший тренер взял на себя ответственность за не санкционированное руководством советской делегации поведение коллектива, то нелепо было бы обрывать эту затею накануне решающего сражения.

Тактический план.

Предугадать мощнейший стартовый натиск канадцев было делом нехитрым. Сложным делом было изготовиться команде так, чтобы сохранить свои боевые порядки и ни в коем случае не уйти в глухую оборону. Пассивная роль была категорически противопоказана русским парням, потому что являлась противоестественной для нашего хоккейного стиля. Каким бы сметавшим всё на своем пути ни был натиск канадцев, долго его вести им попросту не хватило бы сил.

Чернышев предугадал то, что соперник уделит пристальное внимание первому звену Бабиц — Шувалов — Бобров. Одно упоминание Боброва вызывало в стане конкурентов повышенную бдительность. И потому он предупредил второе и третье звенья (Крылов — Уваров — Кузин и Хлыстов — Гурышев — Пантюхов): действовать с повышенной активностью и нацеленностью на ворота.

Силовая борьба.

Каждый в отдельности и команда в целом явно прибавили в этом важном компоненте. До того они в Кортина-д'Ампеццо сдавали зачеты, а экзамен по данной дисциплине принимать собирались родоначальники хоккея. Чернышев подчеркнул: «Спуску канадцам не давать. Терпеть боль, если понадобится. Самим избегать удалений».

Виктор Шувалов:

Мы с Женей и Севой уже привыкли к роли лидеров. Забивали больше других и вели за собой сборную в наиболее важных матчах. Предупреждение Аркадия Ивановича насчет того, что опекать нас будут особенно плотно, выслушали с пониманием, но сбавлять обороты наше армейское звено, конечно же, не собиралось. Ожидали стартового натиска канадцев и решили в первом периоде постараться действовать в обороне. А насчет силовой борьбы лично я вообще не волновался, все ребята были готовы не уступить в ней и канадцам.

Ожидания тренерского штаба полностью оправдались. Соперник, не щадя живота своего и чужого, обрушивает атакующий шквал на ворота Николая Пучкова. Один канадец идет на лобовое столкновение, а второй — на подбор отскочившей шайбы. Фирменный маневр позволяет завладеть инициативой. Однако непосредственно в стыках русские практически не уступают и не выпадают из игрового ритма. Арбитры строго следят за чистотой проведения силовых приемов и, если что, незамедлительно наказывают заокеанских бойцов. Однако даже при игре втятером против троих шуваловскому звену не

удается отличиться. Со своей стороны соперник, даже оставшись вчетвером, не боится устраивать опасные контратаки. На лавке нашей сборной царит рабочая атмосфера, все подбадривают друг друга, а старший тренер, как всегда, сохраняет невозмутимый вид.

Виктор Шувалов:

В перерыве Аркадий Иванович дал нам перевести дух и попить сладкого чайку с лимоном. Успокоил и похвалил: «Молодцы, что не пропустили. Молодцы, что не дрогнули. Всё самое тяжелое позади — их не хватит, чтобы такой темп поддерживать. Сейчас будет уже полегче атаковать. Только очень прошу — не задерживайтесь в чужой зоне, при потере шайбы успевайте вернуться и отработать в обороне. В нашей зоне не мудрите, попроще играйте».

Нашу-то тройку канадцы прихватили наглухо. От Боброва вообще ни на шаг не отходили... Что нам оставалось? Не нервничать из-за такой назойливой опеки, искать шансы в атаке, ну и, откровенно говоря, надеяться на другие звенья, на уваровское и гурышевское.

Аркадий Чернышев:

Для канадцев наша коса на камень. Наши хоккеисты, как и было задумано, гасили наступательный пыл соперников еще на дальних подступах к своей зоне защиты, смело вступая в силовое единоборство с игроком, владеющим шайбой. В случаях, когда кому-то из канадцев всё же удавались сольные проходы, нападающих встречали техничные, умные и решительные игроки нашей обороны, не хуже соперника владеющие силовыми приемами.

В начале второго периода атака динамовского звена вышла стремительной и размашистой. В чужой зоне Александр Уваров после столкновения с защитником теряет равновесие, зато не теряет голову — сбрасывает шайбу Юрию Крылову, а тот хлестко отправляет ее в самый угол ворот. Это было очень важно и очень своевременно. Наши остудили пыл агрессивных канадцев и, поведя в счете, стали постепенно прибирать инициативу к своим рукам.

Аркадий Чернышев:

Сыграла решающую роль некая тактическая уловка, специально нами задуманная. По прошлым матчам с канадцами мы заметили, что они настоящие бойцы, ведущие борьбу за победу до конца. Завидное качество! Но порождает его во многом повышенное самолюбие как прямое следствие высокой репутации. Средств для ведения борьбы у них маловато. При индивидуальной

манере игры спад энергии наступает быстрее. Это естественно. Самый блестящий мастер-виртуоз, натолкнувшись на упорное сопротивление, невольно снижает, его азарт пропадает. Думаю, что канадские нападающие были явно обескуражены, что при их контратаках наши хоккеисты уже не спешат, как прежде, чуть ли не всей командой на помощь своим защитникам, не жмутся к воротам, предоставляя игровую инициативу и пространство атакующим соперникам, и что в силовом единоборстве наши мастера ничуть не уступают им на любом участке поля. Захлебнулась одна их атака, другая... В начале второго периода картина не изменилась, и в игре соперников наступил спад.

Второй перерыв неожиданно затянулся, причем надолго. Все в нашем лагере недоумевали: в чем, собственно, дело?! Оказалось, что канадская сторона потребовала... перезалить лед. Якобы его качество ухудшилось после сорока чистых минут ожесточенной схватки. Организаторы пошли им навстречу. Уловка соперника была понята нашим тренером: длительная передышка позволяла сопернику хоть как-то восстановить силы, изрядно растроченные в первых двух периодах. Чернышевский прогноз, озвученный в раздевалке после первого «штормового» периода, полностью оправдался. Чернышев с Егоровым понимали, что такой поворот событий, напрямую не связанный с игрой, был не в нашу пользу, но ничего с этим поделать не могли и старались отвлечь игроков, чтобы пауза не показалась слишком длинной.

Расплата за хитрые закулисные маневры канадцев наступила очень скоро. Уваровское трио разыграло свою фирменную комбинацию, и Валентин Кузин был точен при ее завершении. Далее оставалось лишь контролировать ход событий, не расслабляясь ни на секунду. Соперник еще огрызался в атакующих набегах, но не более того. Приближения финального свистка ждали и будущие чемпионы, и их вконец обескровленные главные конкуренты.

Виктор Шувалов:

Динамоцы выручили, конечно. В седьмом важном матче и в самый важный момент. У них была коронная комбинация: Юра Крылов с Сашей Уваровым катят на большой скорости в перепасе из своей зоны, проходят среднюю зону — перехватить у них шайбу было почти невозможно, а при входе в зону атаки Уваров по диагонали пасует на дальнюю штангу Вале Кузину, который переправляет шайбу в ворота. И это сработало! Все мои товарищи оказались на высоте. Выиграли мы с небольшим перевесом, зато не пропустили и в конце игры ничего канадцам не дали сделать.

Каждому из нас вручили по три золотые медали! Олимпийскую, чемпионов мира и чемпионов Европы.

Счастливее нас в тот день во всем мире никого не было!

Боб Бауэр, наставник сборной Канады:

Мы, конечно, ужасно разочарованы результатом игры, но ничего не поделаешь. Советская команда выиграла заслуженно. Мы играли в целом неплохо. Этого хватило бы для того, чтобы выиграть матч любой команды, выступавшей в хоккейном турнире, но для победы над советской сборной этого было мало. Команда СССР была лучшей в течение всего турнира. Особенно хорошо играли в последнем матче вратарь Пучков, защитник Сологузов и нападающий Крылов. По моему мнению, Сологузов и Крылов могли бы с успехом соперничать с любым канадским профессиональным игроком.

Его соотечественники из информационного агентства «Канадиан Пресс» были категоричны: «Советские хоккеисты одержали победу над лучшей любительской командой, которую Канада смогла послать в Кортина-д'Ампеццо. Советские хоккеисты могут соревноваться с любой канадской командой».

Австрийская газета «Вельт ам монтаг» опубликовала любопытный комментарий, указывавший на стратегическую дальновидность Аркадия Чернышева: «Русские применили в состязании в Кортине своеобразную тактику. В первых встречах их команда играла только вполсилы и с более слабыми противниками довольствовалась относительно скромными победами. Тем самым она, с одной стороны, создала у противников иллюзию своей слабости, а с другой — берегла силы перед трудными матчами финала. Тактика себя оправдала. Уже во время игры с США русские совершенно преобразились и наконец показали то, на что они способны. В субботу в решающей встрече против Канады было точно так же».

Еще один эпизод чернышевского самоуправства — наряду с «нелегальными» прогулками сборной по живописным окрестностям Кортина-д'Ампеццо — раскрылся по его же инициативе уже после триумфа и потому остался без наказания со стороны чиновников.

Аркадий Чернышев:

Заместитель руководителя нашей делегации заходит в гостиницу, поздравляет команду с успехом. А в моем номере заявляет серьезным тоном:

— Это всё благодаря нашим витаминам, нашим таблеткам!

— Извините, но ваши таблетки в углу моего номера лежат нетронутыми...

Я показал ему на штабеля аптечных упаковок.

Ну а насчет наших прогулок в горах... Если бы в дни Олимпиады кто-нибудь из высокого начальства прознал о тех вылазках, мне бы голову свернули! Как пить дать свернули бы...

По возвращении в Москву хоккеистов встретили почти так же празднично и тепло, как в дебютном 54-м. «Почти» — не из-за недооценки свершенного: просто хоккейные олимпийщики были далеко не единственными в составе вернувшейся на родину советской делегации. Но 56-й тоже стал первой пробой хоккейного пера — олимпийской. И это добавляло весомости золоту новой чеканки.

Тогда еще не успели привыкнуть к хоккейным свершениям державы. К свершениям серийным, впоследствии поставленным Аркадием Чернышевым будто на заводской поток. Человек быстро привыкает к хорошему — народ искренне воспринимал любое место кроме первого как недоразумение, если не употреблять куда более крепкие словечки негативного свойства. «Вину» за такую избалованность сограждан именно хоккейными фанфарами возложим исключительно на Чернышева, ибо он и только он, будучи старшим тренером (впоследствии этот статус будет звучать как «главный тренер»), отвечал за спортивный итог выступлений национальной сборной.

Всё, что касалось первых выходов сборной на мировую орбиту, имело самое непосредственное касательство к деяниям Чернышева. Успешность сборной страны, ее несокрушимость, ее стальную многожилность и красоту ее стиля заложил, продолжил и развил в дальнейшем Аркадий Иванович Чернышев.

Смею предположить следующее. Если бы многолетний наставник «Динамо» по каким-либо причинам, независевшим от него, покинул преждевременно дирижерский пульта сборной сразу после возвращения из Кортина-д'Ампеццо, то и этого хватило бы, чтобы навсегда вписать свое имя в историю страны.

Коммунистическая пропаганда в 30-е годы, в эпоху индустриализации, призывала: «Пятилетку — в три года!» При изначально завышенных планах еще и осуществить их в сжатые сроки! «Трехлетка Чернышева» уместила в себе и беспримечный дебют, и оперативную корректировку курса, и вторичное пребывание на вершине. Пройди наш хоккей такой путь лет эдак за десять с неизбежными в спорте замедлениями на ухабах и рытвинах — чего почти сумел избежать Чернышев, пели бы оды тому, кто находился у руля. Парадоксально, но факт: реакция на сборную Чернышева, ошеломившую соотечественников и обескуражившую чиновников, очень скоро сменилась восприятием почти обыденным — ну, дескать, что удивляться,

так и должно было случиться, это наша игра и т. д. и т. п. Смею сделать еще одно предположение. Именно в 56-м, после того как отгремели праздничные церемонии по случаю золотого олимпийского дебюта, была повсеместно заложена недооценка свершений Аркадия Чернышева. Последующие годы в той или иной форме, в той или иной мере эту более чем странную и более чем несправедливую линию лишь укрепляли. Человеком, кого подобное не волновало и не огорчало и у кого не сжигались по этому поводу нервные клетки, был... сам Аркадий Чернышев. Что возвышает его образ, делая еще светлее и благороднее. И — абсолютно ни на кого не похожим.

Трехлетка выхода нашего хоккея на международную орбиту принесла невероятные итоги: трехкратные чемпионы Европы, двукратные чемпионы мира и олимпийские чемпионы. И этого добились страна, которая начала культивировать новый вид спорта лишь после войны и которая находилась все эти годы за «железным занавесом»!

И невероятность произошедшего во многом объясняется невероятным появлением на хоккейном небосклоне страны такой незаурядной во всех отношениях личности, какой являлся Аркадий Иванович.

Чернышевская триада — 1954 — 1955 — 1956 — подтвердила верность избранного пути отечественной школы — своеобразного, с использованием собственных подходов, а не копирующего европейский или заокеанский. Как это ни выглядит парадоксальным, но факт остается фактом: политическая изоляция страны, которая делала невозможными выезды сборной или клубов на родину хоккея, заставила наших специалистов торить свою тропу и создавать фундамент своей школы с нулевого цикла без единого импортного кирпичика. Гастроли чехословацких профессоров из клуба ЛТЦ в 48-м подкинули, разумеется, пиши для новых поисков, однако не поколебали веры в собственный путь.

Чернышевская триада выявила и ряд очевидных пробелов в высшем хоккейном образовании поколения Боброва. Оно получило его, словно не отучившись полную десятилетку — или, если поискать более точный образ, закончив всего лишь семь классов в таежной школе, где им несказанно повезло с проницательными и добросовестными преподавателями. Это поколение «русачей» неминуемо сходило со сцены по возрасту, уступая дорогу тем, кто изучал канадский хоккей уже в настоящих спортивных секциях и был подкован крепче. Наступала смена поколений. Процесс болезненный. А тогда болезненный втройне, поскольку контингент квалифицированных игроков был в стране еще слишком узок.

И это еще предстояло пережить. И это тоже выпало на долю Чернышева и его коллег.

Аркадий Иванович сторонился прицельного внимания к собственной персоне со стороны газет и журналов, радио и телевидения: про хоккей — пожалуйста, а про меня — да ни к чему, неинтересно. Отчего избрал более чем скромную позицию, противоестественную для очень жесткой конкурентной сферы, какой является большой спорт?

Интеллигентность мешала. Скромность. Сдержанность. Да и вообще — отдаленность от суеты всяческой и повышенного внимания к собственной персоне. Едва звучал финальный свисток, покидал авансцену ровно до стартового свистка следующего матча. А в промежутке между матчами занимался рутинной подготовкой своего «Динамо» и уделял внимание семье.

Но опять же парадокс «имени Чернышева». В конце 40-х — начале 50-х годов пресса уделяла канадскому хоккею более чем скромное внимание. Трудно в это сегодня поверить. Черно-белые фотографии заполненной до краев Восточной трибуны московского стадиона «Динамо», где в любую стужу собиралось по двадцать и более тысяч не замерзавших благодаря жаркой игре граждан, как-то не вяжутся со скудными отчетами о тех зрелищах. Как это объяснить? Всё управлялось и контролировалось Отделом пропаганды ЦК партии. Видимо, проявляли там осторожность и перестраховывались — мол, новая чужеземная игра... неизвестно, как еще приживется... главное — как мы за рубежом будем выглядеть, не осрамимся ли...

Оживление в СМИ наступило лишь после возвращения олимпийской дружины Чернышева из Кортина-д'Ампеццо. Так Аркадий Иванович, сам по возможности избегавший любых контактов с корреспондентами, поспособствовал популяризации и развитию хоккея самым что ни на есть весомым и деликатным образом.

ТАНДЕМ — 5. ПОГОДА В ДОМЕ

За пару дней до отъезда сборной России на турнир пресс-служба устраивает день открытых дверей: в олимпийский центр в подмосковном Новогорске устремляется журналистская братия — наблюдает интенсивное ледовое занятие, внимает тренерскому штабу, задает умные вопросы по теме... Игроки твердят, будто получили строгую тренерскую установку на важную игру: «Атмосфера в сборной замечательная и дружественная»; «обстановка рабочая и комфортная»; «все стараются и помогают друг другу»; «мы делаем общее дело»... Искренни

ли они? Вполне. До отъезда из новогорского центра примерно такая обстановка царит почти при любом главном тренере. Эта предстартовая искренность не вполне полная, поскольку на сборе происходит отбор в состав, лишние отсеиваются и возвращаются несолоно хлебавши по домам. Однако кто же признается в том, что чувствует напряжение, которое неизбежно присутствует в новогорском воздухе? Через несколько дней стартует, предположим, очередное мировое первенство. Там будут и флеш-интервью, и пресс-конференции, и высказывания в неформальной обстановке. И везде мы слышим: «Атмосфера в сборной замечательная и дружественная»... Ну а как иначе? И лишь после турнира, и лишь при неудачном или совсем уж постыдном итоге, и лишь от самых думающих и самых смелых мы вдруг узнаём про отнюдь не радужные штрихи к той обстановке, которая была в сборной...

Единственное, что не фиксируется прессой, — плохие отзывы об атмосфере в сборной, добывшей золото либо как минимум серебро.

Потому что на самом деле только коллектив без явных трещин в своей конструкции способен на громкие свершения. Такие, после которых и тихим голосом не захочется упоминать о каких-нибудь мелких неурядицах, все-таки возникавших в команде.

Посему выходит, что в золотоносную эпоху Чернышева — Тарасова погода в их совместном доме была на уровне. В советское-то время невозможно было разоткровенничаться о том, что творится и даже творилось в сборной, — мало не показалось бы. Никому из чемпионов такое и в голову не приходило. Никто не выступал, да и никто бы и не напечатал закулисные откровения.

На самом же деле бывало всякое.

Разберем частности, из которых, как известно, и состоит жизнь. А в жизни спортивной детали внутренней кухни часто решают исход прилюдных сражений.

Натуры Чернышева и Тарасова были полярны, с какой стороны ни взглянуть на этот многоцветный многогранник.

Аркадию Ивановичу было комфортно, когда на душе был покой. Когда у каждого игрока и команды в целом всё было нормально. Он владел высоким искусством — примирять, а не есорить людей; спланировать их, а не разъединять; созидать, а не разрушать.

Анатолию Владимировичу покой мог только сниться. Его душа жаждала волнения и учащения пульса без каких-либо физических нагрузок; этот мотор был так оригинально сконструирован, что любые передышки наносили прямой вред его

мощности и долговечности. Он не задумывался всерьез о тех пагубных для коллектива последствиях, которые могли возникнуть из-за очередного инициированного им раздора. А последствия «климатических» трещин в команде непременно скажутся в ходе решающего матча, причем в самый неподходящий момент. Таков один из неписаных законов большого спорта.

Тарасовскую натуру характеризовала полемичность, зачастую этот бурный поток выходил через берега. Без срочного обсуждения новой идеи, пришедшей ему в голову вчера вечером, он утром уже никак не мог обойтись. Точно так же закипал, возражая редкому оппоненту, осмелившемуся высказать соображение, шедшее вразрез с генеральной линией партии и правительства в хоккее. Генеральной линией считал, разумеется, свою собственную. В родном ЦСКА ограничений каждодневному творческому фонтанированию не ведал и там каждый восход (а вставал он очень рано) начинал крестьянином, выходящим с плугом распахать необъятной ширины поле. Однако свой фантастический дар и неумный пыл в профессиональной дискуссии Анатолий Владимирович каким-то образом в сборной умудрялся унимать, полноводный поток втискивал в канал со строго обозначенными берегами и ограждениями. Признавал в Аркадии Ивановиче старшего по званию и, соответственно, по властным полномочиям; в глубине души помощником и тем более ассистентом себя, ясно, не считал; равноправный товарищ в связке, с правом, ну что уж тут попишешь, совещательного голоса. Но внешне старался закамуфлировать свое неприятие собственной второй роли. Для сохранения прочности союза и сохранения незыблемости собственных позиций в штабе.

Полемичность тарасовской природы имела и свои плюсы. Тормозил и беспокоил по любому хоккейному поводу старшего тренера сборной, заставлял вступать в дискуссию и перепроверять, всё ли они правильно делают, не надо ли что-нибудь подправить, добавить, освежить, и вообще — насколько оптимально построена работа тренерского штаба на текущий момент. Такая перепроверка вряд ли очень уж утомляла Чернышева, в принципе всегда готового обсудить наболевшее с помощником или игроком, но по своей натуре не склонного к колебаниям и шараханьям.

Профессиональные разногласия возникали, и это — нормальное явление, даже обязательное для творческого тренерского тандема. Обсуждение тренерами своих внутренних профессиональных разногласий шло только на пользу нашей сборной. И неизменно оставались их споры за стенами штаба, никуда вокруг не распространяясь.

Вулканическая натура выдающегося специалиста вмешала в себя куда большую угрозу для устойчивости тренерского штаба, чем потребность в постоянных жарких дискуссионных схватках на профессиональные темы. Тарасов считал необходимым конфликт в хоккейном коллективе, был последовательным сторонником той мысли, что тишь да гладь не позволяют высекать искры вдохновения у игроков, не зовут их на новые ратные подвиги. Это даже не тихая заводь, а болото с застоявшейся и не очень хорошо пахнущей водой. И потому, если нет конфликтной ситуации, ее следует... создать. Создать искусственно! Кому? Ему — наставнику. Кому же еще.

В армейском клубе такая практика существовала давно, и подчиненные Тарасова знали, что почем, понимали, как реагировать, не растрчивая зря нервные клетки. Сегодня он крайний, завтра — уже ты, послезавтра — еще кто-нибудь. А в сборной раздувание пламени одной невесть откуда взявшейся спичкой было чревато потерей управления; к тому же общий контроль за всеми участками работы осуществлял не Анатолий Владимирович, а Аркадий Иванович. И все же привычка — вторая натура...

Борис Майоров:

В 60-е годы сборная страны регулярно совершала турне по Канаде. Это Чернышев с Тарасовым считали совершенно обязательным для всех игроков; кандидаты в «основу» проходили серьезнейшую обкатку, и те из них, кто терялся во встречах с канадцами, обычно списывались с корабля; нас, уже опытных мастеров, напряженные встречи заставляли выкладываться полностью, и это помогало находиться в тонусе.

То утро в Виннипеге я запомнил хорошо.

Готовлюсь к раскатке в день матча. Одеваюсь и иду на лед. Я же капитан сборной и стараюсь никуда не опаздывать. Только сделал пару шагов, как слышу зычный окрик Тарасова:

— Молодой человек, вы опоздали на тренировку!

— Я не опоздал, Анатолий Владимирович. Вон на часах (показываю ему рукой в сторону огромных часов, висевших на торцевой стене) ровно девять.

— А я говорю — опоздали! Уйдите со льда и вернитесь сюда снова.

— Никуда я не пойду.

— Вон с тренировки!

— Пожалуйста...

Я отправился в раздевалку, где застал Аркадия Ивановича:

— В чем дело, Боря? (Так Чернышев называл меня в неофициальной обстановке.)

— Да Тарасов выгнал с тренировки. Сказал, что я опоздал.

— Ладно, раздевайся. И не бери в голову.

Возвращаемся с обеда и, проходя мимо полуоткрытой двери тренерского номера, слышим, как «старший» выговаривает на повышенных тонах помощнику:

— Да отстань ты от Майорова! Ну что ты к нему прицепился, в самом-то деле?!

Инцидент продолжения не имел.

Более наглядной иллюстрации беспокойности тарасовской природы буквально во всем, пожалуй, и не придумать. Вот вспыхнул, решил, что крайним сегодня станет спартаковец Майоров, — и баста! А что на огромных дворцовых часах стрелки показывали ровно 9.00 — не важно, даже не глянул в ту сторону. И то, что Борис являлся образцово-показательным капитаном сборной и не давал поводов для придирок в бытовых вопросах, — тоже не важно. И то, что, выводя из нормального психологического состояния вожака команды, тренерский штаб рискует тем, что в напряженный момент сегодняшнего матча тот не поведет за собой партнеров в атаку привычным образом, — тоже не важно. А что Майоров пользуется полным расположением со стороны старшего тренера — важно, конечно, но для Тарасова неприкасаемых не существует.

Разумеется, подобные «напряги» на ровном месте возникали в сборной не ежедневно и не ежечасно. Возникали, однако. Причем то, что Аркадий Иванович искусно и без промедлений гасил вспышки «праведного» тарасовского негодования и тем самым невольной и неизбежно демонстрировал промашку своего помощника, Анатолия Владимировича где-то в глубине души корбило, ну не могла такая острастка не покоробить. Как не могла поколебать привычку — вторую натуру каждого из нас.

И без того высочайший авторитет Чернышева и глубокие искренние симпатии к «старшему» среди лучших из лучших советских хоккеистов возрастали до небес после таких тушений локальных пожаров в стане сборной.

Станислав Петухов:

Не припоминаю, чтобы между игроками в сборной возникали какие-либо конфликты или недоразумения. Бывало, что парни из разных клубов дружили «по жизни». Выступая за родные клубы, мы рубились против друг друга не щадя живота своего. А в сборной были партнерами в игре и товарищами в быту.

Разделение одно все-таки было, оно не приносило вреда благодаря прежде всего Адику.

Было как: у цезковцев есть отец родной, у динамовцев есть отец родной, а у спартаковцев — нет никого. Они знали, к кому

прибьются. К Аркадию Ивановичу. Тот заступался за них, был как громоотвод. Борька Майоров верховодил в спартаковской тройке. Капитанскую повязку носил в клубе и в сборной. Видно, в «Спартаке» директиву получил — представляешь наш клуб в сборной... Грамотный. Умница. Характерец тот еще! Злющий по-спортивному. Братец младший, Евгений, в характере ему не уступал. В матче, если что не заладилось в звене, ключечкой могли огреть друг друга, чуть не до драки доходило!

Было даже так: все шли к Аркадию Ивановичу. И, не преувеличивая, скажу, что и армейцы тянулись к нему. Каждый, кто в сборной находился, мог заглянуть к нему в свободную минутку, чтобы обсудить что-то наблевшее или посоветоваться по любому вопросу, чаще не хоккейному, а житейскому. Отказа никто из нас не слышал, каждый после такой беседы возвращался довольным и успокоившимся. Сашка Рагулин заходил, Эдик Иванов, Костя Локтев, Веня Александров... Лидеры ЦСКА. Слышал, уже после того, когда я выбыл из сборной, что к Адику могли запросто заглянуть Валера Харламов, Боря Михайлов...

Роль Аркадия Ивановича в создании благоприятной атмосферы в сборной невозможно переоценить.

Валерий Харламов:

Старший тренер умел успокоить хоккеистов, смягчить темпераментные, порой резковатые, реплики своего коллеги, был весьма осмотрителен в выборе выражений и ничего не делал и не говорил, не взвесив предварительно все «за» и «против». К нему всегда можно было прийти и «излить душу», даже когда причиной огорчения были вовсе не хоккейные дела. Он слушал с видимым интересом и пониманием, а как важно чувствовать, что твои горести и сомнения не в тягость собеседнику, не отвлекают его от более важных дел!

Анатолий Владимирович не мог не знать про все эти приватные беседы с Чернышевым. Не мог не понимать, отчего это происходит; в том числе и из-за того напряжения, которое невольной создавал, и из-за тех конфликтных ситуаций, которые инициировал вполне намеренно. Не мог не признавать удивительную способность Аркадия Ивановича управлять атмосферными явлениями и гасить любую электризацию в воздухе, которым дышала сборная. Не мог не ревновать к такой повальной искренней вневедомственной любви к старшему по званию. Однако было это делом сугубо внутренним и закулисным, а значит, надежно сокрытым от любопытствующих сторонних глаз и ушей. Имиджу выдающегося советского «коуча» это никакого вреда не наносило. Ну и шут с ним, пусть

себе ходят к Адику ребята и разговаривают по душам. Сколько душе угодно пусть сидят в его номере...

В хоккее стрессовые ситуации искать не надо; они буквально на каждом шагу, наступают любого, будто окатывают ушатом ледяной воды. Уберечься от них нет никакой возможности, это все равно что бежать от широкого грозового фронта, накрывшего бескрайнюю степь... А есть ли в природе средство, если не лечащее сильнее психифизические нагрузки, то хотя бы существенно облегчающее их последствия для организма? Убежден, что оно под руками, да только далеко не у каждого. Только у того, кто дружит с юмором, кто в лучшем случае способен пошутить в напряженной ситуации, а в худшем — хотя бы оценить острое словцо.

Для игроков это невероятной силы снадобье. Женшень таежный и драгоценный! А для тренеров — могучее и, замечу, штучное, нередко именное оружие, благодаря которому они в состоянии почти из любой сложной ситуации с честью вывести свою команду.

Одно «но» — ни снадобье, ни оружие эти нигде не продаются и нигде их нельзя получить по административной разнарядке либо по элементарному благу.

Либо оно, чувство юмора, есть у человека — либо он обделен этим.

Большой удачей для нашего хоккея — и автор здесь несколько не преувеличивает и не приукрашивает — явилось то, что матушка-природа одарила чувством юмора и Чернышева, и Тарасова. Одарила щедро. Словно учитывая специфику их деятельности и ответственность перед народом за содеянное.

У кого из них это чувство было лучше развито, вряд ли кто возьмется судить. Да и не важно это. Важно, что оно было у каждого. И у каждого на свой манер. А еще важнее — оно никуда бесследно не пропадало, когда в самый нужный момент следовало смягчить напряженную ситуацию.

Без этой способности выходить относительно легко и уверенно из сложных ситуаций не справились бы они и с конфликтами, наверняка возникавшими между ними. И не сумели бы выдать золотую серию протяженностью в девять лет.

Борис Михайлов:

Помню, Олимпиаду выиграли. Улетаем в Москву. Состояние понятно какое. Мужики выложились и решили задачу. Ходим, ходим по аэропорту, ну, сами понимаете, хочется отметить это дело и расслабиться хоть немножечко. В ресторане заказан ужин на команду, но его еще ждать и ждать. Все маются и при-

кидывают, что бы такое придумать. Аркадий Иванович говорит Анатолию Владимировичу:

— Успокойте вы ребят наконец.

— А плохо не будет?

— Да все будет нормально.

И обращается к нам:

— Садитесь. Всем принести пива!

Вот это человек!

Спас нас! Я же не приукрашиваю. Каждый из нас был как натянутая струна. Олимпийский турнир в Саппоро выдался очень тяжелым. Да, считайте, весь сезон проходил для «сборников» под прессом: впереди Саппоро, там нельзя подкачать, надо в хорошей форме быть, надо, чтобы, не дай бог, травма какая-нибудь чертова не помешала... И вот эта кружка с пенящимся фирменным пивом сняла внутренний напряг. Казалось бы, мелочь, зачем об этом толковать, однако же я почему-то запомнил тот эпизод. Значит, он того стоил. А мелочей в тренерском деле вообще не существует, к такому выводу я пришел после того, как сам поработал на этой ниве более трех десятков лет. Клубы, сборную тренировал.

Не сказал бы, что Аркадий Иванович сыпал шутками налево-направо. Вообще не очень многословным был, хотя и общительным человеком. Зато если уж выдаст что-нибудь эдакое, то всегда в точку попадал.

...Играем мы на первенстве мира в Швейцарии со шведами. Проигрываем после второго периода. Дело даже не в счете, а в том, что играем ни шатко ни валко. Не включили полные обороты сразу же, вяловато период провели. Чернышев, как обычно, обождал пару-тройку минут, чтобы мы отдышались. Заходит в раздевалку и таким спокойным голосом, с такой даже улыбочкой обращается к команде:

— Ребята, ну как же вам не стыдно? Шведы же вчера нарушили режим, пьянствовали в гостинице. А вы мучаетесь с ними, обыграть их не можете!

И уходит.

Мы выкатываемся на третий период с одной мыслью — сейчас порвем этих шведиков! Четыре шайбы забиваем в легкую! Отгружаем им по полной. Как будто не мы в начале матча «тачку возили»...

И таких случаев много было, когда Чернышев решал непростые задачи какими-то только ему известными способами. Не напрягая нас, игроков, и не напрягая самого себя.

В той сборной, где мы с Харламовым и Петровым начинали выступать, главный хохмач был Женя Мишаков. Мой друг еще с юности... Вечно что-нибудь придумывал.

В той же Швейцарии база у нас была комфортабельная, с питанием шикарным. Места красивые, горы кругом. Иногда командой ездили на фуникулере. У входа в отель нас всегда встречал крупный такой негр в ливрее, швейцаром служил, помогал чемоданы гостям относить от автомобиля до холла. Что-то он к нам прикипел: «Раша! Хоккей!» Спросил Мишакова:

— Как по-русски будет «здравствуй»?

Ну Женька недолго думая и выдал швейцару чисто русское выражение:

— Пошли вы на ...!

Слово из трех букв четко выговорил, чтобы тот не ошибся.

Идут Аркадий Иванович с Анатолием Владимировичем. В хорошем настроении. Улыбаются приветливо негру:

— О, Ваня, привет!

А тот с белозубой широкой улыбкой как выдал:

— Пошли вы на...

Тренеры наши обомлели, сами понимаете. Оторопели! А мы-то в сторонке стоим и давимся от смеха, стараясь сохранять серьезные лица.

Первым пришел в себя Чернышев. Шагнул в сторону Женьки:

— Мишаков! Только ты мог такое сделать!

И никаких замечаний, никаких наказаний. Посмеялись все вместе от души и разошлись по своим номерам.

Для любого спортсмена дебют в сборной запоминается особо. И я не исключение. В 69-м на первенство мира нас целым звеном (Михайлов — Петров — Харламов. — Л. Р.) включили в состав; еще взяли Женю Паладьева, Володю Лутченко и Сашу Мальцева.

В ЦСКА нас селили с Володей Петровым, в сборной порешили не менять это. Обычный был день: потренировались, отобедали, и к нам заглянули Витя Кузькин с Виталиком Давыдовым:

— Давайте в картишки перекинемся.

— А если застукают нас?

— Не бойсь... К вам не зайдут.

Сели за преферанс. Отдыхаем. Видать, громко выражались. Вдруг стук в дверь.

— Кто там? — спрашиваю я.

— Борис, открывай немедленно!

По голосу сразу узнал Тарасова. Вот черт — влипли!

Один полез под кровать или в шкаф, другой — в туалете спрятался, а мы с Вовой залегли на своих кроватях. Затягивать паузу я уже не мог, пошел открывать:

— Чем вы тут занимаетесь?

— Да вот заснуть никак не можем, Анатолий Владимирович.

— Ну-ну. Отдыхайте. Силенок много потребуется.

И на удивление спокойно выходит из нашей комнаты.

У всех четверых — вздох облегчения.

Снова сели играть. И на радостях не обратили внимание на туза бубнового — на столе остался, когда я карты собрал и спрята-тал в тумбочке где-то.

Вечером Тарасов вызывает нас с Петровым:

— Вы же в карты после обеда резались! Вы что творите?!

— Да нет, показалось вам, Анатолий Владимирович, — оба возражаем и мнемся при этом.

— Показалось, говорите. А почему туза бубей не спрятал? Не успел?

Спускаемся втроем, с Харламовым еще, вниз по лестнице, а навстречу — Аркадий Иванович:

— Что это вы такие хмурые идете? Ну-ка признавайтесь.

— Да вот Тарасов распекал нас в хвост и в гриву. Перекину-лись в картишки после обеда.

Назавтра Тарасов вызывает меня:

— Ага, Аркадию Ивановичу жаловаться на меня решили. Да я вас сгною! Картежники хреновы!..

А первый же для нас чемпионат мира, всё близко к сердцу принимали. Ну, думаем, по такой-то глупости проштрафимся.

Время какое-то проходит, а нас никуда не вызывают, никто не наказывает. Так и не вызвали и не наказали.

Как потом узнали, Чернышев погасил разгоревшийся костер:

— Ну, играли они в карты. Ничего же страшного не натвори-ли. Толя, да отстань ты от них. А то на них лица нет...

...В Саппоро на Олимпиаде пришли мы своим звеном в баню. На японский манер она была. Разместились и лежим себе тихонько, мирно. Аркадий Иванович еще раньше туда пришел. Заметил нас и серьезным тоном говорит:

— Что это вы разлеглись-то? Лишний вес сгоняете?

— Да так просто, Аркадий Иванович, зашли погреться. Чу-ток расслабиться.

— Ну а с весом-то как дело обстоит? Сколько в прошлом году было у вас?

Каждый назвал честно свой вес.

— Ну ясно — в прошлом году вы прилично играли!

Закрыв глаза и лежит, а ты что хочешь теперь, то и думай. Мы порешили — надо уходить отсюда от греха подальше.

А он так подкалывал игроков в минутку отдыха. Вроде бы и по-доброму, но сразу и не поймешь, что к чему: а вдруг серьезно?

Благодарен Борису Михайлову за добрую память об Аркадии Чернышеве. За такое точное воспроизведение бытовых картинок советской сборной конца 60-х — начала 70-х. За такое внимание к мелочам, которых, как сам Борис Петрович

подчеркнул, в профессиональном спорте не бывает. Всё имеет свое значение. Только далеко не всё поддается измерению до микронов и взвешиванию до миллиграммов. Нет и не будет изобретено аппаратуры, способной точно оценить влияние благоприятного психологического климата в команде на ее продвижение по турнирным лестницам. Зато ни один хоккеист, побывавший в серьезных боях, не станет отрицать важность состава воздуха, которым дышала его команда на пути к высоте. С подъемом, известно, кислорода становится все меньше — такой тренер, как Чернышев, будто всегда и везде носил с собой для игроков кислородные подушки, которые для сердечников наполняют в аптеках; оберегал сердца спортсменов от негативных эмоций и обеспечивал их ровное и мощное биение.

Анатолий Тарасов:

Что лучше: подбирать игроков в соответствии со сложившимся обликом команды либо, напротив, формировать почерк команды в зависимости от того, какие подобрались игроки? Полагаю, что при всей склонности Чернышева к одной из этих концепций, секрет его мастерства состоит как раз в отсутствии предубежденности. Если вы сумеете убедить его в целесообразности ваших предложений, он никогда не произнесет «Нет!» из амбиции, то есть только потому, что эти соображения высказаны не им. А уж то, что ваши доводы он будет слушать недоверчиво и даже после того, как все его возражения будут исчерпаны, предсказать отмерить не семь раз, а много больше, — что ж, такова его манера, и в первый период совместной работы она и мне казалась несколько странной. А потом я был ей лишь благодарен, ибо именно эта неторопливость, неспешность Чернышева в выработке принципиальных решений уравновешивала в нашем тандеме полюса.

Повторю еще раз: таких, как Аркадий Чернышев, наша хоккейная история не знала. И в таком весьма зыбком и тонком компоненте, как психологическая готовность сборной, он является и по сей день непревзойденным мастером.

А еще автор благодарен Михайлову за объективный, здравый взгляд на те славные события. Тарасов нашел его в «Локомотиве», позвал в ЦСКА и слепил из него вожака клуба и сборной. Слепил звезду из хоккеиста, который от природы был одарен одним — волей, устремленностью. Борис Петрович боготворит Анатолия Владимировича. Что не мешает ему отдавать должное Аркадию Ивановичу. Дорогого стоит.

Их, поигравших у Чернышева и Тарасова, остается всё меньше... И хорошо, когда удается услышать участников тех славных

побед, узнавая подробности тех далеких событий, оживляющие голую хоккейную статистику: заброшенные шайбы, пасы, штрафное время...

МЕТОДА

Для «игровика» тренировка — будни, а матчи — праздники. Вот они и вкалывали в будни одновременно с трудящимися и в долгожданную субботу либо воскресенье дарили им и себе хоккейное зрелище. Если календарь предоставлял возможность гульнуть от души еще посреди недели, то и вовсе душа пела у тех и у других.

Ныне такой распорядок труда и отдыха размыт. Играют чуть ли не через день, еле-еле успевая тренироваться, да и то лишь для поддержания формы, а не для совершенствования профессиональных навыков. Выходных у граждан два, а у кого-то на производстве и больше из-за всяких кризисных явлений в экономике.

Прежде тренировались всё свободное от игр время. Стоит или не стоит загружать хоккеистов ежедневно интенсивным трудом, повышающим мастерство, которое, в свою очередь, повышает качество народного зрелища и которое впоследствии, ближе к концу сезона, позволяет наиболее достойным спортсменам радовать народ своими выступлениями на Олимпиадах и мировых первенствах? Так вопрос не стоял. «Надо, Федя. Надо!» Надо, чтобы трудились. Чтобы качественно питались в клубе. Чтобы соблюдали режим дня и, главное, «спортивный режим». Чтобы дышали озоном на загородной клубной базе. Чтобы были при деле. И вообще, чтобы каждый — сознательный и не слишком — был под контролем наставника команды.

Наставник московского «Динамо» придерживался установленного в советском спорте ГОСТа. Подчинялся общему порядку, ведь сам являлся нанятым работником, имевшим массу обязанностей и неменьший перечень того, за что нес ответственность. Так, если игрок, взрослый мужчина, вляпывался в какую-нибудь бытовую историю с зафиксированными в милицеском протоколе подробностями, отвечать приходилось его начальнику по работе — старшему тренеру, который, значит, ведет воспитательную работу в коллективе на недостаточном высоком уровне.

Однако и в насквозь регламентированном советском обществе находились руководители, которые даже в жутко стесненных условиях как-то умудрялись превращать трудовые будни почти в праздник. Давали своим сотрудникам дышать полной

грудью. Мало таких встречалось, зато ценили их. И что примечательно — сами они ничего примечательного в своей деятельности не видели.

Аркадий Чернышев относился к этой категории ни на кого не похожих руководителей.

Он не являлся обычным наставником, который на каждом занятии гоняет своих парней в хвост и в гриву, выжимая все жизненные соки и напрочь отбивая охоту к этим спортивным будням. Являлся тренером, для которого существовали категории более значимые, нежели результат завтрашней встречи со «Спартаком» или ЦСКА, нежели та ступенька пьедестала, где окажется по весне его «Динамо», и даже более значимые, нежели то, как финиширует сборная страны на очередном мировом первенстве. Аркадий Чернышев являл собой образец тренера-наставника. Самобытного специалиста и мудрого и чуткого педагога. Образец настолько редкий и яркий, что, по свидетельствам многих мной опрошенных хоккейных людей, близко похожего на него не появлялось на нашем горизонте...

Как тренировал? Чему учил? Что требовал в первую очередь? Какие игроки были в его вкусе? Что переносил с трудом либо вообще не переносил? Кто были у него «отличники» и «троечники»? Были ли у него неприкасаемые?

Ответы на естественные вопросы о профессиональных подходах Аркадия Чернышева пришлось отыскивать с трудом, а кое-что воображать и домысливать. Собственно, как и всё, что касается карьеры и судьбы этого выдающегося специалиста. Про Тарасова, кажется, известно уже всё, даже больше, чем при его жизни; про Эпштейна написано, про Кулагина, о Боброве немало можно узнать, о Тихонове... О Чернышеве? Ну слово табу какое-то существовало десятилетиями.

Еле-еле удалось отыскать публикацию 1986 года, где спустя 12 лет после завершения тренерской карьеры, в день своего семидесятилетия Аркадий Чернышев в двух больших абзацах обрисовал свое профессиональное кредо:

Тренер — это прежде всего педагог. Человек, не владеющий собой, не умеющий опереться на силу и способности коллектива, подогнать в нем всё к месту, сплотить его, сделать так, чтобы он трудился бесперебойно, не годится для нашего дела. Естественно, тренер обязан досконально знать свдй вид спорта, жить любимой игрой. Его трудолюбие должно быть неисчерпаемым. Я не представляю себе тренера, не наделенного наблюдательностью. Своих и «чужих» игроков надо знать во всех подробностях, знать их сильные и слабые стороны, кто на что способен. Только при этом условии могут быть реальными поиски, идеи, стра-

тегия, тактика. В конце 40-х — начале 50-х годов нам удалось отыскать в результате скрупулезного индивидуального отбора из русского хоккея Сашу Уварова, Валю Кузина, Юру Крылова, которые выросли в чемпионов мира, Европы и Олимпийских игр.

Уважаю специалистов, умеющих разговаривать со спортсменами, не навязывая своего мнения, — по-отцовски. Работа с людьми — искусство. Не овладел им — не берись за тренерское дело, какое бы у тебя ни было громкое имя. Всегда надо исходить из конкретных возможностей, а не витать в облаках. Каждый спортсмен четко должен знать, чего от него хотят в игре. Далеко не всё можно решить на собраниях. Многого можно добиться убеждением. Наставник должен быть терпеливым, хладнокровным, уметь ждать — ведь не каждый может показать себя или восстановить форму за одну-две игры. И еще. Учить надо не только тому, что ты умел сам. Этого мало. А чтобы дать больше, надо самому учиться, в том числе и у игроков...

Чудом опубликованная и чудом сохраненная «аннотация» тренерского кредо Аркадия Чернышева, чудом написанная самим Аркадием Чернышевым, содержит целую цепочку путеводных слов. Их каркас составляет памятку для хоккейного тренера.

«Педагог». Своим поведением подавай пример и спланируй коллектив на решение больших задач.

«По-отцовски». Так общайся с игроками.

«Искусство». Помни, что работаешь с людьми.

«Поиски, идеи, стратегия, тактика». Постоянно находишься в состоянии творческого порыва.

«Убеждение». Наилучший способ донести свои мысли до игрока.

«Учить и учиться». Не почивай на лаврах своего спортивного прошлого, а учись сам у игроков.

«Наблюдательность. Терпеливость. Хладнокровие. Трудолюбие». Качества, без которых тренеру не обойтись.

Аннотация выдает Чернышева как одаренного педагога и настоящего интеллигента, как устремленного к высокой цели тренера, не считающего все средства при этом для себя пригодными. Как тренера-наставника, относящегося к спортсменам почти по-родственному и взваливающего на себя ответственность за их судьбу в спорте и, допуская, за их судьбу в дальнейшей жизни. Как именитого хоккейного специалиста, способного учить и учиться у тех, кого пестует.

Владимир Юрзинов:

Чернышев вписал столько незабываемых страниц в нашу хоккейную летопись, что их стоит перечитывать каждый день.

Аркадий Иванович ни на кого не похож, и его нельзя с кем-нибудь сравнивать. Исключительная личность!

Адик назначил меня капитаном «Динамо», когда мне едва стукнуло 22 года! Правда, я уже выступал за мастеров около пяти сезонов, привлекался в первую сборную страны. Но все равно я не видел, за какие такие заслуги я в один прекрасный день надел капитанскую повязку. Да и не принято было в те времена, чтобы высокую честь оказывали хоккеисту, не достигшему даже среднего по спортивным меркам возраста.

Как и почему Чернышев пришел к такому решению — нестандартному и очень рискованному шагу? Я до сих пор, прожив в тренерстве более сорока лет, так и не понял этого...

Но самое интересное, что ко мне прислушивались даже заслуженные динамовские ветераны! И скоро я ощутил себя полноценным капитаном московского «Динамо».

Адик назначил меня своим помощником, когда я только перевалил тридцатилетний рубеж! Являлся играющим тренером. А разве это не поразительное решение Чернышева? То замечательное время позволило мне подпитываться от Аркадия Ивановича, находясь в шкуре начинающего тренера, что стало бесценным для моего дальнейшего прогресса в профессии.

Удивительно, что Аркадий Иванович не имел высшего образования. Ни спортивного, что не помешало стать выдающимся тренером; ни военного, что не помешало дослужиться до звания полковника.

По моим ощущениям, Аркадий Иванович особо не переживал из-за того, что не довелось слушать лекции профессоров и доцентов, сдавать зачеты и экзамены. Зато всячески приветствовал у игроков тягу к знаниям и к получению высшего образования. Заболтался о нашем послеспортивном будущем...

Известно, что корочка об окончании института еще ни о чем не говорит... На сей счет у Чернышева имелись свои противовесы. Работа в структурах госбезопасности позволила приобрести поведенческие навыки и умение работать с людьми. Отучившись перед войной в Высшей школе тренеров, получил достаточно обширный багаж тренерских знаний. Обучая во время войны бойцов военно-техническим дисциплинам, приобрел педагогические навыки. Самообразованием занимался с молодости. Сплав получился весьма основательный и многопрофильный. И особо жалеть о том, что не просидел пять лет в институтских аудиториях, не приходилось. Туда не поступил из-за того, что после смерти отца надо было помогать сестрам материально, и он устроился рабочим в ЦАГИ...

Большинство тренеров родом из бывших игроков. Как их прошлый спортивный опыт влияет на будущий тренерский

стиль, не возьмусь судить. Но что влияет — можно сказать определенно.

До войны Аркадий Чернышев играл в футбол и в хоккей с мячом. Причем не просто играл, а играл на самом серьезном уровне. Выступал за команды мастеров московского «Динамо» по этим популярнейшим тогда в стране видам спорта. Не лишним будет, если снова укажу его спортивные титулы предвоенной поры: двукратный чемпион СССР по футболу и четырехкратный обладатель Кубка СССР по хоккею с мячом.

Каким же был он игроком?

Михаил Якушин, легендарный динамовский наставник в футболе и хоккее с мячом:

Как игрок — удивительно вынослив, радиус его действий простирался по всему полю. В хоккее с мячом был неудержимым крайком, с левым хватом клюшки, что, разумеется, создавало немалые для противника трудности. В арсенале — сильный и прицельный бросок, молниеносной рывок с места. Глубоко разбирался в тактических хитросплетениях. Создатель, творец ярких комбинаций. Играть с ним — что в футбол, что в хоккей — было одно удовольствие. Необыкновенный умница.

Впечатляющий портрет Чернышева-спортсмена нарисовал Михаил Иосифович!

После войны, когда неожиданно-негаданно на необъятные просторы Советской державы проник «канадский» хоккей, вот такого славного многогранного спортивного прошлого и не было у тех, кто Чернышеву вослед принялся культивировать и развивать «шайбу» на нашей почве. Ни у Анатолия Тарасова, ни у Владимира Егорова, ни у Александра Новокрещенова, ни у Николая Эпштейна (прилично играл в футбол после войны в Челябинске), ни у Дмитрия Богинова (как «русач» котировался до войны в Ленинграде)... Ни чемпионами, ни призерами Союза в футболе и в русском хоккее никто из них не был.

Славное спортивное прошлое обогащает впоследствии тренера, обогатило и оснастило оно и нашего первооткрывателя хоккея с шайбой. Звездное прошлое зачастую как раз мешает здравости восприятия игроков своей команды — но Чернышев побывал в чемпионах, а в звездах не числился. И это тоже благоприятствовало его тренерскому самобытному становлению.

По футбольному амплуа являлся стоппером, выступал и полузащитником. В русском хоккее являлся форвардом. Опять же, побывав на всех позициях кроме вратарской, создал, сам того не осознавая, задел на тренерское будущее в хоккее с шайбой. И хорошо, что на последнем рубеже обороны не успел поиграть. Не случайно же что в хоккее, что в футболе очень

редко мы видим за тренерским штурвалом бывших вратарей. Их восприятие событий на площадке и на поле специфическое, в лучшем случае позволяющее трудоустроиться в клубы тренерами по вратарям. А Чернышев видел игру с различных позиций, он изучил своими ногами и своими глазами игровое поле вдоль и поперек.

В лихой спортивной молодости предвоенных лет Чернышеву посчастливилось познакомиться с братьями Борисом и Виталием Аркадьевыми — футболистом и фехтовальщиком, позже оба стали столпами тренерской мысли в своих видах спорта. Познакомился, регулярно общался и живо обсуждал дела спортивные на серьезном методическом уровне. Раиса, сестра Аркадия, вышла замуж за Виталия. Влияние Аркадьевых на формирование личности Чернышева было огромным и благотворным. Интеллект и интеллигентность братьев, их творческий подход к профессии, их незашоренный взгляд на технику и тактику, на психологию, на всё, что касалось воспитания спортсменов высшего класса и на прогресс самого спорта, подкупали и притягивали, щедро обогащая будущего русского пионера канадского хоккея.

С таким вот многоплановым и объемистым багажом Аркадий Чернышев пришел в заморскую игру.

Успел забросить первую шайбу первого чемпионата СССР и стать в составе московского «Динамо» первым чемпионом страны в новом виде спорта.

И стал тренером в родном еще с довоенной поры клубе.

И мог столкнуться с очевидной проблемой. Ведь среди динамовцев были люди практически его поколения. Тот же Николай Поставнин. Авторитетный мужик! На предложение пойти в тренеры ответил отказом, мотивируя тем, что как игрок больше клубу пользы принесет. Зато кандидатура Чернышева ни у кого не вызвала сомнений или скепсиса. И сразу же, без какой-либо нарочитости, все игроки стали обращаться к нему по имени-отчеству. Так и только так!

Имея за спиной прошлое классного футболиста и «русача», имея авторитет среди тех, с кем еще совсем недавно выходил на площадку, Чернышев активно догрузился в пучину нового хоккея и стал искать свой путь в нем.

Ему претили командирские замашки, ему чужды были якобы педагогические подходы кнута и пряника, сразу избрал демократическую форму своего правления, «впрочем, всегда сохранял дистанцию в коммуникации с командой.

Станислав Петухов:

Аркадий Иванович на тренировку всегда одевался так, чтобы тепло и удобно было. Дубленка венгерская с кушаком — не спор-

тивно, зато мороз и ветер был нипочем, шапку наденет пыжиковую — завяжет сзади, чтобы уши не мерзли. Свисточек старенький в руках. Не особенно, правда, свистел. Ключку изредка брал. Мы ее, чернышевскую, «смычком» называли. Поначалу возьмет ключечку — так, с «окаяшки» (правый хват клюшки, когда нижняя рука правая. — Л. Р.): «Что-то мне не нравится — дай другую...» Мог рассказать всё доходчиво, хорошо владел речью. Объяснения, что и как выполнять, почему надо так, а не эдак, были на высшем уровне.

Виталий Давыдов:

На Аркадия Ивановича каждый смотрел снизу вверх. Уважением пользовался колоссальным. Но это еще не всё. Он вызывал у нас симпатию, его человеческая теплота по отношению к игрокам запускала и ответную реакцию. Мы не боялись старшего тренера, зато были готовы выполнять всё, что укажет. Мы тянулись к нему, если можно так сказать, как к опытному, доброму и внимательному учителю.

Между собой называли его Адиком. Тепло и уважительно. Как-то по-родственному. Но никто не осмеливался, конечно же, так обратиться к нему напрямую. А то я слышал в чьих-то измышлениях в прессе в 90-е годы, что якобы любимчики могли себе позволить так к нему обратиться. Ерунда полнейшая! Да и любимчиков, строго говоря, у него не было. Были талантливые ребята, и их Аркадий Иванович привечал. Не без того. Но это как-то не выпячивалось и не задевало остальных игроков.

Представляете — при таком авторитете он советовался с игроками!

Эта привычка была у Аркадия Ивановича еще со времен работы с первым поколением динамовцев. Звал ведущих ребят для того, чтобы в спокойной обстановке обсудить, в чем можно прибавить в их игре, что устранить, как внести что-нибудь новое в игровую рисунку. Обычно звал по звеньям. Кузин, Уваров и Крылов — первая тройка в «Динамо» была, постоянно в сборной выступала. С ними регулярно обсуждал их игру, вообще качество игры команды и ее результаты. Потом вызывал пару защитников... И это были очень полезные обсуждения, потому что наш тренер первым делом старался выслушать, что сами игроки думают о текущих делах, что они в ходе конкретного разговора готовы предложить. «Сам», конечно, тоже выдавал свои комментарии, но спокойно, не давил своим авторитетом. Шел обмен впечатлениями. Деловой, честный, нормальный мужской разговор.

Такую практику продолжил и в работе с моим поколением в 60-е годы. Юрзинова Володю, Стаса Петухова частенько звал, Юру Волкова, меня...

Станислав Петухов:

Эти чернышевские «тренерские советы» потом перенял и взял на свое вооружение Тарасов. Придумал женсоветы. Если надо было кого-нибудь пропесочить или встряхнуть, собирал жен армейцев и обсуждал проблемы их мужей...

Виталий Давыдов:

Я уже когда тренером стал, попробовал тоже эти женсоветы собирать. Быстро отказался. Слышал только взаимные претензии: а вот почему тому-то дали квартиру, а моему ни шиша... А толку никакого. Один вред. И потерянное впустую время. Да еще разнервничаешься там с ними.

Вспомним, как Чернышев в 54-м на дебютном мировом первенстве не чурался советоваться с игроками, которые были уже взрослыми мужиками, кое-что в жизни повидавшими, кое-чего хлебнувшими, а один, Сологубов, — и повоевать успел, и ранение получил. Всё же было внове, и в особенности внимание привлекли, естественно, родоначальники хоккея — впервые живьем их игроки увидели... Полагаю, те обсуждения помогли игрокам и самому Аркадию Ивановичу, поспособствовали здравости мысли и боевитости всей советской дружины.

Практиковал это и позднее.

Эти «летучки» всегда облагораживали психологический климат и в сборной, и в «Динамо»; польза была сколь очевидной, столь и неприметной. Дышать становилось легче — как после обильного июльского ливня. Только летом такая свежесть быстренько улетучивается под натиском зноя, а в хоккейном коллективе никуда не исчезает, повышая его боеготовность к решающим поединкам.

Чернышевские «летучки»... Он был автором, и он внедрил их в спортивную жизнь.

Тонкий и при этом естественный ход. С риском чересчур сблизиться с подопечными и в перспективе докатиться до панибратства. Однако Аркадий Иванович обладал великолепным чувством дистанции, не зря же хорошо водил личную «Волгу», без приключений отмахивая полторы тысячи километров туда и обратно при семейном отпуске на Черном море. Никто не осмеливался в отношениях с Адиком перейти черту дозволенного.

Демократичность Чернышева — настоящая и с сохранением крепких моральных устоев, его безусловного единоначалия в зрелом коллективе — явление в истории отечественного спорта.

Автор не слышал ничего подобного. В хоккее определенно не слышал.

Кто-то из ветеранов поведал, что Тарасов пробовал вести душевные беседы с подчиненными, однако надолго они не затягивались и завершались вполне по-армейски: «Будет так, как я сказал!»

Анатолий Владимирович был при этом абсолютно логичен, ибо статус тренера в жесткой мужской коллективной игре равносителен должности командира роты специального назначения. Вмиг коллектив рассыплется при слабине тренерской воли и скудоумии мысли, едва попадет под жернова команды-соперника с командиром, у которого рычаги управления наточены до бритвенной остроты.

Чернышевские «летучки» — сугубо его изобретение.

Исходя из собственных педагогических представлений выстраивал взаимоотношения с каждым игроком в отдельности и с командой в целом. Познания об этом он не почерпнул в заумных пособиях по психологии или по педагогике, не услышал и законспектировал на лекциях и семинарах в профильном институте; они накапливались естественным образом годами еще с юности, когда оказался он под благотворным влиянием уникальных творцов и настоящих русских интеллигентов братьев Бориса и Виталия Аркадьевых. Это проистекало прежде всего от особенностей чернышевской природы, которую холил и лелеял в том смысле, что не шел наперекор ей, существу своему, несмотря ни на какие ветры в природе и веяния в обществе. Достаточно вспомнить историю чернышевской беспартийности. Историю несслыханной принципиальности и дерзости, какой-то отчаянной рисковости, когда под гарантированный почти удар поставил собственную тренерскую карьеру с невозможностью впоследствии что-либо подправить, изменить, улучшить. Историю, как-то совсем не вяжущуюся с чернышевским образом мягкого и бесконфликтного интеллигента.

Среди людей с чемпионским прошлым редко взращиваются тренеры с диктаторскими замашками. Напротив, даже те, кто становился в молодости первым среди множества претендентов, обычно испытывают некоторый дефицит жесткости в обращении со спортсменами.

Чернышевская рисковость — штрих к его портрету сочный, без преувеличения смачный и абсолютно неизвестный, будто нарочно надежно припрятанный или искусно замаскированный и при его жизни, и тем более два десятилетия спустя.

Рисковал ли он, устраивая творческие посиделки с подопечными? Рисковал. А как же иначе! Игроков ведь поднимал в их собственном восприятии, из исполнителей его тренерской воли превращая на эти удивительные минуты в соратников, — себя же снимал с тренерского пьедестала и отправлял «в на-

род». Как показывала жизнь, риск был оправдан и никаких негативных последствий не имел.

Ну и как от такого тренера-наставника, учащего уму-разуму и в спорте, и в жизни куда-нибудь уйти? Взять да и метнуться в другой клуб, преследуя какие-нибудь меркантильные либо честолюбивые цели?

От Чернышева практически никто и не уходил. Не смел и помыслить о подобном.

Вовсе не из боязни долгих административных разбирательств, а просто потому, что к хорошему быстро и накрепко привыкаешь, потому, что нормальные люди от добра не ищут добра.

И то правда, что в советском хоккее переходы спортсменов бывали не то чтобы явлением исключительно редким, но определенно нечастым. Распространен был клубный патриотизм, который считался нормой спортивного поведения. Как это ни с того ни с сего покинуть клуб, где тебя воспитывали с младых ногтей? Бросить давнишних товарищей, бросить коллектив, ставший родным, расстаться с тренером, который столько лет с тобой возился? Наконец, как можно болельщикам твоего клуба изменить? Административные препоны имелись, нормально, строго юридически оформленного контракта не было. Большинство мастеров всю карьеру проводили в родном клубе и ни о каких трансферах не помышляли. Кадровые перемещения имели под собой какие-то серьезные причины и поводы, становясь событиями, которые оживленно обсуждали в хоккейном мире.

К Чернышеву в «Динамо» переходили охотно, когда получали приглашения. Впрочем, и это являлось событием во всесоюзной хоккейной хронике. А чтобы уйти от него? Самолично взять да уйти?

Один только случай приходит на память.

Оставить его без внимания нельзя. Тем более что с Аркадием Ивановичем решил расстаться игрок основного состава и, что еще более важно, динамовский воспитанник — Валентин Марков, защитник-разрушитель.

Наблюдая за ним с верхотуры лужниковского Дворца спорта, динамовский болельщик не получал отрицательных эмоций. Всё в целом было при Маркове. Габаритный. Физически достаточно мощный. Катил нормально. Самоотверженность и самоотдачу проявлял в каждом матче. Однако специалист или болельщик с наметанным глазом мог обнаружить некоторые шероховатости в его действиях, что тем не менее не мешало Валентину годами выкатываться на лед в стартовом составе московского «Динамо».

Так что же явилось помехой его дальнейшей хоккейной службе под началом Чернышева?

Молва приписывала Чернышеву устойчивую неприязнь к этому игроку и неспособность найти с ним общий язык. Верилось в это и не верилось одновременно.

А почему, собственно, старший тренер, даже такой интеллигентный и человечный, не имеет права испытывать к кому-нибудь антипатию? Что, разве Аркадий Иванович похож на человека, боящегося, не дай бог, испортить с кем-то отношения? Ничего же похожего не было.

В то же самое время я с трудом представлял себе, чтобы кто-то из хоккеистов вообще и тем более из динамовцев не нашел бы с ним взаимопонимания. Никакого напряженного труда и богатого воображения не доставало, чтобы поверить в такую несурязицу.

Виталий Давыдов:

Сразу же отмету всякие вымыслы и подозрения. Не скажу, что Аркадий Иванович не нашел общего языка с Марковым. Нет, здесь совсем другая история. Не совсем обычная. Я хорошо знаю, в чем там было дело.

Валя Марков — это же наш воспитанник. Динамовский. Подчеркиваю этот факт не потому, что у тренера к приглашенным ребятам было более прохладное отношение. Нет. Наши воспитанников что отличало? Добросовестность. Порядочность. Ответственность. Такое, знаете ли, повышенное чувство ответственности. Потому что тренеры у нас в школе были людьми очень уважаемыми. Помню своего учителя Илью Васильевича Бизюкова. Помню Владимира Ивановича Хайдина. Пропадали вдвоем на катке, на морозе, с утра до вечера. Иной мальчишка придет и переминается с ноги на ногу, робеет, боится два слова сказать. Они к нему подойдут обязательно: «Принес форму, пацан?.. Ну и хорошо — иди переодевайся и вперед! Научим тебя играть». Школьные тренеры находились под влиянием Аркадия Ивановича, и этим все сказано.

Валя Марков еще мальчишкой занимался в нашей школе и вырос до команды мастеров.

Была у него особенность в характере. Одному тренер сделает замечание — принял к сведению, учел на будущее. Другому что с гуся вода, но у Чернышева таких и не было. А третий разволнуется вдруг... Такие, конечно, редко встречаются. Валя реагировал на замечания чересчур остро, болезненно их воспринимал. Причем замечания получал только по игре, по отношению к делу никакие претензии в его адрес никогда не высказывались. Такой немного нервозный парень.

Аркадий Иванович сделает ему замечание по его игре, а тот что-нибудь фыркнет в ответ. Не возражал, ни в коем разе не

дерзил, а так вот реагировал. Ну, Аркадий Иванович его на место быстро ставил.

Сколько мы с Валеи вместе играли! Хороший защитник. Нормальный. Только на тренерские замечания реагировал ненормально. Мнительный человек. Скажешь ему, что плохо вчера матч отыграл, так он потом ночью будет плохо спать и все мучиться: «Почему я плохо играю? Что мне делать?..»

Придет ко мне:

— Виталь, ну что мне делать-то?! Опять получил от тренера...

— Валь, продолжай играть спокойно. А замечания Адика учти.

— Учти, учти...

— Валь, ну бывают моменты — не всегда же гладко идет.

Что, думаешь, я от Адика никогда не получаю?

— Сравнил тоже — себя и меня!

— Ну говорю тебе — нельзя же забивать голову, что ты какой-то не такой. Хороший ты защитник. Нормальный. Фактуристый. Хорошо играешь в тело. Но бывают у тебя с пасом нелады. Если бы у тебя лады с пасом были, то ты был бы вообще супер!..

Валентин уходил немножко ободренный, а потом начиналась старая песня...

Из-за чего всё же он решил уйти? Не знаю. Отдельного разговора у меня с Валеи не было, когда он написал заявление об уходе. Сыграло роль то, что не всегда Аркадий Иванович начал Маркова в состав ставить. Может, это повлияло...

Какой-то ссоры с Аркадием Ивановичем у Валентина не было. Точно помню, что не было.

Я вообще не видел, чтобы какой-нибудь игрок динамовской команды когда-либо вступал в пререкания с Аркадием Ивановичем.

Марков перешел в московский «Спартак».

Отыграл там несколько сезонов. На своем уровне — среднем, с небольшими колебаниями вверх-вниз. Претензий по самоотверженности и самоотдаче к нему по-прежнему не было. Про какие-то трения со спартаковскими тренерами слышать не доводилось... Заканчивал в саратовском «Кристалле».

И хорошо, что такая у Чернышева вышла размолвка-разлука с хоккеистом. Одна-единственная. А то уж какая-то совсем безоблачная картина его взаимоотношений с игроками складывалась. Какой-то слишком радужной, переходящей в лубок становилась...

Тучкой одинокой на фоне ясного неба ту историю с Валентином Марковым я бы, однако, не назвал.

У скаутов Национальной хоккейной лиги, разъезжающих по миру в поисках новых Гретцки и Лемье, имеется обширный список профессиональных терминов. При изучении этого

списка я наткнулся на очень важное, как мне представляется, понятие — «коучейбл». В переводе — обучаемость: восприимчивость к тренерским замечаниям. Указал тебе наставник на допущенную ошибку — старайся больше ее не допускать; если она частенько у тебя повторяется, то начни с того, чтобы она случалась пореже, и постепенно искорени ее вовсе. У динамовского защитника оборонительного плана, мастера спорта Валентина Маркова такая восприимчивость напрочь отсутствовала. И не из-за безразличного отношения к собственной игре или непонимания тренерских требований, а, наоборот, из-за мнительности и обостренного чувства ответственности.

И ничего с этим Чернышев поделать не сумел. Тренер же, а не психотерапевт, о коих тогда и слыхом не слыхивали.

Вины ни тренера, ни игрока в том расставании не усматриваю. И такое в хоккее случается.

Бывает, что капитаном популярной команды становится молодой человек, едва переваливший за двадцатилетний рубеж. Редко, но бывает. Это зависело от личностных качеств капитана и тренера, оказавшего ему высокое доверие.

«Физику» в хоккейной школе никто не любит. И не оттого, что больно мудреная штука, а как раз оттого, что очень уж заунывная, монотонная и вынуждающая потеть до посинения и ряби в глазах. Физическую подготовку кто легче переносил, кто тяжелее, однако все относились к ней как к гражданскому долгу спортсмена: ну нельзя без нее. А еще относились... как матери советских времен к заготовкам на зиму: собирали летом ягоды да по осени грибки — морозили, закатывали в банки; огурчики, капусточку, перчик, чтобы зимой дорогих гостей попотчевать и чтобы знать, что кое-какие припасы в доме имеются. Так и хоккеисты в летнюю жару запасались физической готовностью на предстоящий сезон. В ходе же самого сезона занятия проводились, однако далеко не в таких объемах, разумеется.

Удивительно — ни от кого из динамовцев, прошедших школу Чернышева, не приходилось слышать жалоб на жуткую предсезонку: потеря аппетита, зыбкий сон, «оловянные» ноги... — и всё из-за страшных нагрузок без продыха. Однако, что еще удивительнее, московское «Динамо» отличалось стабильно хорошей физической формой в течение осени, зимы и весны.

Станислав Петухов:

На стадионе «Динамо», имею в виду всю территорию, было абсолютно все необходимое для занятий команды по физподготовке. Аркадий Иванович использовал такие возможности, это

же позволяло никуда специально не выезжать, тренируясь фактически дома.

Занимались большей частью на Малом стадионе «Динамо». Всё для легкой атлетики там имелось. Только легкой та физподготовка для нас не была.

Самым страшным для нас был кросс. Для хоккеиста вообще монотонная нагрузка в тягость, а тут в ясный летний полдень накручиваешь эти бесконечные километры...

В моем альбоме сохранилась фотография — мы бежим длинную дистанцию по гаревой дорожке. Наяриваем эти круги бесконечные, а какие-то динамовцы из других видов спорта на зеленом поле играют в футбол. А мы долго бежим, да не в ровном темпе, а с рывками... Витька (Виктор Тихонов. — Л. Р.), как обычно, впереди бежит, Коля Карпов за ним, дальше Сашка Уваров, Кузин и я, молодой, с ними... Еще несколько молодых было. Естественно, у нас больше сил, чем у ветеранов, мы всё норовим полететь вперед и показать тренеру, как хорошо трудимся.

Сзади окрик: «Куда?! Башку оторву, молодой! Вместе с нами! Не лезьте!»

Давали понять нам, молодым: «Ребята, пока вам рано вырываться вперед нас! Держитесь общей стаи! А если не послушаетесь, то это выйдет вам боком...»

По субботам Аркадий Иванович вывозил нас за город на стоящий кросс по пересеченной местности на чистом воздухе. На стареньком автобусе с ручкой от двери на кронштейне рядом с водительским местом выезжали на бетонку, где-то за 50-й километр. «Тишка» (Тихонов. — Л. Р.) хорошо бежал у нас кросс, устали не знал, и нравилось ему это, Володя Киселев тоже резвый был, «Мурзик» (Владимир Юрзинов. — Л. Р.) плохо переносил, сзади всё время болтался, я где-то посередке держался. Но в целом команда кроссы ненавидела, конечно же.

Аркадий Иванович сидит в автобусе, который тихонько едет за нами. А предварительно он уже Тихонову давал указания, когда включать ускорения: скажем, двадцать минут бежим ровно, потом ускорение метров на пятьдесят, потом сброс скорости... И так на протяжении часового кросса с десятком ускорений... тихий ужас!

Поначалу все бодренькие и бегут одинаково, потом начинают выбиваться из сил и отставать. Так он, Аркадий Иванович, просил шофера нашего: «А ну, Потапыч, добавь газку! Дави этого отстающего!..» Подгонял наполовину всерьез, наполовину с юморком. Иной раз чуть ли не к нам в строй въезжал. Пугал нас!

На одном только примере проведения самого не любимого хоккеистами занятия — кросса — легко вырисовывается один из чернышевских педагогических подходов. Его гибкость, его

либерализм и способность сразу к нескольким действиям. Следить за выполнением задания, однако не контролировать каждый шаг. С командирской колокольни требовать добросовестности, однако делать это в полусутоливой форме. Понимать индивидуальные особенности молодых здоровых людей, особенности физиологические, координационные, интеллектуальные и пр. Помнить, что не всякий отстающий в колонне, бегущей уже три четверти часа по лесным тропкам, окажется в числе отстающих в календарных матчах «Динамо». И наоборот, бегущий без усталости кросс запросто может там, на льду, напарить в ущерб команде.

Однажды кто-то из динамовских коллег порекомендовал ему сменить дислокацию летнего сбора. Для улучшения эмоционального фона и повышения качества целенаправленного тренинга. Ну а что, в самом деле: вся неделя в городе, суббота — кросс в лесу, воскресенье — выходной. Однообразие полнейшее. Чернышев прислушался, и хоккейное «Динамо» переместилось на Черное море.

Станислав Петухов:

Выбрали Леселидзе, там спортивная база Центрального совета «Динамо» находилась. Ее облюбовали футболисты тбилисского «Динамо». Но там были все спортивные сооружения, необходимые и хоккеистам. А море — рядом, буквально в полусотне шагах от ограды базы!

Недельный цикл был привычный: пять дней двухразовых тренировок, в субботу бежали кросс или устраивали двусторонку на футбольном поле. Адик учитывал, что мы на футбольной базе всё же.

Не поверите, но прямо на территории базы, чуть в сторонке, стояла палатка, где в розлив торговали чачей и вином «Изабелла». Ну и могли себе позволить... В будни не злоупотребляли, не враги же сами себе — две тренировки еще выдержать надо было. А в субботу вечером или в воскресенье отчего нет? Конечно, Аркадий Иванович знал про этот вид нашего досуга.

...Отыграли субботнюю двусторонку, и Адик объявляет: «Желающие могут вместе со мной поехать в горы. Место красивое и вино там замечательное. Не пожалеете!»

Адик, вот же демократ, повез нас в поселок, где проживали эстонцы, переселенные туда еще при каком-то царе. Полкоманды на двух машинах отправились, и никто не пожалел. Приятно вспоминать, как пожилой эстонец домашней «Изабеллой» нас угощал. Вкусное такое вино, тягучее. А на столе — хлеб черный грубого помола, соль крупная такая и лук репчатый. И вино. И всё — никаких больше закусок или разносолов. Ничего. А кругом горные

склоны все в зелени, в виноградниках. У нас физиономии лоснились от удовольствия. Еще пару раз туда выезжали. Аркадий Иванович объяснял нам доходчиво: мол, я и так знаю, что гульнете, так лучше вы будете у меня перед глазами и выпьете хорошего вина, выпьете более или менее в меру.

Одна была беда в Леселидзе. Кроссы. По асфальту да в жару. Асфальт под ногами проминался, плавился местами. Стартовали в 11.00. Пока позавтракаем, пока подождем, чтобы всё улеглось в животе... Потом всё же сдвинули на часок раньше, но всё равно тяжело приходилось...

По-видимому, Аркадий Иванович вновь вспомнил про совет динамовских коллег менять место проведения сбора. Поводом для расставания с Леселидзе вполне могли послужить кроссы по плавящемуся под кедами асфальту (об амортизирующих фирменных кроссовках даже в командах мастеров и не мечтали!), а Черное море все же больше подходило отпускникам, мающимся на курорте от безделья, а не тем, кто сюда прибыл вкалывать по две смены ежедневно. Сам-то Аркадий Иванович в июне выбирался с семьей на своей «Волге» на это море, чтобы жену и детей побаловать да косточки свои полечить в кучугурах, которые спасали его от приступов радикулита. Но предсезонка есть предсезонка: спортсменов к сезону подводить надо качественно и с умом, учитывая массу деталей. И московское «Динамо» круто развернулось в сторону северных территорий.

Идею снова динамовский коллега подсказал, знаменитый лыжник Павел Колчин. После завершения карьеры они с супругой переехали жить в эстонский курортный городок Отепя. Там находилась динамовская спортивная база, был даже небольшой трамплин. Сын Колчиных пошел в спорте почти по стопам родителей — супруга Павла Алевтина тоже лыжницей была. Выбрал двоеборье, и они тренировали его круглый год... Подсказали Чернышеву: зачем летом Москва и зачем Леселидзе, когда вот она — шикарная лыжная база Центрального совета «Динамо» в курортной зоне, причем в климатической зоне, привычной для москвичей.

Хоккеисты облюбовали этот райский уголок для предсезонки на много лет вперед.

Виталий Давыдов:

Аркадий Иванович выезжал в Отепя с семьей — Велтой Мартыновной и Борькой с Сашкой, они еще маленькими были тогда. И разрешал нам тоже привозить своих близких. Ну, это было просто замечательно! Тяжелая тренировочная работа скраши-

валась тем, что мы не расставались с семьями. Тренер не ставил задачу загрузить команду с восхода и до заката. Придумал бы, если б захотел, какие-нибудь занятия и после ужина, но, слава богу, не считал это оправданным. Вечернее время оставалось свободным. Сам-то Аркадий Иванович душу отводил на рыбалке. Это же было его давним и любимым хобби, а в Эстонии полно рек и озер, вода чистойшая, столько было рыбы, что только успевай наживку менять.

В Отепя всё располагало к эффективным тренировкам на хорошем эмоциональном фоне. Тот же кросс устраивали в хвойном лесу, там грунт мягкий, удобный, нет дополнительных ударных нагрузок на стопу и на спину, и, соответственно, ноги не «забивались», как это было в Леселидзе на раскаленном асфальте, на солнцепеке. А здесь бодрящий хвойный воздух, тень и умеренная жара! В лесу выполняли и прыжковые упражнения, и имитационные.

А какой там был харч! Какие молочные продукты — творог, сметана, молоко, кефир... Между прочим, качественное питание важно для восстановления сил. А на аппетит никто из здоровых молодых мужчин, проливавших семь потов на тренировках, не жаловался. Территория вокруг радовала глаз. Бассейн и футбольные поля также были к нашим услугам.

Неподалеку находится университетский городок Тарту. Чистота, кругом цветы, домики красивые и прибранные, кафешки на каждом углу, откуда разносится кофейный аромат... Ну просто Швейцария! Центральный совет выделял команде автобус, и мы выезжали в Тарту, на взморье.

Из Отепя динамовцы возвращались почти как с курорта, где пришлось для пользы дела попотеть, возвращались с изрядными «заготовками» на осень, зиму и весну — на весь предстоящий хоккейный сезон хватало эстонских запасов.

При том, что за Чернышевым не водилось стремление выжимать все соки и всю душу из игроков в дни предсезонной пахоты, его «Динамо» отличалось стабильно бодрым состоянием на протяжении длительного сезона. Не значились за бело-голубыми какие-то функциональные спады, не оказывались они в «ямах», куда то и дело проваливались некоторые команды с вытекавшими отсюда плачевными сериями матчей. Физически и эмоционально перегрузить хоккеиста почти так же легко, как и позволить ему недоработать. Вредоносны последствия при обоих перекосах; лень, пожалуй, еще губительнее. Но задача-то состоит в поиске и нахождении оптимума, и Чернышев владел этим профессиональным мастерством.

В далеком 44-м, когда на территории динамовского стадиона трудились пленные немцы, среди которых он отыскал

игравшего до войны в «канадский» хоккей, Чернышев удивительно прозорливо предрек этой игре бурное произрастание на советских просторах и не менее прозорливо объяснил мальчишкам, нашедшим того самого бесценного немца: «Надо иметь зрение орла, хитрость лисы и силу льва!.. А еще, мальчишки, надо иметь ловкие руки, они должны быть как у карточного шулера. Точнее, не шулера, а карточного фокусника...» Время подтвердило правоту самого первого из первопроходцев. Чернышев еще больше уверился в том, что классный хоккеист обязан быть развит многогранно и гармонично. Потому искал пути, как этой многогранности и этой гармонии достичь.

Станислав Петухов:

В Отепя регулярно приглашали на сбор динамовского спринтера Николая Сухарева, чемпиона Советского Союза в беге на 100 метров. Все-таки основой предсезонки Чернышев считал легкую атлетику, а не тягание штанги до посинения. Важной считал и скоростно-силовую подготовку, еще важнее — совершенствование взрывных возможностей игрока. Если такими возможностями хоккеист обладает, то на льду он будет способен резко стартовать и, набрав высокую скорость, удерживать ее несколько секунд. Цены ему не будет.

Приглашал он и заслуженного тренера по легкой атлетике Липкинда, воспитавшего знаменитого десятиборца Василия Кузнецова. Конечно, предположим, что метать копье хоккеистам совершенно ни к чему, зато бег на самые разные дистанции и всевозможные прыжки очень даже полезны. Тройной прыжок с места, прыжок в длину с разбега и без него. Но беговая программа, конечно, была большая, и чего только в ней не было. Аркадий Иванович не скрывал, что был доволен сотрудничеством с Львом Соломоновичем на протяжении многих лет.

В коллективе каждый день на сборе был дежурный. Допустим, сегодня Петухов отвечает за общий распорядок, за дисциплину, подъем, отбой, какие-то объявления... На стадионе Адик мог обратиться: «Давай, Петухов, выходи в круг и начинай разминку! Знаешь ведь упражнения». Да каждый уже зазубрил, что в какой последовательности идет.

Адик охотно давал упражнения, в которых на земле происходила имитация игровых ситуаций. Обычно работали в парах, всё в темпе, всё по его свистку. Потом упражнялись с мячом: передача, обыграть два в одного, три в два... Чернышев любил тренировки на баскетбольной площадке и размечал ее наподобие хоккейной. Свистел положение «вне игры». Имитацию силовых приемов мы выполняли. Это был хоккей на баскетбольной площадке. Тогда

модна была комбинация со сменой мест — «чешская улочка», когда один начинает атаку, потом левый крайний начинает смещаться ближе к центральному, а по освободившемуся флангу движется защитник, ему следует передача, и он вбегает в зону.

Когда вы выходили из южного вестибюля станции метро «Динамо» и направлялись на территорию стадиона, то слева видели две баскетбольные площадки. Большие и хорошего качества. Летом здесь соревновались мужские и женские команды. Аркадий Иванович облюбовал эти площадки, и когда они бывали не заняты, мы свой хоккейный баскетбол шлифовали. Прохожие останавливались и «залипали» вокруг металлической сетки ограждения, народ стоял сплошной стеной.

Ну а лакомое блюдо Чернышев припасал на десерт. Набегаешься и напрыгаешься, снимаешь кеды или тапочки и идешь босиком довольный жизнью на зеленое динамовское поле. Неопишимо словами... Поиграть на травке в футболчик — так это было здорово! И восстанавливались, и переключались, и получали удовольствие. Конечно, в стык не шли — берегли друг друга, мяч отдавали «щечкой» или полушведкой.

Редко бывало так — небольшая разминка и футбол как основная часть тренировок. Тогда уже играли в кедах или тапочках. И на полное поле. Мы даже однажды играли на Центральном стадионе. И в воротах, я точно помню, стоял Лев Яшин. Хоккеисты против футболистов вышли. Играл я центрального нападающего, довольно-таки неплохо играл. И, точно помню, в первом тайме я пошел на перехват. Яшин выскакивает из-за штрафной — и я вижу перед своими глазами бутсы 48-го размера! Мне немножко страшно стало... В голове пронеслось: сейчас как за светит — полбашки снесет!.. Лев Иванович хозяином штрафной площадки был и выходил за ее пределы очень смело и уверенно. Играли мы с футболистами ну почти что на равных; конечно, они потехничнее были, и тактически пограмотнее, и удары у всех были поставлены, однако мы очень старались, двигались без усталости, иногда силовые приемы проводили, конечно, не на полную катушку, чтобы травму футболистам не нанести. Мы же к ним привыкшие были, а они нет, конечно.

Каждый динамовец знал о спортивном прошлом наставника. Что чемпионом в футболе становился, что в русский хоккей по мастерам играл. И однажды на летней тренировке в Серебряном Бору, живописнейшем месте на западной окраине Москвы, Валентин Чистов по прозвищу Рыжий улучил подходящий момент и полюбопытствовал:

— Аркадий Иванович, вот все мы слышали, что вы в футбол хорошо играли. Ну расскажите, как, где?

— Ребята, я играл центрального защитника, — спокойно отвечает Чернышев и считает тему исчерпанной.

Рыжий, однако, не унимается:

— Да это-то мы знаем. Знаем, что вы играли с Якушиным, с Семичастным. С Семичастным местами менялись. Радикорский там был.

— Так и было.

— Ну а сколько вы забили?

— Я забил один гол.

— Как это — один гол только?!

— Да это с углового подача шла в штрафную, и я срезал мяч в свои ворота.

— Ха-ха-ха! — раздался дружный хохот всей команды.

С юмором дружил Аркадий Иванович. В короткой паузе на тренировке на неожиданный вопрос — в чем-то, может, и с подковыркой — ответил шутливо. Другой бы на его месте стал бы расписывать собственные футбольные подвиги в компании динамовцев, чьи имена до войны гремели на всю страну. А он шуткой отделался и ребята развеселил. Заодно и скромность проявил. Впрочем, скромным он был всегда и во всем.

Динамо́вская территория на Ленинградском проспекте являлась центром спорта, где, казалось, были представлены все виды, культивировавшиеся в стране. Это служило дополнительным удобством для хоккейного тренера, постоянно искавшего пути для развития тех качеств, которые должны дополнительно пригодиться на льду, в пылу игры. Чернышева знали все коллеги, уважением пользовался безоговорочным. В те годы самбо (самооборона без оружия) в динамовском обществе считалось прикладным спортом: во время войны спортсмены в партизанских отрядах приемами пользовались, разведчики... Изобрел самбо, кстати, динамовец Анатолий Харлампиев. На динамовском стадионе была сильная секция, руководил ею Владлен Андреев, параллельно работавший со сборной Советского Союза. Он-то и предложил Чернышеву: «У вас же на льду частые падения. А это же угроза переломов, травм серьезных. Давай, Аркадий Иванович, приводи своих орлов к нам на тренировку — на второй этаж в зал борьбы. Покажу им, как падать, чтобы избежать всего этого травматизма».

Через пару дней Чернышев зашел в раздевалку и огорошил команду:

— В борцовский зал пойдем!

— А что вдруг-то? Мы ж иногда боремся между собой, — резонно спросили хоккеисты.

— Там вас научат правильно падать. Грамотно, чтобы от травм уберечься.

Команда явилась в борцовский зал. Там мастера самбо летали по воздуху, падали на коленкоровые маты, и при этом сначала раздавался характерный хлопок от касания левой рукой мата. Чернышев наблюдал внимательно и спросил Андреева:

— Владлен Михайлович, но у нас-то в руках клюшка! Как я, допустим, буду технично падать, если клюшку держу в левой руке, хват у меня такой?

— Да, действительно, сложновато вам будет. Значит вот что, Аркадий Иванович, — пусть ребята успевают сгруппироваться, пусть работают над координацией...

Поиск на то и поиск, что не гарантированно приводит к удаче и, значит, к открытию чего-то нового. Зато не позволяет застояться творческой мысли, и даже неудача добавляет порцию полезной информации.

В кинохрониках будней советских хоккеистов значительную часть занимали эпизоды, снимавшиеся в залах тяжелой атлетики. Со временем работу там стали называть тренировками по атлетизму. Те кадры хорошо смотрелись, поскольку демонстрировали, сколь тяжела подготовка будущих творцов наших славных ледовых побед, сколь много значит наращивание мускулов для будущих сражений во славу родины.

То было правдой и неправдой тоже. Никто из тренеров не игнорировал штангу. Однако для кого-то из игроков зал, полный звонкого лязга металла, становился почти вторым домом, для кого-то — полигоном для проверки характера и физических, мышечных ресурсов, а для кого-то — одним из мест проведения занятий, одним среди прочих. Разные тренеры на разное делали упор в физической подготовке команды.

Чернышев не отличался каким-то особенно пристальным вниманием к атлетическим кондициям подопечных. Существовала составленная им программа занятий по данной хоккейной дисциплине, и он следовал ей. Элемент творческого поиска был тут невелик. Звучит сказанное если не с оттенком негатива, то уж, очевидно, без восторженности. Однако это не мешало динамовцам вести мужскую силовую борьбу, не влияло на наличие повышенного у них травматизма по данной причине, и, слава богу, у них не «летели» спины и спустя годы в гражданской жизни не вылезали наружу болячки и недуги, связанные с явными перегрузками атлетической молодости. Это была им и тренеру награда за консерватизм и собственное видение наставником приоритетов в воспитании мастеров.

Чувство меры — фамильное качество Аркадия Чернышева, одно из целой череды его достоинств. Оно проявлялось во всем всегда и при любых обстоятельствах. И только он сам знал, чего это ему стоило порой...

Как это измерить, хотя бы приблизительно оценить? Полагаю, искусство не перебарщивать в чем бы то ни было стоило Аркадию Ивановичу колоссального внутреннего напряжения — куда большего, чем те примитивные физические усилия, которых требовали от хоккеистов многие его коллеги в зале тяжелой атлетики.

Много было полезного, но и немало вредного имелось в правилах подготовки советского спортсмена. Кое-что ценное и по извилистой дороге времени утерянное наши «спецы» в экстренном порядке пытаются вернуть и встроить в новые общественные условия, от каких-то иных аспектов шарахаются ныне как черт от ладана...

По окончании всесоюзного первенства хоккеисты не отправлялись сразу же в пансионаты и всесоюзные здравницы; им предписывалось являться на работу в клуб, где тренер решал задачу, противоположную предсезонной: постепенно снижал объемы и интенсивность тренировок. Льда уже не было, а было всё больше спортивных игр, шла, выражаясь современным языком, перезагрузка в сторону уменьшения всяческих напряжений организма. Не самое, замечу, бесполезное занятие.

Помимо естественного снижения энергозатрат и плавного перехода к отпускной вольнице имелось и формальное основание. Хоккеисты, как и нехоккейные граждане, были оформлены согласно трудовому законодательству и имели право только на месячный отпуск и не дольше того. Вот и занимали их разгрузочными тренировками.

Станислав Петухов:

На «Динамо» был в нашем распоряжении еще бассейн. Отличное место для разгрузочных тренировок в мае, после сезона. Нам в охотку было поплавать и в водное поло поиграть. Аркадий Иванович объявлял: «Ни плавать, ни играть не начнем, пока не прыгнете с трехметровой вышки!» В бассейне имелись десятиметровые, пятиметровые и трехметровые вышки, а еще метровые подкидные доски. А прыжок в воду, откровенно скажу, это дело серьезное и опасное. Без умения лучше не соваться туда. Если даже войдешь в воду более или менее вертикально ногами и совсем чуть-чуть отклонишься — лицо разобьешь очень болезненно. Аркадий Иванович понимал, что к чему, и с высоты больше трех метров даже не заговаривал. Значит, с этой высоты можно было «солдатиком» лететь, а с доски метровой нырнуть надо было. Большинство, само собой, прыгать не умели. Зато Володя Киселев ласточкой летал красиво и входил в воду без шума и брызг. 10 баллов мы «Кисе» ставили! Валька Алексеев на льду к хребтцам не относился, откровенно говоря, и мы над ним подтрунива-

ли по этому поводу. Зато мальчишкой научился летать в воду, ухватил тонкость этого дела, и у него легко и красиво получалось. Даже завидки брали. А я вставал на вышку — ее три метра и мои, считайте, два — гляжу на воду с высоты пяти метров, и как-то мне нехорошо становилось...

Я эти прыжки чертовы возненавидел еще после предоллимпийского сбора. Готовились к 60-му году, к Скво-Вэлли. Собрали кандидатов. Жили мы прямо в Лужниках. Это был то ли летний период, то ли осенний. Теплая погода была. Плавали в лужниковском открытом бассейне. И кто-то Тарасову насовещал: «Надо проверить ваших хоккеистов на смелость — дайте им с десятиметровой вышки прыгнуть!» А там у нас был Сидоренков, там были Трегубов, Уколов, Коля Сологубов был. Мужики не робкого десятка! И вот объявляет Тарасов:

— Сегодня прыгаем с вышки. Чтобы смелость вашу проверить!

— А что — всем обязательно? — кто-то из молодых спросил.

— Каждый прыгает! Кто как умеет. Вниз головой или, кто не умеет, солдатиком.

Мы-то с Валея Быстровым, Витей Якушевым сравнительно молодые и потому помалкиваем, а у самих душа к пяткам прилипла... А зубры спокойно стоят, и Коля Сологубов предлагает:

— Анатолий Владимирович, а вы покажите пример — и мы следом за вами!

Тарасов, отдаю ему должное, ничего не сказал.

Залезает на вышку. Медленно, животик уже имел порядочный. Постоял, постоял — и сиганул с десяти метров...

И как он только не разбился?!

Но ничего, вынырнул через несколько секунд, подплыл не спеша к бортику и вышел из воды. Смотрим — пузо краснющее. Отбил живот свой. Наверняка очень больно было. Ничего не сказал. А прыжки эти чертовы отменил. Видно, на себе почувствовал, что значит прыгать, не имея навыков.

Общезвестная и красочная история о полетах в воду смельчаков-хоккеистов после примера, поданного отчаянно храбрым новатором Анатолием Тарасовым, вошла в историю как иллюстрация неординарного тренерского хода и его же решимости личным примером увлечь за собой хоккейных бойцов. Вослед ему они якобы и полетели, поборов элементарный страх в непривычной обстановке... В недавнем художественном телефильме о хоккее это воспроизвели с мельчайшими подробностями.

Участнику той самой тренировки Станиславу Петухову остается только поверить. А обрастание действительно поучительного случая деталями, коих и не было, объясняется славой Тарасова как креативного тренера, пользовавшегося огромной популярностью.

Смелость в спорте и вообще в жизни имеет массу граней и оттенков. Не самый большой смельчак в динамовском составе изумительно красиво справлялся с заданием, от которого бил озноб лидеров команды на льду. Грани, всё это грани... И мера, чувство меры. Ну, положим, прыгнули бы тогда в воду с высоты трехэтажного дома Сологубов и другие — ну и что, помогло бы это спустя несколько месяцев в Скво-Вэлли не проиграть досадно Америке и не уступить по всем статьям Канаде? Нет, разумеется. Не спецназ же и не десантников в тот погожий день готовили в бассейне «Лужников»...

Московское «Динамо» отличалось повышенным вниманием к охране своих тылов. Это культивировалось, передавалось из поколения в поколение. И всё это происходило при Чернышеве. Претила Аркадию Ивановичу бесшабашная, с шашкой наголо, игра, когда нарушались элементарные законы хоккея. Свою команду стремился видеть сбалансированной во всех линиях и по-хоккейному культурной во всех отношениях.

Анатолий Тарасов:

Специалисты да и любители хоккея знают, что подбор игроков в московском «Динамо» ведется по вполне четким критериям. Спортсмены в эту команду приглашаются рослые, крепкие, мужественные, способные вынести колоссальную нагрузку. Физическая подготовка игроков, воспитание настоящих атлетов — вот о чем в «Динамо» заботятся в первую очередь. И тем, кто любит лишь «ездить» в сторону ворот соперника, а защитникам помогать ленится, в команде Чернышева делать нечего. Защитники в «Динамо», как правило, игроки позиционного плана. Разве что один Давыдов благодаря великолепной своей интуиции и сам порой атакует интересно, и нападающих поддерживает энергично. В принципе же игра «Динамо» построена на неукоснительном выполнении хоккеистами оборонительных функций.

«Не пропустим — победим!» — этот девиз определяет в игре «Динамо» многое, и, пожалуй, не только у нас в СССР, но и в Европе, и в Канаде нет клубной команды, которая бы столь умело оберегала свою синюю линию. Конечно, «Динамо» умеет и прессинговать, знакомы игрокам этой команды и другие методы обороны, но определяющим все-таки остается эшелонированное построение защиты на рубеже синей линии. В нападении же команда пользуется самым широким набором средств: у нее хорошо отработаны и стремительная («кинжальная») атака, и планомерно-многоступенчатое наращивание ее (с подключением защитников), и неожиданный (как укол шпаги «на отходе») контратака. Но при всем том доминанта каждого разговора Аркадия Ивановича

о тактике с игроками, с коллегами — всё то же и только одно: «Не пропустим — победим!»

И эту точку зрения нельзя не уважать. Тем более что одним лишь догматикам (а вернее, людям, в спортивных дисциплинах слабо образованным) непонятно: никогда в спорте не было и не будет тактик — если только они законны с точки зрения правил — «прогрессивных» и «отсталых», хороших и плохих, тактик-отличниц и двоечниц. Все дело в том, что, где, когда, против кого, как и сколько применять! (Говорю об этом, будучи неуклонным приверженцем тактики активно наступательной, атакующей, которую мы последовательно осуществляем в команде ЦСКА.) И коль скоро идея — вначале не проиграть, а затем выиграть — практически осуществляется, разве это плохо? Если и плохо, то только сопернику!

Некоторые послы Тарасова не кажутся бесспорными, кое-что представляется несколько преувеличенным, однако в целом тактические подходы Чернышева в родном клубе обрисованы правдиво и местами сочными красками.

...Имелся у Аркадия Ивановича грешок. Курил он. Если не сказать — чадил. Медики сначала отговаривали, а с годами настоятельно запрещали пагубное пристрастие: кто-то дымит лет до ста, а кому-то просто нельзя. Больные вены на ногах Аркадия Ивановича исключали для него такого рода перекуры в работе... Однако позволял себе. И что удивительно — своим подопечным тоже. Ну уж не совсем в открытую, но смотрел на это сквозь пальцы. А сам, стараясь хотя бы знать меру, не носил с собой сигареты, и когда сдавался, просил первого встречного: «Дай закурить». И жадно затягивался.

Станислав Петухов:

Многие в «Динамо» покуривали. Сашка Уваров — центральный первого звена, Толмач (Олег Толмачев. — Л. Р.), который начинал вместе с Адиком в 46-м, вратарь Карл Лиив — кстати, он боксом еще занимался. В сборной Чернышев фактически разрешал дымить Сологубову, Трегубову, Пучкову, который вообще-то был фанатом спортивного режима. Аркадий Иванович смотрел на то, как люди играют и тренируются. Видел же, что папирсы (а Коля Сологубов предпочитал «Беломор») не мешают тем блестяще справляться с тренерской установкой. Видел же, что курение не мешает этим хоккеистам в игре, и не следил за ними украдкой, не подкарауливал и, ясно, не наказывал.

Был у нас такой Василий Васильич Кузнецов. Врач. Чернышев как-то обратился к нему за помощью:

— Вася, сам видишь — у нас курильщики есть. Но ты ж сам понимаешь, что курево и спорт плохо сочетаются. Помогли.

— Аркадий Иванович, если б вы знали, как это сложно — бросить курить!

— Василий, да я-то как раз хорошо это знаю. Сколько лет мучаюсь, а бросить ни в какую не получается.

— Ну вот — сами видите.

— Но ты подготовься как следует и прочитай в команде лекцию о вреде курения, о том, как бросить к чертям собачьим это дело. Только покороче, пожалуйста. До получаса.

— Сделаю, Аркадий Иванович.

Собрали нас всех. Слушаем внимательно. Василич уложился в четверть часа, под конец рекомендует:

— Вот кто-то из вас, не будем пальцем указывать, выкуривает за день пачку. Это, считайте, 20 штук. Берете и на следующий день курите 19 папирос. Послезавтра уже 18 штук. По одной сигарете надо уменьшать.

— Как это сложно-то! И долго. А бросить сразу нельзя? — решительно спросил сам инициатор лекции.

— Нет, Аркадий Иванович, нельзя. Надо потихоньку все делать.

— Ладно — заканчиваем с твоей лекцией! — с досадой бросил Чернышев.

Его-то тема лекции касалась в первую очередь. Мы-то что — молодые, а у Адика ноги больные, возраст...

У товарища Тарасова с этим строго было. У себя в ЦСКА за это мог любого наказать. Помню, сборная в поездку по Америке была. В городе Салем нас отвезли на табачную фабрику, где выпускали сигареты «Салем», которых в Союзе и по благу не достать было. Какие-то еще сорта выпускали на той фабрике. Они презентовали нам сигареты в красивой подарочной упаковке. Ну, вечером, кто дымил, набросились на заморское курево. Тарасов постучался в номер Локтева: «Ну как у вас там дела?» Делать нечего — пришлось открыть. Анатолий Владимирович все прекрасно знал, и ему просто еще раз надо было лично убедиться в нарушении режима. Заходит в комнату — ничего, заглядывает в туалет, а там дым коромыслом!.. И наказал Костю Локтева...

Что ж, выходит Тарасов проявил принципиальность, а Чернышев, напротив, беспринципность в отношении курения, что в те годы считалось нарушением спортивного режима — разумеется, куда меньшим, чем алкоголь?

Каждый из них был прав по-своему. Анатолий Владимирович стремился поддерживать суровый армейский распорядок; Аркадий Иванович резонно считал, что одаренному хоккеисту несколько выкуренных сигарет не нанесут ощутимого вреда во время матча.

Ни аскетичный образ жизни, ни исступленный труд на тренировках не в состоянии кардинально улучшить техническую

оснастку хоккеиста. То, собственно, чем наслаждаются трибуны в первую очередь. Даруется это природой, затем лишь вдумчиво шлифуется.

Чернышев воспринимал прирожденных технарей как подарок судьбы — игрока и своей собственной.

Не больше и не меньше того.

Понимал, что этих баловней природы лучше холить да лелеять, не переучивать, если даже что-то исполняют не по классическим лекалам, не наказывать, если в погоне за красотой допускают иной раз сбой в конечном результате. Понимал и то, что коллектив не должен страдать от его равнодушия к хоккейным красавцам и потому следует ему, наставнику, держаться осмотрительно и не допускать на людях их превращения в любимчиков. Хотя они, конечно же, таковыми и являлись...

Валентин Чистов и Александр Мальцев.

Хоккейные кудесники!

Еще неизвестно, кто был выше по потенциалу... Если допустимо вообще сравнивать кудесников друг с другом.

Чернышеву посчастливилось работать с тем и другим. А Чистову и Мальцеву — с ним.

Москвичу Чистову готов был простить смешные оправдания прогула тренировок якобы из-за разразившегося ливня; готов был посочувствовать его жалобам на жуткие натертые мозоли, якобы не позволяющие сегодня потрудиться на легкоатлетической тренировке, при этом искусно убеждал в том, что позаниматься все-таки придется без какого-либо вреда для здоровья.

Для уроженца Кирово-Чепецка Александра Мальцева он стал вторым отцом. Молодой человек, не избалованный прежде повышенным вниманием и вдруг оказавшийся в столице, получил в лице динамовского наставника опору на долгие годы вперед. Ну и мог ли Аркадий Иванович относиться к нему так же, как к остальным? Мог лишь стараться делать вид, что отношение ко всем равное, маскируя такое сердечное пристрастие к природой отмеченному хоккеисту. Помогал уже его, Чернышева, природный дар — чуткость ко всем окружающим без учета их спортивного уровня.

Чернышев не пытался из игрока средней техники сделать виртуоза, понимая, что невозможно это. И не вытрясал душу из подопечного, заставляя бессчетные разы повторять какой-нибудь технический элемент под своим неусыпным придирчивым контролем. Свою душу, кстати, тоже оберегал таким образом.

Зато имелся у Чернышева свой «пунктик». Игровую безграмотность на дух не переносил...

Виталий Давыдов:

«Потогонки» в «Динамо» не было при Чернышеве никогда. Больше внимания уделял построению коллективной игры. Тактику разбирал досконально и терпеливо все разъяснял игрокам.

Пас! Вот чего он требовал постоянно. Чтобы игрок выполнял передачу шайбы своевременно — тогда комбинация продолжится — и технично — тогда шайба дойдет до адресата, которому будет удобно ее принять. Требовал не затягивать с пасом и объяснял: «Вот мы выезжаем в Америку и играем там с канадцами. Вы же на своей шкуре испытали — только зазеваетесь, только шайбу передержите, а канадец уже несет на вас и врывается, с ног валит».

Я-то точно испытал это на собственной шкуре. На мемориале Брауна во встрече с Канадой. Промедлил что-то с пасом, и нате — получил от Бурбоннэ удар палкой в лицо. Двойной перелом челюсти. Операцию сделали там же, недалеко от Колорадо-Спрингс...

Для Чернышева пас был основой хоккея. Его грамотой. Безграмотность игровую не переваривал. Мог и возмутиться по этому поводу.

Любил, когда игрок всё правильно делает. По уму. Грамотно. Всегда одобрял такие действия. Тогда возникала стабильность, а это же самое главное. Даже пусть я где-то что-то напортачил немного, зато, если в целом стабильно играю, всегда буду у Чернышева в составе. А то один матч сыграл прилично, а другой проехал порожняком. Аркадий Иванович тогда и на лавку мог посадить.

Владимир Юрзинов:

У Аркадия Ивановича я учился, кажется, всю жизнь. И когда он только пригласил меня в команду мастеров, и когда стал постоянно выходить в основном составе, и когда к нему в сборную страны попал, и когда восстанавливался после тяжелой травмы, и когда готовился, еще выступая, к тренерской профессии, и все годы моей тренерской работы в клубах и в сборной.

Аркадий Иванович «шел от игрока».

В индивидуальной работе с хоккеистом, в поиске партнеров для него, при выработке игрового стиля звена или пары защитников, ну буквально во всем исходил из того набора качеств, которым обладал конкретный спортсмен. Не брал, грубо говоря, его под уздцы и не загонял в стойло, где было не развернуться и где можно было оставаться лишь в тесных рамках. Наблюдал за игроком и определял его способности, склонности, навыки; выявив их, стремился к тому, чтобы молодой человек совершенствовал свои сильные качества и чтобы это было на пользу партнерам и команде в целом. А с недостатками не то чтобы мирился — нет, разумеется, работал над их устранением, понимая, что

полностью они вряд ли исчезнут. Хорошо будет хотя бы их «приглушить», чтобы не портили общую картину, чтобы игрок не выпадал из командного рисунка.

Психологически тонко всё выстраивал.

Не долбил хоккеиста постоянными замечаниями и одергиваниями по поводу его хронических изъянов, а настраивал на позитив — шлифовку коронных приемов и вообще всего того, чем был силен мастер. И незаметно подтягивал и его слабые места...

Не подгонял своих игроков под схему, которую сам выбрал раз и навсегда. Лепил командный хоккей исходя из тех средств, которые имелись в наличии у каждого из них. Лепил, конечно же, с учетом собственных взглядов на хоккей, на его развитие в будущем, на традиционно сильные стороны отечественной школы.

Этому чернышевскому искусству плясать от печки — идти во всем от игрока — можно и должно учиться всю жизнь.

Чем я и занимаюсь с большой охотой и с большущей пользой для себя.

Идти от игрока.

Такой основополагающий подход Чернышева приводил подчас к поразительным результатам.

Карьера трехкратного олимпийского чемпиона, надежнейшего защитника Виталия Давыдова служит тому наглядной иллюстрацией. Уже выступая за мастеров «Динамо», он играл... в нападении. Крайним форвардом был, причем не ахти каким ярким. По свидетельству его многолетнего одноклубника, «отличался маневренностью и работоспособностью, однако в целом эффективность его действий оставляла желать много лучшего и какой-то большой перспективы не проглядывалось».

Виталий Давыдов:

Мы поехали как-то играть выставочные матчи. Дело было в Перми. Из защитников у нас туда отправились Олег Васильевич Толмачев, Павел Николаевич Жибуртович. И еще кто-то. Помоему, Миша Орехов. И тут Толмачева радикалит прихватил. А завтра играть. Аркадий Иванович вызывает меня и говорит: «Завтра будешь играть в обороне». Я опешил: «Не понял. Где играть? Как?» Потом к нему через час пришел: «Аркадий Иванович, если я вам не нужен, освободите меня».

А дело вот в чем было. В Пермь как раз незадолго до того уехал бывший игрок «Динамо» Виталий Костарев. Он принял местную команду. Увидев меня, говорит: давай, мол, оставайся, мы тебе здесь ставку дадим. Поэтому я так смело к Аркадию Ивановичу пришел и попросил его оставить меня в Перми.

Чернышев выслушал меня и как гаркнет: «Вон отсюда, мальчишка!»

Я пулей вылетел.

Но на следующий день вышел играть в обороне.

Смотрю, вроде что-то получается. Нападающим нужно туда-сюда мотаться, в обороне-то что: раз отобрал, пасик отдал, силенки при себе — куда он от меня убежит? Катался я нормально. Развороты делал мгновенно. И пошло-пошло. Потом уже начал толкаться. Затем бить. Уже самому интересно стало. Жертвочку себе определишь, пик — и он на лопатках лежит... Ну а потом я уже попал в пару к Паше Жибуртовичу. Азам у него учился.

Старший тренер советского покроя походил на классного руководителя общеобразовательной школы. Только преподавал он не один свой предмет, а несколько дисциплин одновременно.

Аркадий Чернышев учил добросовестно и вдумчиво, неизменно сохраняя интеллигентность во всем. Наставлял уморазуму. А за недобросовестность и даже за шалости «родителей в школу» не вызывал.

Однако хоккейное бескультурье не переносил. Имел на то полное право. И потому понять его можно было. Безграмотность ведь режет ухо и раздражает глаз. Эти тонкие и вместе с тем очень емкие органы чувств, с помощью которых мы в значительной мере воспринимаем окружающую действительность.

Красоту мира и красоту хоккея Аркадий Иванович умел увидеть и распознать. И оценить по достоинству. И поблагодарить свою судьбу за это.

Александр Мальцев — один из самых одаренных хоккеистов в отечественной истории. Если вообще не самый-самый обласканный матушкой-природой...

Александр Мальцев:

Меня в семнадцать лет заприметили, я за свой Кирово-Чепецк выступал со взрослыми мужиками. Пара матчей потребовалась, чтобы я освоился на том взрослом уровне. Ну и Тихонов, которого Чернышев послал на смотрины в Орск на турнир, не сразу, но обратил на меня внимание...

Я всю жизнь благодарю судьбу за то, что свела меня с Аркадием Ивановичем.

С первого дня. Со дня знакомства. Уже полсотни лет, как благодарю...

Я оказался в «Динамо».

А мог и ЦСКА на меня глаз положить... Но я бы туда не пошел. Это — сто процентов! Чего бы мне это ни стоило... ЦСКА Тарасова — не моя команда. Так же, как потом ЦСКА Тихонова...

Тарасов очень любил красиво себя подать, а в команде всех держал в ежовых рукавицах. Всех. Только Фирсову давал послабление, какую-то свободу в игре. А всех остальных гонял в хвост и в гриву. Творчества там у ребят не было, всё строилось на работе, работе, работе.

А здесь, в «Динамо», Чернышев, наоборот, давал нам творить на льду.

Это не была какая-то вольница. Нет. Аркадий Иванович требовал от нас выполнения тактического плана на игру, строго отчитывал тех, кто при срыве атаки не успевал вернуться в оборону. Зато в целом от него не было такого постоянного давления: мал, беги туда... не делай этого... не рискуй... еще ошибешься — на лавку посажу... Не было такого давления, от которого у одних руки опускаются, а у других поджилки трясутся.

Пожалуйста, твори! Только с умом и только если умеешь.

Пока в «Динамо» и в сборной главным был Чернышев, я получал удовольствие от хоккея. В каждой игре. Выигранной или проигранной — не важно. Сам процесс игры доставлял радость, ну а если мы проигрывали, то, само собой, настроение было ни к черту...

Аркадий Иванович всегда знал и всегда чувствовал, как и чем нагрузить команду. «Железом» не увлекался, с «бегами» всякими тоже не перебарщивал. И ничего — динамовцы никому не уступали в «физике». Тактически кого угодно мог заткнуть за пояс. А на лавке, в самой игре, четко и быстро определял, кому что подсказать, определял ходы, которые вели к победе. И не дергался, не паниковал никогда.

Тяжелой атлетикой нас не перегружал. Видно, понимал, как это аукнется потом, когда закончим со спортом. По существу, Аркадий Иванович сберег нам, динамовцам, самое дорогое — ЗДОРОВЬЕ на долгие годы. Спины у нас не «летели», каких-то отрицательных последствий того, что мы в хоккее выступали «по мастерам», практически ни у кого не было. Не то что в некоторых других клубах...

Более сильного специалиста, чем Чернышев, я не встречал.

Ни когда игроком был, ни после того, как перестал на лед выходить.

ТАНДЕМ — 6. ПЛАН СРАЖЕНИЯ

Продолжаем сохранять обычную последовательность в подготовке сборной к выходу на лед турнира мировой значимости. На комплектование поглядели, на тренировках побывали, атмосферу в коллективе вдохнули. Настал черед установки старшего тренера на предстоящий матч.

Тактика.

Одно из самых ходовых слов тренерского лексикона. Без грамотно избранной и тщательно проработанной и отретпированной тактики надеяться команде не на что.

В отличие от «климатического» компонента тактика укладывается в схемы, где всё всем видно и понятно. И тренерам, рисуящим эти схемы, и игрокам, воплощающим на льду разработанные планы действий.

Общеизвестно, что Чернышев являлся человеком консервативных взглядов и сторонником хоккейного стиля, где упор делался на контратаки.

Верно то и другое.

И неверно то и другое.

Консервативность предполагает заскорузлость во взглядах на хоккей и игнорирование тенденций его развития. Предполагает использование одной раз и навсегда выбранной тактической схемы. Разве мог старший тренер советской сборной быть таким узколобым упрямым? Разве стал бы он главным творцом девятилетней непобедимой эпохи?! Да шведы или чехи давно бы нашли противоядие и нарушили гегемонию Чернышева — Тарасова.

Действительно, в клубе Аркадий Иванович предпочитал такую организацию игры своей команды, которая бы позволяла осуществлять резкие и стремительные контрвыпады, когда ледовое пространство разрежено и когда пятерка соперников еще не успевает четко перестроиться на выполнение оборонительных задач.

Тетива лука... Чем дальше прицеливаешься и чем сильнее ты ее оттянешь к своей груди, тем потом она резче и точнее зашлет стрелу в дальний полет.

Так и здесь. Команда держит организованную оборону, старается и, главное, терпит, терпит, пока наконец не завладеет шайбой и не ринется лихим кавалерийским наскоком в рейд по вражеским тылам.

По каким причинам Чернышев в целом придерживался такого тактического подхода к игре? И менялся ли этот подход в зависимости от обстоятельств и от того, где он составлял план на игру — в «Динамо» или в сборной?

Станислав Петухов:

В «Динамо» Чернышев менял тактику в зависимости от силы соперника. Против ЦСКА мы обычно играли от обороны... А в сборной Аркадий Иванович чаще придерживался более активных схем — атакующие звенья всегда были сильными и разноплановыми. Он всегда отталкивался от состояния нашей команды и от сильных и слабых сторон соперника. Очень тщательно подходил

к составлению тактического плана на игру. Всегда это делал с учетом того, что каждое из трех звеньев имело собственный игровой рисунок. Считал это нашим козырем в борьбе с любым конкурентом за золото.

В отсутствие оставленного Чернышевым тренерского наследия, оформленного на бумаге с подробностями и разъяснениями, автору остается лишь строить предположения. Те, что подсказывает логика. И те, что подсказывают факты.

В решающем поединке мирового первенства 1954 года разве было логично бросаться на хваленых канадцев очертя голову, не боясь сломать самим себе хребет? Первый чемпионат, первая встреча лицом к лицу с родоначальниками хоккея. Однако никакого «очертя голову» не было и в помине. Разумная осторожность и отчаянная смелость, хитрое заманивание в свои сети, использование скоростных возможностей наших форвардов и их маневренное катание — вот каково было наполнение чернышевского победного плана на матч. На матч, ставший одной из самых громких сенсаций в мировой хоккейной истории.

Сборная Чернышева и в 1955-м, и в 1956-м в решающих играх против Канады придерживалась тактических планов, в которых повышенное внимание уделялось надежности тылов. Не сработало по разным причинам в ФРГ, где сочетание силового натиска соперника и жуткого невезения привело к разгрому — 0:5. Зато на Олимпиаде в Италии, на главных соревнованиях четырехлетия, такая же в целом тактика принесла успех. 2:0 — так одолели канадцев. Счет 2:0 был Аркадию Ивановичу милее, чем 5:3 либо 7:5. То было его профессиональным правом. Причем после разочарования 55-го в адрес наставника сборной раздавались то ли мягкие упреки, то ли жестковатые наставления: мол, следует перестроить игру сборной на более агрессивный лад, и тогда всё у нас наладится. Легко можно догадаться, от кого эти упреки и наставления исходили... Однако Чернышев остался верен своим подходам и добыл в олимпийском дебюте золото.

К 1963 году в стране созрела целая плеяда сильных мастеров. Особенно яркими они были в атакующей линии, что вообще характерно для отечественной хоккейной школы. Чернышев увидел то, чего прежде не бывало, а именно то, что мы теперь могли выступать на международной арене с позиции силы. И он на установках сборной стал рисовать схемы, где главенствовали атакующие комбинации.

На Олимпийских играх в австрийском Инсбруке сборная СССР придерживалась ярко выраженного атакующего стиля. Имея в своем распоряжении два блистательных звена — ар-

мейское Альметова и спартаковское Старшинова, грех было поступать иначе. Это позволяло диктовать грозным соперникам свои условия ведения борьбы и добиваться желаемого результата — 7:5 с Чехословакией, 4:2 со Швецией, 3:2 с Канадой.

Минул год.

Предстояла защита чемпионского титула в Тампере. У тренерского штаба повышенное волнение неизменно вызывала встреча именно с чехами. Смело можно вообразить себе, сколь горячими и длительными, даже, не исключая, ожесточенными были дебаты между Чернышевым и Тарасовым по вопросам тактической установки на матч против друзей по социалистическому лагерю — традиционно самого тяжелого и самого неудобного для наших игроков соперника.

Естественно, Анатолий Владимирович предложил выражено атакующий план; два подряд выигранных главных турнира подталкивали к этому. А Аркадий Иванович предугадал тактику оппонента и — главное — то, что грозный соперник наверняка настраивался увидеть обычный тактический рисунок с нашей стороны. И круто поменял план игры сборной.

Тем самым Чернышев буквально огорошил оппонентов из штаба чехословацкой команды. Удивил и наших хоккеистов.

Борис Майоров:

На чемпионате мира 65-го в Тампере у чехов подобрался очень сильный и ровный состав. Без явных слабых мест. До того мы заняли первое место два года подряд — на чемпионате мира в Стокгольме и на Олимпийских играх в Инсбруке. Тактически обычно действовали в атакующей манере и показывали высокую результативность.

Чернышев накануне встречи против Чехословакии, так полагаю, предугадал, что они ждут от нас привычных беспрестанных атак. Предугадал и то, что при раскладе сил на тот день у соперника, умеющего классно действовать на контратаках, появятся довольно высокие шансы на победу. Аркадий Иванович предпринял хитрый и неожиданный ход: советская сборная, строго выполняя его тактическую установку, играла осторожно и аккуратно — от обороны. Это застало врасплох чехов, они никак не могли наладить свою привычную игру. Это было непривычным и для нас, зато мы готовились к этому, поверив в победный план старшего тренера. Зрители не увидели увлекательный хоккей в тот вечер. Зато увидели очередную победу нашей сборной — 3:1. Борьба шла до последней минуты, и третью шайбу забросил Леонид Волков в пустые ворота.

То было мудрое решение главного стратега сборной СССР. Применил тактическую схему, которую практиковал при необходимости в «Динамо».

В тот день не коса нашла на камень, а камень на камень. В лоб сошлись команды, получившие от своих наставников очень схожие тактические установки. Будто наставники сговорились таким вот странным образом.

Обе команды не рвались вперед, а дожидались, когда это сделает визави. Очень странный и какой-то неживой был хоккей. Патовый, что ли.

Очень возможно, что в тот день летописцы зафиксировали единственный случай в выступлениях советской сборной: наступив на горло собственной песне с бравой мелодией лихой атаки, она сознательно терпеливо ждала ошибки оппонента, чтобы без промедления его наказать.

Что же подвигло старшего тренера на выбор тактики, абсолютно несвойственной нашей сборной середины 60-х? Ведь в активе было возвращение после шестилетнего перерыва на мировой трон под его же началом. Поколение Старшинова и Рагулина крепчало год от года. Почему же Чернышев в 65-м вдруг принялся от добра искать добро? Заставил в главном матче действовать в совершенно непривычном стиле? Ни с того ни с сего...

А с того и сего, что разглядел в Чехословакии наиболее неудобного конкурента. Мало того что это была грамотная, техничная и мобильная сборная, так она еще и по своему традиционному тактическому рисунку доставляла нашим мастерам всяческие неудобства. Заманивала в собственные тылы, ограничивая пространство для комбинаций; действовала с умом и цепко, многие игроки норовили незаметно для арбитра ткнуть клюшкой в плохо защищенные экипировкой места и, причиняя боль и выводя из психологического равновесия, ждали и обязательно дожидались шанса провести стремительную контратаку. У соседей по социалистическому лагерю тоже, между прочим, появилась плеяда ярких исполнителей. Победа над ними в олимпийском Инсбруке далась ох как нелегко.

Чернышеву хватило разума и интуиции на то, чтобы разработать тактический план, непривычный не только для нас, но и, главное, для соперника. Зато советская сборная уже знала, как будет играть, а чехословацкая — еще нет. Утечки информации с установки Чернышева не произошло.

Клин клином вышибали. Вы нас заманиваете, а мы — вас. Кто кого перетерпит и кто кого превзойдет в использовании редких шансов на результативный контрвыпад.

Вышло как по писаному. Аркадий Чернышев предвидел, спланировал, всё объяснил игрокам и управлял командой во время шестидесяти чистых минут поединка, внимательно отслеживая выполнение своей тактической установки, которая

была нашим мастерам в сборной непривычна. И блистательным образом переиграл, перехитрил авторитетного Владимира Костку!

Виталий Давыдов:

Установка в сборной обычно длилась недолго. Без тренерских повторений и нотаций, без наших лишних вопросов. Аркадий Иванович брал слово. Кратко и доходчиво излагал тактику на игру, растолковывал, почему так будет лучше для нашей команды, индивидуальные указания давал только в тех случаях, когда считал это необходимым. Занимала установка «старшего» где-то минут десять, ну от силы пятнадцать. Потом выступал Анатолий Владимирович. Тактики не касался: и так всё было разжевано; к тому же за игровые схемы отвечал Чернышев. А Тарасов говорил горячо, давая волю эмоциям; призывал отдать всего себя, не пугаться и помнить о том, что вся страна переживает и ждет от нас только побед. Такая пламенная речь будоражила нас, добавляя запала перед первым свистком арбитра. Хотя чего-чего, а патриотизма у каждого из нас было в достатке.

А будь Анатолий Тарасов на месте Аркадия Чернышева, сумел бы тактически ошеломить стабильно умелого и традиционно неудобного оппонента? Сумел бы проявить наблюдательность и неординарность мышления? И, наконец, решился бы на такой рискованный шаг?

Автор, обычно не склонный к категоричному тону в хоккейных темах, на данной странице готов рискнуть, осмелившись предположить, что на каждый из трех резонно поставленных вопросов мы получим одинаковый ответ — «Нет!»

Не стал бы Тарасов ошеломлять новизной тактического рисунка — попытался бы задавить мощью стартового натиска, как привык это делать в ЦСКА. Если потребовалось бы, натиск оказался бы еще более мощным, чем обычно.

Наблюдательность и неординарность мышления в тарасовском арсенале водились в изобилии; такого, пожалуй, больше ни у кого из коллег-соотечественников и не было. Однако не стал бы он использовать эти средства тренерского вооружения в главный для нашей сборной день турнира. Не посчитал бы необходимым.

И, наконец, предполагаю, не отважился бы Анатолий Владимирович на немалый риск, применяя непривычную тактику в решающем матче мирового первенства, поскольку и без того испытывал колоссальные нервные перегрузки от той ответственности, которую возлагала необъятная родина на него, Тарасова.

Пульс бывал учащен сверх меры, и нервы были натянуты как струны скрипки — разве до рискованных шагов в подобном состоянии? Чернышевские пульс и нервы вели себя поскромнее, держались в рамках допустимого для тренера, отвечающего за команду.

Напоминаю, что всё только что изложенное остается на совести автора и основано на его способности возвращаться в достопамятные времена и «прокачивать» ситуации — так выражаются современные игротехники. Те ситуации возникали в советской сборной 60-х; они же в той или иной форме возникают и будут возникать в тренерских штабах национальных сборных в любое время.

Решительность Чернышева не может не подкупать.

Рисковал он в 54-м, рисковал в 56-м, рисковал в 65-м... И пил шампанское!

Рисковал и тогда, когда согласился на альянс со своим антиподом и самым активным оппонентом в прессе Тарасовым. И тоже отмечал триумфы сборной. На пару с ним — девять лет кряду!

Легко предположить, что заслуженный совместный успех оба гения отмечали с чувством и с расстановкой, выпивая русскую водочку, припасенную в личном багаже. А что же еще должен был выпивать непобедимый тандем русских тренеров?!

Оба являлись выдающимися специалистами во всех областях хоккейной науки и жизни. Подходы их различались почти так же, как их человеческие натуры. Оба уделяли пристальное внимание тактике. Тарасов в присущем ему новаторском стиле искал новизну — Чернышев был ближе к земле, то бишь ко льду, где его команда получала тактические планы в зависимости от сегодняшнего соперника.

Со своей армейской дружиной Тарасов выходил на арену для того, чтобы с первых минут, с первых же смен сокрушить, смять, подавить тех, кто ему противостоял. Линия атаки была на загляденье. Зачастую уже в первом периоде ЦСКА решал исход поединка в свою пользу. Далее матч доигрывался вхолостую, потому что зрители заплатили за билеты и потому что хоккеисты получают зарплату и премиальные за полностью отыгранные матчи.

Со своим динамовским отрядом Чернышев представлял серьезную силу, однако впечатления несокрушимости команда не производила. Тренер вынужден был видоизменять тактический рисунок игры с учетом того, с кем предстояло встретиться. Против ЦСКА динамовцы действовали вторым номером, сознавая, что в открытом бою шансов на успех у них совсем мало. Против «Крыльев Советов» или «Спартака» уже иначе выстраивали свои ряды. Против аутсайдеров — тем более.

Аркадий Чернышев был более вариативен в тактике, нежели Анатолий Тарасов. Как ни парадоксален этот вывод. Тому способствовала тренерская практика Чернышева в «Динамо».

Что абсолютно не принижает Тарасова как выдающегося специалиста — в том числе и в тактических построениях.

Чернышев, испытывая больше трудностей в текущей жизни всесоюзного первенства, оказывался более искушенным тактически да и эмоционально и психологически устойчивее ассистента; являясь в распоряжение сборной, Аркадий Иванович пребывал в очень хорошей форме как тактик, как старший тренер, который по своим служебным обязанностям будет на каждой установке брать слово первым.

Всеволод Бобров:

Если когда-нибудь меня спросят о моем учителе в тренерстве, в первую очередь я вспомню Чернышева. Он придумал в сборной специальные совещания защитников, нападающих. Ну а про его задушевные беседы до матчей до сих пор ходят легенды. Любил он это делать. Причем не официальным тоном, а так по-домашнему, по-отцовски.

Заведет, бывало, разговор о том о сем, что вроде и к делу напрямую не относится. А потом, глядишь, незаметно так и совершенно неожиданно для тебя на хоккейную тему выводит. Мнение свое не навязывает, больше спрашивает. А в вопросах настолько сквозит его взгляд на предстоящую игру, что начинаешь невольно чувствовать, чего от тебя хотят.

В ЗЛАТОГЛАВОЙ БЕЗ ЗОЛОТА

...Я плакал. Слезы текли по щекам сами собой, помимо моей воли. И я даже не пытался смахнуть их, чтобы никто не заметил такого позора.

Дворовому пацаненку, круглый год гоняющему мяч и всю зиму гоняющему шайбу, слезы не к лицу. Ведь это же признак слабости, это же повод быть прозванным «маменькиным сыном», что звучало оскорблением совершенно уничижительным. Спортивная злость, настырность, жизнерадостность, отчаянная смелость и игровая хитринка — вот неполный набор тех черт характера, которыми обладал семилетний футболист-хоккеист, не знавший удержу в игре.

Это я всё про себя правдиво написал.

Была только одна заковыка в безоблачной жизни: где бы посмотреть футбол-хоккей по телевизору? Родители, считая копейку, этот агрегат не приобретали. Вот я и ломал себе голову

над тем, к кому, когда и как напроситься в гости на спортивный телесеанс. В тот мартовский денек жертвой моего болельщического угара стали соседи по цокольному этажу с окнами на уровне тротуара. Милая супружеская пара в годах не могла устоять под моим напором, оформленным в робкую просьбу.

Меня посадили в мягкое кресло, в котором я утонул. Перед мной был предел мечтаний — телевизор КВН с маленьким экраном и огромной линзой. Транслировали хоккей. Наши со шведами. Последний и решающий матч. Чемпионат мира 1957 года. В Москве. На открытом льду лужниковского стадиона.

Я был по-мальчишески уверен в том, что наши выигрывают и станут чемпионами. А как иначе могло быть?! И я совсем не по-пацански дрожал как осиновый листок. А вдруг не выигрывают и не станут чемпионами?! Что тогда мне делать? И вообще как жить тогда дальше?!..

Народу было видимо-невидимо. Тысяч тридцать, а то и больше, а то и все полсотни тысяч: каток залили за футбольными воротами перед Южной трибуной. Темный океан зимних пальто и белый ледовый овал в лучах прожекторов. И завораживающий голос Вадима Синявского...

Чернышев? Слышал про такого. На уличном газетном стенде, где «Советский спорт» вывешивали, фамилию эту несколько раз подмечал. Наш тренер. Ну, тренер и тренер. А на слуху кто был — Бобров! Еще Сологубов — Трегубов. Ну и те, кто с Бобровым в тройке блистали: Бабич и Шувалов. Невдомек мне было, что Шувалов проживает буквально в одном квартале от нашего дома... Не обратил внимания на то, что Бобров с Бабичем тем вечером на лед так и не вышли, тем более не ведал, что Шувалова вообще в сборную не призвали...

После первого периода я оцепенел — проигрывали шведам 0:2.

После второго периода я был уже кум королю — громили шведов 4:2.

А после финального свистка, намертво оставившего в истории ничью 4:4, которая наших не устраивала, слезы брызнули из глаз.

И наверняка не только у мальчишки с Новопесчаной. У взрослых дядей на огромных футбольных трибунах «Лужников», не вмещавшихся в крохотный телеэкран КВН, слезы тоже лились. Хорошо помню, как тогда народ переживал за страну на спортивных аренах.

Народ дождался второго рождения канадского хоккея на русской земле.

В 1946 году всё началось. Замечательно началось, но, будем откровенны, пребывало в тени футбола. Газета «Советский

спорт» отводила новому хоккею весьма скромные площади на полосе. Сухие репортажи, текущая информация. Успехи сборной всколыхнули граждан, гордость и радость переполняли их сердца и души. Успехи были колоссальными и неожиданными, но достигались они где-то там, далеко за рубежами родины, и оттого казались чуть-чуть... неправдоподобными. Даже такие оттенки в настроениях присутствовали.

А в 1957 году в Златоглавую пришел чемпионат мира по хоккею с шайбой!

Страна приготовилась отметить на широкую ногу второе пришествие этой замечательной игры.

С истинно русским размахом спланировали турнир. Двенадцатитысячного Дворца спорта, отстроенного в Лужниках, показалось недостаточно. Часть матчей решили провести на стадионе «Динамо», видимо, ностальгически вспоминая о начале нашего пути, а центральные встречи с участием советской сборной — на лужниковском стадионе, вмещавшем на футболе 103 тысячи зрителей.

Предвкушение скорого и громоподобного восхождения нашей сборной на пьедестал зависло в воздухе, как аномально-нормальное явление природы. А как по-другому это могло видаться соотечественникам, если наши пребывали в ранге олимпийских чемпионов, если за три года стали трехкратными чемпионами Европы и двукратными чемпионами мира? Жаждали хоккейные поклонники живьем повидать канадцев да американцев в придачу, но те отказались отведать хлеба-соли по политическим мотивам — после подавления советскими танками мятежа в Венгрии. Ну так тем более победа почти в кармане! Канады не будет, а Швеции и Чехословакии наши парни за три сезона в официальных турнирах ни разу не проиграли.

Между тем Чернышеву пришлось совсем несладко.

После завоевания олимпийского золота он был на коне. Уверился в правоте собственных подходов к игре и к игрокам. Комплектовал сборную по своему разумению. Однако именно кадровый вопрос с приближением московского чемпионата, как на грех, встал довольно остро.

Первое хоккейное поколение, увы, моложе и сильнее не становилось. Констатировать это было легко, куда сложнее было признать неминуемое увядание заслуженных и бывалых бойцов, прошедших огонь, воду и медные трубы. Аркадий Иванович оказался на перепутье, от которого уходило несколько дорог, и ни одна из них не была асфальтовой; в лучшем случае грунтовые, а кое-где и изрядно разбитые проселочные. И стрелки, той самой стрелки, указывающей на самый правильный путь к цели, не было на перекрестке...

В состав не включил Виктора Шувалова, посчитав, что на сходе центрфорвард. Тот признавался: не ожидал, что отцепят, силенки еще были, и забивал немало, и в оборону успевал вернуться. «Что ж поделаешь, Чернышеву было виднее, — вспоминает он. — Уважал всегда Аркадия Ивановича и обиды на него после этого не держал».

Это признание я услышал от своего давнего соседа по родной улице спустя полвека после первого мирового первенства в нашей столице.

По разным причинам наставник не включил в состав своих динамовских форвардов Юрия Крылова и Валентина Кузина. В результате распались два спаянных годами звена. А Чернышев неизменно подчеркивал огромный плюс нашей сборной, заключающийся в разностильности всех троек — армейской, динамовской и крыльевской.

Что было показательно в тех селекционных действиях динамовского наставника? Имея полноту власти и полномочий, имея за спиной три года исключительно успешного выхода сборной на мировую орбиту, не стал злоупотреблять, как говорится, служебным положением и использовать благоприятный конъюнктурный момент для того, чтобы подтащить в состав динамовцев. Напротив, их стало меньше: вместо отцепленных форвардов Крылова с Кузиным появился только защитник Костарев. Остальные новобранцы представляли ЦСКА — Локтев, Александров и Черепанов, и «Крылья Советов» — Владимир Гребенников.

Аркадий Иванович был здесь чист. Как, впрочем, и всегда. В корысти либо еще в каких-нибудь проявлениях сугубо эгоистического свойства замечен не был.

Собственное эго, которое, безусловно, присутствовало у него, как и у любой яркой личности, надежно прятал в тайниках души и не позволял ему вылезать наружу. Подчас даже перебарщивал с этим. В золотоносные 60-е, когда следовало по всем правилам и понятиям отстаивать динамовских кандидатов в национальную сборную, не проявлял должной настойчивости и боевитости...

Но вернемся в 57-й, в Златоглавую. Вот как сам Чернышев описывает проблемы с комплектованием главной команды страны, с которыми он столкнулся:

Крайне трудно бывает тренеру, который связан с хоккеистами крепчайшими узами, хладнокровно судить о том, сможет или же не сможет быть максимально полезным команде игрок, ставший твоим другом, и еще труднее сказать ему, как чужому: «Уходи, пора, ты свое отыграл».

В этих словах — один из чернышевских подходов к тренерскому призванию. Для него это работа с людьми. Прежде всего. Прежде и превыше любой подготовки спортсмена в физическом, техническом или тактическом плане. А работа с людьми, по Чернышеву, означает целый джентльменский набор качеств. Чуткость: понимать, как и чем живет игрок, и соответственно реагировать на любые события в его судьбе. Доброжелательность: вести себя так, чтобы убедить игрока — тренер желает ему только добра. Корректность: не унижать достоинства подопечного ни при каких обстоятельствах. Уважительность: воспринимать хоккеиста как индивидуальность, которую должен всячески оберегать. Коллегиальность: осознавать, что тренер делает общее дело с игроками, тренер скорее не властный начальник, а старший товарищ, значительно больше проживший и повидавший и в разы больше хоккеиста отвечающий за спортивный итог. Чем не обязательный набор качеств настоящего английского джентльмена? И как же отличается это от тарасовского краеугольного тезиса о том, что «главное для тренера — это умение резать по живому!».

Однако ни в коем случае не стоит представлять себе Чернышева эдаким мягкотелым рулевым команды. Его авторитет был высочайшим, и он умел сохранять дистанцию с игроками. Интеллигентность ощущалась во всем, но с безвластностью и бесконтрольностью это ничего общего не имело. И в том же 57-м он принимал решения, за которые, как всегда, был готов нести ответственность, в последствиях которых разбирался критично и без малейшей пощады к себе.

Аркадий Чернышев:

Мы с Егоровым понимали, что команде необходим уже не текущий, а капитальный ремонт. Знали, что решительное обновление состава возможно, поскольку в клубах подросли к тому времени способные молодые мастера. Но кроме привязанности к тем хоккеистам, с которыми вместе прошли столько испытаний, существовало еще и подсознательное опасение: стоит ли именно сейчас рисковать? Чемпионат мира проходит в Москве! Особая ответственность...

В искреннем порыве самокритики Аркадий Иванович явно преувеличивает. Разве мог он в предыдущем трехлетии экспериментировать с составом? Да какое там... Отобрать бы всех сильнейших на официальную заявку да не осрамиться бы на международной арене. А разве имелся у него богатый выбор исполнителей в те дебютные сезоны? Да какое там... Все сильнейшие уже тогда выступали в столичных клубах, и потому аб-

солютно все находились на виду. Никого он не упустил, просто неоткуда было взяться большому количеству классных мастеров среди первого поколения, которое получило в свое распоряжение первый истинный лед в столичных Сокольниках лишь в 55-м. А разве имел он право привлекать новобранцев в олимпийский состав 56-го? Да какое там... Первая зимняя Олимпиада для Советского Союза — тут уж не до кадровых проб и ошибок.

Собственно, он и так решительно обновил состав к московскому первенству. Пять новобранцев — это, знаете ли, почти революционные изменения. Нахожу некоторую долю самобичевания в чернышевском поиске причин того, что в Москве его сборная осталась без золота.

Приведу еще один фрагмент чернышевской самокритики, во многом чрезмерной, настолько чрезмерной, что с окружавшими его хоккейными реалиями, по моему видению, мало имеет общего:

Тем не менее в том московском первенстве мира всё же играли, да еще в первой тройке, молодые хоккеисты Вениамин Александров и Константин Локтев. Играли. И, как можно было ожидать, показали себя с самой лучшей стороны. Но в том-то и дело, что таких, как они, молодых талантов могло и должно было появиться в составе сборной значительно больше. Наша ошибка, наша тренерская нерешительность сказалась не только на результатах московского чемпионата, когда на высшую ступень пьедестала почета встал капитан команды шведов, а не наш капитан Николай Сологубов. Хуже, что на какое-то время прервалась преемственность игровых традиций сборной, а об этом нам, тренерам, следовало позаботиться прежде всего...

Однако Аркадий Иванович не называет конкретных имен, не называет тех молодых талантов, которые стучались, стучались в двери его сборной, а он, знаете ли, тот самый стук не расслышал. Либо плохо со слухом было, либо таким уж непроходимым консерватором оказался. Но это — не про Чернышева. Что же было в его распоряжении и чем распорядился не по-хозяйски? Выбор достойных кандидатов был весьма ограничен. Ярмарка молодых талантов в 57-м еще не отличалась широтой, размахом, разнообразием и яркими красками. Второе поколение только-только выходило на арену. Двух наиболее перспективных его представителей тренер и привлек в состав, сразу поставив в первое звено. И Локтев с Александровым в целом не подвели.

В подобных жестких критических оценках Чернышев был не одинок. Ясно, что Тарасов, обладавший такой активностью в высказывании печатного слова, которой мог бы позавидо-

вать молодой корреспондент, находящийся на испытательном сроке, не оставил без должного и пристального внимания фиаско на родном льду. Первым делом прошелся ядовитым жалом по составу. Что, впрочем, обычное дело при размахивании кулаками после драки. Не тот уже защитник Павел Жибуртович: и так-то не очень сильный исполнитель. Не тот уже и Евгений Бабич: скорость, ориентировка, технический брак, тактическое однообразие. Не тот уже и Александр Уваров: якобы сам заявлял, что «ему уже трудно играть» (признаваться в этом мог только своему динамовскому наставнику, и я не могу себе представить, чтобы Чернышев пропустил такое мимо ушей и чтобы трижды не перепроверил богемотность центрфорварда). А Владимир Гребенников вообще не тот игрок, что достоин защищать честь страны в хоккее: сплошные недостатки...

Один из ведущих советских специалистов, тренирующий замечательную команду ЦСКА и варящийся в котле всесоюзных турниров, выступает с резкой критикой, которая сродни разносу. Ну, допустим, не стоило Чернышеву доверять места в сборной тем четверым спортсменам. Ну так назовите фамилии тех, кем бы вы на месте Чернышева заменили бы не оправдавших ожидания игроков! А так получилась односторонняя критика без конкретных предложений.

Весьма сомнительным показался и прямой намек на то, что, дескать, тренерский штаб сборной преследовал личные интересы, пользуясь своим высоким статусом.

Анатолий Тарасов:

Ошибки в комплектовании состава команды вызывались не только стремлением тренеров сборной ввести в состав команды игроков своих клубов (а это, несомненно, было), но и неправильным пониманием тактики советского хоккея и путей его дальнейшего развития.

Подобные упреки по кадровым вопросам в течение последующего полутора десятка лет раздавались как раз в адрес самого Тарасова. А тогда, в 57-м, динамовцев было трое — как и в успешном олимпийском 56-м; подопечных Егорова стало четверо вместо трех — так «Крылья Советов» в том сезоне стали чемпионами СССР. А большинство сборной по-прежнему составляли столичные армейцы.

Тарасов упрекает старшего тренера сборной в «неправильном понимании тактики советского хоккея и путей его дальнейшего развития».

Такая констатация профессиональных несовершенств наставника сборной производила оглушительное впечатление;

била-то она в болевую точку любого уважающего себя специалиста. «Слабый тактик» — это звучало чуть ли не как клеймо. Как минимум подразумевало консервативность Чернышева и то, что не заглядывает он прозорливо в наше светлое будущее. И вообще намек на тактическую ограниченность является едва ли не наиболее язвительным попреки среди хоккейных тренеров.

До того злополучного 57-го, в котором сборная, никому не уступив, завоевала серебро, Аркадий Чернышев выиграл два из трех мировых форумов, а в 55-м добыл с командой серебро; сборная в течение четырех лет уступила только в одном поединке, одолев канадцев в двух ключевых матчах из трех. Значит, был прав. Априори прав был первый старший тренер сборной Советского Союза. Потому что победителей в спорте не судят. Зато на оступившихся с необычайной легкостью спускают всех собак...

Почему же Анатолий Владимирович не критиковал Аркадия Ивановича по возвращении из Стокгольма в 54-м и из Кортина-д'Ампеццо в 56-м? Ну а как, скажите на милость, замахнуть на творца двух дебютных триумфов? А в 57-м благоприятный момент для профессиональной разборки представился, грешно было его упустить. Вне всяких сомнений, Тарасов не мечтал — жаждал всеми фибрами души сменить Чернышева у главного хоккейного пульта страны. Вскоре это и произошло...

Показательно, что под водительством Тарасова в 58-м, 59-м и 60-м страна обошлась без хоккейного золота. Однако мы не найдем в периодике тех лет тарасовского самобичевания и чернышевских нападков на тогдашнего рулевого сборной. Трех нереализованных попыток вполне достаточно для выявления системных огрехов, однако ни Анатолий Владимирович, ни Аркадий Иванович публично эту тему не обсуждали.

Показательно и то, что в этот период Чернышев получил от Тарасова приглашение поработать вместе в качестве помощника. Отказался без колебаний.

Показательно, что спустя пять лет в аналогичной ситуации Тарасов столь же решительно принял предложение главы советского спорта Романова занять должность помощника Чернышева...

Чернышев предпочитал такие тактические рисунки, которые позволяли обезопасить собственные тылы и одновременно максимально использовали маневренность атакующей линии, высокие скорости, доставшиеся советским первопроходцам канадского хоккея в наследство от хоккея русского. Когда у реактивных форвардов будет больше возможностей для использования своих сильных качеств? Когда больше будет простора, естественно! А вот это-то и обеспечивал контратакующий стиль Чернышева.

Заодно, между прочим, и силенок удавалось поднакопить: ведь известно даже из учебников по тактике боевых действий, что атакующая армия несет неминуемо больше потерь, нежели обороняющаяся. Постоянное давление в зоне соперника очень и очень энергозатратно. И отчасти однообразно, ведь соперник загода знает ваши намерения и тщательно готовится к длительной непрерывной осаде своей крепости. И отбиваться на ограниченном пространстве своей зоны чуть попроще.

Заодно укрепление собственных тылов с последующим стремительным выпадом, как уже было сказано, имеет эффект выпущенной стрелы из туго натянутого лука. А еще имеет эффект неожиданности такого резкого выстрела.

Преимущества в таком тактическом построении уйма.

Но, разумеется, при желании в любой конфигурации, в любом четко выраженном технологическом подходе можно найти как плюсы, так и минусы. Зависит от того, кто как воспринимает наполовину заполненный водой стакан... Анатолий Владимирович увидел стакан Аркадия Ивановича полупустым в марте 57-го, после решающей встречи СССР — Швеция на открытом льду Большой арены «Лужников».

Вот не отличишь блистательный швед Тумба Юханссон за шесть минут до финального свистка, не повергни он в уныние тысячи советских счастливчиков на стадионе и миллионы советских граждан у телевизоров КВН — и я бы охотно, въедаясь в каждый абзац, в каждую строку и в каждое слово, изучил бы пожелтевшие полосы журнальной статьи Анатолия Тарасова. Полагаю, в корне другой текст обнаружил бы.

В спорте эта грань между успехом и разочарованием жестка донельзя.

Аналитика Тарасова была, не скрою, основательна и весьма убедительна; высокий профессионализм и полная осведомленность присутствовали в полном объеме. Смущает, однако, что весь массивный текст был построен сплошь на негативе. Ну ничего путного за Аркадием Чернышевым не значилось ни при подготовке к турниру, ни во время его проведения. Но так, простите за категоричность, не бывает. Что, разве сборная Советского Союза осрамилась на столичном льду? Бездарно уступила главным конкурентам и довольствовалась серебром лишь потому, что канадцы сюда не прилетели? Или того хуже — потеряла очки с середняками? Нет же, две боевые ничьи с Чехословакией и Швецией отодвинули Советский Союз на почетное второе место. Серебряные медали не тянули на причину того разноса всего и вся, который вышел из-под пера Анатолия Владимировича...

Если уж автор написал, что в 57-м самой малости не хватило Чернышеву для принесения золота в дар Златоглавой, что в спорте зачастую чрезвычайно тонка грань между успехом и

неуспехом, то предлагаю с аналогичных позиций расценить предыдущие его достижения.

Была ли советская сборная сильнее всех в мире в 54-м и 56-м? По результату — да. С этим не поспоришь в спорте. А по существу? Да нет, конечно.

Что подсобило «русским медведям» в 54-м? Что из своей тайги не высывались и потому собственные повадки приобрели и наработали. Что повадки те полной неожиданностью стали для канадцев, обитавших на другом конце света. Что советский тренер Чернышев во время «Совета в Филях» не пошел на поводу у советского тренера Тарасова и решил дать бой родоначальникам. Наконец, что Чернышев разработал собственный тактический план сражения и сумел вселить в подопечных веру в себя. Бомба разорвалась на мирном скандинавском лугу, где паслись прирученные канадцами европейские коровки. И всё разлетелось вдребезги — 2:7 для них и 7:2 для нас.

В 55-м что сыграло в пользу канадцев? Протрезвели и ударили со всего размаху по нашим слабостям, прежде всего по неотточенным навыкам в силовых единоборствах. Тут уж и на русском поле грянула бомба, скажем прямо, не меньшей разрушительной силы — 0:5 для нас и 5:0 для них.

В 56-м что помогло олимпийский дебют конвертировать в золото? Терпение, терпение и еще раз терпение. Умение, умение и еще раз умение. Изготовились к канадскому смерчу на площадке, терпеливо и умеючи держали оборону, а когда их энергетический пыл предсказуемо стал иссякать, предприняли две пружинистые вылазки по вражеским тылам и были таковы. Устремись русские на канадцев с шашкой наголо и попытайся непрерывно атаковать их (как призывал Тарасов сделать в 57-м), не видать нам того золота как своих ушей. Потому что еще не готовы были к тому, чтобы всем диктовать на льду свой фирменный советский хоккейный стиль. И на том низкий поклон первому поколению и в первую очередь лично его умному и волевому, способному на риск командиру Аркадию Ивановичу Чернышеву.

А что же по существу произошло на московском льду 57-го?

Много чего. Выделю лишь очевидное.

Ресурс первопроходцев близился к исчерпанию. Через год никого из них не останется в атакующей линии сборной. Ресурс второго поколения был еще весьма ограничен. Да и пять новобранцев, брошенных в пекло, — достаточно рискованное предприятие.

Всеволод Бобров был в сборной, но своего любимца, увы, народ не увидел в последний день чемпионата. Поговаривали, что был травмирован; информация об этом доходила какая-то расплывчатая. Но и кудесник Всеволод Михайлович не га-

рантировал успеха; в игровых командных видах ни одна звезда ничего не решает в одиночку. И всё же мне кажется, что само его присутствие на льду вдохновило бы наших парней на то, чтобы добиться перевеса.

А за шведов выступал Тумба, причем находясь в начале своей блистательной карьеры. Про картежных шулеров говорят: «Ловкость рук и никакого мошенства». Так что этот Свен удумал, когда увидел, что русские приставили ему персонального опекуна? Сам стал искать сближения с другим русским игроком и таким вот хитрым образом стягивал на себя двух соперников, освобождая партнерам поле деятельности.

В подобное трудно поверить, но картина рокового четвертого гола Швеции предстает совсем разной в рассказах вратаря Николая Пучкова и форварда Свена Тумбы Юханссона.

Свен Юханссон:

В финальном матче русские «надели на меня пальто». Их игрок ни на шаг не отставал от меня, был так навязчив, что мне казалось, будто он и после матча последует за мной в раздевалку. И тогда я решил сам опекать кого-нибудь из нападающих противника. Теперь рядом со мной всегда было двое: одного сторожил я, другой опекал меня. В результате игроки моей тройки Эйе Линдстрем и Эйлерт Меетте (по кличке Гарвис) действовали по краям очень свободно. Две шайбы забросил Эйе и одну, причем решающую, — Гарвис. Произошло это следующим образом. Я вышел на угол и сумел завладеть здесь шайбой. Оба моих сторожа были рядом. Я передал шайбу Меетте за ворота. «Нужно непременно занять место на пятчке», — подумал я. Оттуда я увидел, что Гарвис с шайбой совсем один. Прямо перед воротами стоял я со своими опекунами, а в самих воротах — русский вратарь Пучков. Остальных отделяло от нас сравнительно большое расстояние. В этот момент десятки тысяч зрителей решили, что Гарвис передаст шайбу мне, ведь я занимал очень выгодную позицию. Так, наверное, подумали и все игроки на поле. И я ждал шайбу от Гарвиса. Но мы все ошиблись. У Меетте был свой план. Он вывел шайбу одной рукой и сделал бросок из-за ворот. Шайба оказалась за спиной Пучкова, который рассчитывал, что все внимание Гарвиса сосредоточено на мне. Но шайба уже лежала в воротах, и я сказал Пучкову, чтобы он больше не сомневался, что гол забит.

Николай Пучков:

После вброса в лицевой борт шайбой завладел Иван Трегубов и поехал с ней за ворота, готовясь отдать нас нашему правому крайнему. Находясь у левой штанги, я начал перемещаться в том же направлении, что и наш защитник, и видел, что следом за ним движется шведский форвард. Естественно, я ожидал уви-

деть шайбу на клюшке Трегубова при его появлении справа от ворот. Но вдруг кожей ощутил, что что-то здесь не так. Резко обернувшись, я успел увидеть, что шайба сошла у Вани с клюка, застряв в снегу, и он проскочил вперед, подарив ее Меетте.

В версии Пучкова есть указание на снег, в котором застряла шайба перед мчавшимся Трегубовым. Комок снега... А не он ли, тот самый злосчастный комок, всё предрешил в ничейной встрече против сборной Чехословакии? И не устроил организаторы московского чемпионата этой погони за рекордными 50 тысячами зрителей на трибунах, что явилось следствием завышенных ожиданий и предвкушения триумфа, как знать — может, на отполированном льду лужниковского дворца и не случился бы тот конфуз с шайбой-невидимкой (между прочим, в 54-м обильный снегопад с дождем помешал советской сборной одолеть шведов, наша команда довольствовалась тогда вымученной ничьей).

Очень трудно будет поверить в то, что имеются еще не одна и не две, а три версии того, как проклятушая шайба залетела в ворота Пучкова. Всего же — пять видений одного мимолетного эпизода! Впору написать это же слово с иным ударением, указывающим на некий мистицизм, — видений... О том писал в глянцево-м журнале историограф из Санкт-Петербурга Владимир Кузьмин. Настоящий наш хоккейный историограф...

Всеволод Бобров:

Чернышев источал прямо-таки неиссякаемый оптимизм. И ни разу я не припомню, чтобы он сделал вид, что наша возможная или состоявшаяся уже осечка может встать ему слишком дорого — того же, к примеру, поста главного тренера. Наоборот, он всегда давал понять, что промахи наши — не самая страшная трагедия, главное — впереди, но, конечно же, при условии правильно сделанных выводов из поражений. В 1957 году, сыграв вничью последний матч со шведами, мы лишились тем не менее звания чемпионов мира... Немалый риск был и в 1969 году, когда второе поражение решительно обновленной сборной СССР от Чехословакии закрывало, казалось, путь к золотым медалям.

Снимать Чернышева с должности было не за что. Четыре турнира высшей категории престижности: два золота и два серебра. За такое благодарят, а не «сымают» (вспомним тарасовское выражение о том, что «...нас, тренеров, рано или поздно сымают»). Однако же освободили Чернышева ни за что.

Причиной всему явились завышенные ожидания от хоккейного форума на родной земле, обостренные отсутствием

Канады. Советский Союз не имел оснований для безоговорочного лидерства в тот год. Завышенные ожидания — такая это страшная напасть, что просто жуть. Поражает всех напропалую. Руководителей всех мастей, чиновников, специалистов, игроков, тренерский штаб команды. Иллюстраций этому утверждению — пруд пруди. Самая свежая и самая наглядная случилась на футбольном мундиале-2014 в Бразилии, где хозяева форменно осрамились перед собственной публикой в полуфинале с Германией — 1:7!!!

И в нашей дальнейшей хоккейной истории этот недуг поражал главную команду страны не раз и не два в самые неподходящие (читай, в самые важные) исторические моменты. Подозреваю, что еще никто в мире не придумал противоядия от этого губительного вируса.

Еще я подозреваю, что послушайся Аркадий Иванович тарасовского совета не выкладываться против канадцев в 54-м и привези он оттуда серебряные медали, никто бы его в 57-м не посмел тронуть...

Чернышев продолжил работу в родном «Динамо». А рулевым сборной назначили Тарасова.

А кого же еще? Эти двое были правофланговыми в хоккее с шайбой.

Надо полагать, что Анатолий Владимирович учел все изложенные в той статье ошибки и недочеты Аркадия Ивановича. И то, что было близко к действительности, и то, что было спорным, и то, что явилось плодом его богатого воображения. Особенно, видимо, преуспел в селекционном подборе новых талантов и в неуклонном следовании атакующему стилю, традиционному для советского хоккея.

Три года рулил сборной Тарасов. Два мировых первенства и Олимпиада. Два серебра и олимпийская бронза. Во всех трех турнирах — поражения от Канады. А на Олимпиаде — еще и от Америки.

На Олимпиаде поражения были, если можно так выразиться, убедительными. Приближения даже к ничьей не наблюдалось.

Вот за такое действительно «сымают». Так и произошло. Только не очень скоро. В 61-м, практически накануне отъезда на чемпионат мира, к штурвалу сборной вернули Чернышева.

А кого же еще? Больше кандидатов и не было...

ТАНДЕМ — 7. ДИРИЖИРОВАНИЕ

Тактика тактикой и план планом, да только претворяли его в жизнь пары защитников и тройки нападения под неусыпным контролем «старшего», которому даже при добросовест-

ном и качественном исполнении задуманного нельзя расслабляться, ограничиваясь ролью надсмотрщика. Там, в ледовом коловороте, в следующую смену, а то и в следующую секунду может случиться всё, что угодно, и всё, что неуютно тренеру и его команде.

Мы с вами, читатель, подключив наше воображение, проследили практически весь путь чернышевской сборной: отбор кандидатов, занятия на льду и в зале, создание комфортного климата в мужском коллективе, разработку тактических планов на игры. Осталось совсем немного — побывать в команде в те два с лишним часа, когда она будет биться за престиж страны. Осталось то, ради чего все предыдущие этапы и проводились.

В далеком прошлом остались летняя предсезонка, товарищеские игры, календарные встречи внутреннего первенства, предварительное комплектование сборной, известинский турнир в декабре и январское турне по Канаде. В недалеком — утверждение окончательного состава на тренерском совете, наигрывание одной-двух новых связок, прибытие на турнир, первый поединок, второй, третий...

И вот новое испытание. Руководить им будет, как обычно, Аркадий Иванович Чернышев.

Хоккейный тренер сродни десятиборцу — на все руки мастер. Только красавец-атлет зависит лично от себя, а тренер зависит от команды и отвечает за нее в течение всех шестидесяти минут чистого времени.

Какие же качества выделить у хоккейного наставника?

Попытаюсь рискнуть и выявить что-то наиглавнейшее и затмевающее всё остальное; возможно, с лихвой компенсирующее недостаку каких-то других качеств; возможно, наиболее весомо влияющее на результат команды.

Вы можете иметь чутье на перспективных молодых игроков. Можете создавать комфортный климат в коллективе. Можете мотивировать хоккеистов на высокие и прежде невиданные цели. Можете вести высококвалифицированный учебно-тренировочный процесс. Можете закладывать летом базу физической готовности, которой будет хватать на целый сезон. Можете окружить себя толковыми помощниками и пригласить доктора и массажистов на зависть коллегам из других клубов. Можете разрабатывать победоносные тактические схемы. Можете успешно компоновать звенья форвардов и дуэты защитников. Можете быстро и с наименьшими психологическими потерями восстанавливать команду и себя самого после крупных разочарований...

Вы можете практически всё. Вы — супер! Однако же вы пока что девятиборец... Зато если вы не в состоянии классно

дирижировать командой в матче, который транслируют на планету, то ни при каких условиях не станете Тренером.

Этот десятый вид тренерского многоборья — управление игрой — стоит последним в программе многоборья и является наипервейшим по своей значимости.

В этом и заключается попытка автора определить главное, на его взгляд, качество тренера-победителя.

Аркадий Чернышев этим качеством обладал. И не просто обладал сполна — виртуозен был в дирижировании хоккейным оркестром!

А кому это было достоверно известно? Тем виртуозам-исполнителям, которым посчастливилось внимать чернышевской дирижерской палочке. Остались единицы из них.

Они-то охотно поведают о том, как управлялась непобедимая сборная Чернышева — Тарасова, как ценные указания, именно указания, необходимые к исполнению, отдавал только Чернышев. Поведают армейцы, спартаковцы, динамовцы, и будут их повествования различаться лишь в словах и кое-каких третьестепенных впечатлениях. Жаль, лет тридцать никто не беспокоил их по такому поводу.

Миллионы сограждан прилипали к примитивным телевизорам, открывавшим настежь окно в хоккейный мир в дни Олимпийских игр или мировых чемпионатов. Видели на лавке двух тренеров, они-то и командовали. На лавке сборной оба располагались примерно одинаково, только Тарасов держался поживее, эмоциональнее и потому казался главнее почти невозмутимого Чернышева.

Виталий Давыдов:

Мы прислушивались к советам Анатолия Владимировича и выполняли указания Аркадия Ивановича.

Нормальная это практика. Единоначалия в боевых действиях, коими является любой нетоварищеский хоккейный матч, никто не отменял. И никто не экспериментировал с либеральными реформами на лавке, где и происходит управление командой, управление игрой.

Старший тренер сборной Чернышев командовал, а тренер сборной Тарасов помогал, делал то, на что имел право. Право это обговаривалось заранее — раз и навсегда, покуда тренерский дуэт работает, — однако непосредственно очередную команду отдавал старший по званию. Иного в хоккее высшего уровня не дано.

Борис Михайлов:

В игре эмоции захлестывают и хоккеистов, и тренеров. Это захлестывание еще возрастало в сборной, где у нас было колос-

сальное чувство ответственности и патриотизма. Но мы-то, игроки, выплескивали эмоции на льду, хотя и на лавке, само собой, не успокаивались. А Чернышеву с Тарасовым в этом плане было намного тяжелее.

Дополнительная тяжесть лежала на Анатолии Владимировиче: в ЦСКА же он был царь и бог, а в сборной такой власти не имел. А во время матча нервы у него были на пределе, особенно если дела у нас шли неважнецки.

Когда два тренера объединяются, не может быть двух главных. Природа так устроена, что кто-то один руководит. Они так распределили между собой роли, что Аркадий Иванович был старшим, и эту грань Анатолий Владимирович никогда не переходил. Может, где-то и говорили друг с другом на повышенных тонах, но до нас это никогда не доходило. Здесь, я думаю, помогала их культура и то, как были воспитаны. И помогало, что цель у обоих была одна — прославлять страну в хоккее.

Виталий Давыдов:

На людях Чернышев с Тарасовым прекрасно ладили. Даже я слышал их обращения:

— Адя, пойдем обедать!

— Пойдем, Антон!

Я не знаю, почему он так называл Тарасова.

Они везде бывали вместе. На обеде, на прогулке, в магазине — если за рубеж сборная выезжала. И в бане, само собой. Анатолий Владимирович знатным парильщиком считался! Бывало, придем в баню, а там оба уже удобно расположились...

Никогда я не замечал, чтобы они как будто на разных полюсах находились. Я не видел неприязни друг к другу, не было этого никогда. Потому что команда сразу чувствует такие вещи, команду не обманешь. Поэтому даже при всей их полярности, которая была, необходимость нормальной обстановки в коллективе заставляла обоих быть всегда вместе и быть заодно друг с другом.

Почему автор так искренне убежден в главенстве десятого вида тренерского многоборья — управления игрой?

Да потому что игра венчает все усилия, всю подготовку и весь сезон.

Здесь тренер способен за счет блистательных управленческих ходов компенсировать какие-то просчеты либо недоработки, случившиеся до турнира. Здесь же способен из-за решений опрометчивых или безграмотных пустить под откос результаты многомесячной квалифицированной и старательной подготовки к главному событию сезона.

Аркадий Чернышев в играх сборной СССР ничего и никогда не пускал под откос.

Он зачастую компенсировал какие-то погрешности, допущенные при подготовке сборной. Совсем уж без погрешностей не обойтись...

Громких свершений наша сборная добивалась благодаря в первую очередь искусному ведению игры. Искусству, которое всегда в цене в силу своей важности и в силу того, что редко встречается.

«Чернышевское управление игрой».

Было оно сколь эффективно, столь и малоэффектно.

Фамильное качество Аркадия Ивановича!

Станислав Петухов:

Я мог сравнивать, как Тарасов руководил командой и как Чернышев. Сравнение напрашивалось само собой. Я ведь в сборную попал, когда Анатолий Владимирович командовал. В конце 57-го в первое наше турне по Канаде взял меня в состав. В 58-м и 59-м не повезло, из-за травм не ездил на чемпионаты мира. Зато взяли меня на Олимпийские игры в Скво-Вэлли. Спортивное и партийное руководство всегда считало Олимпиаду главным соревнованием четырехлетия, а тут еще два мировых чемпионата при Тарасове мы оставались без первого места.

В Скво-Вэлли мы проиграли Америке, хотя уйму моментов имели; уступили Канаде безоговорочно. Остались с бронзой.

Тарасов, он будто сам играл — вместе с тобой! Всё ходил, ходил, ходил по лавке. Всё говорил, говорил, говорил игрокам. «Пи-хал» провинившимся. Красный такой от напряжения. Глаз ото льда не отрывает — весь в игре. Это, скажу, тоже заводило меня дополнительно, и я на свою смену буквально выпрыгивал на лед. Вреда все ж таки было побольше: Тарас кипятился, нервничал, особенно когда сборная проигрывала, — и ты начинал сразу нервничать и как-то перевозбуждаться, а это не лучшим образом отражалось на твоих игровых действиях.

Чернышева не захлестывало так. Как-то умудрялся сохранять ясной голову и нервы держать в узде. До сих пор поражаюсь этому.

Чернышев, он же всю игру режиссировал. И не колебался, не шарахался из крайности в крайность. Не бегал по лавке туда-сюда... Тарас давал только какую-то локальную корректировку: надо было оставить шайбу партнеру... надо было самому бросить... надо было идти дальше в угол площадки... Чернышев руководил сменами — какое звено, когда и против кого выходит, по сколько времени каждое находится на льду. Это же важнейшее средство в руках старшего тренера.

Собственно, и во время матча, как и в остальных этапах совместной работы, они естественно дополняли друг друга. Чернышевское хладнокровие уравновешивало тарасовскую взрыв-

чатость, которая, со своей стороны, не позволяла «старшему» расслабиться, потеряв на минутку бдительность; важно, что команды хоккеистам всегда исходили из уст «старшего».

Несмотря на безграничную веру в собственное видение хоккея и тенденции его развития, к чему он — Тарасов — активно прикладывал руку; несмотря на лидерство ЦСКА на всесоюзной арене; несмотря на неутолимое честолюбие и гигантские амбиции — несмотря на всё это, Анатолий Владимирович отчасти смирился с тем, что руководить сборной в игре лучше удается Адику. Как бы высоко ни оценивал себя — на что имел массу весомых оснований, — после серии из трех подряд неудач сборной под его руководством в Осло, Праге и Скво-Вэлли поумерил свой властный пыл в сборной. Все три раза Советский Союз возвращался с медалями. С серебряными и бронзовыми, но начальство иначе как неудачи это уже не расценивало.

Евгений Зимин:

Много Аркадий Иванович не говорил. Так — три-четыре слова. На лавке сменами руководил. Потому что уравновешенным мужчиной был. Тарасов не вмешивался. Почти не вмешивался.

Тарасов в ЦСКА, когда были зарубы со «Спартаком» или «Динамо», начинал в девять нападающих, а если проигрывал, то заканчивал... в пять, а то и в четыре. Фирс (Фирсов. — Л. Р.) у него по 40 минут играл — ну куда это годится? Кричал провинившемуся: «Садись!» И сажал на лавку намертво. Не выдерживала у него нервная система... В сборной так нельзя было руководить командой. Как-то посадил полкоманды на лавку, силенок не хватило до конца игры — и наши проиграли...

А Чернышев соблюдал игровой режим. Всё время, сколько помню, он руководил.

И в напряженные моменты держал себя в руках. Тарас мог подойти, что-то тебе на ухо сказать, напихать, а он — никогда.

Может быть, как раз это и было его силой как тренера. Такой огромной силой мало кто обладал!

Друзья познаются в беде.

А тренеры — когда команда проигрывает.

Проигрывает в решающем матче. И не в первом периоде, не в дебюте; и даже не во втором, миттельшпиле, а в третьем — когда голова автоматически и нервно поворачивается в сторону табло, показывающего ужасно быстро и неотвратимо тающее время игры. Клубный тренер испытывает при этом эмоциональные, умственные и психологические перегрузки. Наставник сборной подвергается таким же перегрузкам, но в разы большим.

Виталий Давыдов:

Тарасов же не глупым человеком был. Умным! Тем более в хоккее... После трех лет руководства командой понял, что не получается у него быть старшим тренером сборной. Не получается управлять командой во время важной и сложной игры.

Не проявлял выдержку, когда команда начинала проигрывать. Всё — начиналась лихорадка. Тасоватъ начинала состав как колоду карт! Этого сюда, этого туда... Аркадий Иванович такими делами не занимался. В редких случаях мог кого-нибудь передернуть. Не переводил игроков из одного звена в другое почем зря. Это же нарушало привычные игровые связи, это же и дополнительно нервировало нас, игроков.

Вот такой чернышевской выдержки Тарасову не хватало, конечно.

Будучи у руля сборной на двух чемпионатах мира и на одной Олимпиаде, первого места не добился ни разу. Я слышал мнения некоторых специалистов о том, что, мол, в те годы, в конце 50-х, пошла смена поколений и поэтому Тарасову пришлось нелегко. Да какая там смена поколений?! Составы же были у него сильные по тем временам, хорошие же сборные были в его распоряжении.

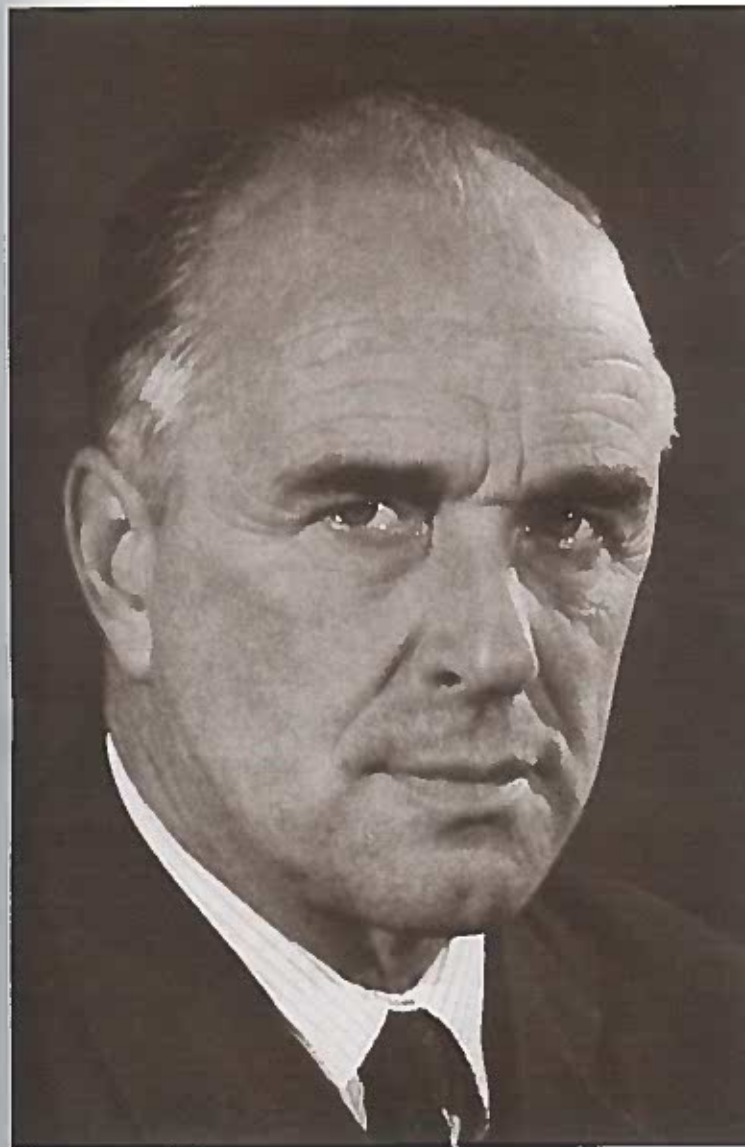
Веня Александров, армеец, поиграл и с первым поколением, и со следующим. Он же самым перспективным молодым игроком второй половины 50-х считался. Мы же с ним в одном районе вблизи стадиона «Динамо» жили. Так он откровенно мне рассказывал, что творилось на лавке сборной при Тарасове: «Только мы начинали проигрывать, хоть одну шайбу, — такая свистопляска начиналась, что просто ужас. Тарасов бегает вдоль лавки и мечется, раздает указания без передыха, а ребята вообще перестают понимать, что кому делать надо...»

Вот Анатолий Владимирович и понял, что лучше ему не влезать в шкуру «старшего» сборной.

На старых черно-белых снимках, сделанных в лужниковском Дворце спорта, видны лавочки для команд. Деревянные, с плавно закругленными спинками — как в городских скверах или парках культуры той поры. Кажутся допотопными и громоздкими, зато были очень удобными. Места много занимали; по-видимому, из-за этого их заменили на лавки, смахивающие на обычные школьные банкетки без спинок, только с прямоугольными сторонами. Чернышевский стиль командования ассоциируется у меня с теми лужниковскими комфортными лавками, а тарасовская манера ближе к упрощенно-прямоугольным формам.

Станислав Петухов:

На крик Адик никогда не переходил, даже если кто-то ошибался, даже если получали шайбу в наши ворота или уступали в

Аркадий Иванович Чернышев. Фото М. Боташева

Вся жизнь — в игре. Фото М. Боташева

Накануне
дебютного
для СССР
чемпионата мира
1954 года

Сборная СССР —
чемпион мира
1954 года

С капитаном сборной СССР по хоккею Борисом Майоровым

На пульсе игры

Станислав Петухов

Виталий Давыдов

Знаменитая динамовская тройка: Петухов — Юрзинов — Волков

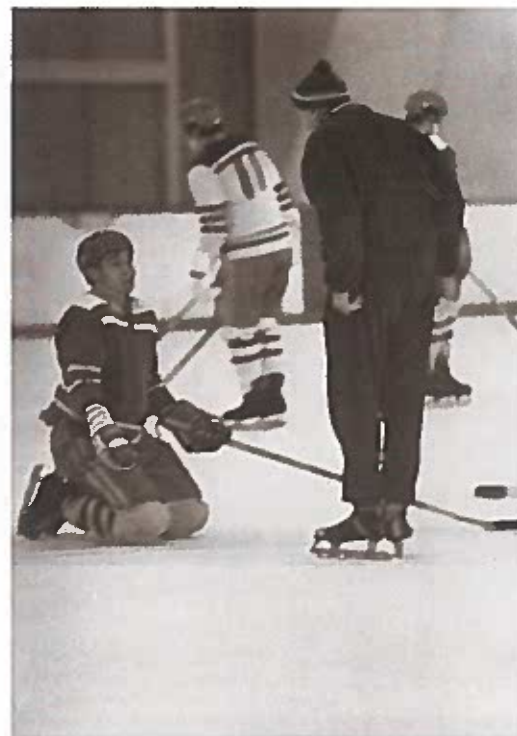
«Динамо» (Москва) — обладатель Кубка СССР 1972 года. Фото Н. Уткина
На приеме у председателя КГБ В. Е. Семичастного

На привычной позиции. Фото И. Уткина

На тренировке

Космонавт
П. Р. Попович
в гостях
у динамовцев.
Фото
И. Уткина

Владимир Юрзинов

Владимир Писаревский

Александр Мальцев и Александр Рагулин рядом с Аркадием Ивановичем Чернышевым. Фото Н. Уткина

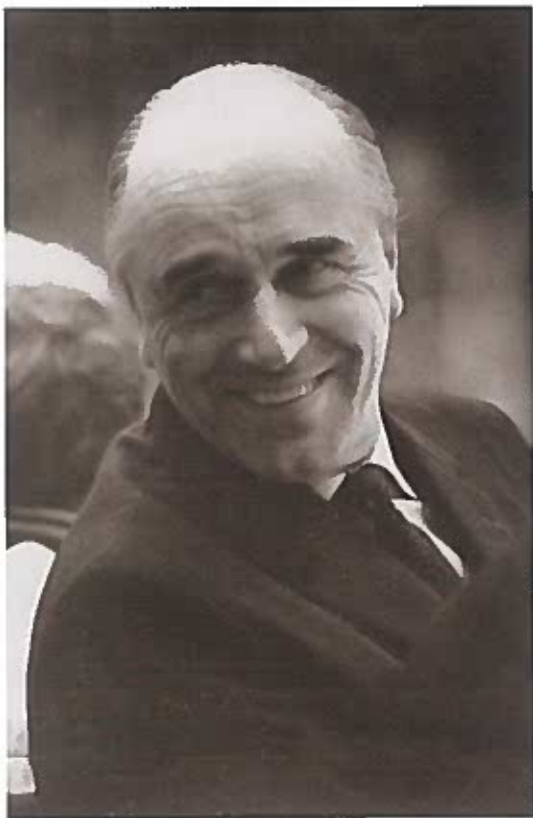

С Александром Мальцевым на трибуне. Фото Н. Уткина

Председатель Всесоюзного спорткомитета С. П. Павлов напутствует тренеров сборной перед Олимпиадой в Гренобле. 1968 г. Фото Н. Уткина

В приподнятом настроении

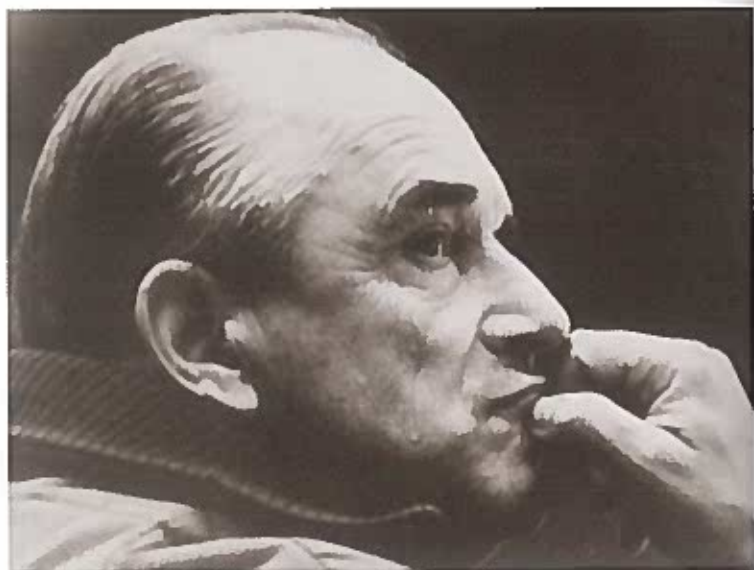
Аркадий Иванович и игроки сборной — Александр Альметов, Владимир Александров и Вячеслав Старшинов; на заднем плане — Александр Якушев и Виктор Ярославцев. Фото И. Уткина

«Счет на табло!» Фото И. Уткина

Перед матчем «Динамо» — «Спартак». Евгений Майоров и Вячеслав Старшинов приветствуют Аркадия Ивановича Чернышева

Великий тренер. Фото И. Уткина

С мальчишками

С Бобби Халлом

С Филом Эспозито

Мемориальная
доска на доме,
где жил
А. И. Чернышев

Памятник
на могиле
Аркадия
Ивановича
Чернышева
на Ваганьковском
кладбище

счете... Подойдет к тебе и чуть наклонится, чтобы лучше слышно было: «Послушай — ну что ты натворил-то? Надо же было так, а ты сделал эдак... Сам-то понимаешь?.. Учтешь в следующий раз?» То есть он старался не отругать, а растолковать быстро, по «ходу пьесы», допущенную ошибку, с тем чтобы она не повторилась. Тарасов на более высокие тона переходил, и это когда взбадривало тебя, а когда и нервировало.

А у Чернышева желваки ходили на лице, если иной раз кто-то из нас грубо ошибался. Переживал всё это. Всё в себе сдерживал, чтобы не сорваться на игроке. Как желваки заиграли, значит, нам, игрокам, всё ясно — Адик сердится! Динамовцы хорошо знали эту его манеру, за годы совместной работы научились распознавать то, что скрывалось за его мимикой и жестами, за его невозмутимостью. Значит, что мы должны предпринять в таком положении? Напрячься и сделать так, чтобы снять с него напряжение. Чтобы как-то полегчало Адикю.

В коллективных играх есть такое понятие — «отыграть за тренера». Выложиться обязан каждый, ну просто костыми лечь, чтобы добыть успех для команды. Однако встречается подобное крайне редко. Встречается только при маловероятном совпадении разноплановых качеств главного (так теперь называют старшего) тренера: глубокое знание предмета + индивидуальный подход к игрокам + ежедневный добросовестный и вдумчивый труд + корректные отношения с игроками + способность держать удар во время сложных матчей... Если высокий профессиональный авторитет наставника сочетается с его высокими человеческими качествами, а такого, повторяю, днем с огнем не сыщешь, то за такого батяню бойцы выйдут и будут бросаться на амбразуру, будут идти в штыковую, врукопашную — только чтобы победить и отблагодарить командира, воздав ему должное.

Таким командиром являлся Чернышев.
Являлся им и Тарасов.

Разнились они в нюансах, которые, как известно, определяют и объясняют всё. Либо почти всё.

Хоккеистам хотелось отблагодарить Аркадия Ивановича за бесконечную человечность, несмотря ни на какие передрыги там, на льду. За дельный совет «по жизни» в час досуга и за толковые несколько слов на лавке во время пересменки. За то, что сам никогда не падал духом, призывая бойцов личным примером не раскисать, а делать то же самое. Да разве всё-то перечислишь! Разве всё тут разложишь по полочкам...

Анатолия Владимировича хотелось порадовать и как-то успокоить. Ведь столько вкалывал, столько изобретал, столько

вкладывал энергии и мысли. Ведь готов был трудиться с восхода до заката. Ведь воспитывал из «полуфабрикатов» (фамильный термин Тарасова!) настоящих мастеров и настоящих чемпионов. И требовал, требовал, нещадно требовал, три шкуры сдирая, если что было не по нем...

Плеяда Рагулина и Старшинова, Давыдова и Фирсова выкатывалась на площадку и билась за команду, за спортивную честь отчизны и за своих командиров — Чернышева и Тарасова. Спустя несколько лет плеяда Мальцева и Харламова, Васильева и Михайлова ради этих же командиров ложилась костьми, если того требовала боевая обстановка. Именно это во многом решало исход главных сражений в нашу пользу, когда чаша весов колебалась до самого конца матча.

Потому — и в частности, и в целом — являлась непобедимой сборная Советского Союза под водительством Аркадия Чернышева!

А за кого же яростнее станет биться игрок — за «батяню» чернышевского толка либо за командира тарасовского покроя? Судить не берусь. И славные наши ветераны не станут разделять двух гениев, раскалывая тренерский штаб. Скажут искренне, что бились за страну. И будут правы. Но в подсознании, убежден, бились и за Чернышева с Тарасовым.

Осторожно готов предположить, что за «батяню» солдат чуть больше готов к самопожертвованию. Военные мемуары, слышанные исповеди ветеранов Сталинграда и Курской дуги, художественная литература о Великой Отечественной войне — и не только о ней — свидетельствуют об этом неопровержимо. Свидетельствуют об этом и короткие воспоминания моего отца, прошедшего Финскую и Польскую кампании, всю Отечественную войну... Моего воображения не хватает, чтобы представить, как у командиров взводов и рот, батальонов и полков могли сочетаться железная воля и полная власть над людьми согласно уставу с проявлениями человечности в нештатных ситуациях...

Вернемся, однако, на лёд.

Желваки на лице Чернышева, по наблюдениям Петухова, свидетельствовали о крайнем недовольстве действиями команды. Главное мерило игры — счет на табло — автоматически влияет на психологическое состояние тренера, на его эмоции и на их выплеск. Однако Аркадий Иванович, судя по всему, остро и болезненно реагировал не столько на цифры — 0:1, 1:2, 2:4... Здесь-то он, что поразительно, держался стойко и был способен даже подбодрить, успокоить и направить игроков на путь победный; куда острее и болезненнее воспринимал качественные промашки подопечных, то, что считал неприемлемым с учетом их квалификации, опыта, титулов, высоких

физических кондиций и вообще хорошей спортивной формы, набранной, как всегда, к чемпионату мира либо к Олимпийским играм.

Евгений Зимин:

Ни лишнего слова, ни тем более слова обидного я от Аркадия Ивановича не слышал. Чтобы оскорбил в запарке игрока? Никогда! Чтобы растерялся, занервничал, запаниковал, когда мы проигрывали? Не припомню такого! Типичный динамовец... Культурный. Сдержанный. Но эмоции у него были, сами понимаете. Ну как в хоккее без эмоций? Да еще когда вся ответственность за результат сборной страны лежит на тебе.

Однажды настолько перенервничал, что... руку сломал.

Сломал — не упав и ни с кем не столкнувшись!

Какой-то матч на чемпионате мира, уже и не припомню, что за матч и что за чемпионат это был, да и не важно это, мы должны были выигрывать без напряжения и с убедительным счетом, а в итоге чуть не проиграли. В третьем периоде расслабились и пару ошибок допустили... В общем, и сами понервничали, и Чернышева вынудили переживать.

Он в какой-то момент забылся, видно, накопело в душе от того, что творилось в игре, и вдруг взорвался. Бац — по краю бортика рукой маханул с досады!левой рукой. Ближней к борту. Маханул от души. Скорчился от боли... Стерпел. Виду не показал сразу. А мы-то сразу и не разобрались, что случилось...

Уже потом на левую руку гипс наложили. Представляете, что творилось у него внутри?! Я никогда не слышал про такое в хоккее.

Все эмоции Аркадий Иванович держал в себе. На нас, спасибо ему, не срывался.

Про Анатолия Владимировича я бы такого не сказал...

По себе знаю — много играл и немало тренировал, — как сложно сдерживать тренеру эмоции и, наоборот, насколько игроку в этом плане полегче. Я перемахивал через борт и полностью окунался в игру, в борьбу, в новую комбинацию, забывая обо всем на свете и заодно о какой-нибудь особой важности этого матча. Я отдавал все силы и всё умение, ну всё, что умел в спорте, что было за душой. Перемахивал через борт на лавку и успевал только отдышаться немножко и получить изредка какие-то слова от Чернышева. И — снова слышал его голос: «Смена!»

А у Аркадия Ивановича, как и у любого тренера, возможности переключиться от нервных встрясок и вообще всяческих переживаний не было. Вроде как копил их в себе. Сохранял хладнокровие. Но дорогой ценой... А что на душе у него творилось, судите сами по этому случаю с переломом руки. Про кого вы еще такое слышали?!

А Анатолий Владимирович эмоций не прятал, наоборот, щедро выплескивал их на игроков. И ему было намного легче, чем Чернышеву.

Наложение гипса после тренерской «отмашки» о борт — это удивительный и потрясающий воображение факт.

Скорее такое можно было если не ожидать — ожидать невероятное как-то нелепо, — то хотя бы в принципе допускать от Тарасова с его окриками и советами, с его почти южной жестикуляцией, с его неугомонной натурой. Как раз и нет. У него же горячность во время игры присутствовала непрерывно, было это нормой и по-своему естественным состоянием, привычным и отчасти даже ему комфортным. Если и возникали эмоциональные всплески, то на взрыв они не тянули, поскольку не набиралась критическая масса. А у Чернышева, как видим, набиралась...

Любой психотерапевт посоветует не держать переживания за внешней броней невозмутимости и корректности и не сжигать зря нервные клетки: вредит такая закрытость, такая пуленепробиваемость нашим нервам, а значит, и здоровью. Говорят же на бытовом уровне, что «все наши болезни от нервов». Либо: «Нервные клетки не восстанавливаются».

Вернемся, однако, на лавку советской сборной, руководимой Аркадием Чернышевым. Вернемся со «скрытой камерой» — для того чтобы глянуть, что же происходит при неблагоприятных обстоятельствах на льду внутри мужского коллектива.

Ждать придется довольно долго — у непобедимой русской сборной редко возникают затруднения в игре, а у тренеров — поводы для выражения недовольства своими парнями...

Борис Михайлов:

Я считаю — отлично Аркадий Иванович руководил игрой. Отлично! Очень мало делал замечаний. Не любитель этого был. Рассчитывал, что игрок и сам поймет, если натворил делов в предыдущей смене. Игроки-то в сборной были — кого ни возьми, звезда. Ну, если уж что-то допекало едт, тогда подойдет на пару слов. Иногда ходил вдоль лавки и подсказывал ему Тарасов. Слышно же было и нам. Чернышев иногда воспринимал это, а иногда — нет.

«Горела» наша сборная очень редко. Считанные разы за годы. Это — во-первых. А во-вторых, я не припомню, чтобы Чернышев в тех редких играх активно подходил к нам и распекал. В перерывах не торопился заходить в раздевалку. Давал нам отдышаться, дух перевести и чаю глотнуть. Делал указание — на что обратить внимание. Всей команде. Аркадий Иванович, если и говорил что-то по рабоче-крестьянски, то не на игрока ругался — мол,

ты такой-сякой-эдакий! — а ругал, как бы это объяснить... критиковал ситуацию игровую, в которой ты дал промашку — мол, Борис, ну елки-палки (слова бывали и покрепче), как так получилось?! Ну ты учти это и не повторяй.

Фамильный педагогический прием Чернышева!

В который уже раз признаём это, узнавая о новых гранях — поучительных и оригинальных — его тренерских деяний.

Прием и хоккейного тренера, и тонкого психолога, и педагога.

Игрок после допущенной грубой ошибки, да еще повлекшей удаление или пропущенный гол, ерзает на лавке в ожидании тренерского разгона — почти как нашкодивший младшеклассник ждет свою классную руководительницу...

А тут вот удивительно — будь любезен представить себе недавнюю игровую ситуацию и вспомнить про свои действия в ней.

Хоккеист получал нагоняй в необычной и доходчивой форме, они с тренером будто абстрагировались от тех, кто участвовал в том игровом эпизоде, и заодно от того, как провинившийся и сидящий с понурым видом игрок напортачил; прокручивали мысленно ситуацию и извлекали выводы на ближайшие хоккейные смены.

И каждый из связки тренер — игрок сохранял психологическое равновесие при обстоятельствах, напрямую подтачивавших к обратному — к взрыву, к обвинениям, к взаимной трепке нервов. Чернышев не корежил себя, идя наперекор своему нраву и изменяя собственным педагогическим подходам. «Сборник» получал урок того, как можно даже по горячим следам с холодной головой разобрать эпизод, в котором он ошибся, и сделать это, не ущемляя его человеческое достоинство и сохраняя его эмоциональное состояние в готовности к новым игровым сменам.

Виталий Давыдов:

Конечно, я по работе в «Динамо» прекрасно знал привычки и манеры Чернышева, его реакцию на самые разные ситуации — и спортивные, и житейские. Его выдержка не имела пределов! Не только в играх на первенство Союза, хотя и там был бесподобен, но и при руководстве сборной сохранял приличие и всегда держал себя в руках.

Если я, к примеру, ошибался, а без ложной скромности скажу, что редко такое случалось, Адик разноса не устраивал и не заставлял меня чувствовать себя обиженным или, того хуже, оскорбленным. Подходил и выговаривал коротко и ясно: «Ты что делаешь?» Без надрыва какого-то, без повышенных тонов. Спра-

шивал в таком тоне, как будто шел не матч Олимпиады, а какая-то обычная тренировка! Призывал игрока включить голову, давал возможность прийти в себя и все четко понять, чтобы дальше такое не повторялось. Чтобы в следующих сменах у хоккеиста работали не только руки, но и голова. А еще он как-то обставлял это короткое разбирательство так, что вина за ошибку не ложилась только на одного игрока... И ты не чувствовал себя крайним.

Ну если, конечно, тебя обокрали — отобрали шайбу, провели быструю атаку и гол забили в наши ворота, — то, конечно, кто еще виноват, кроме лично тебя? Но такие игровые ситуации случались в сборной очень редко. Почти и не случались.

...Играли мы со Швецией. По-моему, в Саппоро на Олимпиаде. Точно, точно, там это было. Шведа удалили на две минуты, и мы разыгрываем пять на четыре. Входим в зону, располагаемся. Идет обычный перепас. Я Кузькину отдаю параллельно синей линии — и тут перехват! Их нападающий убегает и забивает нам гол. Это же чудовищная моя ошибка! Тем более мы играли в большинстве! Я как-то недооценил, что этот их форвард резко вылезет на линию моей передачи.

Чернышев высказал только часть того, что по этому поводу думаю. Мы в счете вели, запас имелся — поэтому я услышал обычное: «Ты что делаешь?» Зато я запомнил ту свою ошибку на долгие годы. А допустил ее, думаю, из-за того, что чуть расслабился, инициативой мы владели и в счете вели, ну и рискнул неоправданно такой «чудо-пас» отдать.

Несхожесть характеров Чернышева и Тарасова таила в себе массу интересного. В ней наряду с очевидными сложностями в коммуникации и в человеческой совместимости присутствовали, как это ни покажется странным, и очевидные плюсы.

Разумеется, эта разнополярность победоносного тренерско-го тандема вошла на века в мировые спортивные скрижали. Не стоит, однако, забывать о давно устоявшемся мнении: хорошо бы, чтобы старший тренер и помощник имели такие различия и в таком количестве, которые приводили бы к жарким дискуссиям и спорам до хрипоты. Это будоражит мысль тренерского штаба и способствует поиску оптимальных решений.

Сегодня тренерский штаб составляют три-четыре человека. Ассистент по игре защитников. Ассистент по игре нападающих. Ассистент по физической подготовке... «Главный» окружает себя узкими специалистами, способными вставить свое веское слово и затем отстоять его в профессиональном споре. Клуб, где такой штаб есть, в состоянии рассчитывать на покорение высоты.

Тарасов полемизировал с Чернышевым за закрытыми дверями гостиничных номеров. На людях «старший» ЦСКА прак-

тически беспрекословно подчинялся «старшему» «Динамо». Субординация соблюдалась строго. Однако в матчах из-за девятибалльных эмоциональных волн Анатолия Владимировича всякое бывало...

Борис Михайлов:

Кажется, это в Швейцарии было. На чемпионате мира. Идет игра. Володька (Владимир Петров. — Л. Р.) подхватывает шайбу и набирает скорость. Ему Тарасов кричит: «Ноги, Вова! Ноги!» И он теряет шайбу... Идет атака соперника... Выходим нашей тройкой (Михайлов — Петров — Харламов. — Л. Р.) в новой смене. И опять, как шайба попадает к Володьке, снова тарасовский крик, перекрывающий шум трибун: «Ноги!..» И снова мы теряем шайбу — разворачиваемся и катим назад в оборону.

А Петров товарищ такой, что молчать не станет...

Смена заканчивается, и он к Чернышеву подбегает:

— Аркадий Иванович, ну скажите ему, чтобы не кричал. Когда он кричать начинает, у меня шайба с крюка уходит.

Аркадий Иванович сразу же поворачивается к Анатолию Владимировичу:

— Толя, да отстань ты от Петрова! Что он, сам не понимает, что делать надо?

И всё — инцидент исчерпан. Проехали.

И воспринималось все это нормально.

Как рабочие моменты, которые, конечно, могут возникать в команде.

«Ноги! Включай ноги!» Это было одним из частых указаний Тарасова. Означало оно мгновенное включение хоккеистом повышенных скоростей, что возможно только при взрывной работе ног. Тогда он сумеет и одного-двух соперников обвести, и придать атакующей комбинации мощный импульс. Все равно, что за рулем автомобиля с механической коробкой передач после второй скорости сразу врубить четвертую или даже пятую.

Это был один из тех аспектов тренировочного процесса Тарасова, которому он уделял повышенное внимание. Резон в том, безусловно, был большой. И цесковцы в большинстве своем оказывались способны «перескакивать» парочку скоростей. Агрессивный и мощный стиль тарасовской команды требовал наличия такого качества прежде всего у форвардов.

Удивляет, что случившееся произошло в сборной. Казалось бы, в ЦСКА у них все было отработано «от и до». А тут в сборной такой конфуз вышел между одноклубниками — тренером и игроком! И с кем — с Владимиром Петровым! С центрфорвардом первого блистательного звена!

Занятия в Центральном спортивном клубе армии проходили неизменно живо и интересно, упражнения выполнялись в темпе, они часто видоизменялись, что приносило элемент новизны, свежести, который в тренировках других клубов найти было затруднительно. Кстати, продолжительность занятий не была очень уж большой, зато были они весьма интенсивными. Однако при всей неугомонности и нарочито завышенной требовательности Анатолия Владимировича армейцам нравились эти трудовые будни. И приказы, например, взвинтить скорость в считанные мгновения воспринимались как подобает.

Тот же приказ — не на тренировке клуба, а в матче, да еще в матче сборной, да еще не товарищеском, а официальном, на чемпионате мира — не воспринимала и без того напряженная нервная система хоккеиста. Она будто получала электрический разряд, который пробегал по всем ее магистральным путям и боковым ответвлениям, парализуя способность реагировать на внешние раздражители.

То, что произошло это не со спартаковцем или динамовцем, а с армейцем, и то, что поведал об этом армеец, дорогого стоит.

И этот рассказ объективно, с нового ракурса отображает многогранную роль Аркадия Чернышева в деятельности сборной страны, обычно надежно сокрытой от посторонних глаз. Сокрытой не только от зарубежных конкурентов, но и на долгие годы и от соотечественников. Как секреты оборонной промышленности советских времен...

Вот что рассказал Валерий Харламов — о поражении от сборной Чехословакии на дебютном для него чемпионате мира 1969 года:

В нашей раздевалке после матча царила гнетущая тишина. Ужасная тишина. Никто из ребят не упрекал меня, кто-то даже, проходя, постучал клюшкой по щитку: не расстраивайся, мол, не убивайся, всякое случается. А я протирал коньки и думал о том, что из-за моей непростительной ошибки мы проиграли. Как мне было стыдно... Было от чего заплакать. И я заплакал...

И тут ко мне подошел Аркадий Иванович и абсолютно спокойно, вроде бы даже не утешая, сказал: «Ну, знаешь ли... Если ты так близко к сердцу будешь принимать каждую неудачу, то тебя не хватит надолго...»

Снова автор будет настаивать на исключительности чернышевской природы.

Так благородно, мудро и по-отечески повести себя по отношению к спортсмену, из-за которого команда проиграла матч,

допускаю, мог еще кто-нибудь из наших наставников, да и то силую представить, кто именно... В товарищеском предсезонном матче либо в обычной календарной встрече всесоюзного первенства еще, возможно, подобное случалось, однако чтобы после поражения в важнейшей встрече мирового чемпионата старший тренер успокаивал оплошавшего хоккеиста — Чернышев и только Чернышев был способен на это. Харламову Валерию Борисовичу верю и... не верю — настолько сложно мне представить весь этот эпизод хоккейного закулисья.

Та золотая пора нашего хоккея, увы, неминуемо, по законам быстротекущего времени, удаляется от нас...

А кто до нас донесет правду об эре Чернышева — Тарасова? О феномене их мощнейшего союза? И о феномене совместности личностей-антиподов? О внутренней тренерской кухне нашей сборной, долгое время занимавшей мировой хоккейный трон? Только те, кто воевал тогда и кого остались единицы.

Их мучают возрастные болячки, но в целом они хорохорятся и держатся браво. На память им грех жаловаться. Хоккейные подвиги запомнились им накрепко. Правда, подвигов этих насчитывается довольно много, и потому кое-что ускользает, пропадая в лабиринтах сознания...

Эту историю автор слышал не раз и не два. От тех самых ветеранов-победителей. И от тех, кто принадлежит к следующему поколению, — сарафанное радио донесло им живую сценку из времен совместной работы Чернышева и Тарасова.

«Ромик готов!»

Эта часто повторявшаяся фраза тренера сборной Тарасова звучала из уст рассказчиков одинаково. И далее я уже знал, что будут описывать... Однако конкретные детали — с кем и когда играла сборная, кто находился на льду — разнились. Что абсолютно не меняло существа вопроса.

История характерная и весьма забавная. Приведу ее в изложении человека с великолепной памятью как раз на конкретные детали.

Борис Михайлов:

Мы играли со сборной Швеции. Чемпионат мира в 70-м. Такая напряженная была игра... У нас сидят два защитника, удалены на две минуты. Рагулин и кто-то еще. Три на пять. Надо выстоять. Продержаться. Ребята выбросили шайбу из своей зоны и только собрались на смену — шведы атакуют нас. Опять выбросили шайбу, наши, измотанные вконец, катят на смену. И Рэм (Игорь Ромишевский из ЦСКА. — Л. Р.) едет к лавке. А швед в это время выкатывается «один в ноль». Женька (Евгений Мишаков. — Л. Р.) выскочил и помешал, тот не забил.

Тарасов аж покраснел от возмущения:

— Рэм, ты обалдел, что ли?!

— Я там уже обалдел...

Проходят минуты две.

Наступает черед Ромишевского выходить на лед. Но сменами-то командует Аркадий Иванович.

А Тарасов с Чернышевым обычно стояли на разных концах нашей лавки и, когда надо было, подходили ближе друг к другу.

Тарасов чуток приблизился к Чернышеву:

— Адя! У меня Ромик готов!

Аркадий Иванович вообще не реагирует. Выпускает кого-то другого. И снова раздается:

— Адя! У меня Ромик готов!

Аркадий Иванович будто не слышит. Опять произвел смены, а Рэм всё сидит на лавке после того меньшинства.

Анатолий Владимирович никак не успокоится:

— Адя! У меня Ромик готов!

Чернышев поворачивается к нему и таким спокойным голосом отчеканивает:

— Да иди ты на ... со своим Ромиком!

На скамейке раздается смех. Мы же всё слышали.

И дальше игра пошла нормальная с нашей стороны. И никаких вопросов после не возникало по этому случаю.

Но это, я скажу, редкий случай, на моей памяти единственный, когда у Чернышева с Тарасовым возникли на матче какие-то трения. Обычно их не было. Мы чувствовали, что в сборной единый тренерский кулак. И это очень помогало всей команде.

Редкий эпизод стоит рассмотреть, памятуя о его нетипичности.

В том случае с Игорем Ромишевским — напряженном, когда происходил, и забавном, когда слышишь о нем, — сказалось то, что вплоть до окончательного утверждения на тренерском совете списка счастливых, которым доверяют защищать хоккейную честь родины, Анатолий Владимирович выполнял в сборной функции начальника отдела кадров. Выполнял усердно, не покладая рук и не отключая природный дар убеждения, а при надобности используя весьма-активно и хитроумные дипломатические ходы. И делал это ради того, чтобы его армейцы, имевшие конкурентов из других клубов, чаще всего из «Динамо» и «Спартак», победили бы в этом животрепещущем споре. Всеми правдами и неправдами добивался поставленной самолично цели, не видя при этом со стороны Аркадия Ивановича выраженного сопротивления, использования своего главенствующего статуса в сборной и желания беспардонно лоббировать своих динамовцев.

Однако на том Тарасов не успокаивался, ибо в душе клокотало: мои парни самые достойные, самые сильные, самые самоотверженные, самые патриотичные. Виду искренне старался не показывать, чтобы коллектив не раскалывал и чтобы не посягать на авторитет и статус Чернышева. Входил в роль абсолютно справедливого второго тренера. Искреннее старание играть роль вовсе не отменяет то, чем живет артист на самом деле, то, что спрятано в подкорке его сознания. Вот и прорвалось однажды таким неуклюжим и потому смешным образом.

Игорь Ромишевский отличался какой-то бесшабашной смелостью и самоотверженностью, всегда был готов подставить тело под пулей летящую шайбу, лишь бы она не долетела до наших ворот. Это являлось для него обыденным делом. Описанный технический прием исполнял безукоризненно. Любого тренера подобное не может не подкупать. В том матче его выпустили в критический момент. Нагрузка на троих игроков выпала сумасшедшая, к тому же не удалось своевременно смениться и пришлось на жилах как-то доигрывать отрезок; на фоне накотившей жуткой усталости наш защитник поехал к лавке, чтобы наконец-то прийти в себя, но сделал это неудачно, предоставив шведскому форварду голевой шанс в виде пустоты в наших тылах. Первая реакция Тарасова была абсолютно четкой: «Рэм, ты обалдел, что ли?!» Случись такое в матче ЦСКА, пропесочил бы так, что мало не показалось, да и, скорее всего, вообще посадил бы на лавку, а потом на разборе живого места не оставил бы... А здесь, в сборной, Анатолий Владимирович на удивление быстро пришел в себя и начисто забыл о тактической провинности цеэсковского защитника. И не защищать его стал, а, напротив, — продвигать! Предлагая старшему тренеру выпустить проштрафившегося игрока в свой черед...

Чернышев же повел себя в привычном стиле. Не стал набрасываться на Ромишевского с матюгами и с разбором эпизода. Не до того было. Конец матча, счет зыбкий... Для себя решил обойтись в ближайшие минуты без помощи Ромишевского. Тем самым наказывал провинившегося игрока, как это принято в хоккее. Тем самым страховался на тот случай, что игрок, близко к сердцу воспринявший свою грубую промашку, едва не стоившую сборной пропущенной шайбы, снова выйдет и снова что-нибудь натворит. А тем более Игорь со своей исключительной добросовестностью был не из той легковесной категории хоккеистов, которые легко отходили после собственных ошибок.

Чернышев не реагировал на настоятельные просьбы Тарасова выпустить Ромишевского. Чтобы не отвлекаться от происходящего на площадке и не терять нить игры. Чтобы лиш-

них слов не произносить, наконец. Ну а когда эти призывы, лишенные всякой игровой логики, уже достали, переполнив глубокую чашу чернышевского терпения, отреагировал чисто по-русски...

...С каждым годом Чернышеву и Тарасову было всё тяжелее добывать для страны хоккейное золото. И это не газетный штамп. Оба не молодели и не здоровели, а эмоциональные и прочие перегрузки становились всё больше.

На чемпионате мира 1971 года в Стокгольме Тарасову стало плохо с сердцем. Его на «скорой» увезли в больницу. Однако вскоре он вернулся в строй.

Поговаривали, что чуть ли не инфаркт и чуть ли не третий по счету перенес тогда...

Виталий Давыдов:

Ну, я же не доктор и не могу ничего утверждать. Игроки это восприняли как-то несерьезно, как шутку какую-то. Решили, что Анатолий Владимирович захотел то ли команду как-нибудь встряхнуть, то ли показать, как горячо переживает за наше общее дело.

Тот чемпионат вообще выдался очень нервным. Последствия событий 1968 года на каждом шагу проявлялись. Всякие демарши были. В гостинице Черны (форвард сборной ЧССР. — Л. Р.) проходит мимо меня и не здоровается. Я его осаживаю:

— Ты что мимо проходишь и голову воротить?!

— Нам запретили с вами здороваться.

— А что, тебя убудет, если к этой всей хреновине не прислушаешься?..

Аркадий Иванович хладнокровно на эти вылазки и провокации реагировал: делаем свое дело и выигрываем турнир... А на впечатлительного Тарасова, думаю, вся эта канитель могла повлиять.

В общем, какого-то продолжения, слава богу, те неполадки с сердцем не имели.

Мы восприняли это как показатель шаг. Потому что Анатолий Владимирович никогда не страдал болями в сердце. Да он же был первым парильщиком! Причем пар такой пускал, что многие наверх и подняться-то не могли, а он там орудовал веничком! «Поддай! Поддай парку еще!»

ПРОТИВ «БАЗОВОГО КЛУБА»

Аркадий Чернышев! Гарри Синден! Анатолий Тарасов! Скотти Боумэн! Всеволод Бобров! Майк Кинэн! Виктор Тихонов!..

Эти тренерские имена заставляют замирать сердца миллионов. Трепет, почтение и почитание, неопишная восторженность — целая гамма чувств естественным образом воз-

никает лишь при одном упоминании всемирно знаменитых наставников. Стойкое, десятилетиями кристаллизовавшееся впечатление — они штамповали победы, будто в кузнечно-прессовом цеху автогиганта, они находили выход из самых безнадежных ситуаций, они не были подвержены страхам и сомнениям, они являлись непобедимыми хоккейными полководцами. Эдакие кузнецы золотых медалей, эдакие безошибочные роботы.

НЕПОБЕДИМЫЕ.

Ключевое слово в данном рассмотрении.

Непобедимых тренеров не знает история большого спорта. Знает тех, под чьим командованием совершались успешные штурмы высочайших вершин. Однако и среди этой когорты избранных мы не найдем того, кто не испил до дна горькую чашу разочарований, крушений правильных расчетов и оправданных надежд, отступлений под натиском превосходящих сил противника.

Тренерство, являясь непрерывным творческим поиском, попросту обречено на непостоянство результата. Подобное хорошо знакомо писателю, драматургу, поэту, композитору, художнику; известно физика, математику, биологу. Различие в том, что те в процессе неустанный труда пребывают в собственной мастерской, кабинете, лаборатории; они предоставлены сами себе, внешние помехи им нестрашны; они только потом выносят на суд зрителей свое детище. Тренер же действует всегда и везде на фоне прямой очной и жесткой конкуренции со стороны сегодняшнего оппонента. Разумеется, читатель вправе возразить, что, дескать, существует и понятие тренерской лаборатории. Не отрицаю сего ни в коем разе. Команда готовится к сражению в тиши загородной базы или в своем дворце при пустых трибунах. Разумеется, очень важно, как выстроен этот процесс вообще и как он корректируется с учетом плюсов и минусов предстоящего соперника. И все же существенное и главное происходит именно в день матча. Там, при стечении публики, хоккейная стихия — многообразная и непредсказуемая — непременно озадачивает тренера какими-нибудь каверзами.

Потому и не может он быть всегда на коне — невозможно всегда принимать оптимальные решения в считанные мгновения в обстановке бушующих страстей.

И Тарасов терпел фиаско. И Синден с Боумэном. И Бобров. И Кинэн. И Тихонов.

Бывали разочарования и у Чернышева. Что, впрочем, ничуть не умаляет его величие. Разве что заземляет.

Спорт — сфера весьма жесткая сама по себе. И уж совсем безжалостная в своем конечном состоянии, которое определя-

ется по завершении игры. «Смотри на табло!» Причем в слове «та́бло» ударение делается болельщиками на первом слоге — так разговорнее, что ли, и так, главное, жестче и грубее. Эта формула вошла в болельщицкий лексикон. По звуку финального свистка остается только безропотно бросить взгляд на табло — победителю восторженно, а проигравшему уныло. И никакие объяснения, никакие ссылки на стечение неблагоприятных обстоятельств уступившей стороны не принимаются. Даже если под ними имеются объективные основания. В том состоит и определенный формализм большого спорта.

Так вот, с такой сугубо формальной колокольни, с колокольни общепринятой и вполне резонной, соответствующей спортивному состязательному духу (но, замечу, отнюдь не исчерпывающей тренерство), Аркадий Чернышев был фантастически успешен в сборной Советского Союза и смотрелся куда скромнее в московском «Динамо». Парадокс: на высшем международном уровне, отвечая за хоккейный престиж державы, был практически непобедим, а на всесоюзной арене, отвечая за один из ведущих клубов, представлявший мощнейшие государственные ведомства, довольствовался статусом вечного второго, вечного претендента на высший титул.

Под руководством Аркадия Чернышева Советский Союз добывал олимпийское золото четырежды, и иного исхода при нем не было зафиксировано. Стопроцентный показатель! Скажочно. И неповторимо, вне всяких сомнений, с учетом возросшей конкуренции на олимпийских хоккейных аренах. Мировое достижение Чернышева на века!

С чемпионатами мира расклад несколько поскромнее: на трех мировых первенствах Аркадий Чернышев не обогатил родину драгоценным металлом, а с одиннадцати таких турниров возвращался в Москву со шитом. С вероятностью 88 процентов этот наставник находил залежи золота. Тоже, доложу я вам, невероятный коэффициент полезного действия! И тоже планка установлена Чернышевым на необозримое будущее.

А что же родное «Динамо»?

Два верховенства — в 1946 и 1954 годах — и далее, страшно написать, 36 лет без золота, из коих два десятка лет при Аркадии Ивановиче.

Что ж, будем разбираться предельно объективно, по возможности досконально. Памятуя об авторской убежденности в том, что тренерскую работу счет на табло и место в итоговой турнирной таблице оценивают в значительной мере, безусловно закрепляя ее продуктивность (и невзирая на любые условия, в которых тренер пребывал), однако далеко не исчерпывающим образом.

Ведомственная диспозиция

ЦСКА представлял Вооруженные силы; «Динамо», соответственно, — Министерство внутренних дел, потом Комитет государственной безопасности.

По масштабу, понятно, ведомства несопоставимые; армия в те времена являлась «государством в государстве». И закон о всеобщей воинской повинности никто не отменял; касалось это и спортсменов, между прочим. Однако важна ведь еще «весовая категория» ведомства, а здесь за спинами динамовских атлетов высились, не выпячивая себя понапрасну, настоящие монстры социалистической державы. И вопрос прохождения воинской службы, альтернативной обычной армейской, решался в этих ведомствах по взмаху руки старшего тренера бело-голубых в любом виде спорта. Наглядным подтверждением тому служит факт отсутствия за всю советскую историю хотя бы единичного (!) факта приглашения-переманивания хоккеиста из «Динамо» в ЦСКА. В отличие от профсоюзных «Спартака» и «Крыльев Советов», «Локомотива» и «Химика», а тем паче провинциальных клубов, динамовская дружина базировалась в неприступной для цезарских наставников крепости.

По ведомственной принадлежности команда Чернышева ничуть не уступала в организационной мощи команде Тарасова.

Тренерская диспозиция

Аркадий Чернышев — Анатолий Тарасов.

Фигуры сколь сопоставимые по калибру, по знаковости, по величию, столь же несопоставимые по профессиональному подходу и подходу педагогическому.

В этом многолетнем клубном противостоянии в арсенале каждого насчитывалось немало разного вооружения, способного сокрушить противника. И в тех же арсеналах хранились средства ведения боевых действий, которыми оба пользовались и которые частично снижали вероятность их успеха. Как важный и сразу понятный штрих: Чернышев зачастую бывал излишне либерален к игрокам и в особенности к ярким мастерам, Тарасов же нередко проявлял чрезмерную жесткость к подчиненным и в особенности к еще не полностью созревшим хоккеистам.

Аркадий Иванович обладал всеми профессиональными качествами, вполне достаточными для равного оппонирования Анатолию Владимировичу в очных дуэлях, однако на марфонской дистанции всесоюзного первенства это было весьма проблематично. В «Динамо» были два-три исполнителя уровня сборной — в ЦСКА таковых обычно набиралось около десяти.

Условия для работы

Сегодня, когда хоккеисты донельзя избалованы баснословными контрактами и царскими условиями для подготовки, в качестве важного фактора упоминается... раздевалка. Либо на стадии проектирования ультрасовременной арены, либо на стадии ее строительства, либо при сдаче в эксплуатацию обязательно отмечается, что хозяйская раздевалка просторна и комфортна, что в ней предусмотрено абсолютно всё, что может пригодиться спортсменам. В советские времена звезды были нетребовательны к помещениям и их оборудованию, однако никто не возражал против элементарного комфорта на службе, качественного льда, по-домашнему приготовленного обеда на клубной базе, настоящей парилки в бане.

Казалось бы, подопечные Чернышева должны были иметь всё необходимое для подготовки к ярким и успешным выступлениям. Одна только динамовская территория в Петровском парке чего стоила! Большая арена, Малый стадион, теннисные корты, бассейн, всевозможные спортплощадки... Ну а что конкретно было в распоряжении хоккеистов?

Александр Мальцев:

Да по существу ничего у нас не было. Не было главного — льда искусственного. А без этого далеко не уедешь... А мы далеко и не ездили — здесь, на «Динамо», переодевались, садились в клубный автобус и ехали во дворец ЦСКА. Это рядом, в парочке троллейбусных остановок. Там, значит, покатаемся в отведенное нам в графике время, оттренируемся полтора часа и ни минутой больше и возвращаемся в Петровский парк. Вот так-то. На льду главного конкурента тренировались!

У ЦСКА был свой дворец, у «Спартака» свой, а у нас ничего этого не было.

И каталось «Динамо» только раз в день. О двух тренировках даже разговор не заходил. Ну кто же нам столько времени подарит, от себя кто же станет отрывать? А по существу ничего важнее нет для хоккеиста, чем лед — качественный, не лимитированный временем, ну, в общем, собственный, клубный лед.

В этом главном условии для полноценной подготовки команды «Динамо» уступало и ЦСКА, и «Спартак». Тем, кто был для нас основными соперниками в борьбе за чемпионство.

Каток нормальный появился на «Динамо» лишь в 74-м году. Для нашей детско-юношеской школы построили. Под трибуной Малого стадиона «Динамо». А как раз в 74-м Аркадий Иванович перестал трудиться с мастерами.

Удивительно, но факт: московское «Динамо», представлявшее могучие силовые ведомства — сначала Министерство внутренних дел и впоследствии Комитет государственной безопасности, — не имело собственного катка с искусственным льдом. Ни в Петровском парке, ни на загородной базе, вообще нигде его не было.

Такая ледовая «беспризорность» длилась безумно долго — за «безледниковый» период команды Чернышева катки с круглогодичной возможностью нормально тренироваться появились в столичных районах Сокольники, Лужники (каток без трибун «Кристалл» и Дворец спорта), на Ленинградском проспекте (Центральный спортивный клуб армии), появились за 90 верст от столицы в Воскресенске, появились в Горьком и Ленинграде, Саратове и Новосибирске, Челябинске и Свердловске.

Удивительно, но факт: эта динамовская бездомность, более чем существенно влиявшая на продуктивность тренерского штаба во главе с Чернышевым, каким-то странным образом оставалась на обочине журналистского внимания; что-то не могу припомнить каких-либо констатаций очевидной несуровости и еще более очевидного отставания бело-голубых в организации тренировочного процесса. Вынужден признать, что крик души, вырвавшийся у Александра Николаевича Мальцева, сразил наповал и меня, имеющего немалый корреспондентский стаж.

Секретом не являлось то, что у динамовцев нет своей площадки для регулярной и полноценной работы. Секретом в какой-то степени оказалось то, что спустя годы при анализе противоборства чернышевского «Динамо» с тарасовским ЦСКА уже у стартовой черты, еще до первого тура всесоюзного первенства, Тарасов имел весьма солидный гандикап перед Чернышевым.

Кадровые ресурсы

Команда мастеров представляет собой живой организм, который неминуемо и, как правило, незаметно стареет, дряхлея эмоциями и игрой. Он непременно должен омолаживаться, подпитываясь новыми способными и честолюбивыми дублерами. Эти два процесса непрерывны и органичны. Любые перекосы, любые кадровые диспропорции чреваты пагубными для здоровья мужского коллектива последствиями.

Это, в общем-то, задача не из архисложных. И уж кому-кому, а Аркадию Чернышеву была она по плечу.

Так как же обстояло у него с пополнением боевых рядов? Превосходило ли «Динамо» в этом направлении ЦСКА?

Александр Мальцев:

Состав наш был ровный и сильный. Аркадий Иванович работал замечательно, и атмосфера в «Динамо» всегда отличалась в лучшую сторону от других команд. Начинался чемпионат. Все шло более или менее по плану. Но дистанция — то длинная, игры, разезды... Травмы, опять же. Ну, в хоккее без них не бывает. Такой это спорт. Два-три человека выпадали из строя, надо их было заменить, заменить безболезненно, а ведь нечем было. Резерва нормального у Аркадия Ивановича не было. Ну и очки мы начинали из-за этого терять. А как иначе-то?

Чернышева вины в том никакой я не видел. Ну что он мог поделать, если своего катка у клуба не было? Где готовить резерв, если «основа», как бедный родственник, ездил в ЦСКА кататься. У ЦСКА — то всё в шоколаде, школа и мастера лед весь год имели. А в «Динамо» кроме зимы где было подтягивать парней к «основе» — гонять их по беговой дорожке часами, что ли? Что, Чернышев новых Борзовых готовил?! Пустой бегомней хоккеиста не воспитаешь. Осень и весна, когда льда еще не было и когда уже не было, были для динамовского резерва, считайте, «мертвым сезоном».

Слышал: мол, Чернышев не занимался молодыми игроками, не гонял их с утра до вечера... Ерунда полнейшая! Занимался, и еще как здорово это делал. А что не гонял — это правда. Адик вообще никого не гонял, а по-человечески относился и с умом тренировал. И кто мне докажет, что если тренер заваливает молодого игрока безумными нагрузками, то наверняка вырастит из него мастера? Скольких хоккеистов Чернышев воспитал, дал им дорогу в спорт, в жизнь! Но и он не сказочник же — нехватку льда в «Динамо» осенью и весной не получалось чем-то компенсировать.

У нас коротковатой была скамейка. Тех, кто мог нормально подменить травмированных или заболевших, было очень мало. А у ЦСКА народу полно, только ждали момента, чтобы себя показать Тарасову и прорваться в «основу». Да они, считайте, две скамейки имели в своем распоряжении. А мы одну, да и ту короткую.

Владимир Юрзинов:

В «Динамо» как-то повелось ориентироваться на собственных воспитанников. Это была давняя традиция, заложенная Аркадием Ивановичем еще на начальных этапах профессиональной работы в родном клубе. Заинтересованный и внимательно следил за тем, как поставлен учебный процесс в нашей школе; старался найти время, чтобы обсуждать текущие вопросы с тренерами, которые вели детские и юношеские группы, придерживаясь в целом чернышевских педагогических принципов и взглядов на хоккей, на его развитие. Такое участие старшего тренера команды мастеров в подготовке резерва позволяло новичкам вписываться во взрослый устоявшийся коллектив без каких-либо серьезных проблем.

Виталий Давыдов:

Динамовских воспитанников, как правило, отличали техническая оснащенность, физическая готовность и тактическая грамотность. Особо хочу подчеркнуть, что эти хоккеисты были доброжелательными и ответственными, порядочными молодыми людьми. И патриотами клуба. Преданность динамовскому флагу проявлялась при разных обстоятельствах и была настоящей, искренней. Благоприятное влияние такого достойнейшего человека, каким являлся Аркадий Иванович, убежден, сказывалось на всем этом.

Станислав Петухов:

Контингент нашей команды в основном составляли москвичи. Многие жили недалеко от стадиона «Динамо» и с детства были горячими болельщиками популярного клуба. Володя Юрзинов жил на Писцовой, Виталик Давыдов, Борис Зайцев — на улице Бебеля... В ЦСКА немного иначе было, там много приезжих было в составе — набирали же со всей страны, со всех военных округов.

Я не знаю, как объяснить удивительную закономерность: по большей части наши мастера были людьми нормальными, без выпендрей, без желания отсидеться за чужой спиной; не припомню, чтобы попадались мужики с гнильцой в характере. Единственное возможное объяснение — те традиции и та атмосфера в динамовском клубе, которые существовали десятилетиями благодаря Чернышеву.

Где искать новые кадры? Как, собственно, это делать? Каким образом усиливать команду за счет приглашения игроков со стороны, да так, чтобы опережать конкурентов?

Сегодня в наших клубах за это отвечают специально обученные люди, называемые на североамериканский манер скаутами. В богатых и солидных организованных клубах КХЛ функционирует скаутский отдел, куда входят пять — семь сотрудников: один-два базируются в месте дислокации клуба, а остальные отвечают за российские регионы.

Наиважнейшее направление клубной работы в советском хоккее в штатном расписании вообще никак не отражалось. Однако, понятно, нигде эту работу не игнорировали. Полагались прежде всего на приток в «основу» выпускников собственной детско-юношеской школы, ну а остальные усиления делались точечными — либо в надежде угадать в провинциальном паренке будущую звезду, либо в расчете на уже оперившегося исполнителя, способного принести пользу в течение нескольких ближайших лет. Работа велась усердная, но не системная, а пущенная на самотек: кто-то где-то кого-то вроде бы стоящего заметил и послал весточку в клуб; тогда снаряжа-

ли в командировку администратора или начальника команды, с тем чтобы перепроверил ценную информацию на месте и, если удостоверится в ее ценности, предпринял усилия для встречи с самим игроком. Зачастую эти коллизии приобретали вполне детективный характер из-за того, что местные власти обычно всячески противились ангажементу из Златоглавой и предпринимали всевозможные контрмеры вплоть до угроз заезжому работодателю...

Классические истории чернышевских времен — приглашения Александра Мальцева из Кирово-Чепецка и Валерия Васильева из Нижнего Новгорода. Приглашения сверхточными оказались — оба в динамовских стенах выросли до звезд мирового калибра и любимцев российской публики. Это свидетельствует и о прозорливости Аркадия Ивановича, и о его таланте в пестовании звезд, и о даре выстраивать добропорядочные взаимоотношения. Это же указывает и на конкурентоспособность динамовской организации в селекции в сравнении с тем же ЦСКА, который по факту проиграл и в случае с Мальцевым, и в случае с Васильевым. Две звезды зажглись, и очень долго на небосклоне от них исходило бело-голубое (а не красно-синее) сияние.

Александр Мальцев:

Селекцией Аркадий Иванович занимался не сказать чтобы активно. Что правда, то правда. Не было у него второго тренера, который бы серьезно занимался поиском игроков, подходящих «Динамо». Не хватало в клубе такого вот помощника старшего тренера.

В ЦСКА такие вопросы просто решались. Этого надо взять, этого призвать... Армия. Под армейский призыв брали кого хотели. А у нас такого не было.

Как я у Чернышева оказался?

Со своей кирово-чепецкой «Олимпией» я выступал в Орске на большом турнире. Чернышев туда отправил Тихонова, чтобы просмотреть игроков. Тихонову я по первым двум играм не приглянулся. Мне же семнадцать всего лет было, а кругом мужики играли; пока я обвыкался, как раз те игры и прошли. Ну а дальше-то я раскочегарился. А на следующем этапе, в финале в Ярославле приз лучшему нападающему получил. Тихонов обо всем Чернышеву доложил, и Аркадий Иванович отправил Виктора Васильевича в Кирово-Чепецк, чтобы переговорить с родителями и с директором нашего завода... А директор суровый был мужик. Ослушаться директора?! Мысли такой не было. Завод в Кирово-Чепецке, так, на всякий случай, серьезный очень был; на оборонку работал... Рад я был, что чем мог, тем помог землякам. Пробылись мы во вторую лигу.

Засветил восходящее дарование российской глубинки Эпштейн. Взял Мальцева в состав второй сборной, которая уехала в турне по Швеции. Естественно, Николай Семенович вознамерился пригласить кирово-чепецкого парня к себе, в Воскресенск. Схема была привычной: столичные клубы тягали из «Химика» приглянувшихся им хоккеистов, а Эпштейн вынужден был залатывать кадровые пробоины и шерстил по краям и областям, где находил пополнение. Однако в случае с Мальцевым не вышло: когда «Динамо» вступило в схватку за Александра, у «Химика» шансов не оставалось, силы были слишком неравными из-за несопоставимости ведомств, стоявших за спинами клубов. К тому же наставник подмосковного клуба не успел про вернуть сам переход, оформив соответствующие документы.

Но чернышевское «Динамо» оказывалось неконкурентоспособным по отношению к ЦСКА в плане селекции.

Причина общеизвестна — статус ЦСКА: так называемый базовый клуб сборной страны. Формально это не было где-то прописано или официально объявлено. Тарасов превращал свой клуб в таковой, собирая лучших хоккеистов у себя и попутно ослабляя конкурентов.

«Так называемый» базовый...

Нарочно написал это словосочетание, подразумевающее некую искусственность и даже некую расплывчатость, если хотите.

Циркуляры. Приказы. Распоряжения. Напрасно можно до потери пульса рыскать в любых архивах, благо ныне они открыты почти все. Ничего не найдем бумажного, ибо документально зафиксированного не существовало. Всё сложилось случайно-закономерно.

1953 год. ВВС — команда Василия Сталина — становится третий год кряду чемпионом Советского Союза. Тому никто и не удивляется. Рядовой болельщик видит, что там собраны практически все сильнейшие мастера во главе с неподражаемым Всеволодом Бобровым. Отказа от игроков, приглашаемых в его клуб, Василий Иосифович практически не знал: сын «вождя народов»! Обещал любые блага вплоть до немислимых — отдельной квартиры! И выполнял обещанное от и до! «Ватага Василия Сталина», известная также как «Матрасники» (полосатые сине-желтые свитера), широкой популярностью в народе не пользовалась, ибо слишком искусственным всё это выглядело. Нарочитым. Прибывающим всяческую турнирную интригу...

После кончины «отца народов» спортклуб ВВС расформируют по приказу Министерства обороны и фактически объединяют с постоянным призером ЦДСА, которым благополучно рулит Анатолий Тарасов.

И без того доминировавшие летчики усиливаются общевойсковыми кадрами. Либо можно сформулировать симметрично — и без того боеспособная дружина Тарасова усиливается дружиной Боброва (которой управлял тренерский совет в лице Боброва, Бабича и Виноградова).

Базовый клуб сборной, по существу, возник в первый сезон чемпионства ВВС, однако подобная формулировка никому в голову не приходила, поскольку сборная-то не выступала в крупных официальных турнирах.

Базовый клуб и по существу и формально, хотя и без документального подтверждения, возник перед сезоном 1953/54 года. А зимой 54-го Советский Союз дебютировал на мировом первенстве...

Базовый клуб был вверен в надежные руки. В руки Анатолия Владимировича Тарасова. Фигуры неиссякаемой энергетики и бездонного честолюбия. В течение двух десятилетий он непрерывно, искусно и разнообразно развивал эту идею флагмана советского хоккея. И, понятное дело, всячески использовал этот фактор превосходства над другими клубами в селекции.

ЦДСА занял первую позицию в кадровых вопросах.

«Динамо» — вторую. В лучшем случае вторую. Бывало, что третью. А бывало, что и на пьедестал не поднималось.

Тарасов, образно говоря, взирал на необъятные хоккейные просторы родины с пика Коммунизма на Памире (высочайшей горы СССР), а Чернышев — с Эльбруса (высочайшей горы европейской части страны).

Человечество в 50-е годы еще не выбрасывало в атмосферу столь безумного количества промышленных дымов, парниковый эффект еще не сказывался на климате, и зимы были как зимы — снежные и с трескучими морозами. Первый искусственный лед появился в стране лишь в 1955 году. В Сокольниках. А до того заливали исключительно естественный — аккурат на три зимних месяца. Так вот, в сезоне 1953/54 года поклонникам канадского хоккея в пору было заскучать еще до его старта, потому что по изложенным выше причинам команда ЦДСА являлась абсолютным фаворитом. Что, казалось бы, могло поколебать позиции тех, кто усилился вдвое?

Спортивная хроника

Сезон 1953/54 года

Дабы не быть голословным, сопоставим кадровые ресурсы по линиям.

Вратари.

ЦДСА: Григорий Мкртычан, Николай Пучков.

«Динамо»: Карл Лиив, Александр Осмоловский, Николай Уланов.

Мкртычан и Пучков являлись игроками сборной страны. Этот дуэт был на две головы выше динамовского.

Оба перешли в ЦДСА из ВВС.

Защитники.

ЦДСА: Александр Виноградов, Павел Жибуртович, Генрих Сидоренков, Николай Сологубов, Иван Трегубов, Дмитрий Уколов.

«Динамо»: Николай Алексушин, Виталий Костарев, Анатолий Молотков, Виктор Тихонов, Олег Толмачев.

Все армейцы отвечали за тылы в сборной — никого из динамовцев туда не приглашали. Превосходство неоспоримое и огромное.

Александр Виноградов и Павел Жибуртович перешли в ЦДСА из ВВС.

Виктор Тихонов перешел в «Динамо» из ВВС.

Нападающие.

ЦДСА: Евгений Бабич, Юрий Баулин, Всеволод Бобров, Владимир Брунов, Александр Комаров, Юрий Копылов, Юрий Пантюхов, Александр Черепанов, Виктор Шувалов, Владимир Новожилов.

«Динамо»: Анатолий Егоров, Виктор Климович, Юрий Крылов, Валентин Кузин, Борис Петелин, Александр Солдатенков, Александр Уваров, Владимир Ишин.

Бабич — Шувалов — Бобров. Крылов — Уваров — Кузин. Первые звенья были друг другу под стать, хотя шуваловское признавалось законодателем хоккейной моды. По остальным форвардам армейцы выглядели предпочтительнее, ведь в последующие годы Комаров, Пантюхов и Черепанов выступали за сборную. Да и количественный перевес значился за ЦДСА: 10 против 8.

Евгений Бабич, Всеволод Бобров, Владимир Новожилов, Юрий Пантюхов и Виктор Шувалов перешли в ЦДСА из ВВС.

Итак, превосходство в «живой силе» у армейцев было более чем значительным.

Но хоккей, как, впрочем, и любая другая коллективная спортивная игра, зависит от массы факторов и обстоятельств и потому всегда таит в себе шанс на что-нибудь совершенно немыслимое и неожиданное, сохраняя возможность успеха для тех, кто отнюдь не считается фаворитом в чемпионской гонке.

Динамо́вское чемпионство сезона 1953/54 года стало иллюстрацией того факта, что сверхукомплектованность не гарантирует первого места, и напротив, ровный и сплоченный состав под управлением грамотного тренера способен на низвержение бесспорного фаворита.

Всесоюзное первенство проводилось в два круга — сначала в Челябинске и Свердловске, затем на катках Москвы, Ленинграда, Риги и Электростали. Капитаны «Динамо» и ЦСКА Олег Толмачев и Всеволод Бобров подняли флаг первенства. Размежевание между этими командами произошло скоро: бело-голубые разгромили ленинградских одноклубников 10:2, а фаворит турнира уступил армейцам с берегов Невы 3:4. С того момента подопечные Чернышева единоличного лидерства уже не упустили. На Урале в восьми встречах вообще обошлись без очковых потерь, оторвались от подчиненных Тарасова аж на целых пять очков; в европейской части страны одержали семь побед, а осечку допустили только со столичными армейцами — 3:6. И закономерно завоевали золотые медали, став чемпионами СССР.

Как такое вообще могло произойти?! Чего здесь было больше — заслуги Чернышева либо упущения Тарасова? Либо, быть может, вмешались «обстоятельства непреодолимой силы»?..

Виктор Шувалов:

Для меня и моих партнеров Жени Бабича и Севы Боброва расформирование спортклуба ВВС стало событием неожиданным и, скажу откровенно, даже драматичным. У нас был очень сплоченный коллектив. Атмосфера была просто замечательной. Дружеской. Творческой и демократичной. Все решалось тренерским советом, куда входили Бобров с Бабичем и Виноградовым; каждый игрок, если считал необходимым, мог высказать свое мнение по любому вопросу. Три года подряд мы занимали первое место... Когда команда перестала существовать, большинство ребят перешли в ЦДСА, а Витя Тихонов отправился в «Динамо». Состав у Тарасова и до того был, как говорится, грех жаловаться; недаром ведь они тягались с нами почти на равных в предыдущие сезоны, а когда целых семь игроков (и каких игроков — считай, полкоманды по тем временам!) поступили в распоряжение Анатолия Владимировича, ему можно было ни о чем не беспокоиться. Но лед же скользкий... Пока мы притирались друг к другу, пока соображали, кто какую роль на себя берет, пока тренер разбирался с пополнением, поезд уже ушел.

Александр Комаров:

Сколько воды утекло с той поры, а я никак не мог взять в толк — отчего же мы тогда уступили динамовцам? Две осечки допустили, сыграв вничью с «Крыльями Советов» и проиграв Окружному дому офицеров из Ленинграда. Человек я прямой и поэтому выскажусь без всяких экивоков — сами виноваты: слишком долго решали, кто чем будет заниматься и кто за что бу-

дет отвечать. Состав усилился будь здоров как, а на самой игре это не очень-то и отразилось. А динамовцы, признаю полностью, молодцы, что не заробели и что ровно и собранно прошли всю дистанцию.

А спустя всего лишь три недели сборная Советского Союза под водительством Аркадия Чернышева отправляется в путешествие увлекательное и опасное, познавательное и невиданное доселе, донельзя ответственное и до жути сложное. Наши первопроходцы едут в Стокгольм на мировое первенство. Первые. Живя доселе, как и вся страна, за «железным занавесом»...

Там, как мы знаем, сборная Советов произвела настоящий фурор! С налета взгромоздилась на верхнюю ступень пьедестала почета. Посрамлены оказались «родоначальники» — канадцы, которых «русские медведи» буквально порвали в клочья — 7:2.

Только русские способны на такое чудо!

История хоккея не зафиксировала ни до, ни после того подобного землетрясения после вторжения дебютантов.

Чернышев на коне! Чемпион мира и чемпион страны!

Ну чего еще желать? Чего еще добиваться, если на данный исторический момент достигнут максимум? Пожалуй, только повторения... Повторения, которое никогда не утоляет естественного спортивного честолюбия и потому никогда не приедается спортсмену и тренеру. Еще неизвестно, кому в большей степени...

Но что происходит далее на всесоюзной арене?

Тарасов под флагом ЦСК МО (то было очередным переименованием центрального армейского клуба) реваншируется в 55-м и 56-м, а в 57-м вновь остается без золота, да только по вине не Чернышева, а его помощника в сборной Егорова. Владимир Кузьмич «на грудь» опередил Анатолия Владимировича и привел профсоюзные «Крылья Советов» к первому чемпионству.

Спортивная хроника

Сезон 1956/57 года

«Динамо»:

Александр Осмоловский, Николай Уланов, Хамит Эртуганов; Николай Алексушин, Павел Жибуртович, Николай Карпов, Виталий Костарев, Виктор Тихонов; Василий Аксенов, Юрий Крылов, Валентин Кузин, Владимир Новожилов, Вячеслав Орчаков, Борис Петелин, Станислав Петухов, Александр Солдатенков, Александр Уваров, Валентин Чистов.

«Крылья Советов»:

Борис Запрягаев, Юрий Овчук; Юрий Долягин, Анатолий Кострюков, Альфред Кучевский, Николай Паршин, Александр Прилепский, Борис Седов, Анатолий Сорокин; Михаил Бычков, Владимир Гребенников, Евгений Грошев, Алексей Гурышев, Анатолий Киселев, Петр Котов, Сергей Митин, Виктор Пряжников, Николай Хлыстов, Юрий Цицинов.

ЦСКА:

Григорий Мкртычан, Николай Пучков; Михаил Рыжов, Генрих Сидоренков, Николай Сологубов, Иван Трегубов, Дмитрий Уколов; Вениамин Александров, Евгений Бабич, Юрий Баулин, Всеволод Бобров, Владимир Брунов, Владимир Елизаров, Александр Комаров, Юрий Копылов, Константин Локтев, Юрий Пантюхов, Валентин Сениошкин, Александр Черепанов, Виктор Шувалов.

В сборной Аркадия Чернышева на московском первенстве мира выступило трое динамовцев (Жибуртович, Костарев и Уваров), четверо крыльевских игроков (Еркин, Гребенников, Гурышев и Хлыстов) и десять армейцев (Пучков, Сологубов, Трегубов, Сидоренков, Бабич, Бобров, Черепанов, Локтев, Пантюхов, Александров).

«Динамо» уступало «Крыльям Советов» и ЦСКА как по составу, так и по игре. В очных встречах это выпукло проявилось. С ЦСКА были ничья 0:0 и уничижительный разгром 0:6; с «Крыльями» два поражения — 1:6 и 2:4. Незапланированная ничья в Челябинске не стала решающей, динамовцы осели на бронзовой ступени пьедестала. А первенствовали подопечные Владимира Егорова. В сборной он ассистировал Аркадию Чернышеву, а со следующего сезона стал помогать Анатолию Тарасову.

А что же динамовцы? Класс свой подтверждали стабильностью, увы, обосновавшись на третьей строчке итоговой таблицы о рангах.

В том же 57-м после московского чемпионата мира, ставшего для нашей сборной вопреки всем твердым расчетам и горячим надеждам серебряным, Чернышева освободили из сборной. Нет худа без добра: ведь это позволяло полностью сосредоточиться на клубной работе.

Человек ко всему привыкает. К хорошему и плохому, к везению и невезению, к ясной солнечной погоде и к постоянным заунывным дождям. Ко всему тому, что повторяется раз за разом на длинном протяжении времени и при самых разных обстоятельствах. Подопечные Аркадия Ивановича, вкусив в 54-м прелесть верховенства, не успели толком насладиться сладким послевкусием. Раз, два, три пролетели мимо цели. И это, далее имея то же самое продолжение, закреплялось где-то в уголках

подсознания и расшатывало психологию, которая при прочих равных всё и решает в спорте.

«До кучи» при передаче эстафетной палочки от поколения Крылова, Уварова и Кузина поколению Петухова, Давыдова и Юринова произошел-таки сбой. Палочка упала, затерявшись где-то. Это замечательное трио не успело повариться в компании тех, кто выводил родное «Динамо» в лидеры, и потому было обделено генами клубного чемпионства. Важность такой обделенности неоспорима и очень важна, она относится к подсознательной сфере, где всё очень тонко, чувствительно и зыбко. Где вырабатываются «гормоны» вечных победителей и вечных вторых, вечных везунчиков и вечных неудачников, вечных середняков и вечных аутсайдеров.

Чернышевское «Динамо» превзошло тарасовский ЦДСА в 54-м, когда, по предположению автора, возник так называемый базовый клуб сборной. А кто же из молодых «честолюбивых дублеров» не мечтает когда-нибудь представлять родину на международной арене? Каждый новый год лил воду на мельницу Анатолия Тарасова и его команды. Без сомнений, такой фарватер тоже обеспечивал режим наибольшего благоприятствования при подборе новых кадров. Приведу тому две весьма красочные иллюстрации, но, как ни странно это будет выглядеть, стану утверждать, что ситуации, вероятнее всего, являлись для Аркадия Чернышева отнюдь не безнадежными.

Константин Локтев.

Блистательный правый крайний форвард! Креативщик, заводила, технарь. Начинал в Сокольниках, в «Спартаке», в ту неблагоприятную пору, когда клуб влачил существование, да и только. Тарасов заприметил его, зазвал и пропустил через жернова своей тренировочной махины. Уже спустя два года Локтев дебютировал в сборной, в которой надолго превратился в незаменимую фигуру.

А что мешало Чернышеву проделать всё то же самое, сыграв с Тарасовым на опережение? Ответа уже никто не даст. Осмелюсь предположить, что виной тому недостаток нахрапистости, честолюбия и полного отсутствия мертвой хватки. А еще, ясно как божий день, статус динамовского клуба — высокий, но не «базовый». Уже в те годы дорога от ЦСКА до сборной Союза имела меньше всего зигзагов и труднопроходимых заболоченных мест; дорога эта с каждым годом становилась всё прямее и прямее; это была потенциальная дорога в звездную жизнь для любого новичка армейцев. Параллельно ей была проложена динамовская дорога-дублер, комфортная и качественно отстроенная, но, увы, прямой не отличавшаяся.

Вениамин Александров.

Бесподобный левый крайний форвард! Дриблинг, катание, бросок, габариты. Этот хоккейный виртуоз вполне мог оказаться в динамовских стенах. И жил в динамовском районе. И юношей играл в звене с Петуховым и Долговым, приглашенными Чернышевым в команду мастеров. Петухов стал сильным форвардом нашей сборной, а Александров — звездой того поколения, одной из самых ярких в нашей истории. Лишь один сезон понадобился Александрову, чтобы оказаться зачисленным в главную команду страны — в сборную.

И в отличие от случая с Константином Локтевым, покинувшим горемычный на тот момент «Спартак», Вениамин Александров, возможно, вполне был бы рад попаданию под отеческое крыло Чернышева. Не сложилось, однако. И вновь задаю себе вопрос: что же помешало Аркадию Ивановичу усилить состав таким очевидным дарованием? И вновь рискну предположить, что виной тому явилась недостаточная расторопность динамовского штаба с ним во главе.

Станислав Петухов:

Была такая молодежная тройка: Петухов — Александров — Долгов. Мы занимались в школе ЦСК МО и подавали большие надежды. Котировались по Москве. Приближалось время, когда нам надо было определяться с дальнейшими планами: куда идти, в какую команду мастеров пробиваться. После финала городского первенства, где мы оказались на высоте, ко мне и Игорю Долгову подошел незнакомый мужчина: «Ребята, вы понравились Чернышеву. Аркадий Иванович приглашает вас в «Динамо» на просмотр...» Ну, мы, конечно, обрадовались и первым делом сообщили об этом приглашении Веньке Александрову: «Давай всей тройкой в «Динамо» рванем!» Но Александров отказался: «Да меня уже вроде Тарасов в ЦСК МО зовет». Так наши пути и разошлись, к сожалению. Кстати, Венька тоже жил неподалеку от динамовского стадиона... А сам переход из школы ЦСК МО в команду мастеров «Динамо» никаких формальных сложностей не составил. Уже через несколько лет, когда я попал в первую сборную страны, которой руководил Тарасов, Анатолий Владимирович сказал мне: «Эх, Стас, как это я в свое время проглядел тебя?!»

В невидимых даже дотошным и проницательным болельщикам боях за восходящих звездочек Аркадий Иванович зачастую уступал Анатолию Владимировичу. И повторюсь, что с учетом тех государственных силовых ведомств, что стояли за спиной хоккейного «Динамо», списывать те селекционные упущения только на фактор базового клуба сборной будет не совсем правомерно.

Чернышеву не хватало той самой предприимчивости, энергичности и, подчеркну, агрессивности, без коих трудно было рассчитывать на равные шансы в борьбе за будущих звездочек с Тарасовым, который перечисленными качествами обладал в избытке. Так вот отзывалась в острой конкурентной борьбе интеллигентность Аркадия Ивановича.

Однако за внешне мощным динамовским фасадом далеко не всё было обустроено оптимальным образом. Команда была ведомственная, но аттестованными офицерами являлись только игроки сборной; по-настоящему штатной она стала лишь во второй половине 60-х. Отсутствовала система, выражаясь современно, динамовских фармклубов в регионах, куда можно было направлять для обкатки новобранцев (спустя два десятилетия такая система была создана, что во многом позволило Владимиру Юрзинову привести родной клуб к триумфу после 36-летнего перерыва). Всё это накладывало определенные кадровые ограничения, о чем со стороны вряд ли можно было догадаться. А ЦСКА имел в своем распоряжении спортивные клубы армии в каждом военном округе. Константина Локтева, призванного в базовый клуб сборной из «Спартака», Тарасов отправил сначала в Ленинград и только после того, как тот стал забивать в каждом матче, вернул в Москву.

Выходит, несправедливо валить всё на недостаточные агрессивность и прозорливость Чернышева на селекционном направлении.

В случаях с Локтевым и Александровым то были неудачи весьма чувствительные ввиду того, что вместо собственной команды усиливался главный конкурент. Двойной удар. Или, как говорят в баскетболе, «минус шесть»: когда команда после срыва стремительной комбинации и промаха из верной позиции получает «в обратку» контратаку и точный дальний бросок соперника.

На церемониях вручения премии «Оскар» в Голливуде победитель в каждой номинации, какой бы он ни являлся доселе звездой экрана, всенепрерывно поблагодарит режиссера, сценариста, оператора и всех-всех партнеров по совместным деяниям за редкостную удачу потрудиться вместе, в одной замечательной команде. Ведь чем сильнее эта команда, тем выше шансы у еще незаматеревшего актера совершить гигантский скачок в мастерстве и выйти на качественно иной уровень, а у признанного мастера — в очередной раз подтвердить свою высочайшую квалификацию. Вот и в командном спорте всё протекает аналогичным образом. Новичок базового клуба сборной, едва переступив порог тарасовской обители, всегда был преисполнен самых радужных надежд и высоких устрем-

лений, готов был жилы рвать только ради того, чтобы пробиться в состав всерьез и надолго, что почти наверняка (ну, скажем, с вероятностью процентов в семьдесят пять) означало и попадание в сборную Советского Союза. Это уже было пределом мечтаний амбициозной спортивной молодости.

Вот почему те же Константин Локтев с Вениамином Александровым, а позже Анатолий Фирсов, Борис Михайлов и Владимир Петров, также приглашенные со стороны, столь стремительно прогрессировали в стенах тарасовской лаборатории. Хоккеист зависим от партнеров, от тех, с кем тренируется и с кем играет. Чем сильнее товарищи по команде, тем лучше для новобранца. Поэтому здравомыслящие и человеческие тренеры никогда не возражают против перехода своего лидера в топ-клуб, отдавая себе отчет в том, что у него появится возможность еще прибавить в мастерстве и, как следствие, в зарботке и заслуженной славе.

Подобный эффект сильной компании, вне сомнений, присутствовал и в чернышевской лаборатории. И подтверждений тому хоть отбавляй. Объективности ради, в сравнении с армейцами сама компания была менее мощной и, если точнее, менее амбициозной и самоуверенной. Без эдакой наглости, подкрепленной высоким мастерством и уверенностью в себе персонально и команде в целом.

Хорошо известно, как энергично и настойчиво, с танковым напором Тарасов продвигал-пробивал своих подопечных, которые не являлись бесспорными кандидатами, в состав национальной команды. То есть при раскладах «фифти-фифти» чаша весов неизменно склонялась в пользу цезковца. При том, что Чернышев являлся старшим тренером и слово его оставалось последним и решающим в любом вопросе. В селекционном, одном из ключевых, разумеется, тоже. Об этом даже в годы их замечательного содружества как-то забывалось, а уж по прошествии десятилетий и подавно иерархический парадокс будто исчез в густом тумане.

Отчего наставник «Динамо» не продвигал более или менее активно своих подопечных? Почему не пользовался своим административным ресурсом хотя бы в тех самых ситуациях «фифти-фифти», когда аргументы в пользу динамовского новобранца сборной ничуть не уступали доводам в пользу армейского кандидата?

Это мы вправе отнести к загадкам чернышевской природы, коих не так уж мало...

Разные случались истории с теми динамовскими мастерами, которые по всем параметрам являлись конкурентоспособными кандидатами в национальную сборную. В этих историях

много чего намешано — и откровенной неvezухи, и явной несправедливости, и закулисных маневров, и прочих привходящих обстоятельств... Но общее у них у всех — чувство досады, которое возникает у любого мужчины, не зашоренного собственными болельщицкими пристрастиями.

Спортивная хроника

Сезон 1960/61 года

«Динамо»:

Борис Зайцев, Владимир Чинов; Виталий Давыдов, Павел Жибуртович, Михаил Орехов, Виктор Тихонов, Роберт Черенков; Валентин Алексеев, Юрий Волков, Юрий Крылов, Валентин Кузин, Владимир Новожилов, Вячеслав Орчаков, Станислав Петухов, Александр Солдатенков, Виталий Стаин, Александр Стриганов, Валентин Чистов, Владимир Юрзинов.

ЦСКА:

Юрий Овчуков, Николай Пучков, Виталий Павлушкин; Владимир Брежнев, Виктор Кузькин, Николай Морозов, Генрих Сидоренков, Николай Сологубов, Иван Трегубов, Дмитрий Уколов, Игорь Ромишевский; Вениамин Александров, Александр Альметов, Юрий Баулин, Владимир Брунов, Владимир Васильев, Леонид Волков, Виктор Глаголев, Игорь Деконский, Владимир Каменев, Владимир Киселев, Юрий Копылов, Константин Локтев, Юрий Пантюхов, Владимир Расько, Александр Сафронов, Валентин Сенюшкин.

У Чернышева под рукой было 19 хоккеистов, а у Тарасова — 27!

На чемпионате мира 61-го, когда Чернышев вернулся к пульта управления, «Динамо» было представлено двумя хоккеистами (Чинов, Юрзинов), а ЦСКА — семью (Брежнев, Сидоренков, Сологубов, Трегубов, Локтев, Альметов, Александров).

В том сезоне у «Динамо» случилось обострение болезни, которая с годами превратится в хронический недуг: разбазаривание турнирных очков во встречах с заштатными середняками. Сначала были две подгруппы по десять и девять клубов; занявшие первые три места в них образовывали финальный турнир за 1–6-е места. Чернышев не нашел антибиотика против злоуредного вируса, и динамовцы недотянули до проходного в финал третьего места, отправились в турнир за 7–12-е места, где имели только одного серьезного оппонента в лице Электростали. 7-е место иначе как провал оценить было нельзя.

Роберт Черенков:

Составы наш и цезковский я бы даже сравнивать не стал. На каждой позиции в «Динамо» выступали довольно приличные ма-

стера, но практически каждый уступал своему визави из ЦСКА. Каждый... Но беда состояла даже не в уровне комплектования – в том сезоне нас вообще лихорадило. На первом этапе проиграли и «Крыльям», и «Спартаку», и «Торпедо» горьковскому, во втором круге, правда, взяли реванш у спартаковцев и торпедовцев, а с «Крыльями» вничью свели игру. По худшей разнице шайб пропустили в финальный этап «Спартак» и «Торпедо». Считаю, в том сезоне Аркадий Иванович как-то не лучшим образом сработал... А я вообще решил закончить со спортивной карьерой, когда увидел, что из меня делают крайнего в случившемся провале команды.

Документальная хроника

Сезон 1961/62 года

«Динамо»:

Юрий Гладкий, Борис Зайцев, Владимир Чинов; Виталий Давыдов, Павел Жибуртович, Михаил Орехов, Виктор Тихонов; Валентин Алексеев, Юрий Волков, Валентин Григорьев, Владимир Дианов, Юрий Крылов, Владимир Мальцев, Вячеслав Орчаков, Станислав Петухов, Александр Солдатенков, Виталий Стаин, Александр Стриганов, Игорь Тузик, Валентин Чистов, Владимир Юрзинов.

ЦСКА:

Юрий Овчуков, Александр Прохоров, Николай Пучков, Валерий Смирнов; Владимир Брежнев, Виктор Кузькин, Анатолий Панин, Генрих Сидоренков, Николай Сологубов, Иван Трегубов, Игорь Ромишевский; Вениамин Александров, Александр Альметов, Юрий Баулин, Владимир Брунов, Владимир Васильев, Леонид Волков, Виктор Глаголев, Игорь Деконский, Владимир Елизаров, Владимир Киселев, Василий Круглов, Константин Локтев, Борис Поспелов, Владимир Расько, Александр Сафронов, Валентин Сенюшкин, Виктор Суряднов, Анатолий Фирсов (перешел из «Спартака» в ЦСКА по ходу сезона).

Штатный состав: «Динамо» – 21 игрок; ЦСКА – 29 игроков.

Представительство в сборной страны: «Динамо» – 5, ЦСКА – 8.

Тот сезон стал историческим, и то, что произошло, очень возможно, негативно отразилось на психологии динамовских мастеров в последующие годы. Чернышев с подопечными находился в непосредственной близости к всесоюзной вершине; они с определенного момента по весне уверенно и закономерно лидировали, превосходя даже ЦСКА на полголова, а уж «Спартак» вообще не воспринимался как претендент на чемпионство. Тот сезон подарил серию занимательных сюжетов.

Москвичи-фавориты, включая и «Локомотив», терпели неожиданные поражения; из-за неритмичного календаря клубы проводили разное количество матчей, и определить лидеров фактически было нельзя...

...24 ноября. «Динамо» – ЦСКА – 14:5. Результат стал единственным в истории уничтожительным разгромом, который бело-голубые учинили красно-синим. По стечению обстоятельств игра проходила на морозе – на стадионе «Динамо», у Восточной трибуны, где начинался наш хоккей и где было зафиксировано появление первого чемпиона страны по канадской игре – московского «Динамо». Было еще одно обстоятельство – в тот период из-за конфликта в коллективе Тарасов был убран с поста старшего тренера ЦСКА.

Приводимая далее хроника турнирной борьбы дает общее представление о ее драматургии; положение клубов приводится с учетом набранных, а не потерянных очков ввиду разного количества проведенных матчей на текущий момент.

...11 марта. «Динамо» выигрывает у «Химика» 4:2, догоняет ЦСКА и делит с ним 1-е место.

«Динамо» и ЦСКА осталось сыграть по шесть матчей, «Локомотиву», «Спартаку» и «Крыльям Советов» – по восемь. По потерянным очкам расклад был таким: «Локомотив» – 7 очков, ЦСКА, «Динамо» и «Спартак» – по 10 очков, «Крылья Советов» – 11 очков.

16 марта. «Динамо» выигрывает у СКА 2:1, обходит ЦСКА и становится единоличным лидером, а будущий чемпион «Спартак» отсиживается аж на 6-м месте.

24 марта. «Спартак» выигрывает у «Локомотива» – 2:1. У пяти клубов от 9 до 11 потерянных очков.

27 марта. «Динамо» – «Спартак» – 3:4. «Спартак» вытесняет «Динамо» на 3-е место. Лидирует ЦСКА.

30 марта. «Спартак» – «Локомотив» – 7:4.

2 апреля. «Локомотив» – «Динамо» – 0:4. У трех лидеров по 60 очков, но у ЦСКА и «Спартака» по одной игре в запасе.

6 апреля. «Спартак» – «Торпедо» – 6:3. «Спартак» выходит в лидеры.

8 апреля. «Динамо» – ЦСКА – 4:2. «Спартак» – лидер по потерянным очкам.

9 апреля. «Спартак» – «Крылья Советов» – 10:2. Теперь можно только догнать «Спартак».

12 апреля. «Спартак» – ЦСКА – 4:4. «Спартак» – чемпион! «Динамо» – серебряный медалист.

Несчастливой меткой в динамовской истории стало 27 марта 62-го, когда команда Чернышева в статусе лидера первенства в течение почти всего матча против «Спартака» имела

определенное преимущество, но все-таки уступила с минимальным счетом. Из собственных рук выпустили бело-голубые удачу, которую заслуживали и к которой были на редкость осязаемо близки.

Тем более это вызывало досаду, что главного и постоянного конкурента ЦСКА команда Чернышева превзошла по двум основным статьям. Набрала в итоге на одно очко больше и оба раза вышла победителем в очных дуэлях. Оставалось динамовцам разве что тешить собственное самолюбие, прокручивая в памяти подробности невероятного разгрома армейского клуба — 14:5. И по содержанию хоккея бело-голубые превосходили всех, и по турнирной поступи явно приближались к долгожданным золотым медалям. И тут — как черт из табакерки — выскочил непредсказуемый «Спартак» и лишил того, что, казалось, уже было в кармане.

Плотность призовой тройки никак не отражала четырехлетнюю гегемонию столичных армейцев: «Спартак» — 65 очков, «Динамо» — 64, ЦСКА — 63 очка.

«Спартак» действительно оказался если не калифом на час, то и не тем стабильно грозным конкурентом, каким оставался ЦСКА. Однако предпосылки динамовцев для продолжения борьбы за лидерство в следующие сезоны так и не были подтверждены практикой...

После мирового первенства 1961 года Чернышев остался рулевым национальной сборной. Следующий сезон вышел холостым из-за отказа Советского Союза участвовать в международном форуме по политическим причинам.

Минуло уже шесть лет, как в сборной не появлялось целиком динамовского звена.

Истинные динамовские поклонники очень надеялись в 60-е годы увидеть в сборной динамовскую тройку нападения. Пессимизм с каждым годом крепчал и затуманивал в памяти то, что уже было в середине 50-х, когда Крылов — Уваров — Кузин вносили весомый вклад в успехи страны при выходе на мировую орбиту. Им на смену пришло новое поколение, и среди них появились те, кто мог бы составить мощное динамовское трио, достойное приглашения в сборную. Первым среди них дебютировал на международной арене правый крайний форвард Станислав Петухов.

Станислав Петухов:

Аркадий Иванович ставил меня в разные сочетания. Играл я и с Рыжым — Валентином Чистовым. Талантище редкостное! Еще были сочетания, пока, наконец, Адик не свел вместе Юру Волкова, приглашенного из «Локомотива», и Володю Юрзино-

ва, динамовского воспитанника. Юрзинов в центре, я справа, а Волков слева. Наше звено стало показывать стабильно высокий уровень и очень скоро заслуженно было приглашено в сборную. Всё шло по восходящей. Чернышев не скрывал, что был доволен, а уж про нас, молодых, здоровых и целеустремленных, и говорить излишне... Впервые за долгое время после уваровского звена в сборной появилась динамовская тройка.

А был это сезон 1961/62 года.

И мы должны были участвовать в чемпионате мира. Места в составе застолбили и очень ждали этого события. Я-то уже выступал за сборную, на Олимпийских играх в Скво-Вэлли за два года до того. По всем отзывам и в нашей прессе, и в зарубежной, команда подобралась молодая и злая, голодная до побед. Нам прочили первое место. Со шведами четыре или пять встреч гостевых отыграли и только в одной уступили с минимальным счетом. А в итоге мы не поехали, а Швеция стала чемпионом мира... Американцы, они принимающей стороной были, не пустили в страну сборную ГДР — ну и Советский Союз с Чехословакией в знак солидарности отказались от участия.

Пришлось набраться терпения.

Время старались зря не терять.

Мы в «Динамо» еще добавили в стабильности и в атакующей мощи. Аркадий Иванович что придумал? Владимир был центральным нападающим и Волков в «Локомотиве» играл на этой позиции — вот наш тренер и придумал такую необычную тактическую схему, которая максимально использовала наличие в тройке сразу двух «центров». Там много было всяких тактических вариантов и нюансов — и всё работало на повышение качества нашей игры.

В Стокгольм на чемпионат мира 63-го первая динамовская тройка отправилась целиком. Наша атакующая манера отличалась от того, что показывали армейцы Константин Локтев — Александр Альметов — Вениамин Александров и спартаковцы Евгений Майоров — Вячеслав Старшинов — Борис Майоров. И это очень импонировало Аркадию Ивановичу: сопернику проблема было приспособиться к атакующим комбинациям сборной СССР, потому что в каждой смене они были непохожими друг на друга. Потом я анализировал тот чемпионат и пришел к выводу: немножко впереди по результативности было армейское звено, зато мы были где-то вровень со спартаковским. В упорном поединке с канадцами Юра Волков забросил шайбу, и мы динамовским звеном не пропустили. Тогда тренеры считали, как тройка выступила: сколько забросили и сколько пропустили. Если забили и не пропустили, значит, молодцы. Свой микроматч с канадцами мы выиграли...

Юрзиновское звено вело за собой «Динамо», как и подобрали лидерам. В советском хоккее считалось необходимым иметь в клубе ударную тройку, которая была просто обязана делать результат. В каждом матче и против любого соперника. Зачастую исход встречи решался в дуэли первых звеньев, что добавляло интриги в сюжет хоккейного спектакля.

Юрзиновское звено отличали высокая динамика, отрепетированность взаимодействия, физическая мощь, техническая оснащенность. Были и взаимовыручка, сплоченность; это особенно проявлялось при потере шайбы — в обороне каждый отработывал за себя и за партнера. Просто с ними никому не было, а чаще всего худо бывало.

Такого звена в предыдущие годы очень не хватало Чернышеву для штурма чемпионских высот. Минуло около пяти лет, как сошли со сцены Уваров с Крыловым и Кузиным, и вот наконец-то появилась им смена. Заслуга старшего тренера в том была очевидна.

Станислав Петухов:

Адик периодически звал нас посидеть и проанализировать игру звена. Это было принято у него еще раньше. Выслушивал каждого, реагировал, вел диалог и завершал конкретными напутствиями. Мы прогрессировали постепенно и, очень важно, не проваливали игры, ниже своего привычного уровня не опускались. Будущих выступлений на международной арене мы часто не касались, а если и заходил разговор, то и Аркадий Иванович, и мы с Володей и Юрой приходили к единому мнению — в ближайшей перспективе мы не видели в стране такого звена, которое могло бы нас потеснить в сборной.

Теперь в состав московского «Динамо» входило сразу пять чемпионов мира 1963 года: Борис Зайцев и Виталий Давыдов, Владимир Юрзинов, Юрий Волков и Станислав Петухов. Снова в сборной появилась динамовская тройка. И ничто объективно не предвещало нарушения наших крепких позиций.

Приближались Олимпийские игры в Инсбруке. По игре к нам претензий серьезных Чернышев с Тарасовым не предъявляли. Наше звено было «железно» в составе: альметовское, старшиновское, юрзиновское и Толя Фирсов как десятый нападающий на подмену.

Сидим на сборе в Архангельском. Все стараются поберечь себя, чтобы, не дай бог, на ровном месте травму не получить. На утреннюю зарядку выходим — обязательно в шапочке и в спортивной обуви, а Юрзинов что-то запаздывает... Бок прихватил, болит и болит всё сильнее; местный врач из военного санатория прибежал — и срочно увезли на «Волге» с красным крестом. Гнойный аппендицит — сразу на операционный стол...

Звено распалось, но наша динамовская связка-то осталась, и по логике Чернышев как старший тренер сборной спокойно мог подключить к нам центрального на замену Юрзинову. Витя Якушев из «Локомотива» годился для этого: опыт большой, универсал, в обороне всё перекрывает. Правда, Тарасову он то нравился, то не очень. Ну такой был характер у Анатолия Владимировича. Переменчивый. Срочно поехал смотреть на игру второй сборной, какой-то товарищеский матч она проводила. Там Витя Якушев был, а армейца Лени Волкова не было даже. Тарасов возвращается и отзывается о Якушеве: «Да, это была белая ворона в стае черных». Значит, выделялся, стоит взять на Олимпиаду. И дальше по настоянию Тарасова зовут в сборную Леню Волкова из ЦСКА — а он даже в той игре за вторую сборную не участвовал! Но Тарасов на тренерском совете агитировал за включение своего «крайнего», а Толя-то Фирсов числился десятым нападающим. Вот Тарасов и слепил моментально новую тройку: Волков — Якушев — Фирсов, и теперь уже я был без звена. А нашего Юру Волкова вообще в Москве оставили... Здесь, конечно, Аркадий Иванович как «старший» сборной мог спокойно отстоять нашу динамовскую наигранную связку, проверенную годом раньше на чемпионате мира, тем более с Витей Якушевым я играл в одном звене еще на Олимпиаде 1960 года. Но не отстоял нас почему-то... Мотивов я так и не узнал потом.

Предположу, что Чернышеву не хватило агрессивности в отстаивании динамовских кандидатов да элементарного использования своего высокого служебного положения, чтобы стукнуть кулаком по длинному столу в зале, где собирался тренерский совет Всесоюзной федерации хоккея: «Я отвечаю за результат! Наигранную связку Петухов — Волков сохраняем, оба — чемпионы мира прошлого года. Вместо заболевшего Юрзинова едет Якушев».

Чего недоставало Чернышеву, того в избытке имелось у Тарасова.

Блестящим образом Тарасов провел кадровую комбинацию, лишенную, казалось бы, поначалу всяческой логики: вытащил из своих не передовых армейских рядов однофамильца динамовского Волкова (словно для незаметности данной рокировки!) и, внедрив в состав еще не блиставшего тогда ярко Фирсова, слепил, будто наспех пирог испек, совершенно новое звено. В Инсбруке оно общей картины не испортило.

Разве мог тогда предположить Чернышев, что больше в сборной не окажется динамовской атакующей тройки в течение всех чемпионских лет его правления? И понимал ли потом, что отчасти в том была помимо невезения с попавшим на операционный стол Юрзиновым и его вина?..

Роман Станислава Петухова со сборной страны начался, как любовь с первого взгляда, изобиловал то жаркими объятиями, то вынужденными разлуками, но продолжался, к сожалению, не очень долго и вышел куда короче, чем того заслуживали обе стороны — и красавец-хоккеист, и сборная, объект повальной влюбленности советского народа. Статного и одаренного девятнадцатилетнего динамовца Тарасов призвал в сборную в 57-м, едва получив бразды правления из рук Чернышева. Петухов поучаствовал в первом историческом турне сборной СССР в Канаду в ноябре того же года. На два мировых первенства не попал из-за травм, на Олимпиаде-60 отыграл, через год опять помешала травма, а через два — бойкот нашей страной чемпионата мира в Штатах.

Станислав Петухов:

У Тарасова возникла идея. Новая тактическая идея. Без этого никак не мог обходиться. Считал, что именно он продвигает хоккей...

Чернышев пригласил в «Динамо» Юру Парамошкина из Электростали. Шустрого результативного крайнего форварда. Хорошо себя показал, и его в 63-м позвали в сборную на чемпионат мира, где он, правда, не сыграл ни одного матча. Через какое-то время Тарасов предложил Аркадию Ивановичу: «Вот мы взяли в сборную Парамошкина. А ты знаешь возможности Петухова как защитника. Так давай попробуем: Давыдов будет опорным защитником, Петухов — хавом, а впереди у тебя будут играть Парамошкин, Юрзинов и Волков». Ну, Аркадий Иванович на эту удочку и клюнул...

Анатолий Владимирович буквально носился с этой идеей — превратить защитника с навыками атакующей игры в полузащитника, которого он на футбольный манер называл хавом. У себя в ЦСКА активно внедрял новшество... Мало ему этого было, так стал меня пробовать на роль хава. Ну а что я — разве мог возразить? Хотя не нравилась мне эта затея. Какая-то надуманная была. Выехали сборной на товарищеские игры в Гармиш-Партенкирхен. Каток, помню, там оригинальный сделали — вырубленный в скале! И я вроде бы прилично сыграл в роли этого самого хава, помогал впереди и даже одну шайбу забросил, но мы-то два или три контрудара пропустили по моей вине. Очень трудно было нащупать золотую середину — когда помочь в атаке и когда поспеть в оборону. Я же всю жизнь нападающего играл, и потому движение спиной вперед не было для меня таким естественным, как для защитника. Как-то компенсировал это. И, в принципе, должен был ехать в составе сборной на чемпионат мира 65-го. Приезжаем в Шереметьево. Я спокоен. Паспорта с собой нет,

тогда спортсменам паспорта раздавали прямо в аэропорту. И вдруг Тарасов объявляет: «Толмачев и Петухов, вы не едете!»

С Витькой Толмачевым, вратарем из ЦСКА, поехали обратно в Москву — и прямоком в ресторан «Советский». У меня в голове вибрировало: Тарас, Тарас...

На этом звеньевое представительство «Динамо» в сборной закончилось.

Закончилась и моя карьера в сборной.

В романе Станислава Афанасьевича со сборной наглядно отразились те внутренние процессы, которые происходили в психологическом состоянии подопечных Аркадия Ивановича. И тех, кто уже являлся реальным кандидатом на то, чтобы стать чемпионом мира или Олимпийских игр, и тех, кто мог попасть в этот разряд при условии дополнительного усердия на тренировках и полной выкладки в матчах за клуб. Если «тарасовцы» получали психологический допинг в базовом клубе сборной и рвали на себе жилы, чтобы пробиться на самый верх и получить славу, признание и прибавку к семейному бюджету, то «чернышевцы», пребывая, разумеется, в аналогичном состоянии, обходились без того самого допинга и не рвали на себе те самые жилы, на подсознательном уровне понимая, что в отличие от цезэковцев никакой протекции со стороны своего наставника не дождутся. Щепетильность Аркадия Ивановича приводила к тому, что им надо было оказываться не просто равными конкурентам, а превосходить их...

У Чернышева выдался уже ближе к его завершению клубной работы сезон, в котором казалось, что уж на сей-то раз птица счастья из клетки никуда не вылетит. Часть того первенства, как при динамовском разгроме армейцев в ноябре 61-го, Тарасов пребывал вне команды, отдав место у штурвала Борису Кулагину.

Документальная хроника

Сезон 1970/71 года

Динамо:

Александр Пашков, Владимир Полупанов. Александр Попов; Валерий Васильев, Виталий Давыдов, Игорь Кобзев, Валентин Марков, Валерий Назаров, Владимир Орлов, Станислав Щеголев; Анатолий Белоножкин, Владимир Девятов, Евгений Котлов, Александр Мальцев, Анатолий Мотовилов, Юрий Репс, Александр Сакеев, Игорь Самочернов, Михаил Титов, Юрий Чичурин, Виктор Шилов, Владимир Юрзинов.

ЦСКА:

Николай Толстик, Владислав Третьяк; Сергей Глухов, Александр Гусев, Михаил Ковалев, Виктор Кузькин, Влади-

мир Лутченко, Алексей Никитушкин, Александр Рагулин, Игорь Ромишевский, Геннадий Цыганков; Вячеслав Анисин, Юрий Блинов, Александр Бодунов, Владимир Викулов, Александр Волчков, Сергей Глазов, Сергей Котов, Юрий Лебедев, Александр Медков, Борис Михайлов, Евгений Мишаков, Юрий Моисеев, Владимир Петров, Виктор Полупанов, Владимир Попов, Владимир Смагин, Владимир Трунов, Анатолий Фирсов, Валерий Харламов, Валерий Чекалкин.

Состав «Динамо» насчитывал 22 человека, а на службе в ЦСКА состояло почти в полтора раза больше — 31.

21 сентября. «Динамо» — ЦСКА — 4:1.

4 октября. «Динамо» — «Спартак» — 4:4.

21 октября. ЦСКА — СКА — 2:7.

23 октября. «Динамо» — «Спартак» — 7:2.

27 октября. ЦСКА — «Химик» — 1:4.

«Динамо» укрепляет лидерские позиции, а СКА сравнивается с ЦСКА и обходит старшего собрата.

30 октября. ЦСКА — «Спартак» — 2:3.

ЦСКА в нокдауне, «Динамо» опережает СКА на 4 очка, ЦСКА — на 6.

3 декабря. «Динамо» — СКА — 8:2.

По набранным очкам: «Динамо» — 28 очков, ЦСКА и СКА — по 20. По потерянными очкам: «Динамо» — 2, ЦСКА и СКА — по 8.

6 декабря. «Динамо» — ЦСКА — 3:1, СКА — «Спартак» — 3:4.

«Динамо» уходит дальше в отрыв от ЦСКА и СКА.

13 декабря. «Динамо» — «Спартак» — 0:1, «Химик» — ЦСКА — 5:1.

Первое поражение «Динамо» в 18-м матче сезона.

19 декабря. ЦСКА — «Динамо» — 6:2. Поражение на экваторе, но отрыв от ЦСКА составляет 8 очков.

26 декабря. СКА — «Динамо» — 3:3.

На перерыв «Динамо» уходит лидером, превосходя ЦСКА на 3 очка по набранным и на 7 очков по потерянными.

20 января. СКА — «Динамо» — 6:4.

23 января. ЦСКА — «Спартак» — 12:3.

3 февраля. «Торпедо» — «Динамо» — 4:4.

У Динамо остается всего два очка запаса, а до финиша еще 11 матчей. Между тем ЦСКА громит всех подряд.

8 февраля. «Динамо» — «Спартак» — 3:4. СКА — ЦСКА — 2:8.

ЦСКА сравнивается с «Динамо» по потерянными очкам и обходит по набранным.

11 февраля. «Динамо» — СКА — 3:7, ЦСКА — «Сибирь» — 15:1.

Инициатива динамовцами упущена.

24 февраля. «Динамо» — ЦСКА — 4:8. Поражение в ключевом матче.

На перерыв в связи с чемпионатом мира лидеры уходят в такой очередности: ЦСКА — 54 очка, «Динамо» — 52, «Спартак» — 43 очка. По потерянными очкам: ЦСКА — 12, «Динамо» — 16.

11 апреля. «Динамо» — СКА — 7:0.

14 апреля. ЦСКА — «Химик» — 2:2.

15 апреля. «Спартак» — «Динамо» — 4:3.

18 апреля. «Химик» — «Динамо» — 5:3, ЦСКА — «Крылья Советов» — 10:1.

За три тура до финиша ЦСКА обеспечивает себе первое место.

21 апреля. «Динамо» — ЦСКА — 1:0.

Так и не довелось Чернышеву привести родной клуб к чемпионству в те годы, когда он решал задачу государственной важности, куда более сложную: девять лет кряду завоевывал со сборной золото мировых чемпионатов и Олимпийских игр.

По хронике сезона 1970/71 года отчетливо видно, что именно в важнейшие моменты турнирного марафона динамовцам не хватало той дополнительной отмотобилизованности, наличие которой являлось неременным условием опережения ЦСКА в финишном створе.

Значит, их наставнику не хватило каких-то средств в своем богатом педагогическом арсенале для решения этой психологической задачи...

Подобное не могло не сказаться на исходе противоборства «Динамо» — ЦСКА. В очных дуэлях у бело-голубых еще могло разыграть ретивое — мол, смотрите все: ну чем мы слабее цесковцев? А могло и не разыграть, если не удавалось сдерживать традиционный стартовый натиск армейцев. Однако во встречах с середняками и аутсайдерами подопечные Чернышева запросто могли допустить слабину в психологическом настрое, что зачастую приводило к потере очков, обидная недостача которых обнаруживалась на финише сезона.

Александр Мальцев:

«Динамо» теряло очки там, где это было совсем ни к чему. Где просто обязаны были побеждать. Я не сказал бы, что мы недооценивали кого-то. Нет, не то... И не сказал бы, что команда валась физически, в функциональную яму мы при Чернышеве не попадали. Что же мешало ровнее проходить чемпионат? Почему не хватало стабильности в результатах, когда обстановка внутри коллектива, наоборот, всегда была нормальной, устойчивой, никаких интриг и склок при Аркадии Ивановиче не слу-

чалось. Никогда такого не бывало. По существу, нам, игрокам, не хватало настроя серьезного, такой настоящей собранности и нацеленности на положительный результат. Не то чтобы всем не хватало... Да тут достаточно трех-четырех человек — и пожалуйста, команда вместо двух очков увозит нолик. Три-четыре человека вышли на игру с немаксимальным настроем, вышли отработать свой хлебушек, а не отыграть на полную катушку, и всё — команде обязательно такое боком выйдет. Не прессовал нас Аркадий Иванович день за днем: надо сегодня выиграть... надо завтра очков не растерять... Надеялся на нашу сознательность. На понимание того, что и без слов понятно: если мы стремимся чемпионами стать, выкладываться должны по полной в каждой встрече. Но не до всех ребят это доходило. А когда доходило, уже и поздно было... Поезд-то ушел.

Чемпионства нам все равно не добиться... Такая разрушающая мыслишка закрадывалась в головы динамовцев всё чаще по мере удаления от 54-го, когда нежданно-негаданно превзошли ЦДСА, усиленный сверх всякой меры после расформирования ВВС... И каждый год, прожитый динамовским коллективом под началом выдающегося педагога Аркадия Ивановича Чернышева после триумфа 54-го, удаляя их от высшей цели, расширяя и углубляя пропасть между «Динамо» и ЦСКА. Если поначалу то был скалистый и узкий каньон, то с течением времени он уже стал долиной...

Какой же баланс взаимоотношений этих клубов зафиксировали летописцы за годы динамовского правления Аркадия Чернышева?

«Динамо» — ЦСКА. 1946 — 1974.

Золото — 2:17.

Это была дуэль Чернышев — Тарасов (за исключением двух сезонов отсутствия Анатолия Владимировича на командном пункте) на марафонской дистанции всесоюзных первенств, проводившихся за редкими исключениями по круговой системе, сводившей влияние случайных факторов к минимуму.

Разница в золотых накоплениях впечатляет.

Всё же на какие-нибудь успешные сезоны дружина Чернышева могла рассчитывать, однако никак не получалось; на успешные очные дуэли с дружиной Тарасова рассчитывать было должно — они случались. Однако именно что случались: на 18 побед пришлось 62 поражения при 9 ничьих. Поражения бывали и разгромными. А победы с разгромным счетом? Только единожды Чернышев на открытом катке стадиона «Динамо» разнес ЦСКА в пух и прах — 14:5. Но тому разгрому не стоило придавать чрезмерного значения, поскольку в

том сезоне после бунта армейских игроков во главе с Николаем Сологубовым свой пост вынужден был оставить Анатолий Тарасов. Впрочем, ненадолго...

Владимир Юрзинов:

То, что «Динамо» никак не становилось чемпионом страны, доставляло массу переживаний и Адику, и нам. Ни в коем случае не смирялись с этим. Искали резервы для усиления командной игры, тщательно готовились. Традиционно много у нас было собственных воспитанников. Во встречах с ЦСКА давали им бой и иногда побеждали. На этой бы волне нам и дальше выступать... Но «в длинную» конкурировать с армейцами не удавалось. Тарасов! Это же выдающийся специалист. С новаторскими идеями и разработанными им самим методиками, с колоссальной энергетикой. С великолепной индивидуальной работой с хоккеистами...

Виталий Давыдов:

Как-то не срасталось с нашим чемпионством... Один раз на очко отстали от ЦСКА. Не припомню, чтобы они нас во всех встречах обыгрывали, один-то раз в сезоне мы «цепляли» ЦСКА. Это как минимум. А потом могли потерять очки в Челябинске, еще где-нибудь. Когда московский «Спартак» впервые чемпионом стал, мы вообще лидировали — и умудрились сыграть вничью 2:2 в Омске с местным «Спартаком»...

Я тогда на динамовскую селекцию особого внимания не обращал, занят был своей подготовкой и своей игрой. Однако правда заключается в том, что по разряду Генштаба ЦСКА брал практически всех, кого считал нужным. Как грушу трясли молодую поросль!.. А кого отсеивали — раскидывали по спортклубам военных округов. Правда, наших воспитанников не трогали, мы их надежно защищали. Это уже потом, во второй половине 80-х, мы в «Динамо» сумели перестроиться и опередили ЦСКА в селекции...

Борис Михайлов:

В наших играх с «Динамо» всегда были зарубы! С «Динамо» и со «Спартаком». Чернышев мог настроить команду на игру против нас, мог обыграть Тарасова, но держаться в лидерах на протяжении всего розыгрыша чемпионата не получалось. У Тарасова всегда команда была сильнее динамовской по подбору игроков. Общий уровень мастерства у ЦСКА повыше все-таки был.

Александр Мальцев:

Давайте будем откровенны. В «Динамо» не было столько звезд, сколько в ЦСКА. ЦСКА был сильнее всех по именам. Два звена у них входили в сборную, защитники тоже в сборной были.

Если ты тренируешься в сильной компании, то и сам растешь быстрее. Автоматически так происходит. Тарасов брал какого-нибудь новичка и бросал в свое тренировочное пекло, а там Фирсов с Видуловым, там Рагулин с Кузькиным, там Харламов с Михайловым. Ну, если ты что-то из себя представляешь, как не будешь расти, прибавлять в мастерстве?

По существу, и близость сборной почти любой игрок ЦСКА чувствовал. А это очень даже помогало и в тренировках, и в играх. Выкладывались больше чем на сто процентов! А в «Динамо» не было такой сильной компании партнеров, и такой близости сборной ребята не чувствовали. Хоть и был Чернышев старшим тренером сборной. Но все в клубе знали, что на его протекцию рассчитывать не приходится. Что при прочих равных не станет своих динамовцев тащить на чемпионат мира...

Из всего этого и складывалась наша нескладуха — чемпионами страны никак не могли стать.

Владимир Юрзинов:

Я как игрок в команде Чернышева и сам как главный тренер «Динамо» «бодался» с ЦСКА. Наши игры с армейцами собирали полнехонькие трибуны, столько было мысли и страсти у хоккеистов, столько великолепных комбинаций, столько силовой борьбы и столько борьбы характеров было! «Динамо» обыгрывало ЦСКА, по правде говоря, не так часто, как хотелось бы. А больше всего нам хотелось стать чемпионами! Но никак этого не удавалось добиться. Чего же нам не хватало? Нахрапистости. Той нахрапистости, того напора и той агрессивности, каких у цезарей навалом имелось. Той игровой наглости, что проявлялась у них в самые нужные моменты. Другая обстановка царила в «Динамо». Доброжелательность, интеллигентность, приветливость, душевная теплота — все это исходило от личности Аркадия Ивановича. Совершенно замечательная была обстановка. Вспоминаю те годы как годы счастливые. Единственное, по-видимому, чего не хватало, — железной тренерской руки... Но тогда это были бы уже не Чернышев и не его «Динамо»! По-видимому, всего сразу в спортивной жизни не бывает: за душевную атмосферу, которую создавал Аркадий Иванович, в какой-то степени команда расплывалась в жесточайшей конкуренции с ЦСКА, где, насколько мне известно, обстановка в коллективе другая была. Не сужу — лучше ли, хуже нашей, но факт, что другая...

Удивительно, что ни Юрзинов с Давыдовым, ни Михайлов с Мальцевым не отметили одно очень весомое обстоятельство. Возможно, потому что иногда легче что-то разглядеть, находясь чуть в стороне... Во время продолжительных антрактов,

которые устраивались в первенстве Советского Союза ради участия сборной в турне и турнирах, в клубах, разумеется, продолжалась учебно-тренировочная работа. Однако давно и хорошо известно, что никакой самый продуктивный тренинг не заменит игровой практики. Делегируя в сборную двух-трех человек, динамовцы оставались в Москве почти в полном составе и тренировались, тренировались, тренировались до упаду, изредка проводя спарринги с клубами высшей лиги. Зато армейцы, составлявшие костяк сборной, в тот же период получали бесценный опыт в матчах высокого уровня за рубежом, в особенности в Северной Америке, и на известном турнире. При возобновлении чемпионата страны по игровым кондициям ЦСКА неминуемо превосходил «Динамо» на полголовы: армейцы выглядели еще мощнее, чем до антракта, а подопечные Чернышева, напротив, должны были наверстывать длительное вынужденное бездействие по ходу календарных матчей. Что сказывалось в турнирной борьбе явно не в пользу бело-голубых.

В одном профессиональном аспекте Аркадий Иванович, пожалуй что, уступал Анатолию Владимировичу. Тот активно пестовал молодые кадры, снимая с них три шкуры, Чернышев же со своей интеллигентностью не позволял себе подобные подходы. Мощный армейский джип на хоккейном бездорожье сминал элегантный динамовский седан.

Стоп, машины!

Тот самый джип подминал и некоторых талантливых парней, еще не ставших мужиками. Потери бывали у Тарасова. Обычно невосполнимые, поскольку после отсеза из ЦСКА подломленная психика не позволяла идти на второй виток к высокой цели в другом клубе. Зато у Чернышева такое было исключено. В принципе исключено. С его бережным, я бы сказал, — трепетным отношением к дарованиям, с его педагогическими принципами ни о каком надломе и ни о какой потере нарождающейся звездочки не могло быть и речи. Так что и в этом аспекте, как и во многих других, далеко не всё так однозначно, как легко может показаться даже хоккейному журналисту с многолетним стажем.

А что однозначно для меня — искреннее сожаление по поводу того, что «Динамо» в эпоху непобедимой сборной Советского Союза так ни разу чемпионом и не стало.

Ни капельки не сомневаюсь — всего лишь одного чемпионства родного клуба той самой поры хватило бы для еще одного сочного и завершающего мазка к блистательному портрету Аркадия Чернышева.

Всего лишь одного...

Потому что это вызволило бы «Динамо» из блокады, где золото отсутствовало напрочь. И достаточно было прецедента.

Увы. Ярко выраженные личностные и профессиональные достоинства Аркадия Чернышева, абсолютно уникальные в своем роде, неминуемо оборачивались в каких-то условиях и недостатками — или, точнее выражаясь, приводили к недостатке той педагогической жесткости на грани жестокости, того непрерывного психологического прессинга, который обеспечил бы достижение высшей цели.

Однако лично для меня имидж Аркадия Чернышева от этого ничуть не поблек. А в чем-то еще краше стал.

И верю — автор в том не одинок.

ТАНДЕМ — 8. ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ

Союз двух антиподов, объединившихся ради прославления своей страны и сделавших ее непобедимой почти на целое десятилетие.

Чернышев — Тарасов.

Именно такая последовательность фамилий является единственно правильной, соответствующей должностям старшего тренера и тренера. Соответствующей статусам руководителя и его помощника.

Пришла пора оценить в целом, насколько таковым распределение обязанностей было на практике, насколько Чернышев являлся полновластным и единственным дирижером государственного хоккейного оркестра Советского Союза.

Сам Аркадий Иванович, когда от прессы уже нельзя было отвертеться, охотно подчеркивал, что «у нас нет разделения функций». Было ожидаемо, если учитывать его природное благородство, отсутствие чрезмерного честолюбия и тем более тщеславия, желание меньше говорить и больше и лучше выполнять свою работу.

Анатолий Владимирович старался этой деликатной темы избегать.

Чернышев легко мирился с тем, что широкая общественность была недостаточно информирована о его главенствующей роли в сборной. Не выказывал какого-то недовольства по этому поводу ни в сборной, ни в «Динамо», ни среди друзей и знакомых, ни в тесном семейном кругу.

Отчего происходила такая поляризация, несшая одному вселенскую славу, а другому достойное место в тени?

От совпадения сразу нескольких факторов, проистекавших от несхожести характеров тренеров и различий их клубных статусов.

Тарасов был перпетуум-мобиле и при выполнении профессиональных обязанностей, и в неменьшей степени в популя-

ризации хоккея в стране, и в распространении собственных новаторских методик, а это автоматически раскручивало с новой силой его имидж. Круглый год пребывал на самом виду — ЦСКА же, фактически являвшийся базовым клубом сборной, громил почти всех подряд; по несколько лет кряду первенствовал в Союзе. А если и уступал, то «Спартаку», от которого никого не было в штабе сборной, а не «Динамо», представленному там Чернышевым.

Чернышев же трудился в клубе, которому негласно была уготована роль второго по значимости после ЦСКА. Трудился на совесть, никоим образом не используя свое высшее служебное положение в самой главной команде страны — в сборной. Там-то являлся главной фигурой, однако никак не подчеркивал этого, будто нарочно маскировал собственный статус. И что, пожалуй, не менее весомо: сборная приковывала внимание советского народа раз в году и максимум недели на две; дольше ни чемпионат мира, ни олимпийский хоккейный турнир не длились, а всесоюзное первенство, считайте, проводилось весь сезон. Две недели и семь-восемь месяцев — есть разница?

Вот почему стоит после продолжительного нахождения в «штабной палатке» сборной Чернышева и въедливого и беспристрастного рассмотрения того, что, как и по каким причинам там происходило, подвести итоги и еще раз оценить личные вклады двух гениев в то, что Советский Союз гордился не только космосом и балетом, но и хоккеем. А заодно подвести черту под досужими измышлениями об их ролях в этом замечательном тренерском дуэте.

Комплектование сборной

Чернышев здесь уступает по всем статьям. Тарасов поставляет собственные кадры, составляющие в среднем две трети состава. Причем находятся они обычно на лидерских позициях — что в защитной, что в атакующей линиях. Причем попадают в расположение сборной, как правило, в отменной спортивной форме.

Случается, что один-два столичных армейца включаются в заветный список при искусно замаскированной протекции своего клубного наставника; впоследствии они отнюдь не всегда отработывают выданные им авансы, однако грызут лед зубами и тем самым вроде бы компенсируют тарасовскую ошибку — запредельным усердием привлекают к себе внимание и дополнительные симпатии, уводя от резонно возникающего вопроса: «А что они тут вообще делают?» Этот вопрос забывается сразу же после получения советской сборной очередного комплекта золотых медалей.

Отдадим должное Анатолию Тарасову: за подавляющее количество армейцев в сборной; за звездный уровень каждого второго из них; за высокие физические кондиции всех цезсковцев; за всегдашнюю готовность выкладываться без остатка.

И вот еще за что в особенности — за нахождение и взращивание будущих звезд. За их неустанное и творчески-жесткое пестование. За способность найти на любого из них управу.

Тренировочный процесс

Все практические занятия на сборе перед турниром и в дни его проведения являлись обязанностью помощника старшего тренера. Он находился непосредственно на льду, а также в зале для атлетизма.

Тарасовские занятия отличались динамикой, живинкой, разнообразием и повышенной интенсивностью. Все игроки независимо от клубной принадлежности воспринимали их с одобрением. Задачей Чернышева оставалось лишь наблюдать да контролировать перевариваемые объемы нагрузок, тем более за Тарасовым это водилось — в творческом угаре переборщить с заданиями. Правда, периодически Чернышев, стоявший у борта, подзывал игроков и вносил коррективы в план занятия.

Атмосфера в сборной

В 60-е годы о спортивных психологах еще не задумывались. Только позже стали осознавать особую ценность этих специалистов.

В хоккейную же сборную уже были внедрены такие люди. Чернышев и Тарасов — оба являлись тонкими спортивными психологами. А иначе крупными тренерами ни за что не стали бы.

Однако и здесь они были антиподами. Метода была у каждого своя.

Аркадий Иванович ничего не придумывал и ничего нарочито не делал. Сама доброжелательность, сама выдержанность, сама разумность — эти качества его характера и создавали комфортный микроклимат в команде. Что в «Динамо», что в сборной. Взаимоотношения с игроками выстраивал на основе доверия к их порядочности и профессионализму.

Анатолий Владимирович, напротив, без придумок и по этой части обойтись никак не мог. Спокойствие в коллективе отторгал, поскольку воспринимал это как застой, как болотную трясиину. По его мнению, оно не способствовало творческому поиску и расхолаживало игроков. Они переставали из-за этого быть его союзниками в двух бесконечных процессах — дальнейшем развитии хоккея и индивидуальном совершенствовании. Пожалуй, в этом была какая-то правда жизни.

Жизни Тарасова... В ЦСКА такая метода имела место быть, к ней попривыкли, и негативных последствий вроде бы не возникало. А в сборной такое не прокатывало, создавало совершенно лишнее психологическое напряжение.

Мало того что Чернышев облагораживал атмосферу, так он еще служил «пожарным», периодически туша огненные всполохи после локальных конфликтов, искусственно инициированных его помощником. Чернышев умудрялся поддерживать благоприятный климат в коллективе и в самые ответственные, сложные и нервные периоды — игровые.

Тактика

Нельзя выиграть сражение с сопоставимым по мощи противником, имея в планшетах командиров дивизий и полков ошибочные тактические планы. Не учитывающие сильные и слабые стороны — свои и чужие. Не предлагающие неожиданные ходы, подкрепленные обученностью собственных подразделений. Не нацеленные на болевые точки вражеских укреплений...

В хоккее всё то же самое.

Какой командир выше в тактической дисциплине военного искусства? Тот, кто грамотен, кто обстрелян во всевозможных переделках против непохожих по мощи и манере противников, кто при разработке строго засекреченного плана включает по максимуму мозги и хитрость, отключая эмоции и всё второстепенное.

Кто был тактически искуснее — Чернышев или Тарасов? Чернышев.

Он полностью соответствовал указанному набору требований. Готовя «Динамо» к календарному матчу, был вынужден учитывать уровень соперника: сопоставимый с его дружиной — крепкий середняк — вечный скромняга — заштатный аутсайдер — явный лидер... Приходя с таким ценным багажом в сборную, Аркадий Иванович был готов ко всему — к любому сопернику и к любому его тактическим выкрутасам. Будто в чемодане этого высокого элегантного мужчины лежали несколько костюмов разного покроя и разного цвета, причем все они сидели на нем не мешковато, а просто великолепно, так, что не придерешься. Не велики и не малы, в плечах не жмут, брюки не надо укорачивать. По спецзаказу, видно, были сшиты в дорогом ателье где-нибудь в центре столицы.

Тарасов же, грузноватый и на элегантность не претендовавший, выводил ЦСКА на любую встречу с целью в очередной раз продемонстрировать неукротимый стиль игры, выстраивая ее с позиции силы. А силушки у армейцев хватало...

И в сборной, где его патриотические чувства и устремленность к высокой цели зашкаливали, Анатолию Владимировичу было перестроиться как-то малореально. Тому подтверждениями стали чемпионаты мира 58-го и 59-го и Олимпиада 60-го, где в статусе старшего тренера высшей цели не добился он в существенной мере именно по этим причинам.

Парадокс Тарасова — впрочем, один из многих — заключался в том, что в хоккейной тактике он являлся... стратегом: очень много внимания уделял развитию этой дисциплины и имел множество оригинальных разработок.

Тактическая вариативность Чернышева выгодно контрастировала с «железной» привязанностью Тарасова к сугубо агрессивным схемам.

Управление игрой

Одна тренерская находка, один неординарный удачный ход в состоянии развернуть течение неблагоприятно складывающегося поединка и привести к желанному итогу.

И всё с точностью до наоборот при решении скоропалительном и опрометчивом, принятом в лихорадочном режиме «воспаленным мозгом» в мгновение ока. Оно пускает под откос все усилия предшествовавших минут, дней, недель и месяцев.

Хорош был Чернышев в этом ключевом компоненте тренерского многоборья. Особенно силен был в самые важные для державы дни — во время решающих олимпийских и мировых сражений. Когда в его распоряжении находились искусные мастера и бесстрашные бойцы. Борис Майоров, Виталий Давыдов, Александр Рагулин, Константин Локтев, Александр Мальцев, Валерий Харламов и их партнеры не нуждались в непрерывном потоке ценных указаний и колючих придиорок; сами прекрасно знали, что и как делать, и играли в блистательном стиле, а важно им было, чтобы зря не дергали да оперативно вносили коррективы в командные взаимодействия при редких и незначительных сбоях. И всё это получали сполна от того, от кого и ждали. От старшего по званию и должности. От Чернышева.

Ни единого его тренерского сбоя в управлении игрой ветераны припомнить не смогли.

Как управленец игрой, Тарасов в ЦСКА и Тарасов в сборной — это два разных человека и два разных статуса. Неудачный предыдущий опыт в качестве «старшего» сборной неприкрыто подсказывал ему, что лучше поумерить свой творческий пыл и командирский запал, когда речь заходит о хоккейной чести страны. В общем-то, Анатолий Владимирович так и поступал, нет-нет да и срываясь на слишком активную устную

форму общения с игроками. Но служило это лишь фоном, ничуть не заглушая чернышевские команды.

Дуэт. Альянс. Тандем. Связка. Союз...

Так чем являлось уникальное профессиональное содружество Аркадия Чернышева с Анатолием Тарасовым?

После скрупулезного разбора их заоблачных полетов над хоккейной планетой прихожу к выводу, что наиболее точным будет назвать эту команду из двух гениев **ТАНДЕМОМ**.

Велосипедный это термин.

За рулем крутит педали ведущий — за ним расположен ведомый.

ПРЕДВЕСТНИК БУРИ

...Для Чернышевых настали спокойные времена. Глава семейства теперь не работал по совместительству, сосредоточившись только на динамовском клубе, и потому надолго из дома на Войковской не отлучался. Только на время выездов в Ленинград, Челябинск, Новосибирск, Горький... Ну еще на базе ночевал накануне домашнего матча в Лужниках. Такое легче воспринималось супругой и сыновьями; все-таки под боком Новогорск, по Ленинградке около десяти километров да пяток еще по извилистому Куркинскому шоссе, где частенько устраивались велогонки.

В сборной Аркадий Чернышев не работал вот уже четвертый год. С февраля 57-го, когда сняли с должности старшего тренера сборной после серебра на московском первенстве мира. Сняли после четырех лет, в течение которых за ним значились: золотой дебют 54-го, звание чемпионов Европы 55-го, золотой олимпийский дебют 56-го и звание серебряных призеров чемпионата мира 57-го. Не за что снимать-то было. Сам виноват, что сразу и бесхитростно задрал планку предельно высоко над землей. Крупные чиновники от нее и оттолкнулись при взгляде на канадский хоккей на советской территории.

Однако отставка Чернышева не по собственному желанию, которую он принял достаточно спокойно, без душевного надрыва, к новым достижениям (для него самого ставшим почти привычными) не привела.

При разборе полетов московского первенства 57-го Чернышев в качестве основной причины второго места назвал смену поколений: плеяда Боброва и Шувалова, Уварова и Крылова, Гурышева и Кучевского находилась уже на сходе, а шедшие им на смену еще не встали в полный рост. На что Тарасов веско возразил: дескать, какая еще смена поколений — да мы хоть

сегодня в состоянии две сборные скомплектовать! Тарасову поверили больше, благо искусством публичных выступлений и даром убеждения в своей правоте владел он блестяще.

Анатолий Тарасов сменил Аркадия Чернышева у штурвала сборной.

1958-й. 1959-й. 1960-й.

2-е место. 2-е место. 3-е место.

Три попытки кряду оказались неудачными.

Естественно, наиболее критично было оценено выступление на главном соревновании четырехлетия — Олимпийских играх 60-го в американском центре зимнего спорта Скво-Вэлли. Олимпийское золото затмило бы разом два предыдущих разочарования, победа хотя бы на одном чемпионате мира послужила бы индულгенцией — мол, вернулись же после чернышевского отступления в Москве на трон. Но ни того, ни другого не случилось. Казалось бы, оснований для тарасовской отставки накопилось более чем достаточно. Однако ее не произошло.

И лишь зимой 61-го, незадолго до выезда на очередной чемпионат мира, руководящие чиновники внезапно спохватились, словно вспомнив о тарасовской трехлетке без первого места, и произвели повторную рокировку: Аркадий Чернышев сменил Анатолия Тарасова у штурвала сборной. Заодно вывели из штаба «вечного» ассистента Владимира Егорова, успешно тренировавшего московские «Крылья Советов». Вместо него поставили Анатолия Михайловича Кострюкова из московского «Локомотива» и Александра Николаевича Виноградова, который входил в сборную первых созывов и был хорошо знаком Чернышеву, а в тот период работал в ЦСКА.

Виктор Цыплаков:

Прежде чем расскажу о том чемпионате в Швейцарии, вспомню о своих пересечениях, если можно так выразиться, с Чернышевым.

Те пересечения были очно-заочные, что ли.

Я играл против его команды. Против «динамчиков». Обычно получались напряженные и интересные встречи. Наш «Локомотив» был крепкой и ровной, такой задиристой командой. «Динамо» же помощнее было, состав получше имели, хотя и звезд у них тоже не было. Кроме Давыдова. Я так думаю, что у Аркадия Ивановича любимым защитником был Виталик Давыдов. Я часто против Семеныча играл: он на месте левого защитника, а меня в то время ставили на правый край. Давыдова было очень тяжело обыграть, хоть у меня и скоростенка имелась стартовая, и финты. Он очень грамотно и быстро подкатывался к сопернику и «переворачивал» — через бедро опрокидывал на лед. Мало кто мог так умело и так эффектно осадить форварда. Се-

меныч имел почти такую же худосочную комплекцию, что и я; чуток пофактуристее был. Так он умудрялся «переворачивать» и нашего здоровущего Колю Снеткова с ростом за 180, когда меня перевели на левый фланг. Думаю, что вообще Аркадий Иванович уделял повышенное внимание игре защитников и действиям всех полевых игроков в обороне. Но и не сказал бы, что с нами «динамчики» от обороны играли...

Звали меня в «Динамо».

Не при мне это происходило... Вроде Аркадий Иванович навелся к матушке моей: отец был на работе, а я — в институте. По-моему, даже с нашим Юрой Волковым заезжал, он сезона за два до того перешел из «Локомотива» в «Динамо». Подробностей не помню, матушка их особо не расписывала: приходили, говорят, давеча какие-то люди и звали тебя в какое-то «Динамо». Помню, как заговорил с отцом по этому вопросу. Все-таки приглашал знаменитый тренер, да еще в клуб, который боролся за чемпионство. Я шел на повышение. Где-то заколебался я... А батя прямым мужиком был, с ним не забалуешь: шоферил на войне, кулачищи пудовые имел. Он выслушал меня и сразу отрубил: «Представь, сын, ты на следующий сезон выходишь в динамовской форме, а против тебя играют твои друзья-приятели». Ослушаться отца я не посмел, да и по сути дела я однолюб. Остался на месте.

Звали меня и в ЦСКА.

Причем дважды меня в армию забирали. Из военкомата повестки приходили. С приписным свидетельством являлся туда, они отбирали его и предупреждали: «Готовьтесь к выполнению гражданского долга!» Еле-еле избежал. Пришлось из Плехановского переходить в Институт инженеров транспорта. А в 1984-м на шестидесятилетии Кострюкова ко мне подошел Тарасов, приобнял меня даже и говорит: «А я ведь тебя, Виктор, два раза приглашал к себе в команду!» Армеец Витя Кузькин, с которым я очень дружил, объяснял мне, еще когда мы играли: «Если Анатолий Владимирович положил тебе руку на плечо, значит, жди или что-то очень хорошее, или что-то очень плохое. С квартирой поможет, с машиной — или отправит в какой-нибудь СКА Хабаровск, Куйбышев, Новосибирск, Калинин»...

Почувствуйте разницу: Аркадий Иванович собственной персоной является к родителям Виктора Цыплакова, без какого-либо нажима, интеллигентно объясняя преимущества перехода в «Динамо» для спортивной карьеры и последующего трудоустройства, а Анатолий Владимирович призывает его по налаженной годами схеме в вооруженные силы советского отечества, даже не удостоив спортсмена или его близких личным вниманием — оно вовсе лишнее при действиях с позиции

силы. Ну а если не пробьется в «основу» ЦСКА игрок, так будет отправлен в армейские спортивные клубы, разбросанные по всей необъятной стране.

В конце 50-х Федерация хоккея начала создавать и налаживать систему подготовки и отбора кандидатов в сборную. Их, достойных, имелось в стране не так уж мало, и потому решили создать вторую сборную, где бы обкатывался ближайший резерв главной команды. Практика себя, безусловно, оправдывала. Функционеры предпринимали усилия для организации международных встреч резервистов и на первом месте в качестве оппонентов рассматривали, разумеется, канадцев из тех клубов, какие были готовы сразиться с нашими. Сами-то они не были особенно расположены к визитам в Советский Союз, хотя и случалось такое. В те годы приезды «Трейл Смоук Итерс» и «Келовна Пеккерс» произвели фурор среди наших болельщиков, внеся оживление в устоявшуюся внутреннюю хоккейную жизнь. И все же при «железном занавесе», как ни странно, было проще устроить турне нашей сборной по Северной Америке с насыщенным графиком встреч с приличными любительскими клубами. Считалось, что если перспективный хоккеист не срейфил в таком турне, значит, не испугается и не подведет на мировом первенстве или Олимпийских играх.

В такой сборной ближайшего будущего оказался и железнодорожник Виктор Цыплаков — исключительно маневренный и техничный крайний форвард.

Виктор Цыплаков:

Впечатлений у меня была масса. Всё же внове было. Играть против канадцев, да на их льду — это здорово заводило нас! И каждый старался проявить себя получше, знали мы, что выше экзамена, проверки на прочность у тренеров не будет. В состав включили молодых ребят, по двадцать один — двадцать два года нам было; хорошо, включили и опытных — Юру Баулина из ЦСКА, опыт имел участия в мировом первенстве, Юру Цицинова из «Крылышек», еще кого-то... Они здорово цементировали команду и не позволяли нам раскиснуть под силовым натиском канадцев либо, что тоже не дело, расслабиться некстати.

Десять игр за шестнадцать, кажется, дней — с ума сойти!

С севера на юг, с юга на восток и с востока на запад исполовали всю Канаду.

А когда спать? Когда восстанавливаться? В Союзе мы к такому плотному графику не привыкли.

Если даже не в четырнадцать дней уложились... В среднем выходила одна игра в полтора дня. Как хочешь, а держись. Держи марку!

Перед командой поставили задачу — сыграть хотя бы вровень с ними. И какие-то там премиальные в валюте пообещали; сумму не припомню, мизер наверняка был, да мы о другом думали тогда. Игруем первую встречу — уступаем. Не проигрываем, а именно уступаем во всем; в силовой борьбе нас просто так колешматят, что голову не успеваем поднять. Вторая встреча — проигрываем. Третья — то же самое, зато постепенно акклиматизируемся к непривычно жесткой игре. Четвертую тоже «сгорели», но стыдно уже не было...

Аркадий Иванович спокоен был как удав. Его настроение хорошо влияло на ребят. Мы чувствовали, что Чернышев не паникует и нам доверяет, и это потихоньку придавало нам уверенности в своих силах. Подсказывал по делу, как раз то, что качественно улучшало нашу игру. Меня поставили на правый край к Славе Старшинову и Боре Майорову — оба уже здорово играли, а Женя, Борин брат, появился в составе чуть позже.

Ну, я старался не портить картины.

Идет шайба по борту, я стою справа и вроде принимаю ее и хочу отдать передачу, а там сразу канадец летит на меня и врезает «в душу» — шайба потеряна, и я лечу обратно к нашему лицевому борту... Аркадий Иванович нашему звену говорит: «Витя, не затягивай и не мудри — идет к тебе шайба, клюшечку подставил, она из нашей зоны выскочила, а там Слава с Борисом разберутся. Только всё быстро делай — в касание. И беги вперед поддерживать партнеров».

Советы Чернышева каждому игроку или каждому звену всегда били в самое «яблочко» — ребята сразу всё улавливали и устраняли недочеты. И всё проходило в рабочей обстановке. Никаких криков, никакой паники на лавке не было. Матюжком мог изредка обдать, но не обидно звучало — даже как-то взбадривало, по-свойски звучало.

Четыре матча проиграли, а потом шесть подряд выиграли.

Плюс-минус в одну игру могу ошибиться.

Чернышев оставался на переднем крае советского хоккея. Со специалистом такого калибра вряд ли могло быть иначе. Служил родному клубу и при надобности готовил резерв для национальной сборной. Ему самому любая командировка с участием в турне либо в турнире на территории Северной Америки давала массу пищи для анализа канадского и советского хоккея — ведущих школ мира.

Конечно же, не знал и не мог знать, вернется ли в сборную страны. И когда это произойдет? И в каком качестве? Нет, пожалуй, статус был для него приемлемый лишь один — главный. Осознание собственной профессиональной силы,

основанное на предшествовавшем опыте, не позволяло иного выбора. За спиной были четыре года управления сборной, за которые ему определенно стыдно не было. Гордиться мог с полным на то основанием.

Судьба распорядилась таким естественным образом, что, сам того не ведая, Чернышев в конце 50-х уже готовил новую хоккейную поросль к золотоносной эре 60-х, где выступал в роли главного дирижера советской сборной. Досконально знал всех потенциальных кандидатов, все их сильные и слабые стороны, объективно оценивая не только текущий уровень выступлений, но еще и более важный фактор — перспективность каждого.

Получив зимой 61-го приглашение снова встать у штурвала, он не растерялся, потому что был готов к решению этой государственной важности задачи. И даже нелепая экстренность приглашения вкупе с тем, что до того сборную готовил другой специалист, не могла поколебать его уверенности в себя и веры в игроков. И не могла стать поводом для сетований на роль «пожарного», ему уготованную, и прочие неблагоприятные обстоятельства. Не позволял себе вообще такого самоустранения и снятия части ответственности лично с себя. Собственно, похоже, из равновесия его ничто, касающееся тренерства, вывести не могло.

Рисковал ли, соглашаясь на призыв снова возглавить сборную?

Особого риска не усматриваю: уж больно высок был его авторитет и уж больно высоки были его достижения в сборной, которые и близко не были перекрыты за четыре года его отсутствия в ней.

Особого выбора не имелось и у спортивных и партийных боссов: если не Тарасов, то, безусловно, Чернышев. А кто же еще способен вернуть Советскому Союзу лидерство в мировом хоккее? Кострюков, Богоинов, Эпштейн, Егоров — сильные специалисты, но Чернышеву всё же не равня.

Анатолий Кострюков:

Приглашение помочь в сборной Чернышеву я воспринял с радостью, конечно. Знакомы мы были давно, еще с первых чемпионатов Союза. Аркадия Ивановича нельзя было не уважать и нельзя было ему не симпатизировать. Подкупали его манера поведения и то, как вел игру. Одно было продолжением другого. Сохранял всегда ясную голову и принимал точные решения, держал с игроками дистанцию, был требователен, зато не позволял себе выходить за рамки приличия и не был сторонником палочной дисциплины. В хоккее разбирался исключительно и знал всегда, чего

ждет от игрока, от звена, от команды в текущий момент. Знал и как этого добиться.

Чернышев советовался и со мной, и с Виноградовым в процессе подготовки сборной, а длилась она около двух недель. Времени на раскачку совсем не оставалось. Взвесив все «за» и «против», получив от меня исчерпывающую информацию о Якушеве, Снеткове и Цыплакове, доверил места в составе моим парням из «Локомотива». И, мое мнение, они в целом не подкачали.

Непосредственно во время матчей мирового чемпионата мы на равных с Александром Николаевичем помогли Аркадию Ивановичу. Во всех вопросах последнее слово оставалось за Чернышевым.

Виктор Цыплаков:

Подготовка к тому чемпионату, который проходил в Швейцарии, в общем-то нестандартной была. В связи с тем, что был большой список кандидатов, провели много товарищеских игр, особенно с чехословацкими командами: «Слован» из Братиславы, ВТЖ из Хомутова, «Спарта» из Праги. Пять или шесть встреч мы сыграли. Как спарринг-партнеры они устраивали Чернышева.

Аркадий Иванович, старший тренер, сидел очень близко к борту, локтем опирался на него и смотрел игру. Это его излюбленная позиция была еще в «Динамо». Командовал сменами, всем руководил, а Александр Николаевич и Анатолий Михайлович стояли в сторонке и подсказывали нам, если что требовалось.

В одной такой контрольной встрече случилось со мной то, что запомнил на всю жизнь.

Заканчивается моя смена, подкатываю к нашей скамейке и перелезаю через борт. Ничего плохого не жду, вроде нормально отыграл этот отрезок. Чернышев, как обычно, сидит. Потом поворачивается в мою сторону и говорит жестко, но спокойно:

— Цыплаков, подойди!

Делаю пару шагов, никаких догадок, зачем зовет, не имею.

— Виктор, ты хочешь попасть на чемпионат мира?

— Аркадий Иванович, конечно, хочу. А как же?

— Но если еще раз не вернешься назад, мы с тобой расстанемся. Ты всё понял?

— Ну как не понять, Аркадий Иванович. Всё — учту...

А вечером, после ужина, подзывает меня снова. Я уж думаю — что же я еще натворил? А он растолковал мне доходчиво:

— Виктор, я к игре сегодняшней хочу вернуться. Вот ты раз, другой не вернулся в оборону и думаешь — а, ничего страшного. Понимаешь — вот ты даже не догоняешь их нападающего, но если ты бежишь назад, то уже неплохо. Ты его по трусам

ключечкой отмассируешь, по щиткам постучишь — так он же пульнет шайбу куда-нибудь, лишь бы от твоей опеки избавиться. И нас точный не отдаст...

Больше Аркадий Иванович меня по этому поводу не подзывал к себе. Как только мы теряли шайбу, я пулей летел на помощь защитникам. И он включил меня в основной состав сборной.

Отлекусь на минутку. Настолько та подсказка Чернышева въелась в сознание, что и сегодня, занимаясь с «мелкими», акцентирую их внимание: «Мальчишки, вперед вы все бежите как угорелье, а назад нехотя ползете. Учтите — кто не будет помогать защитникам, далеко не пробьется!»

...На сборе перед отъездом в Швейцарию мы жили на Воробьевых горах. Стыдно признаться, я ведь только в одном первенстве мира участвовал, но где и как там размещались, не запомнил. Зато как вчера помню тот день, когда на старом и еще открытом искусственном катке «Сокольники» объявили состав счастливчиков и я услышал свою фамилию. И услышал фамилии своих партнеров по локомотивской тройке — Вити Якушева и Николая Снеткова.

А счастливчиков-то было всего семнадцать: два вратаря, две пары защитников и еще пятый; три звена и еще десятый нападающий. Кандидатов было намного больше.

Состав образца 61-го после двухнедельного отбора Чернышевым в серии матчей с чехословацкими клубами представлял собой довольно-таки необычную картину. И не оттого, что он что-то резко поменял в угоду своим вкусам и требованиям. Объективный расклад сил на кандидатском поле вышел таким.

Он не побоялся привлечь целое звено железнодорожников: Николай Снетков — Виктор Якушев — Виктор Цыплаков. Нестандартное решение: ведь московский «Локомотив» обычно не входил в число призеров всесоюзного первенства; однако бронзу эта колючая команда взяла именно в том сезоне.

Решительно пригласил спартаковское трио — братьев Бориса и Евгения Майоровых с Вячеславом Старшиновым. Они уже наводили шороху во встречах с фаворитами ЦСКА и «Динамо», демонстрировали фирменный стиль и неукротимый спортивный дух.

Звено армейских гроссмейстеров Константин Локтев — Александр Альметов — Вениамин Александров взял бы на мировое первенство любой специалист.

Десятым нападающим взял динамовца Владимира Юрзинова. Но не потому, что своим, динамовским, был — этого-то бластного пути Чернышев себе не позволял, — а потому, что

мощный грамотный «центр» появился и прогрессировал каждый день на его глазах.

Среди защитников выбора богатого не имел и положился на армейских ветеранов: Николай Сологубов — Иван Трегубов и Генрих Сидоренков — Владимир Брежнев, а Александра Рагулина из эпштейновского «Химика» взял пятым на подмену.

На пост номер один позвал горьковчанина Виктора Коноваленко и динамовца Владимира Чинова. Что смушало — явного первого номера не было.

Чернышев произвел кардинальное обновление сборной после проигранной Тарасовым Олимпиады-60. Сразу девять новичков! Подобного в сборной, где подолгу выступало большинство блистательных мастеров, не случалось ни до, ни после этого.

Заявлять на матч можно было 14 полевых игроков и запасного вратаря.

Американцы прислали состав, ничего общего не имевший с прошлогодним в Скво-Вэлли, где они стали победителями олимпийского турнира. Не помогла и длительная планомерная подготовка. Советская сборная убрала их с пути, что навывается, не поперхнувшись.

Шведы неизменно уровень держали, в их составе находился Свен Тумба Юханссон — главный обидчик Чернышева по московскому чемпионату 57-го. Чернышев поручил локомотивскому звену нейтрализовать ударную тройку соперника, а Якушева приставил персонально к Тумбе. Место в воротах занял Чинов. На удивление легко превзошли конкурента. Удивило то, что армейские «гроссмейстеры» ни разу не отличились. Зато отличились железнодорожники.

Виктор Цыплаков:

Чехам мы проиграли 4:6. Равная борьба была, отрезками мы инициативой владели. Но вратари, прямо скажу, подвели. Они, а не возрастные защитники ЦСКА, как потом некоторые писали...

Хорошо, когда четко ясно, кто основной вратарь и кто запасной. С этим тренеры как-то не совсем определились. Еще до открытия чемпионата сборная провела товарищеский матч с местным клубом в Шо-де-Фон. Коноваленко вообще планировался как основной, он и вышел на игру. Дай бог памяти, после первого периода 0:3 проигрывали мы. Коноваленко убирают и ставят Чинова. Громим соперника. Аркадий Иванович тогда и решил, что Володя Чинов — в «основе».

А тот день оказался явно не Володькиным. Моим близким приятелем был, обычно с ним в номере селился при заграничных вы-

ездах сборной, но правда есть правда. Игра шла как на качелях. 3:2 повели после того, как Витя Якушев протолкнул шайбу в суматохе у ворот. И тут курьезнейший гол пропускает Чинов: справа в нашей зоне их крайний форвард пасует защитнику, тот замахивается на бросок, а на него уже бежит наш игрок обороны, и чтобы не попасть в него, дав нам провести контратаку, защитник, кажется, Грегор фамилия, посылает ее в сторону ворот, лишь бы улетела подальше. Она летит долго, летит под углом градусов сорок пять, и не помню, то ли Володька хотел надежнее накрыть, то ли еще что-то пытался сделать, только она у него прощмыгнула под мышкой... Боролись мы до последнего, и шестую шайбу пропустили после замены вратаря на шестого полевого.

Анатолий Кострюков:

В обеих проигранных нами встречах — и Чехословакии, и затем Канаде — на лавке сборной царил нормальная рабочая обстановка. Чернышев руководил сменами игроков и давал указания только тогда, когда считал нужным. Нервничал, но виду не подавал. И при проигрышном для нас счете полностью сохранял самообладание, еще и подбадривал игроков. Меня вообще-то трудно было удивить, но то, как Чернышев вел игру команды, осталось в памяти как пример высшего тренерского мастерства.

Финляндия тогда считалась еще отдаленной хоккейной окраиной Европы.

С дружественными восточными немцами и с враждебными западными разобрались одинаково — без проблем.

Оставалась последняя встреча с Канадой, которая расставляла всех фаворитов по итоговым местам.

Чернышев, недовольный удалением Цыплакова на последних минутах в игре с ЧССР, заменил его на Юрзинова.

Виктор Цыплаков:

Канадцам мы проиграли по делу. Превзошли нас по всем статьям. Ворота на замке держал Сет Мартин. В защите у них выделялся Дэррил Слай: ноги колесом, праворукий, разрушал и созидал одинаково здорово — сильнейшим на турнире был, но лучшим признали Ивана Сергеевича Трегубова, потому что среди призеров выбирали, а Мартина лучшим вратарем называли; нападающие были быстрые, напористые и с высокой культурой паса. Канадцы начали с нами очень жестко и нацеленно на ворота. И наращивали давление. Где-то смяли нас. Сказалось, по-моему, что к концу турнира у наших возрастных защитников поднакопилось утомление, а тут этот канадский вихрь — даже семижильный Сологубов ошибался, и из-под него забивали.

На банкете после торжественного закрытия чемпионата мы с канадцами дружелюбно общались. Я вспоминаю лихорадочно английские фразы, всё пытался выразить восхищение Слаем. Перед чемпионатом мне в Швеции сломали челюсть — местные доктора всё отлично сделали, и это не помешало мне выступить в Швейцарии. И не мешало моему корявому школьно-институтскому английскому. Бронзовые медалисты Трегубов с Сологубовым обучали канадских чемпионов тому, как надо выпивать водку и не хмелеть.

Чернышев лично мне не показался очень уж расстроенным итогом первенства.

Значит, понимал, что перспектива у этой обновленной сборной есть большая.

Я так и не понял, почему слабенько сыграла тройка Альметова.

Зато понял, почему, напротив, сильно выступило спартаковское звено, где я прежде играл на правом краю.

Понял я вскоре и почему тот чемпионат так и остался в моей карьере единственным. Объективно конкуренция становилась очень высокой. Из «Локомотива» в сборную попадал только редкий по классности универсал Витя Якушев. Не знаю, может, и сохранилась бы наша тройка в сборной, если бы туда в 63-м не пришел Тарасов...

Не удивился я тому, что Тарасов после этого чемпионата быстренько захомутал Рагулина из «Химика» в ЦСКА.

Мог ли я как действующий хоккеист спрогнозировать ту победную серию нашей сборной, которая в 63-м стартовала?

В точности нет, какое там... Никто бы такое не предугадал. Но было видно, что выходят на первые роли новые имена. Немало таких было.

Я сохранил самые теплые воспоминания от работы с Чернышевым.

Благодарен ему по сей день.

За толковые советы. За уважительное отношение ко мне, да и ко всем ребятам. За железную выдержку в проигранных нами встречах против чехов и канадцев.

Примечательна реплика Цыплакова по поводу того, что старший тренер не выглядел удрученным на церемонии закрытия турнира. Хорошо знал тот широкий круг талантливых и оставшихся дома кандидатов, что стучались уже в двери сборной.

Аркадий Чернышев:

Я бы назвал чемпионат мира в Швейцарии турниром больших надежд. В самом деле, в том году контингент сборной наряду с

уже достаточно обстрелянными игроками пополнился целой плеядой способной молодежи.

Назову новичков сборной созыва того года.

Двадцатидвухлетний вратарь из команды горьковского «Торпедо» Виктор Коноваленко, широкогрудый, невозмутимый волжанин, который, казалось, без труда ловит летящие пулей шайбы.

Двадцатилетний богатырь, защитник из подмосковного «Химика» Александр Рагулин, воспитанник выдающегося тренера-новатора Николая Семеновича Эпштейна, сумевшего превратить небольшой по тем временам город Воскресенск в популярный центр советского хоккея...

Вместе с армейцами Вениамином Александровым и Константином Локтевым в первой тройке начал играть их двадцатилетний одноклубник Александр Альметов, и смело можно было предсказать, что этому трио удастся достойно продолжить и приумножить знаменитые традиции звена Боброва.

У нас в московском «Динамо» выросли и достигли высокого мастерства двадцатилетние вратарь Владимир Чиннов, «рыцарь ворот» без страха и упрека, и Владимир Юрзинов, центральный нападающий редкого комбинационного таланта.

Московский «Локомотив» подготовил для первой сборной отличную тройку молодых форвардов — Николая Снеткова, Виктора Якушева и Виктора Цыплакова.

Не остался в долгу перед сборной и московский «Спартак», который отрядил под ее знамена многообещающую, своеобразную, я бы сказал, умную в игре тройку, состоящую из братьев-близнецов Бориса и Евгения Майоровых и центрфорварда Вячеслава Старшинова.

Наша сборная образца 1961 года была, пожалуй, самой молодой из всех команд, участвовавших в том мировом чемпионате.

Мы остались на третьем призовом месте, пропустив вперед команды Канады и Чехословакии. Огорчились? Не слишком. Честно говорю. Нам нужно было какое-то время, чтобы обстрелять игроков. Лично меня как старшего тренера сборной не покидала уверенность, что это время не будет слишком затяжным. Дайте только срок, и наша молодежь разыграется вволю!

Ясновидящим оказался Аркадий Чернышев.

Обновление сборной более чем наполовину стало шагом обдуманным и дальновидным. На это еще решиться надо было. Прежде ни сам Чернышев, ни сменивший его на три года Тарасов не предпринимали подобных кадровых революций. А еще решиться надо было на демократичность при отборе кандидатов — конкурс прошла целая тройка из «Локомотива». Да и приглашение в полном составе старшиновского звена из толь-

ко возрождавшегося «Спартака» тоже потребовало неординарного и не узковедомственного подхода. Воскресенца Рагулина позвал, а динамовскую восходящую звездочку того же защитного амплуа Давыдова попридержал. Динамовцев было только двое. Ставка на «рыцаря ворот» не оправдала себя ни на чемпионате, ни впоследствии — что ж, еще не фиксировала история такого хоккейного тренера, который не допускал бы ошибки в процессе отбора самых-самых перспективных исполнителей. Зато оправдали чернышевские авансы сполна и Виктор Коноваленко, и Александр Рагулин, и Александр Альметов, и Владимир Юрзинов, и всё звено Вячеслава Старшинова.

Сподобился бы кто иной на такое обновление нашей сборной? Большой вопрос...

Целых два года Аркадию Чернышеву пришлось ждать начала той самой незабываемой и, давно уже это очевидно, неповторимой девятилетней серии сплошных побед Советского Союза под его чутким руководством.

В 62-м Советский Союз не участвовал в чемпионате мира в США. Там первенствовали шведы. Эксперты, наблюдавшие сборную Чернышева в том сезоне, единодушно отмечали, что «Советам было по силам взять золото в Колорадо-Спрингс».

Ну чего-чего, а терпения Аркадию Ивановичу было не занимать в самых разных жизненных ситуациях. Тем более при тех обстоятельствах, когда лично от него ничего не зависело...

ТАНДЕМ — 9. ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

Сенсационным стало объединение Аркадия Чернышева с Анатолием Тарасовым в тренерском штабе сборной. Различались оба буквально во всем. В характерах, в поведении, во взглядах на хоккей и на профессию, в увлечениях. Невероятным казался их тандем. Могло даже показаться, что идея главы советского спорта Николая Романова пришла ему в голову, когда вспомнил он о... постулате марксистско-ленинского учения о единстве и борьбе противоположностей. Единство Чернышева — Тарасова заключалось в их исконном патриотизме, непоколебимой вере в преимущества отечественной хоккейной школы, которую они создавали и развивали, в их сосредоточенности на достижении сборной высоких целей. А борьбы противоположностей, как мы досконально выяснили, не было вовсе: Аркадий Иванович по своей натуре не был расположен к инициированию конфликта с кем бы то ни было; Анатолий Владимирович, будучи и здесь человеком абсолютно иным, считавшим конфликт с игроком одним из действенных

педагогических средств, в дни пребывания в национальной сборной находил управу на собственный буйный нрав и полностью соблюдал должностную субординацию, подчиняясь во всем старшему тренеру.

Сенсационным стал и их уход с авансены.

То был именно уход по собственному желанию, а не отставка, не увольнение, не освобождение от должности и т. д.

И оттого сенсация стала громоподобной.

Начнем с того, что в Советском Союзе как-то не было принято покидать высокий насиженный пост по собственной инициативе. Почет и уважение, власть над людьми, возможность влиять на стратегические решения в данной сфере, высокий заработок и куча привилегий, ощущение важности собственной персоны в делах государственных, слава, наконец. От такого набора жизнеутверждающих радостей и почестей не отказывались, покуда не пробивал час ухода в мир иной либо покуда не смещали с высокой должности по какому-нибудь особым, из ряда вон выходящим причинам.

Чернышев с Тарасовым занимали самое высокое положение в хоккее. И с учетом его поистине всенародной популярности и любви находились на особо привилегированном положении вообще в советском спорте и в Советской стране. Ибо ни одно достижение наших атлетов не приводило граждан в такой повальный восторг и не вызывало такую массовую гордость за великую державу, как завоевание хоккейного золота на международной арене.

Чернышев с Тарасовым справлялись с высокой и сложной миссией, на их плечи возложенной, выше всяческих похвал и предполагавшихся ожиданий. Девять лет кряду, вы только представьте — девять! — приводили сборную СССР к победам на чемпионатах мира и Олимпийских играх. Это же еще с 60-х годов повелось, что страна может недополучить золота в каком-нибудь виде программы зимней Олимпиады, но только не в хоккее. Триумф сборной Чернышева — Тарасова смывал начисто любые разочарования и окрашивал любые итоги Игр в розовые цвета.

Чернышев с Тарасовым приучили родину к нашему лидерскому статусу в мире, посадили и партийных бонз, и рядовых тружеников на эту золотую иглу.

Чернышев с Тарасовым пребывали вне критики и вне посягательств на их незыблемое положение.

И Чернышев с Тарасовым ушли по собственному желанию?! Да быть такого не может!

Что, собственно, произошло? Что же могло подвигнуть непобедимый тренерский тандем на подобный неординарный

шаг, на такое противоестественное в социалистическом государстве волеизъявление?

Прежде чем пытаться дать ответ на эти вопросы, сделаю два разных по весомости уточнения. Оба — временного характера.

Всем представляется, что тандем образовался в 63-м, когда в Стокгольме наша сборная стала чемпионом мира после явно затянувшегося антракта длиной в шесть лет. Ну хорошо, чуть поразмыслив, назовем 62-й: ведь хоккейная хронология состоит из сезонов, которые начинаются осенью одного года, а заканчиваются весной следующего. Однако аудиенции Чернышева и затем Тарасова в кабинете главы советского спорта Николая Романова датированы 61-м годом. Перед стартом очередного всесоюзного первенства был заключен «контракт века». Романов своевременно предпринял меры, отреагировав на бронзу Чернышева, завоеванную весной 61-го и не превратившую серию неудач сборной. Кто же мог предположить, что тандем просуществует фактически целый год вхолостую по причине отказа СССР от участия в очередном чемпионате мира 62-го года в США по политическим мотивам?

Это не более чем уточнение, непобедимость тандема сомнению нисколько не подвергается.

Вторая хронологическая справка куда легче достается, зато куда весомее выглядит при обсуждении сенсационного ухода тандема с авансены.

Аркадий Иванович с Анатолием Владимировичем выглядели солидно и презентабельно; динамовский наставник, пожалуй, превосходил армейского благодаря подтянутости, росту, осанке. К обоим нельзя было не испытывать глубокое уважение и искреннюю признательность за содеянное на благо отчизны. Заслуг числилось за ними немерено, трудились оба на хоккейной ниве еще с окончания войны, и потому казалось, что им уже много лет, что заслуженные и с сединой мужчины находят в солидном возрасте. Между тем во время проведения Олимпиады-72 в Саппоро Чернышеву было 57 лет, Тарасову 53 года.

Да обоим бы еще работать и работать! А оба спустя всего лишь два года распрощались и со своими клубами!

72-летний Тихонов не отказался возглавить сборную России. 66-летний канадец Кинэн привел магнитогорский «Металлург» к завоеванию Кубка Гагарина. 65-летний Белоусов вывел родной челябинский «Трактор» в финал Кубка Гагарина. 52-летний Квартальнов с ЦСКА занял первое место в регулярном первенстве КХЛ, начав работать с профессиональной командой лишь в 47 лет...

Владимир Юрзинов, который активно работал в наших и европейских клубах до семидесяти, а в семьдесят пять являл-

ся официальным консультантом сборной России на чемпионате мира 2015 года, признался мне: «Как же рано закончил Анатолий Владимирович! С его-то энергетикой, стремлением развивать и пропагандировать хоккей в стране. А насколько раньше срока прекратил активную работу Чернышев? Адик еще сколько пользы мог нам всем принести...»

Вернемся, однако, вверх по течению бурной реки земного времени.

Так что же стало причиной «самоволки» Чернышева — Тарасова? И был ли какой-нибудь конкретный повод для столь решительного и бесповоротного шага?

Раскопки вряд ли приведут нас к открытию чего-то нового и абсолютно бесспорного. Всё же попробуем, несмотря на давность тех самых событий.

Предположений существовало в хоккеем мире несколько.

Первая версия.

Тарасов мечтал стать генералом, однако это оставалось лишь мечтой.

Вторая версия.

Тарасов считал, что они с Чернышевым заслужили звание Героев Социалистического Труда ничуть не меньше тех, кто «Гертруду» уже получил. Такая почеть тоже оставалась лишь мечтой.

Третья версия.

Чернышев с Тарасовым резонно опасались чемпионата мира того же 72-го года, который проводился спустя пару месяцев после Олимпиады в столице Чехословацкой Социалистической Республики, где после подавления советскими танками мятежа в 68-м царили антисоветские настроения и где и без того мощная сборная ЧССР собиралась из кожи вон лезть, чтобы взять показательный реванш хотя бы на хоккейной арене.

Четвертая версия.

Чернышев с Тарасовым элементарно подустали морально и физически, на совмещение работы в клубе и сборной уже не оставалось сил.

Пятая версия.

Возможна и она... Может, еще что-то подвигло на написанные заявления по собственному желанию?..

Первые две версии касались исключительно Анатолия Владимировича. Верится ли в них? Почему, собственно, нет, ведь мы знаем амбициозность и честолюбие тарасовской природы. Верится ли в то, что его сугубо личные устремления напрямую повлияли на решение Аркадия Ивановича? Нет, не верится, зная интеллигентность чернышевской природы. И то правда, что совсем игнорировать влияние Тарасова на Чернышева в кадро-

вых вопросах нельзя: прежде это касалось отбора кандидатов в сборную, а теперь могло коснуться их собственных кадровых перемещений... Поэтому позволю себе с некоторой долей сомнений отвести предположения, в которых роль инициатора отставки отводилась Тарасову.

Третья версия представляется вполне реальной. Чемпионские звания стали доставаться сборной со всё большими усилиями и с помощью госпожи удачи; чехословацкая сборная превратилась в нашего главного оппонента — очень серьезно по своему потенциалу и очень неприятного по своим хоккейным повадкам. Их реваншистские настроения добавляли аргументов не в нашу пользу. Так зачем ставить под удар славу непобедимых тренеров, смазав всю картину кляксой после девяти триумфальных сезонов? Риск мог показаться не совсем оправданным. Уж лучше остаться в памяти потомков непобедимым тандемом!

И, наконец, версия четвертая. Самая простая и потому самая естественная. Однако кругом начальники держались за свои места до последнего вздоха, про уход по своей воле слышать тогда не доводилось. Оттого и возникало какое-то недоверие к мысли, что Чернышев с Тарасовым вот так просто взяли да ушли с гордо поднятой головой.

Выбирать остается между теми предположениями, в которых Чернышев фигурирует как главное действующее лицо в строгом соответствии с его руководящим статусом в сборной СССР. При всем при этом не стоит исключать влияния на его решение со стороны Тарасова — человека, обладавшего даром убеждения и в принципе никогда ни на чем не успокаивавшегося.

Кто поможет рассудить, как на самом деле всё происходило? Кто хотя бы даст факты в поддержку наших предположений или в противовес им?

Не узнать этого ни у авторов заявлений об уходе, ни у тех, кто те бумаги принимал...

Боюсь, что полной картины нам не восстановить.

Обратимся к человеку, который находился к Чернышеву ближе всех из ныне здравствующих.

Борис Чернышев:

Еще в олимпийском 68-м году, незадолго до отъезда в Гренобль, отец высказал Сергею Павловичу Павлову, преемнику Романова на посту председателя Всесоюзного спорткомитета, желание уйти после Олимпиады из сборной. Тот уговорил остаться до Саппоро — на четыре года. Кстати, ровно настолько отец был старше Тарасова.

Совмещать работу в клубе и в сборной было тогда очень тяжело. Сборы у главной команды начинались с осени; перерывы в первенстве страны — спарринги с европейцами; декабрьский приз «Известий»; обязательное новогоднее турне по Северной Америке. А дальше сбор перед чемпионатом мира или Олимпиадой... Передышек у отца вообще не было. И ответственность на него, как на старшего тренера сборной, ложилась огромная. Весь сезон фактически проходил для него под психологическим давлением предстоящего чемпионата мира, а уж про олимпийский сезон и говорить нечего.

На предолимпийской неделе в Гренобле в 71-м выступали сборные, а от нас играло «Динамо», которое заняло первое место, и по возвращении отец на пороге нашей квартиры с улыбкой заявил: «Московское «Динамо» — чемпион мира!»

Сам я хорошо помню мамины то ли предостережения, то ли уговоры: «Ну сколько можно тащить сборную? Ни выходных у тебя, ни вечеров свободных. Выигрываете с Тарасовым, выигрываете — и что из того? Нельзя же вечно выигрывать... Вы что, ждете, когда после первого же проигрыша вас выгонят из сборной и забудут обо всех ваших заслугах перед родиной? Забыл, как тебя убрали в 57-м? А я хорошо помню...»

Насколько знаю, Нина Григорьевна тоже просила Анатолия Владимировича, чтобы заканчивал со сборной.

А когда вернулись из Саппоро с золотыми олимпийскими медалями, то напомнили руководству спорткомитета о старой договоренности.

После событий в Чехословакии 1968 года, после ввода туда советских танков хоккейные матчи с чехами превращались в настоящие сражения. В 68-м, 69-м, 70-м и 71-м наша сборная завоевывала золото, но всё было «на тоненького»... А чемпионат мира в 72-м должен был проходить в Праге: имелись опасения, что при поражении там все предыдущие победы будут одним махом зачеркнуты, как это у нас нередко бывало...

Сборная при тренерах Боброве — Пучкове на том чемпионате осталась без золота, хотя в первом матче с хозяевами сыграли вничью, а попадания Харламов во второй игре с ними при счете 2:3 на последних минутах в пустые ворота — и мы снова были бы на коне.

Зато на московском чемпионате мира в 73-м мы разнесли всех. Помню, поднимаюсь в Лужниках на трибуну, и меня окликают Тарасов: «Эх, Борька, рановато мы с твоим отцом ушли из сборной... Сейчас-то играть не с кем!»

Аркадий Чернышев с Анатолием Тарасовым ушли из сборной достойно. По-мужски. Солидно это выглядело. Непривычно. Красиво ушли! Как бы там ни было на самом деле... Какие бы причины и поводы ни подтолкнули их к решительному шагу в своих судьбах...

ПРОТИВ «НАРОДНОЙ КОМАНДЫ»

60-е годы. Их хочется вспоминать и вспоминать. Их хочется пережить снова и снова, впитав эликсир той атмосферы единения, тепла и гордости за державу. Пережить сначала всё по отдельности и затем всё вместе.

На дворе хрущевская оттепель.

Юрий Гагарин в космосе.

Русский балет за границей.

Советский хоккей шествует по планете...

Сборная СССР, не знающая под руководством Аркадия Чернышева осечек на мировых форумах, становится эффективной и, что особенно греет душу миллионам, правдивой рекламной вывеской необъятной страны. Наряду с космосом и балетом. В городах и городках наблюдается настоящий бум лихой зимней игры, во дворах на любых мало-мальски свободных площадях заливают лед и кое-где даже ставят деревянные бортики. На матчи всесоюзного первенства народ валит как на праздник, где можно отвести душу.

Дворец спорта в Лужниках, рассчитанный на 12 тысяч зрителей, не мог вместить всех желающих. Здоровый ажиотаж, переходящий моментами в массовый психоз, вызывали лобовые сражения трех самых сильных и самых популярных клубов — ЦСКА, «Динамо» и «Спартак». Вопрос: «Нет ли у вас лишнего билетика?» — произносился с искренней мольбой в голосе, словно речь шла о спасении утопающего, и звучал он повсюду; ладно у ограды дворца, где находился первый контрольно-пропускной пункт, — так пресловутый билетик с возможной переплатой спрашивали не только на всем пути от станции метро «Спортивная» до ледовой арены, а зачастую и в вестибюле этой станции у выходящих из вагонов с гордым видом обладателей заветных корешков.

Гвоздем сезона считалась сшибка ЦСКА со «Спартаком». Эти клубы являлись тогда главными претендентами на первенство. Четыре круга первенства дарили четыре суперзрелища. Однако лобовое столкновение «Динамо» со «Спартаком» ничуть не уступало по накалу страстей, красоте комбинаций и исполнению сольных партий, а по лихо закрученному сюжету, позволю себе заметить, зачастую и превосходило выяснение отношений между армейцами и спартаковцами. В последних зашкаливали турнирная значимость и особенная принципиальность дуэли, там воздух лужниковской арены, казавшейся гигантской и, конечно же, самой крупной во всем мире, наэлектризовывался и производил громы и молнии от двух полюсов — северного, цеэсковского, притягивавшего к себе

победный исход для хоккейного флагмана, и южного, спартаковского, с дерзкой силой перетягивавшего фортуна в сторону посягателей на трон. И оттого сама зрелищность, общедоступная зрелищность для обычного зрителя, выражаемая частотой разящих атак и артистичной импровизацией, уступала в какой-то мере динамовско-спартаковскому противостоянию. Оно, как правило, отличалось высокой результативностью и колебаниями чаши весов, как будто при общем равенстве сил какой-то невидимый сценарист, специализирующийся на детективных вымыслах, из маленькой лейки лил по чуть-чуть воду то на левую, то на правую чашу прибора, определяя, на чьей стороне в данный момент имеется перевес. Однажды «Спартак» превзошел ЦСКА, забросив единственную шайбу в середине третьего периода: действие накрепко прихватило зрителей, но выхода эмоциональным бурям не было, словно директор дворца Анна Ильинична Синилкина приказала закрыть выходы на всех секторах. Динамовцы и спартаковцы при встрече на льду так болезненно не напрягали болельщиков, невольно сочетая борьбу за результат с красотой его достижения.

Диспозиция 1. Ведомственная

Министерство внутренних дел или Комитет государственной безопасности — Всесоюзный центральный совет профсоюзов. О колоссальном влиянии силовых структур писать излишне, но и преуменьшать профсоюзную мощь страны я бы не стал. Ведь, считайте, всё трудовое население, занятое в тяжелой и легкой промышленности, в добыче полезных ископаемых, на транспорте и т. д., являлось членами своих союзов с правами и обязанностями. А еще было у них неотъемлемое право переживать за «Локомотив» и «Торпедо», «Машиностроитель» и «Трактор», «Нефтяник» и «Газовик», «Текстильщик» и «Химик», ну и, конечно же, за «Спартак», ставший кумиром миллионов влюбленных в спорт рабочих, инженеров, научных сотрудников. Эта популярность в массах передавалась и руководителям, среди которых находилось немало поклонников красно-белых, имевших влияние и способных решать организационные и материальные вопросы обожаемого клуба.

Главных вопросов было всего два — армейский призыв и отдельная квартира. Само собой, от «жигулей» и тем паче «Волги» никто не отказывался, но крыша над головой была основой социалистического бытия.

Закон о всеобщей воинской повинности означал выполнение священного гражданского долга, который при настоящем командировании в танковые и прочие войска (а не фикции в виде зачисления в штат армейского клуба какого-нибудь во-

енного округа либо в Центральный спортивный клуб армии) означал крушение спортивной карьеры. Помыслы профсоюзного игрока и его клуба, по-настоящему заинтересованного в нем, совпадали, и начиналась «усердная» учеба в вузе, что давало пятилетнюю отсрочку от призыва, а далее уже оставалось исхитриться, протянув до 27-летнего возраста... По большей части своих лидеров московский «Спартак» сохранял в собственных рядах, но случались и осечки из-за недостаточной внутриклубной мобильности и отсутствия своевременного предвидения угрозы либо при повышенной заинтересованности ЦСКА в конкретном игроке.

Зато спартаковцам было грех жаловаться на жилищные условия. Квартиры, казавшиеся по тем временам хоромами, они получали без продолжительных проволочек. И личный автопарк открывали либо обновляли вполне исправно. В обустройстве этих земных потребностей они не отставали от динамовцев.

Зато динамовцы, решавшие продолжить службу в указанных ведомствах в офицерском статусе, получали фактически гарантию безбедного и почетного послеспортивного будущего.

Диспозиция 2. Селекционная

Она проистекала ровнехонько из ведомственной. Динамовцы вставали сразу за ЦСКА в очередь за перспективными либо находящимися в самом соку новобранцами, а спартаковцы занимали какую-то непонятную позицию: то были третьими, то вторыми, а то и первыми. В лидеры по селекции вырывались редко, конечно же, когда талантливый парень с головой на плечах непременно желал выступать за «Спартак» и только за «Спартак». Привлекали популярность команды, ее амбициозность и ее игровую стиль. Тогда игрок поступал в институт либо сам, либо при содействии клубных администраторов, и никуда более не переходил по собственной воле.

Селекция включала в себя и пополнение из клубной детско-юношеской школы, оно-то в чернышевские времена являлось основополагающим. Сравнить московские школы по их эффективности я бы не решился, потому что все они функционировали качественно, на совесть.

Евгений Зимин:

На собственном примере расскажу о том, как различалась селекционная работа в «Спартаке» и «Динамо». Сразу оговорюсь, что никаких льгот и вообще каких-то административных преимуществ у профсоюзного клуба по сравнению с силовым динамовским не имелось.

Если вкратце — юнцом я попал в «Локомотив». И уже наигрывали меня в «основе» команды мастеров... Я-то еще мальчиш-

кой симпатизировал «Спартаку», когда там тройка Старшинова громил всех подряд и возвращала популярную команду на видные позиции. Но сам же не придешь в Сокольники и не попросишься. А тут подоспел крупный всесоюзный турнир, где выступали сборные регионов, а Москва была представлена отдельно. В сборную столицы меня включили без вопросов.

Не помню, в каком городе турнир проводился, зато хорошо помню, что все специалисты там собрались. И Чернышев с Тарасовым, и Бобров с Эпштейном, и Кострюков с Богоиновым. Ну все тренеры клубов высшей лиги съехались, чтобы присмотреть в свои команды перспективных молодых игроков.

Отыграл я там нормально, в свою силу. Мог, наверное, и получше выступить — я всегда строго себя оценивал...

Зато приглянулся Боброву! Самому Всеволоду Михайловичу, возглавлявшему московский «Спартак».

Лично подошел ко мне и накоротке переговорил: так, мол, и так — зову тебя к себе, в «Спартак».

Ни секунды не раздумывая, я согласился.

И никогда об этом не пожалел...

Уже скоро стал чемпионом СССР. Попал в сборную. Стал двукратным олимпийским чемпионом.

Неловко говорить о себе... Значит, Бобров разглядел во мне перспективу и сам, без отлагательств и перекладывания встречи на кого-то из помощников, пригласил молодого игрока в свою команду. А Чернышев мимо меня прошел, хотя, очень может быть, просто был я не в его вкусе. То же самое скажу и про Тарасова. Тоже мог не отвечать его тренерским запросам.

А как Всеволод Михайлович нашел в Сибири Витю Блинова? Порекомендовал ему кто-то малоизвестного парня — так Бобров сел в самолет и приземлился в Омске, чтобы лично убедиться в правдивости рекомендации и лично переговорить с игроком и его родителями. А как Всеволод Михайлович откопал Сашу Мартынюка? Тот в «Крыльях Советов» болтался и никому особо не был нужен, а в «Спартаке» заблистал и до сборной дошел.

Чернышев, мне кажется, не проявлял повышенной активности при поиске молодых талантов. Может, в силу своего характера, может, недооценивал это направление работы. Откровенно говоря, Сашу-то Мальцева в команду мастеров первым позвал Николай Семенович Эпштейн, это уже потом «Динамо» быстро схватило и увело из «Химика» будущую звезду. Опредил тут Чернышев Тарасова... Может, Аркадию Ивановичу и какой-то интуиции на перспективных хоккеистов не хватало. Мне со стороны трудно вато судить, но факт остается фактом: «Спартак» в целом превосходил «Динамо» на селекционном направлении.

Диспозиция 3. Тренерская

К ней мы приглядимся касательно тех рулевых, что приводили к золотым медалям спартаковцев в чернышевскую эпоху.

Чернышев — Новокрещенов.

В сезоне 1961/62 года никто не мог предположить такой сенсационной развязки. Возрождавшийся «Спартак» сезоном ранее примостился на шестой строчке таблицы, и потолком притязаний клуба на ближайшее время объективно считалось попадание в призеры, да и то с кучей оговорок. Но с каждым матчем мужало и крепло звено Старшинова. Оно сворачивало горы, не ведая страха и сомнений при встречах с ЦСКА и «Динамо», «Крыльями Советов» и «Локомотивом», вообще никого и ничто не считая преградой, которую не в состоянии преодолеть. А за ними потянулись партнеры, чтобы давать передышку Майоровым и Старшинову, при этом не портача и не портя настроения лидерам. Александр Новокрещенов на редкость органично вписался в такой своеобразный коллектив. Он потрудился в спорткомитете, выезжал в загранкомандировки для широкого ознакомления с хоккеем, по натуре был нежестким педагогом, интеллектуалом, прекрасно играл на фортепиано. Александр Никифорович искусно поддерживал эдакую романтическую атмосферу в коллективе, тем самым внеся посильный вклад в нежданный триумф. Уже после бронзы следующего сезона Новокрещенова освободили от должности, и следы его последующей деятельности отыскиваются лишь в архивах хоккейных историографов.

Разумеется, ровней Чернышеву он и близко не был.

Чернышев — Бобров.

Весьма затруднительное сопоставление. Бобров — он на то и есть Бобров, что абсолютно уникален, своеобразен и никого к себе близко не подпускает. Как хоккейно-футбольный гений. Как тренер, понятно, Бобров далеко не столь неприкасаем... И всё же, всё же... Ладно футбол, но в хоккее, пролетев ослепительной кометой, что сотворил: «Спартак» за три года превратил в грозную силу, сокрушившую ЦСКА с трона и обещавшую и впредь повторять такое, однако неожиданно-негаданно покинул клуб; спустя пять лет принял сборную и вместе с ней развеял миф о непобедимости профессионалов НХЛ; с двух из трех мировых первенств возвращался со шитом, а подписал себе приговор об увольнении по собственному желанию, допустив эмоциональный выброс в адрес советского дипломата... Ну как тут, скажите на милость, сопоставить Всеволода Михайловича с Аркадием Ивановичем? Одно очевидно —

бобровский немереный авторитет и бобровский сугубо игровой подход к тренировочным будням благодатно повлияли на спартаковцев, не склонных к фантазиям на тему физических перегрузок и физических упражнений, связь которых с игровыми моделями не проглядывалась сразу.

Но достижения и стаж Чернышева никак не меркнут перед достижениями и стажем хоккейного тренера Боброва.

Чернышев — Карпов.

Наиболее простое — и наиболее сложное сравнение. Сугубо формально выходит, что с двумя чемпионствами в 69-м и 76-м (в 76-м Аркадий Иванович уже не работал с мастерами) Николай Иванович выглядит даже предпочтительнее. Увы, этот своеобразный специалист, полагавшийся — небезуспешно, но на короткие периоды — на постоянный оптимизм в коллективе, на благоприятный эмоциональный фон, на интуицию и выстраивание либеральных отношений с игроками, в том же «Спартаке» освобождался вскорости после добычи золотых медалей; не вытаскивал на авансцену Горький с тамошними богатыми хоккейными традициями, а в «Локомотиве» и следа не оставил.

По калибру эти тренерские фигуры просто несопоставимы. Очевидно это.

Владимир Юрзинов:

Сразу, с наскока, и не разобраться, почему спартаковцы в 60-е трижды становились чемпионами, а динамовцы так ни разу и не сумели...

Братья Майоровы и Старшинов. Какая тройка несгибаемая была! Какой пример команде подавала! Считаю Бориса великолепным капитаном сборной, сам в этом убеждался. Наверняка таким же был и в родном для него «Спартаке». Слава Старшинов крушил всё и всех на своем пути к воротам. И Евгений был им под стать. Такой сильной и амбициозной тройки, именно первой тройки, вынужден признать, в моем «Динамо» не было. А потом у них подоспело шадринское звено...

Тренеры у них были интересные, со своим почерком.

Александр Новокрепцов не зажимал их, интеллигентным человеком был, и на такой разудалой волне с вожжаком Борисом Майоровым впервые стали чемпионами.

Бобров во всем был неповторим. И как хоккейный тренер ни на кого не был похож. Мне даже кажется, что Анатолий Владимирович немного тушевался перед Всеволодом Михайловичем... Игровой метод Боброва очень хорошо воспринимался спартаковцами; летом много играли в футбол, в другие игры.

Коля Карпов умел отношения с ребятами выстраивать. Доброжелательные, такие комфортные. Психологом Николай Иванович был замечательным.

До конца все-таки сложно разобраться, почему «Спартак» превзошел «Динамо» в те времена...

Диспозиция 4. Эффект инерции

Тренерская диспозиция характерна тем, что в «Динамо» присутствовала абсолютная стабильность, а в «Спартаке» — настоящая кадровая чехарда. Дольше трех сезонов, какие довелось здесь порулить Боброву, никто не проработал. Даже Карпов, который дважды приводил красно-белых к золоту, задерживался ненадолго. За период с 62-го (первое чемпионство спартаковцев) по 74-й (завершение клубной работы Чернышева) у «народной команды» сменилось восемь тренеров, а в «Динамо» исправно трудился всё тот же выдающийся наставник Чернышев.

«Стабильность — признак класса». Эту формулу никто еще не отменял. И согласно ей динамовцы должны были едва ли не автоматически превосходить спартаковцев. Они и превосходили в стабильности пребывания на верхних этажах иерархии: практически не были подвержены турнирным перепадам, чего нельзя было сказать про их профсоюзных оппонентов. А превосходили ли в классности? И да, и нет. Да, потому что не позволяли себе скатываний в группу середняков. Нет, потому что недотягивали до вершины. А «Спартак» туда взбирался. И это густой краской перечеркивало чернышевскую классность, выражавшуюся в стабильности.

«Новая метла по-новому метет». Эту формулу тоже никто не отменял. В хоккее и футболе она вылезает на передовицы спортивной периодики, когда правдорубы комментируют экстренную тренерскую отставку из-за плачевной полосы результатов команды и появление нового рулевого со стороны. Эмоциональная встряска и психологическая разгрузка — газетные штампы еле умещаются на полосе. И, как правило, такой эффект срабатывает на какое-то время.

В хоккейном «Динамо» этим не занимались. Чернышева не за что было сдвигать с заслуженно насиженного кресла. Точнее, с того стула, на котором Аркадий Иванович предпочитал сидеть рядом с бортом во время матча. И автор не возьмет на себя смелость гипотетически рассуждать на тему полезности или своевременности замены Чернышева, не бравшего золото, на какого-нибудь специалиста со стороны. Невозможно такое было, ибо фигуры, сколько-нибудь с ним сопоставимой, попросту не было на всесоюзном горизонте, а о зару-

бежных «спечах» тогда и в страшном сне не помышляли. Нереально такое было, ибо Чернышев занимал пост номер один в советском хоккее, блистательно справляясь с ежегодным планом сборной по золотодобыче.

Однако позволю себе предположить, что самому Аркадию Ивановичу с каждым годом становилось всё тяжелее замахиваться на штурм всесоюзной вершины. И не оттого, что энергии убавлялось — сил-то еще хватало, возраст и выправка позволяли еще дерзать и дерзать. А оттого, что, как живой нормальный мужчина, не заикленный на какой-то идее фиксе, Аркадий Иванович постепенно привыкал к динамовскому статусу «вечно второго» клуба и отчасти неминуемо смирялся с ним. Отчасти — не более того. Не сдавался и предпринимал новые и новые усилия и меры, но эффект инерции ужасно затянувшегося нечемпионства неминуемо влиял на его внутреннее психологическое состояние. Не мог не влиять...

Как не могло это и не передаваться динамовским мастерам. Им эта эстафета проклятой инерции передавалась из поколения в поколение. Незримо, зато, увы, явственно какими-то эфирными волнами доходила от Чернышева, которого считали как никого более.

А в «Спартаке» всё было с точностью до наоборот.

Что передавалось из поколения в поколение? Да почти что и нечего было рассказывать, чтобы у молодого человека распирало грудь от причастности к клубу с богатыми традициями. В послевоенные годы, на заре нашего хоккея, «Спартак» был на виду, к чемпионству не приближаясь, в 50-е вообще почти исчез из поля зрения и только к началу 60-х потихоньку стал реанимироваться. Зато сенсационно превзошел всех — и неприступный ЦСКА Тарасова, и мощное «Динамо» Чернышева — в 62-м. Чемпионом стал! И не важно, что потом какое-то время притязания его были не высшего порядка...

Золото чеканки 62-го превратилось в маяк, который высвечивал путь ветеранам, причастным к его завоеванию, и новобранцам, мечтающим повторить триумф.

Александр Якушев:

Я с колоссальными усилиями попал 12 апреля 1962 года в Лужники на решающий матч «Спартак» — ЦСКА. После финального свистка началось ликование. Команда бросилась качать ворота Анатолия Платова, который в одиночку отстоял весь сезон и блестяще сыграл в шести последних матчах. Спартаковцы радовались как дети, веря и не веря в привалившее счастье. На трибунах люди обнимались и целовались, кто-то чуть не плакал от радости.

Я был совершенно счастлив. Мой «Спартак» стал чемпионом Советского Союза! Мне 15 лет. Я — один из ведущих игроков молодежной команды. Подумал: «Вот бы мне когда-нибудь испытать на льду то же, что любимые хоккеисты!» Это я повторил и повторял про себя, находясь 12 апреля 1962 года, в первый День космонавтики, в Лужниках и видя себя там же, но только на площадке, в каком-то неизвестном мне году. И вдруг обнаружил... слезы, катящиеся по моим щекам.

То были слезы парня, по уши и пожизненно влюбленного в хоккей. Ничего подобного в моей жизни не случилось ни до, ни после этого знаменательного дня.

Аналогичные чувства испытывали и его будущий постоянный партнер Владимир Шадрин, и Евгений Зимин, и Виктор Шалимов...

А чемпионство 67-го, достигнутое после трех лет поступательной работы Боброва и признанное заслуженным повсеместно, и вовсе затвердило в умах игроков — «Спартак» способен стать чемпионом. Когда очень этого захочет... Когда карта ляжет...

Диспозиция 5. Стилевая

Подопечных Чернышева отличали хоккейная культура, грамотность действий, отлаженность коллективных маневров, физическая готовность, сбалансированность состава. Однако нередко в прессе их упрекали за излишний академизм, что в какой-то степени соответствовало действительности. Не хватало подчас выплеска адреналина, эдакого игрового куража, авантюристности. Того, что имелось в избытке в «Спартаке». Красно-белых называли хоккейными романтиками.

Характер команды зависел от личностных качеств наставника. Тем более эта связь явственно ощущается, когда он долго управляет коллективом. Именно так обстояло дело с Чернышевым в московском «Динамо».

Диспозиция 6. Ударные звенья

Без наличия в составе сильного первого звена команда не может решать серьезные турнирные задачи.

Так бы я выразил аксиому советского хоккея. В каждом уважавшем себя клубе, в Москве или в провинции, имелась первая тройка нападения, с которой соперник не забалуется и с которой команда может давать бой кому угодно и когда угодно. Каждый тренер лепил такое сочетание на собственный лад, придерживаясь общих принципов: солист — диспетчер — «рабочая лошадка». Каждый тренер рассматривал эту задачу

как первостепенную, поскольку иначе команда, пусть даже с достаточно ровным и квалифицированным составом, была обречена на обитание среди середняков. Чем выше были амбиции клуба, тем неудержимее должно было быть первое звено. Если клуб реально претендовал на чемпионство, то и лидеры его атакующей линии почти автоматически должны были включаться в состав сборной страны. Однако слепить по-настоящему сильное и гармоничное, волевое и сбалансированное звено — искусство, доступное избранным специалистам.

В распоряжении Аркадия Чернышева имелось в 50-е годы замечательное и ни на кого не похожее трио: Юрий Крылов — Александр Уваров — Валентин Кузин. В начале 60-х он сумел сформировать новое сочетание, обещавшее решить проблему ударного подразделения в «Динамо» на годы вперед: Станислав Петухов — Владимир Юрзинов — Юрий Волков. Уже в 62-м выступили бы на мировом первенстве, не откажись Советский Союз по политическим мотивам от участия в нем. В 63-м стали чемпионами мира. А в 64-м они, весьма вероятно, стали бы олимпийскими чемпионами, не случись накануне отъезда в Инсбрук приступ аппендицита у Владимира Юрзинова... И — как отрезало! С того самого злосчастного дня, когда на армейской базе в Архангельском Юрзинов задержался с выходом на зарядку из-за внезапных болей в животе, и вплоть до 74-го, финишного для клубной карьеры Чернышева, на крупнейших турнирах за сборную ни разу не выступала динамовская тройка целиком.

И это являлось если не шлагбаумом, с издевательской регулярностью наглухо закрывавшим переезд перед динамовским автобусом, то препятствием высоченным и никуда не девавшимся с пути на чемпионский верх.

Было прекрасное звено Юрий Чичурин — Александр Мальцев — Анатолий Белоножкин и было прекрасное звено Виктор Шилов — Анатолий Мотовилов — Александр Сакеев. По причинам объективным и субъективным, по их вине и из-за неблагоприятных обстоятельств, на которые эти шестеро сильных мастеров повлиять были не в силах, оба динамовских ударных звена за сборную не сыграли на чемпионате мира или на Олимпиаде. И бумерангом это возвращалось и болезненно ударяло по чемпионским возможностям и амбициям чернышевской команды.

А в «Спартаке», напротив, с этим вопросом дело обстояло вполне пристойно.

Евгений Майоров — Вячеслав Старшинов — Борис Майоров существенным образом повлияли на возрождение почти из небытия родного клуба. Они же внесли львиную долю в чемпи-

онства 62-го и 67-го. Зато уже в 69-м подоспело новое грозное сочетание: Евгений Зимин — Владимир Шадрин — Александр Якушев. Произошла, как это ни банально звучит, передача эстафетной чемпионской палочки.

Александр Якушев:

Начиная с сезона 1960/61 года я старался выбираться на матчи любимой команды и смотрел на всё широко раскрытыми глазами. «Спартак» тогда занял лишь 6-е место. Но характер уже показывал частенько. Безропотно никому не уступал. И чем грознее был соперник, тем ярче себя проявляли игроки.

Вячеславу Старшинову было двадцать лет, Борису и Евгению Майорову — по двадцать два. По мастерам играли вместе третий сезон. Возмужали, сыгрались и повели за собой команду. Я с восторгом наблюдал за их мастерскими слаженными действиями. Больше всего поражали их неистовость в борьбе, эмоциональная заряженность на игру, волевой запал.

Почему из-под руки Чернышева так и не вышло в эпоху непобедимой сборной СССР динамовского звена сборной?

Как и в любом поражении, а это, как ни крути, явилось поражением клуба, виноват тренер. Только давайте выясним, какой именно — Чернышев, работавший в «Динамо», или Чернышев, руливший в сборной Советского Союза?

Полагаю, тот и другой.

Но в большей степени — второй. Тот, что за сборную ответственность много лет нес с честью. Тот, что как огня опасался не честь мундира, а собственную честь замарать хоть какими-нибудь малейшими телодвижениями и мало кому заметными потугами подсобить своим одноклубникам в попадании в заветный список «сборников».

Диспозиция 7. Представительство в сборной

При наличии базового клуба сборной — ЦСКА — и при наличии Тарасова — его тренера и по совместительству ассистента Чернышева в сборной — любое включение в состав хоккейных делегатов на международный форум игрока другого клуба рассматривалось как событие из ряда вон. И в ряду этом спартаковцев оказывалось чуть больше.

Ненамного больше — простор вакансий имелся весьма ограниченный, но преимущество у профсоюзного коллектива было. И оно оказывало влияние и на противостояние «Динамо» со «Спартаком» на внутренней арене. Красно-белые в большем количестве просачивались в сборную и с большей уверенностью в себе возвращались, увешанные золотыми ме-

далями. Бело-голубые уступали и в том, и в другом. И этих-то раскованности и безудержной веры в себя, в партнеров, в команду зачастую и не хватало хоккеистам Чернышева. Встречи между конкурентами нередко завершались с минимальным перевесом, чаще с перевесом профсоюзов; в равном бою всё решают нюансы, в бою спортивном особенно в цене психология победителей и способность к нестандартным действиям в самый напряженный момент. Плеяды Старшинова и Щадрина располагали этим оружием безотказного и убойного действия в большем количестве.

Диспозиция 8. Неоправданные потери очков

Вообще-то «Спартак» давно зарекомендовал себя как эдакий вольно-казачий отряд, способный разбить в пух и прах кого угодно, включая фаворитов ЦСКА и «Динамо», и не менее способный раздарить после этого очки соперникам, о том и мечтающим. Такой щедростью красно-белые даже немного бахвалились: вот, мол, мы какие удалые мастера — что захотим, то и наворотим. Ну а когда на финише обнаруживалась крупная недостача, в профсоюзном клубе приступали к кусанию локтей, в чем, замечу, тоже присутствовала некая бравада.

Сетования заслуженных динамовцев Станислава Петухова и Виталия Давыдова на похожий недуг в динамовской среде стали для автора в какой-то мере неожиданными. Как-то не ассоциировалось чернышевское «Динамо» с турнирной бесхозяйственностью. Что ж, значит, так оно и было. Да и спортивная хроника это подтверждает стопроцентно.

Какой из клубов был более безалаберным, позволяя себе сорить очками, которые в определенные сезоны могли превратиться в золотые?

Однозначно не ответишь. Группа команд, с которыми и «Динамо», и «Спартак» обходились милостиво, определяется не вполне строго в силу специфики игрового вида спорта. Куда отнести горьковское «Торпедо», который могло цепануть любого? А ленинградский СКА, просыпавшийся временами, как медведь от зимней спячки? А «Химик» из Воскресенска, для которого любимым и не таким уж редким занятием было отбирать победы у ЦСКА? А гордый хоккейный город Челябинск с его «Трактором» куда отнести, наконец?..

На глазок автору кажется, что «Динамо» меньше несло неоправданных очковых потерь. От того еще может так казаться, что «Спартак» с большей амплитудой подбрасывало туда-сюда, вверх-вниз. Как бы то ни было, в целом «Динамо» со «Спартаком» были на этот счет как два сапога пара. Чересчур уж хлебосольными.

Фортуна — вечная спутница хоккея. Совсем без нее никак и никому. Улыбается она шире и чаще в сторону тех, кто настырнее и искуснее добивается ее взаимности.

Весной 62-го динамовцы приближали триумф как могли, а могли немало. Ближе других были к заветной и долгожданной для себя цели. Встреча со «Спартаком» в Сокольниках стала судьбоносной и, видимо, определившей это противостояние надолго. Игра ладилась. Но две контратаки старшиновской тройки, случившиеся после досадных обрезаев, вкупе с тем, что защитник Виктор Тихонов (тот самый) не выручил вблизи своих ворот, поставили жирную кляксу на, казалось бы, уже чистом наградном листе, предназначенном для вписывания фамилий игроков динамовского состава. А далее спартаковцы по-геройски вырвали ничью у ЦСКА и, совершенно ошалев от свалившегося на них счастья, праздновали успех вместе с многотысячными трибунами и миллионами телезрителей.

Далее Майоровы со Старшиновым набрали такой ход, что удержу им не было. Их вклад в спартаковские достижения 60-х аналогов в нашем клубном хоккее не имеет. Именно это огнедышащее трио стало носителем спартаковского духа.

У Чернышева, как уже было сказано, такой ударной и всё сметающей на своем пути тройки не было. Мастера прекрасные имелись, классные первые звенья имелись, а удалой лидерской бригады, способной перевернуть в свою сторону неблагоприятно складывающийся сюжет поединка, — не было. С его-то пониманием хоккея, с его-то видением игрока, с его-то бережным отношением к одаренным исполнителям — и ни одного звена «спасателей». Пожалуй, ближе всех к выполнению этой миссии были Юрий Чичурин — Александр Мальцев — Анатолий Белоножкин. Но подробно об этом — в другой главе...

Пришло время поднять голову и глянуть на табло.

«Динамо» — «Спартак».

Золото — 2:3. Это — за весь период работы Чернышева.

Золото — 0:3. Это — за период работы Чернышева с 60-го по 74-й, когда «Спартак» являлся боеспособным коллективом (в 50-е таковым не был).

Междоусобица за те полтора десятилетия опять-таки не в пользу динамовцев: 12 побед при 24 поражениях и 5 ничьих. Хотя в активе Чернышева бывали и уничтожительные разгромы, и успехи в матчах, подобных триллеру, когда многое решалось с турнирной точки зрения.

Нельзя не признать очевидное, а именно — перевес «народной команды».

Попробуем еще покопаться в делах давно минувших лет, столь дорогих и памятных хоккейным поклонникам 60-х — начала 70-х.

В распоряжении Аркадия Ивановича хватало сильных и дисциплинированных мастеров хоккейного дела, а дефицит наблюдался по части искусных, по-настоящему ярких исполнителей его тренерских задумок, которые были готовы расцветить их красками собственного дарования.

Виталий Давыдов, Александр Мальцев и Валерий Васильев. Вот кто сразу и, значит, по справедливости приходит на ум. Причислим к ним и Станислава Петухова с Владимиром Юрзиновым, которые, к сожалению, по разным и независящим от них причинам отыграли куда меньше за сборную, нежели это было им отмерено природой, характером и чернышевским воспитанием.

А среди спартаковцев не то чтобы россыпь обнаруживаем, но ярких и запомнившихся игроков, как ни крути, а побольше будет: Борис и Евгений Майоровы с Вячеславом Старшиновым, Александр Якушев с Владимиром Шадриным, Виктор Зингер и Виктор Блинов, Евгений Зимин с Евгением Паладьевым... Среди тех, кого родина послала на сражение со звездами НХЛ в 1972 году, было семь спартаковцев и лишь два динамовца.

По факту признаем большую привлекательность «Спартак» по сравнению с «Динамо» для приглашавшихся со стороны.

По-видимому, срабатывали эффект широкой популярности «народной команды» и перспектива эдакой вольницы в профсоюзном и обласканном вниманием верхов клубе. Хотя более человеческой и демократичной, причем на протяжении десятилетий, обстановки в мужском коллективе, чем та, что царила у Аркадия Ивановича, нигде среди ведущих клубов было не сыскать.

Эта стабильность благоприятно сказывалась и на льду. Если в «Спартаке» имели место тренерская чехарда и, как следствие, определенные перепады в турнирных итогах, то у «Динамо» откровенных спадов при Чернышеве было раз-два и обчелся.

Однако никто в спорте не отменял немеркнущую значимость пребывания на заоблачной вершине...

И в этом спартаковцы преуспели больше динамовцев.

Диспозиция 9. Популярность клубов

Популярность хоккейного «Спартака» в 60–70-е годы была очень высокой. В этом «Динамо», конечно, уступало. На переполненных лужниковских трибунах граждане рассаживались вперемежку, никакой враждебности или отчужденности из-за болельщических пристрастий и близко не было. Поддержка исходила многоголосая и многодецибельная. Определить, чья

подружнее, на глазок было непросто; спартаковская казалась все-таки помощнее, однако главным, как мне представлялось, фактором в пользу красно-белых было то, что они живее, быстрее и азартнее реагировали на призывы и требования своих поклонников. Те гнали их вперед, и голосовые волны трансформировались в волны атак старшиновского или шадринского звена, а приличная динамовская публика лишь подгоняла своих любимцев.

Хоккеисты «народной команды» старались на все 100 процентов отрабатывать свой статус, оправдывая надежды и чаяния болельщиков; хоккеисты Чернышева делали всё то же самое, но с меньшими горячностью и пылом, не с той страстью, которая в хоккее нередко помогает горы свернуть, резко меняя драматичный сюжет поединка.

Популярность, зрительская поддержка, эмоциональность команды... Разумеется, эти понятия ничем не измеришь, и потому сравнивать клубы в этом плане можно лишь с кучей оговорок. Однако и игнорировать спортивный итог упомянутых факторов я бы не стал.

Это подтверждают и высказывания некоторых главных действующих тогда лиц чернышевского клуба.

Александр Мальцев:

Болельщики, говорите... Как же без них? Мы для кого играли — для них, для народа. Когда в Лужниках по десять тысяч собиралось, то и игралось совсем по-другому, здорово было. За «Динамо» приличная публика болела, вели себя прилично. «Спартак» — популярный клуб. Раскрученным был и тогда. Ну, пожалуй, побольше на него зрителей приходило, чем наших... И болели подходяще, прямо скажу. С такими болельщиками плохо играть не будешь. А как же! Если тебя горячо поддерживают тысячи зрителей на трибунах, ты сам побежишь побеждать, чего бы это ни стоило... Это преимущество имел «Спартак», не отнять у них. Но мы не заморачивались по этому поводу и играли для поклонников «Динамо». Они были для нас самыми лучшими.

Виталий Давыдов:

«Спартак»... Мы же называли и называем его «духовой командой». Это же никуда не денешь. Что в футболе советском было, что в хоккее. Популярный был клуб, очень популярный. И это, конечно, положительно сказывалось на игроках, на команде. Заводило их в трудные минуты игры и помогало переламывать неблагоприятный ход событий.

Может, нам, динамовцам, этого и не хватало. Духовитости этой, которая должна быть.

Так трудно сказать одним словом — вот потому-то «Динамо» не становилось чемпионом...

Вроде бы вы вчера обыграли ЦСКА, а позавчера «Спартак» — так почему же чемпионат не в состоянии выиграть?! И наши болельщики с такими резонными вопросами обращались к нам, и мы сами голову ломали над этим.

Саша Мальцев говорил: «К одним идет, а к другим никак».

Помнится, в главе о противостоянии «Динамо» с ЦСКА я подчеркнул негативные последствия того, что после сенсационного чемпионства Чернышева в 1954 году команда вместо повторения победы в течение последующих лет откатилась и довольствовалась — внешне, разумеется, — статусом «вечно второй». Чемпионская инерция не была использована... А в 60-е это, сдается мне, уже отложилось в подкорке у чернышевских подопечных. Вот отсюда всё и проистекало...

Минуло несколько лет после того, как Аркадий Иванович отошел от динамовского штурвала. Мальцев с Васильевым и партнерами обыгрывали редко ЦСКА и иногда «Спартак», что никак не приближало их к золотым медалям. Когда и где лучше всего наблюдать за теми эмоциями, за той атмосферой, что присутствуют в хоккейном коллективе? Во время матча, фокусируя свой взгляд на лавке. Лица переводящих дух и восстанавливающих дыхание хоккеистов о многом могут поведать... Лично мне они поведали о всё той же нехватке спаянности, неукротимости и эдакой игровой наглости и бесшабашности. Как-то, общаясь с Александром Мальцевым не по репортерским делам, а просто так, без конкретного повода, я не удержался от провокационного вопроса:

— Саша, ну что же ваше «Динамо» никак за первое место не поборется? Всё же при вас. Но, извините за прямоту, эмоций команде катастрофически не хватает. Или я не прав?

— Отчего же... Правы. По существу, пожалуй, правы. Что-то в этом есть.

— Тренер ваш Владимир Киселев тоже, простите, как изваяние на лавке стоит... Так не лучше ли Николая Карпова из Горького позвать?

— Карпов, говорите... Не знаю, как там с настроением будет, но со спортивным режимом в команде точно проблемы начнутся...

Этот диалог я привел, ни в коем разе не стремясь принизить профессиональные достоинства Киселева и Карпова, а только для того, чтобы подтвердить правомерность моих гипотез о многолетнем и явно затянувшимся и при Чернышеве, и при его преемниках периоде динамовского жития без золотых медалей.

Документальная хроника

Сезон 1966/67 года

«Динамо»:

Борис Зайцев, Владимир Чинов; Виталий Давышов, Валентин Марков, Станислав Петухов, Валентин Салпанов, Александр Стеблин, Станислав Щеголев; Валерий Войтов, Юрий Волков, Владимир Киселев, Анатолий Мотовилов, Вячеслав Орчаков, Юрий Парамошкин, Александр Сакеев, Игорь Самочернов, Александр Стриганов, Юрий Чичурин, Виктор Шилов, Владимир Юрзинов.

«Спартак»:

Александр Гысин, Виктор Зингер, Александр Прохоров; Виктор Блинов, Дмитрий Китаев, Евгений Кобзев, Валерий Кузьмин, Игорь Лапин, Алексей Макаров, Владимир Мигунько; Юрий Борисов, Александр Залогин, Евгений Зимин, Геннадий Крылов, Борис Майоров, Евгений Майоров, Александр Мартынюк, Анатолий Севидов, Вячеслав Старшинов, Валерий Фоменков, Владимир Шадрин, Александр Якушев, Виктор Ярославцев.

Представительство в сборной: Динамо — 1 (Давыдов), Спартак — 6 (Зингер, Блинов, Зимин, Борис Майоров, Старшинов, Якушев).

Три года неповторимого Всеволода Боброва в «Спартаке» стали самыми яркими в истории клуба и в хоккейно-футбольной тренерской карьере Всеволода Михайловича. Прогресс команды наблюдался по всем качественным направлениям и формальным показателям, увенчавшись завоеванием золотых медалей.

«Динамо» же тем временем похвастаться было абсолютно нечем, а в очных поединках с прямыми конкурентами бело-голубые потерпели крах. «Спартаку» уступили безоговорочно — 3:6, 3:7, 1:3, 1:3; ЦСКА почти таким же образом — 4:4, 1:3, 3:6, 2:9. Даже с занявшим четвертое место ленинградским СКА баланс очных встреч был отрицательным, и только благодаря нехарактерной для себя цепкости в отбирании очков у аутсайдеров (Минск, Новокузнецк, Новосибирск) команда Чернышева довольствовалась бронзой.

Александр Мальцев:

Меня в том сезоне еще не было в «Динамо», комментировать не стану. Только скажу, что уважаю Боброва. Знаю его по работе в сборной. Суперсерия 72-го. Три чемпионата мира. Чернышев для меня первый. Первый — без вопросов! А второй — Бобров... Со «Спартаком» Всеволод Михайлович хорошенько сработал.

Станислав Петухов:

Переживал ли Аркадий Иванович, что мы никак золото взять не могли? Злился, досадовал? Я думаю, с годами не особенно это уже как-то задевало его... Хотя нацеливал, нацеливал команду на первое место. Выказывался в таком духе, что второе место у нас всегда в кармане, но надо бы и с ЦСКА побороться. Ну, действительно, серебряными призерами были мы постоянно. Думаю, что Адик сам не верил в то, что обыграть ЦСКА реально. Брать даже если по именам, у Тарасова в сборной очень большое количество армейцев находилось.

Тарасов любил говорить: «Воспитать дух победителей». Ему-то легко было этим воспитанием заниматься с таким-то составом.

Как у Анатолия Владимировича это в игре выражалось? Первый период. Сразу задавить соперника. Смять психологически. Сразу всю игру перевести в чужую зону — и забить, забить, еще раз забить. И потом, когда перевес достигнут, потихоньку додушить. Главное — эта психическая атака в первом периоде. Часто это проходило, силы-то обычно были неравны...

А динамовцам часто как раз начало матча не удавалось. Мы выходили и вроде не форсировали события, так, враскачку играли. Не забивали, ну ничего, сейчас забьем... Что-то не выходит. А почему? Нет концентрации. А тут соперник результативную атаку проводит. А мы всё еще раскачиваемся. Ну сейчас-то мы создадим что-нибудь в нападении. Опять не получается. И уже начинается какой-то мандраж, появляется какая-то неуверенность в своих силах. Еще пропускаем шайбу в свои ворота. Начинается игра в догонялки — спешка с нашей стороны, а спешка — это хуже всего. Уже создаем голевые моменты, а суета до добра не доводит. И выигранный матч проигрываем.

Наши проблемы в борьбе с ЦСКА как-то можно попробовать объяснить. А вот со «Спартаком» всё сложнее и любопытнее будет. У спартаковцев был свой «дух победителей». Не тарасовский, а именно их собственный, спартаковский.

Не могу я объяснить, в чем было дело, за счет чего «Спартак» становился чемпионом. У «Спартака» состав был ну не такой уж сильный. По сравнению с «Динамо» и ЦСКА.

Всеволод Михайлович там потрудился на славу. Бобров тренером был исключительным. Это как-то забывают или недооценивают, а я считаю его одним из лучших в нашей истории. Всеволод Михайлович сумел и молодых воспитанников клуба привлечь, и угадать с приглашениями со стороны, и тренировочный процесс на свой лад организовать, и сплотить коллектив, обойдясь без метода кнута и пряника.

«Спартаковский дух». Неспроста же это говорили в народе.

Майоровы, Старшинов, Шадрин, Якушев, Блинов... Все они видели, как много за них болеют людей. И как болеют! Они выходили на встречу с соперником, который стоял в таблице ниже них, и старались не разочаровать свою публику. Бывало, ослаблялись и «горели» по ходу игры в две-три шайбы, но всё равно потом отдавались борьбе полностью, бились до самого конца и наверстывали упущенное. Старались очки не терять, во всяком случае, не так терять бездарно, как это мы позволяли себе. А вот на главных соперников спартаковцы уже настраивались «от ножа». Себя превосходили. Спасали уже, казалось бы, проигранные матчи. В такие дни они напоминали мне канадцев, которые никогда руки не опускали и снимали вратаря на последней минуте, и непонятно было, откуда у них столько энергии бралось на финальный штурм.

Документальная хроника

Сезон 1968/69 года

«Динамо»:

Борис Зайцев, Владимир Полупанов, Владимир Чинов; Михаил Алексеенко, Валерий Васильев, Виталий Давыдов, Евгений Кривоногов, Валентин Марков, Юрий Никишин, Станислав Щеголев; Анатолий Белоножкин, Валерий Войтов, Александр Мальцев, Анатолий Мотовилов, Юрий Репс, Александр Сакеев, Игорь Самочернов, Александр Стриганов, Михаил Титов, Юрий Чичурин, Виктор Шилов, Владимир Юрзинов.

«Спартак»:

Александр Гысин, Виктор Зингер; Дмитрий Китаев, Валерий Кузьмин, Игорь Лапин, Алексей Макаров, Владимир Меринов, Владимир Мигулько, Евгений Паладьев; Юрий Борисов, Евгений Зимин, Константин Климов, Геннадий Крылов, Борис Майоров, Александр Мартынюк, Анатолий Севидов, Вячеслав Старшинов, Валерий Фоменков, Владимир Шадрин, Александр Якушев, Виктор Ярославцев.

На предварительном этапе двухступенчатого первенства «Динамо» долго запрягало и поиграло с огнем, заняв пятое место в проходной шестерке; еще большой вопрос, боролось ли оно далее бы за медали, не произошли судейский скандал в Свердловске, где люди в черно-белой униформе вынудили ленинградцев поставить в ворота... форварда Гуреева.

«Динамо» уступило «Спартаку» на первом этапе — 3:5, 3:5, на втором наполювину исправилось — 4:1, 4:3, 0:9, 4:5. А в восьми встречах против ЦСКА выиграло лишь раз.

У финишной черты бело-голубые отстали от «Спартака» на 13 очков и от ЦСКА на 10. То была бронза с признаками безнадёги.

Александр Мальцев:

Там не столько «Спартак» выиграл первенство... Там Тарасов сам начудил. Сам виноват. У него звездная болезнь была. Он думал, что обыграет легко «Спартак» в том матче при Брежневе.

Ну зачем команду надо было уводить со льда? Это же смешно. И глупо.

Тарасов собой не владел, когда горячо становилось.

Он же не ожидал, что всё так обернется хреново. Если бы голову сохранял в холоде, такого бы никогда не сделал. Инициатива уже перешла к ЦСКА, спартачи уже «поплыли», сами в том признавались... Ну не засчитали шайбу Петрова — так еще полпериода оставалось. А так «Спартак» перекурнул, ЦСКА сбился с темпа, и Зимин реализовал штраф, выписанный Тарасову за его демарш. И на этом всё закончилось.

Брежнев болельщик ЦСКА был страшный.

Все это знали. Знал и Тарасов, само собой.

Почему он нагловатый был? Почему выступал и ничего не боялся? Почему его имя так поднимали кругом — Тарасов, кругом один только Тарасов звучал, а про Чернышева нарочно, что ли, забывали?.. Если бы в правительственной ложе в «Лужниках» другой кто был — кто за «Спартак» бы переживал, — сидел бы Тарасов спокойно, тихо, не высовываясь. А с таким хозяином, как Брежнев, позволил себе демарш. И лично проиграл первое место «Спартаку».

Станислав Петухов:

Я так скажу — если бы «Спартак» в 60-е годы только раз стал чемпионом страны, то многие бы посчитали это случайностью. Мол, повезло: армейцы недосмотрели, динамовцам не свезло... Но «Спартак» трижды брал золотые медали. Только этот клуб сдвигал ЦСКА с лидерского места. Случайностями такое не назовешь. И в 69-м Карпов нормально сработал. Нашел Николай Иванович взаимопонимание с лидерами коллектива, а они непростыми людьми были; хорошо держался в самых важных играх, сохранял оптимизм и веру в своих парней.

Надо признать: «Спартак» превосходил «Динамо» в этой самой духовитости. В способности воодушевиться в неблагоприятный момент и прыгнуть выше своей головы. В коллективной стойкости, наконец.

...Спустя 36 лет этому форменному безобразию положил конец Владимир Юрзинов. С той поры праздник с динамовской улицы надолго не исчезает, два завоеванных Кубка Ггарина чего стоят!

И к возвращению чемпионства в сезоне 1989/90 года, и к его неоднократной пролонгации Аркадий Иванович Чернышев

имеет самое непосредственное касательство. Воспитал Юрзинова. Юрзинов воспитал Крикунова, Голубовича и Билялетдинова. И Знарка воспитал Юрзинов — в «Динамо», только рижском.

...Поздним вечером сразу после триумфа Владимир Владимирович поспешил за кулисы Малой арены «Лужников», чтобы доложить по телефону Аркадию Ивановичу об историческом событии. В ответ услышал родной отеческий голос...

Рад был несказанно. Да высказать что-либо толком был не в силах. Эмоции переполняли Чернышева где-то в тайниках души. А насладиться счастливым и долгожданным мигом, который он приближал так долго, так умно и так человечно, в принятом в подобных случаях формате — с друзьями, в застолье — не был в состоянии.

После перенесенного в 1983 году инсульта Аркадий Иванович восстановился далеко не полностью...

Остается надеяться, что звонок одного из самых любимых учеников продлил хотя бы немного жизнь динамовского патриарха.

...«Динамо» куда чаще сравнивали с ЦСКА, нежели со «Спартаком». И это объяснимо: ставили на одну доску с чемпионом, казавшимся бессменным; с вечным конкурентом, преграждавшим путь к золотой вершине; с базовым клубом сборной, руководимым Тарасовым — помощником Чернышева в национальной команде. А спартаковцы что — молодцы, конечно. Но болезненные чувства от прямого сопоставления с ними не захлестывали так с головой. И не отражались как-то напрямую негативно на тренерском рейтинге Аркадия Чернышева.

Автору же представляется всё с точностью до наоборот. Именно сравнение «Динамо» со «Спартаком» в период непобедимости чернышевской сборной выглядит наиболее интересным, загадочным и корректным.

И вот здесь-то вырисовывается совсем любопытное: почему демократизм Чернышева в «Динамо» не приводил к тем достижениям, которые значились за «народной командой» с ее либеральными порядками?..

«Динамо» — ЦСКА. Чернышев — Тарасов.

«Динамо» — «Спартак». Чернышев — Новокрещенов, Бобров, Карпов.

Какое из этих сопоставлений важнее, какое интереснее и рельефнее характеризует Аркадия Чернышева в роли многолетнего наставника родного клуба? Наставника московского

«Динамо», имевшего в трудовой книжке единственное место бессменной службы вплоть до 1974 года.

Замечу, что эти сами собой напрашивающиеся сопоставления не отпали бы автоматически, зато подрастеряли бы немалую долю своей актуальности при достижении Чернышевым чемпионской вершины внутрисоюзного значения. Именно в течение девятилетней золотой эпохи Чернышева во главе сборной важно было завоевать хотя бы один комплект золотых медалей с «Динамо». Хотя бы один. И тогда бы поутихли голоса тех, кто пел осанну Тарасову и старательно приуменьшал заслуги Чернышева. Вечно первый со сборной — вечно второй с «Динамо». Этот парадокс и этот разрыв, эта нелогичность и противоестественность резали глаз и коробили слух.

Какие бы доводы мы ни приводили и на какие бы обстоятельства ни ссылались, ничто не может стереть со школьной доски крупно написанное мелом: «Чернышев мог с «Динамо» в 60-е годы стать чемпионом СССР!»

Обязан был.

При всем кадровом могуществе ЦСКА и при всей сложности попыток тягаться с ним, используя юрзиновское выражение «в длинную», «Динамо» должно было осчастливить свою почтенную публику чемпионством. Все доводы о невозможности такого свершения выбивает «Спартак». Профсоюзный клуб, который не имел каких-либо льгот и иных не связанных со спортом преференций. Который только пристроив на пять лет своих игроков в высшее учебное заведение, имеющее военную кафедру, мог временно заштитить их от всеобщей воинской повинности. И который трижды заставлял потесниться на вершине пьедестала Тарасова с его звездными подчиненными.

Сравнение «Динамо» с ЦСКА важно как иллюстрация того, что гору свернуть Чернышев не сумел не из-за какого-то недостатка профессионального мастерства, а исключительно по причине особенностей своей природы, своего мировосприятия и своей человечности.

Сравнение «Динамо» со «Спартаком» демонстрирует выпукло то, как характер наставника преломляется в психологических настройках его команды, как определенные свободы и надежды на личную ответственность игроков, которые представлялись Чернышевым, в целом не оправдывались.

А что интереснее из этих двух лобовых столкновений? Да оба они весьма любопытны и познавательны. И оба оставляют свободу для предположений и надежду для дальнейшего изучения личности Аркадия Ивановича Чернышева. И воздания ему должного не только как профессиональному тренеру, но и как педагогу.

Даже самые последовательные динамовские поклонники могут смело простить Аркадию Ивановичу все эти годы за то, что большинство его хоккеистов прожили потом достойную и долгую жизнь, что не так уж мало из них здравствуют по сию пору, и за то, что никто худого слова в адрес Адика не посмеет вымолвить даже у себя на кухне...

А еще, читатель, предлагаю отыскать в книге тот самый уникальный по смыслу снимок, о котором автор говорил в главе «Отец родной». Евгений Майоров с Вячеславом Старшиновым подъехали к динамовской скамейке, чтобы выказать Аркадию Ивановичу свое почтение. Все трое улыбаются друг другу. И происходит это перед матчем принципиальных соперников «Динамо» — «Спартак»!

А не важнее ли эта поразительная сценка того счета, что горел на табло лужниковского Дворца спорта по истечении шестидесяти минут чистого времени?

Чистота чернышевской природы перевешивает всё то, чего не довелось ему достичь формально на клубном уровне.

СМОТРИ НА ТАБЛО

Главное — результат.

Формула, по которой рассчитывается итог любой деятельности. На стройке, на трубопрокатном заводе, в научно-исследовательском институте — там, где наука и техника, результат сам по себе высвечивается качеством конечного продукта. У гуманитариев куда сложнее оценивать результат многомесячного труда, он часто остается предметом споров на долгие годы. Ну а в спорте как обстоит с этим делом? Проще тщательно пропаренной репы!

Результат высвечивается на электронном табло.

Вот оно, качество конечного продукта.

Смотри на табло!

Напоминаю, что в спортивной среде при жестком обсуждении, какая команда больше заслуживала победы, болельщики со стажем, поддерживавшие тех, кому сегодня сопутствовала удача, непременно произносят, не без издевки, слово «табло» с ударением на первом слоге.

Общепринятая формула среди всех слоев населения, в той или иной степени причастных к спорту: «спецов», фанатов, зядлых болельщиков, эстетов, знатоков и... далеких от спорта домашних хозяек, узнающих о счете последнего матча сборной России из теленовостей.

Особо часто предлагается глянуть наверх — на табло! — в хоккее и футболе, а также в прочих коллективных играх.

Почему именно в них звучит эта очевидная по смыслу и грубоватая по форме фраза? В раскрученном донельзя биатлоне даже на количество промахов при выстрелах смотреть излишне — кто финиширует первым, тот и сильнейший. На стометровке и в марафоне, в тройном прыжке и стипль-чезе, в лыжных гонках, на треке, в бассейне всё под занавес ясно и без содействия вездесущей электроники; смотрим на табло только в тех случаях, когда конкурентов разделили сотые доли секунды.

А в хоккее или футболе, наиболее популярных в России?

Яснее ясного: «Смотрим на табло!» Кто выиграл, тот и лучший. И точка!

В этой самой точке заложены притягательность спорта и... его примитивность. Потому что в игре твоя команда может превосходить соперника буквально по всем существующим статьям и, однако же, уступить. Подобное не слишком часто, но случается.

А как прикажете оценивать деятельность хоккейного тренера?

«Главное в работе тренера — результат команды»?

Неоднократно слышал эту формулу, предлагающую взглянуть на табло по истечении чистого времени решающего матча либо глянуть на итоговую таблицу национального первенства. Но вот что примечательно: очень часто приходилось это слышать от тренеров мощных по бюджетам и составам клубов, умеренно часто от их коллег, трудившихся в клубах-средняках, и крайне редко от тех, чья задача заключалась в выживании и недопущении вылета в низшую лигу.

«Упрощенка» хороша в бухгалтерии и всяческой финансовой отчетности, но в спорте она всегда меня коробила. Особенно когда слышал это из уст избалованных благодатными условиями и кадровыми льготами специалистов. Хотелось предложить им произвести рокировку с коллегами из скромных клубов. Но такого почему-то никогда не случалось; а если все-таки история фиксировала что-нибудь подобное, то из лексикона тех же именитых наставников та самая формула исчезала бесследно — как предрассветный туман над рекой к знойному полудню.

На заключительных страницах книги жизнь заставляет произвести оценку деятельности Аркадия Чернышева, прежде всего в сборной, — а это не сделаешь в отрыве от той же процедуры касательно Анатолия Тарасова. И по причине того, что оба составили уникальный победоносный тренерский тандем в сборной СССР и, что подчеркиваю, по причине кажущегося

необъективным и поэтому несправедливым распределения между ними славы и заслуг в сознании соотечественников.

Внимание!

Бесстрастно считаем достижения Чернышева и Тарасова на посту старшего тренера национальной сборной. В расчет берем только первое место, ибо для этих тренерских глыб иного достойного результата не существовало.

Олимпиады:

Чернышев: 4 Олимпиады — 4 золота. Эффективность — 100 процентов!

Тарасов: 1 Олимпиада — без золота. Эффективность — 0 процентов.

Смотрим на табло:

Чернышев — Тарасов — 4:0.

Чемпионаты мира:

Чернышев: 14 турниров — 11 побед. Эффективность — 79 процентов.

Тарасов: 2 турнира — без золота. Эффективность — 0 процентов.

Смотрим на табло:

Чернышев — Тарасов — 11:0.

(Сугубо официально на Олимпиадах той поры разыгрывались и медали мировых первенств — но я не стал добавлять Чернышеву еще три чемпионских титула из-за этой формальстики, равно как и Тарасову еще одну неудавшуюся попытку.)

Итого. Смотрим на табло:

Чернышев — Тарасов — 15:0.

Счет окончательный. И красноречивый весьма. Сенсационный. Впрочем, никто никому не мешал в минувшие десятилетия взглянуть на табло. Мешала привычная колея. Узкоколейка...

Тарасов помогал Чернышеву в течение всех девяти беспроигрышных лет, за что и получал золотые медали. Однако как-то учесть заслуги помощника при взглядах на табло, увы, не представляется возможным. На то она и формалистика. Предупреждал ведь на предыдущих страницах.

Теперь — клубное противоборство в первенстве СССР.

«Динамо» — ЦСКА:

Чернышев в «Динамо»: 27 сезонов — 2 победы. Эффективность — 7,4 процента.

Тарасов в ЦСКА: 27 сезонов — 17 побед. Эффективность — 63 процента.

Смотрим на табло:

Чернышев — Тарасов — 2:17.

Счет окончательный. И красноречивый весьма. На сенсационный не тянет — гегемония армейского клуба общеизвестна.

Необходимые ремарки.

ЦСКА являлся базовым клубом сборной со всеми отсюда вытекающими последствиями в конкурентной борьбе с «Динамо» и остальными клубами.

Уже было сказано: «базовость» возникла в 53-м после того, как лучшие игроки из команды Василия Сталина после смерти вождя и расформирования ВВС были призваны в ряды ЦДСА. «Базовость» имела место по существу, а формально такой статус армейский клуб получил спустя несколько лет после расставания Тарасова и Чернышева с родными клубами. Неоспоримы профессиональные заслуги Тарасова в поддержании на должном уровне статуса особо привилегированного клуба.

И, наконец, набираем кислорода в легкие и освежаем мозги.

«Смотри на табло!»

Чернышев — Тарасов

Достижения в сборной ----- Достижения в клубе -----

Табло не включается.

Что, табло не работает? Не работает. И ремонтную бригаду вызывать бессмысленно. Электроника наотрез отказывается сопоставлять несопоставимое: сборную и клуб.

Мысленно ставим перед собой обычные веса. Не аптекарские и не напольные, а те примитивные, что были на колхозных рынках, с жестяными тарелками и гириями.

Сборная выступает на международной арене и защищает спортивную честь страны — клуб выступает на внутренней арене и представляет содержащее его ведомство (либо завод, либо иную структуру).

Какое золото было более высокой пробы? Конечно, то, что привозила на родину сборная Чернышева, прославляя страну и осчастливившая миллионы соотечественников. Золото ЦСКА радовало только многочисленную армию болельщиков этого клуба.

Какое золото было тяжелее добыть? Конечно, мировое. Там же все сильнейшие хоккеисты мира собирались, ни на какие поблажки рассчитывать не приходилось, в разгар-то холодной войны.

Какое золото добывалось без малейшей сторонней помощи? Конечно, мировое или олимпийское. Там же советской сборной скорее на скрытое противодействие можно было нарваться в организационных вопросах, а также по части судейства. А вот базовый клуб сборной еще перед первым туром всесоюзного чемпионата был лучше всех остальных информирован о местонахождении «золотого прииска».

На Олимпиадах и чемпионатах мира в игре по всем правилам и с одинаковыми для всех стартовыми условиями Чернышев добивался впечатляющих достижений — на внутрисююзной арене в игре по всем правилам, но с не абсолютно равными условиями для всех участников Тарасов демонстрировал победную поступь.

Смотрим на те самые колхозные веса.

Чаша Чернышева — чаша Тарасова?

Левая как-то сразу пошла вниз, и далее веса уже не колеблются.

А далее что предпримем? Возьмем, опять же мысленно, те самые допотопные веса, снимем гири и гиришки, а затем начнем сопоставлять общепрофессиональные вклады Чернышева и Тарасова в развитие отечественного хоккея?

Всене непременно учтем колоссальные заслуги Тарасова в развитии отечественной школы и популяризации хоккея в стране. Учтем заслуги Чернышева в появлении целой плеяды классных тренеров, включая тандем сборной СССР Тихонов — Юрзинов, просуществовавший полтора десятилетия. Это взвешивание будет куда длительнее и сложнее.

Но если оно и будет, если оно вообще понадобится, то совсем в другой книге.

Посвященной нашему хоккею в целом. А эта все-таки посвящена Аркадию Ивановичу Чернышеву.

ГЕНИЙ

Старший тренер и тренер.

Казалось бы, не так уж велика разница. Они делают общее дело, объединены одной целью, являются единомышленниками. Такое, знаете ли, равноправное партнерство; будто два акционера с равными правами, только у одного тех самых акций больше и потому при эффективном ведении бизнеса он, соответственно, больше получает дивидендов. Однако такой подход является чистой воды заблуждением. Ибо в спорте, и прежде всего в командных играх, есть исполнская фигура старшего тренера и просто человеческая — его помощника. Несопоставимы они по сути самого спорта, в котором единоначалие едва ли не жестче, чем в армии, и в котором в любой момент могут возникнуть нештатные ситуации, требующие решения зачастую в течение секунд. За всё держит ответ и всем управляет дирижер хоккейного оркестра, а потому либо лавры, либо обструкция достаются ему по полной программе. Логично, что сегодня название этой должности — «главный

тренер», что лучше отражает существо его работы и меру ответственности.

Кто с ходу вспомнит ассистентов Боброва в хоккейной сборной, в хоккейном «Спартаке» и футбольном ЦСКА? Да единицы. Кто назовет помощников Кулагина в сборной, в «Крыльях Советов» и «Спартаке»? Немногие. А кто помогал Михайлову на мировом первенстве 93-го, после которого наступила для нашей сборной пятнадцатилетняя черная полоса?..

Вся слава и вся критика достаются рулевому.

Если его увольняют, то нередко ассистента оставляют на месте. Так было с Егоровым, который устраивал подолгу сначала Чернышева, потом Тарасова и, что характерно, Всесоюзный спорткомитет. Подобная «безответственность» ассистента являет собой свидетельство совершенно разных по масштабу задач, которые возложены на него и на главного тренера.

Кому кроме спортсменов известно, что и как происходит в сборной? Кто за что отвечает и как с этим справляется? Отвечаю: журналистам — им это по долгу службы надо знать, но только тем из них, кто вхож в команду и кто стремится разобраться в существе дела.

В советские времена таковых было совсем немного: на мировой хоккейный форум командировали своих корреспондентов газета «Советский спорт», властительница дум «Правда» да авторитетные «Известия», ну и непременно отправлялся в длительный вояж комментатор Центрального телевидения. Самым «выездным» являлся, конечно, Николай Николаевич Озеров — спортивный глашатай для всей страны. Он был вхож в сборную и прекрасно информирован о деятельности тренерского штаба. Спустя годы после завершения той замечательной эпохи он высказался в том духе, что справедливость должна быть восстановлена.

Николай Озеров:

Мы находимся сейчас в ужасном, неоплаченном долгу перед этим удивительным человеком. С годами почему-то его заслуги перед нашим хоккеем упоминаются всё реже и реже. Не знаю, в чем тут дело. Может, и мы, комментаторы, журналисты недорабатываем. Так или иначе, но справедливость должна быть восстановлена. В первую очередь — для последующих поколений: он (Чернышев. — Л. Р.) — уникальный тренер, выигравший для нас столько турниров, сколько ни один другой. После его отстранения от сборной (кстати, крайне несправедливого и постыдного) в 1957 году наша команда под руководством Тарасова так ничего путного долго не могла добиться. И лишь после возвращения к руководству командой Чернышева последовали очередные

победы. Это никоим образом не означает, что Тарасов плохой, а Чернышев хороший. Тарасов — мой друг, и я считаю его тоже по-своему талантливым тренером.

Но мы просто обязаны называть вещи своими именами: главным-то тренером был все-таки Чернышев, а Тарасов — его помощником. И не забывать этого — наш долг. Хотя бы ради светлой памяти незаурядного, честного и скромнейшего от природы человека.

Лепту, внесенную тренерами сборной в общий итог — радостный либо разочаровавший, можно оценить только приблизительно. В любой тренерской связке строго-настрога обговаривается разделение функций, и можно попытаться оценить весомость каждой из них. Но при любом разделении труда в конечном счете всё завершается на стадии принятия решения главным тренером, он же отслеживает претворение их на льду. Функции, выполняемые обоими, важны все до единой, при выпадении хоть одного крупного звена длинной цепочки рушится командная конструкция, в зависимости от важности выпавшего из общего строя звена обрушение либо возможно оперативно восстановить, либо всё безнадежно трещит по швам. А незначительные сбои крепкий спаянный тренерский тандем устраняет умело и быстро. Снова воспользуюсь армейской аналогией. Это как мост через реку в военное время: если только один пролет враг взорвал, то наше наступление лишь замедлится, куда инженерные и саперные подразделения оборудуют снова недлинную перемычку; а если порушены «быки» и береговые укрепления, то, считайте, стремительное наступление сорвано напрочь. Продолжая аналогию, замечу, что командир дивизии, преследующий неприятеля, отвечает абсолютно за всё — за темп продвижения, за расходование боеприпасов, наконец, за людские потери...

Почему же никто не называет те золотые хоккейные годы эпохой Чернышева, а давно и как-то сразу окрестили эпохой Чернышева — Тарасова?

Произошло это как бы само собой, естественным образом. И повлияли, полагаю, несколько факторов.

Высочайший имидж Тарасова и высокий имидж Чернышева. Первый укреплялся с каждым новым чемпионством команды ЦСКА на всесоюзной арене. Это поддерживалось и развивалось благодаря исключительно активной и плодотворной пропагандистской деятельности Анатолия Владимировича, которая параллельно превращалась в высококачественную и непрерывную пиар-кампанию «имени Тарасова».

Высокий имидж Чернышева поддерживался более чем успешной его работой старшим тренером сборной и стабильно высоким пребыванием «Динамо» во всесоюзной табели о рангах. Однако природная скромность и словно нарочитое пребывание в тени приводили к тому, что неуклонно, год за годом, Аркадий Иванович недополучал славы. Впрочем, внутри хоккейного цеха было иначе — и игроки, и тренеры знали ему истинную цену. Народным признанием, однако, был отчасти обделен.

Какие бы ни существовали объективно высокие препятствия, два десятилетия без клубного золота очков в актив Чернышева явно не добавили.

Какие бы блага, удобства и преимущества ни имел базовый клуб сборной, каждое его восхождение на пик воспринималось широкой общественностью как стопроцентно крупное достижение. И добавляло красок в и без того монументальный портрет Тарасова.

Еще влияла эффектность формулировки.

Разнохарактерные, противоположные, разнополюсные... Сведение в одной связке двух фигур, которых вместе нельзя было и вообразить, гарантировало оглушительный эффект. Два медведя в одной берлоге нежданно-негаданно прекрасно ужились. Прекрасно, судя не только по выдаваемой ими золотой продукции, но и по сложившейся обстановке внутри коллектива сборной.

Далее — само слово «помощник». Представить себе Тарасова в роли, предусматривавшей нахождение вне дирижерского пульта, было попросту невозможно. Уникальность тандема в том и заключалась, что помощником являлся специалист выдающийся, с мировым именем, даже более громким, нежели у «старшего», который сумел-таки умерить законную гордыню, добросовестно и старательно соблюдая служебную иерархию (случавшиеся иногда эмоциональные перехлесты быстренько устранялись «старшим»).

Опять же — инерция. Несокрушимая поступь этого уникального тандема с каждым годом укрепляла окружающих в правомерности того, что упоминать следует непременно обоих тренеров.

И, наконец, в результате вхождения Тарасова в тренерский штаб Чернышева произошла метаморфоза, которая была только на благо советской сборной. Анатолий Владимирович из неутомимого и убедительного оппонента Аркадия Ивановича в средствах массовой информации превратился в оппонента «для внутреннего пользования». Доказывал, спорил, дискутировал, в общем, не давал творческой мысли замереть и на минутку;

но происходило это в непосредственном общении со старшим тренером в гостиничном номере, за завтраком, на прогулке, на тренировке, в перерыве важного матча... Подобный учащенный пульс наставников не мог не способствовать повышению продуктивности штаба сборной.

Однако, строго говоря, будет точнее, а значит, и справедливее называть тот золотой период — эпохой Чернышева. Даже при том, что его помощником являлся Тарасов. Выдающийся тренер. И это нисколько не умаляет его заслуг в хоккее, его величия. Это лишь восстанавливает истинное положение дел, царившее в сборной золотой поры.

И воздаст, наконец-то, по заслугам Чернышеву. Как априори и положено старшему тренеру.

Однако — осознанно противореча вышенаписанному — признаю, что название «эпоха Чернышева — Тарасова» имеет право на существование. Ибо не припоминается в истории подобного сведения вместе двух тренерских глыб. Дополнительным аргументом в пользу такого названия служит непреложный факт: две трети сборной поступали, как и положено было, из ее базового клуба ЦСКА — неизменно в полной боевой готовности, что являлось однозначно заслугой Тарасова.

Подытоживая размышления по поводу этих формулировок, признаю, что правомерными кажутся обе. А далее — на усмотрение читателя...

Но автор остается при собственном мнении касательно наименования эпохи именем Чернышева.

В конечном счете это вполне может являться той исключительной ситуацией, когда правы и те и другие. Когда существуют две правды!

Исключительный тренерский тандем вызывает вот такое раздвоение подходов к названию эпохи.

Полюса, противоположности, антиподы... Это касается и итогов их тренерской работы: великолепие одного в сборной — весьма скромные в ней достижения второго; практически без чемпионских взлетов выступления «Динамо» — и изредка нарушавшееся доминирование ЦСКА.

Не является открытием то, что клубная работа и работа с национальной сборной представляют собой разнохарактерные задачи. Решать обе удается совсем немногим. Вот и Чернышеву такое оказалось не в полной мере по плечу — хоккейной сборной дирижировал ярче, чем отдельно взятым клубом. И Тарасову пришлось столкнуться с тем, что, находясь у штурвала в сборной, под прессом выполнения задачи государственной важности, он не справлялся с избытком эмоций. Выходит,

что даже такие две тренерские глыбы не являлись идеальными двоеборцами. А идеальных, по-видимому, и не бывает.

Не бывает и гения-универсала. В чем-то он поражает воображение и изумляет современников, а в чем-то может быть вполне зауряден... Многогранные таланты не парят надо всеми на заоблачной выси.

Аркадий Чернышев неповторим в стратегии и тактике, в виртуозном управлении хоккейным сражением; в создании атмосферы в мужском спортивном коллективе с повышенным содержанием озона как после летнего дождя; в восприятии каждого игрока как неповторимой личности. Анатолий Тарасов — общепризнанный в мире новатор хоккея, разработчик множества тренировочных технологий, воспитатель россыпи звезд разных поколений, фантастический пропагандист и популяризатор хоккея в своем отечестве.

«Чернышев — номер один в истории нашего хоккея. А Тарасов — сильный, очень сильный клубный тренер».

Это суждение я слышал от Виктора Тихонова неоднократно.

Можно проследить элементы личных пристрастий, связанных с биографией самого Виктора Васильевича. Однако что бесспорно, так это жесткое ролевое разделение на наставника клуба и рулевого сборной.

«Два гения».

Так отозвался Борис Михайлов об Аркадии Чернышеве и Анатолии Тарасове.

Вряд ли кто-нибудь лучше, точнее и лаконичнее определит масштаб этих двух личностей.

Собственно, в такой высочайшей оценке соучастника великих свершений Тарасов особо и не нуждался.

А такая характеристика Чернышева стала отнюдь не лишней.

Аркадий Иванович Чернышев — гений.

И пусть кто-нибудь осмелится опровергнуть суждение многолетнего капитана ЦСКА и сборной СССР Бориса Петровича Михайлова!..

«УВАЖИЛИ»

Достойный человек достойно держится при любых обстоятельствах.

Отойдя от активной деятельности, Аркадий Иванович сохранял гордую осанку, доброжелательность и корректность ко всем окружающим независимо от их социального статуса и прочих факторов.

Трудился в Центральном совете «Динамо».

Игорь Тузик:

Наши с Аркадием Ивановичем столы рядом стояли. Придет — и в обычной комнате вроде светлее и уютнее становится. Поработает спокойно, в перерыве с кем-нибудь в шахматешки сражится, вторая половина дня на исходе, и он встает, неторопливо одевается — всё на нем ладно сидит, со вкусом, кепочку на голову и прощается: «Ну что, коллеги, — пожалуй, пойду я. Всего доброго вам!»

Трудился в хоккейной школе «Динамо».

Игорь Тузик:

Вникал Аркадий Иванович в повседневные вопросы, в трудности, с которыми сталкивались наши преподаватели. По мелочам никогда не вступал, да и никто по мелочам к нему не обращался. Если обращались к нему за советом, получали понятное и исчерпывающее разъяснение — руководство к действию. Частенько повторял: «Коллеги, творите! Тренер — это человек творческой профессии».

В свободное время, которого теперь было в избытке, много читал, выбирался с супругой в театр, а иногда засиживался с соседями по гаражу допоздна.

Виталий Давыдов:

Жил Аркадий Иванович в огромном доме рядом с мостом Победы около станции метро «Войковская». А гараж имел в кооперативе на противоположной стороне улицы Космонавта Волкова. Три с половиной минуты хода. Он там частенько задерживался: то в «Волге» своей покопаться, руки-то у него росли нормально, то с соседями по гаражу, а там публика была самая разная, поговорить, потолковать «за жизнь». Я там бывал и видел, что Аркадию Ивановичу там было хорошо.

Мы, динамовцы разных поколений, старались навещать Адика. И он всегда радушно встречал нас.

Борис Чернышев:

В апреле 1983-го отмечался юбилей спортобщества «Динамо». Длиннющие были списки с указанием наград. Отца не включили туда. И он страшно переживал: неужели не заслужил?!

Чиновники решили попридержать на год награду — орден или медаль, не знаю — к семидесятилетнему юбилею Чернышева в 1984-м. А руководить обществом пришли комитетские люди, от спорта очень далекие. Нет чтобы пригласить отца и всё вежливо объяснить...

Александр Мальцев:

Там какая чертовщина вышла... Егоров — такой тренер был в Харькове. Ну тренер и тренер. С мастерами работал. Ничего про него я и не слыхивал. А под этот юбилей кому-то в голову взбрело наградить этого самого Егорова орденом динамовским. Егорову — орден, а Чернышеву — грамоту почетную?! Чем думали, кто учудил?!.. Я слов приличных не нахожу.

«Спасибо» Богданову надо сказать. Петру Степановичу. Полковником КГБ служил, его перевели на должность председателя Центрального совета «Динамо» — так он первым делом генеральское звание затребовал и персональную «Волгу» с номером «00-01». И ведь дали и то и другое. В спорте вообще ни в зуб ногой был.

Ему еще отдельное «спасибо» за мою эпопею в 74-м. Жениться я собрался, Аркадия Ивановича на свадьбу пригласил. Он спросил:

— Может, что надо? Чем помочь тебе?

— Ничего не надо. Спасибо вам огромное. Одна просьба: «Динамо» в Швецию должно поехать, это как раз после свадьбы будет — разрешите мне остаться дома, буду со вторым составом тренироваться.

— Хорошо, Саша. Договорились...

А тут скоро убирают Чернышева из команды. Ни за что убирают. И мне объявляют — ты должен ехать с командой в Швецию. Я им и про свадьбу, и про договор с Чернышевым — что в лоб, что по лбу. И этот самый Богданов вместо того, чтобы защитить меня, только масло в огонь подливал. Я-то не поехал, спокойно тренировался. Ну и начали в прессе небылицы обо мне сочинять — мол, загулял Мальцев, звездная болезнь у него... Особенно «Комсомолка» расстаралась... Нервишек нам с женой попортили. Я тренировался. Кругом злопыхатели ждали, что в первой же игре осрамлюсь, а я забил и отдал. Не подвел Адика! С ним же уговор был.

Ну так вернусь к Аркадию Ивановичу. Тот самый Богданов хоть бы позвал его к себе в кабинет, чего-нибудь напел бы. Из приличия. Из уважения к Чернышеву. Даже этого не сделал. Ну кто такой Чернышев и кто такой Богданов?!..

Борис Чернышев:

Накануне праздничного вечера он вернулся с работы на машине, поставил ее в гараж. Рассказывали, что часа два там пробыл, пошел домой и споткнулся о поваленное дерево — инсульт. Девять лет еще прожил, так и не восстановившись.

Игорь Тузик:

Хорошо, в тот момент по улице Волкова патрульный мотоцикл с коляской проезжал. Один милиционер, увидев лежащего на

тротуаре мужчину, сразу определил: «Да это же пьяный наверняка». А тот, что за рулем был, узнал: «Спятил, что ли?! Это же Чернышев! Тренер знаменитый. Наш, динамовский».

Борис Чернышев:

Инсульт, разбивший отца, стал результатом его реакции на несправедливость по отношению к нему.

«Мудро» решил и не удосужился пригласить Аркадия Чернышева на прием генерал КГБ, председатель Центрального совета «Динамо» Петр Степанович Богданов. Удосужился бы — и прожил бы еще Аркадий Иванович столько, сколько судьбой было ему отведено. «Уважило» родное «Динамо» по полной программе...

Борис Чернышев:

Грустно ему было. Левая сторона была парализована. Нога потом только частично восстановилась. Наняли физиотерапевта: выходил с отцом во двор, сидел с ним часок на лавочке, о чем-то беседуя. Наша семья ожидала прогресса, а его не наблюдалось. Через год отказались от услуг этого лекаря.

При сегодняшнем уровне медицины, думаю, реально было бы вернуть отца к нормальной жизни. Так продолжалось целых девять лет...

Раздавались звонки от журналистов с предложением встретиться с отцом и записать его воспоминания, но мама отвечала им: «А где вы были раньше, когда он был здоров? Врачи не рекомендуют Аркадию Ивановичу такие контакты».

Александр Мальцев:

На юбилее Аркадия Ивановича я был. Там, на «Войковской». Тарасов пришел. Нас, динамовцев, было несколько человек. Как вчера это было...

Всё никак я не пойму и еще в большей степени не приму данности: почему в стране, именуемой себя пафосно «Великой Россией», великие ее сыны зачастую оказываются в забвении либо того пуще — несправедливо и немилосердно обиженными?

СОЛНЕЧНЫЙ ТРЕНЕР

Интеллигентный.

Вдумчивый.

Доброжелательный.

Выдержанный.

Демократичный.
Культурный.
Заботливый.
Скромный.
Интеллектуал.

Готовый на всё ради общего дела и ради сохранения своего достоинства...

И каких только восторженных эпитетов о Чернышеве не выслушал автор при написании книги! Да и в предыдущие десятилетия журналистской практики худых слов в адрес Аркадия Чернышева не доводилось слышать. Разве что кое от кого из славных динамовских ветеранов раздавались изредка не столько упреки, сколько сетования на Адика: мол, не помогал особенно мне (ему, нашей тройке, их звену) проталкиваться в сборную... ну что тут поделаешь, такой человек — не пробивной, зато заботливый... наверное, и мы сами в чем-то виноваты, из кожи вон не лезли, когда следовало...

Среди добрых слов о нем выделю самые, пожалуй, емкие и вместе с тем сердечные:

Адик буквально живет во мне.

Сверял и сверяю по нему свои подходы и поступки.

И с каждым годом Аркадий Иванович ко мне всё ближе и ближе. Он давал нам играть и давал жить.

Сохранял нашу игровую индивидуальность и наше человеческое достоинство.

Не умел схватить игрока за глотку.

Наверное, потому и в «Динамо» не всё реализовал, что мог...

Светлый человек.

Солнечный тренер!

Это сердечное послание Аркадию Чернышеву от динамовца Владимира Юрзинова.

Того, кто спустя 36 лет вернет чернышевское «Динамо» на всесоюзный пьедестал.

И совершит это еще при жизни учителя, который уже, правда, был не в состоянии от души порадоваться долгожданному чемпионству родного клуба.

Аркадий Иванович полностью соответствовал статусу старшего тренера сборной.

В нем сочетались глубокое знание предмета и уважительное отношение к людям.

Нарушителей дисциплины не оскорблял, но и не оправдывал; наказывать не любил, ну если уж совсем зарывался игрок... А обычно находил путь, чтобы простить провинившегося.

В сборной при Чернышеве не бывало каких-либо эксцессов или конфликтов. Он будто амортизировал все неминуемо возникавшие напряжения.

Аркадий Иванович в своих решениях был последователен и понятен нам, шаги предпринимал абсолютно обоснованные. Никогда не паниковал, никогда не наезжал на хоккеистов. Игру вести умел! Даже в самых сложных ситуациях не терял самообладания.

Мы, игроки сборной, эту руку Чернышева всё время чувствовали, его поведение придавало нам сил и уверенности в том, что горы свернем...

Аркадий Иванович придерживался собственных взглядов на хоккей, благо начинал работать в 1946 году. Пожалуй, был отчасти консервативен. Верил в четкие линии на хоккейной площадке.

А это — взвешенное в каждом слове послание Аркадию Чернышеву от спартаковца Бориса Майорова.

Того, кто являлся настоящим вожаком, настоящим капитаном непобедимой чернышевской сборной.

Того, кого Аркадий Иванович любя называл «Бося».

В свое время я, однолюб локомотивский, отказался от предложения Чернышева перейти в «Динамо».

Может, и зря... Еще меня в ЦСКА звали. Дважды. Но как подумаю, сколько армейцев моего поколения уже ушло...

Если уж и надо было переходить, то только к Чернышеву.

Счастьем посчитал бы работать у Аркадия Ивановича.

Третье послание Аркадию Чернышеву — от железнодорожника Виктора Цыплакова.

Аркадий Иванович... Это он привел сборную к золоту на первом чемпионате мира и на первых Олимпийских играх. Храню обе медали по сей день. Олимпийскую золотую вернули мне из-за границы... Путин вручал ее мне в Кремле...

Все мои товарищи по сборной Советского Союза тепло относились к Аркадию Ивановичу. А как могло быть иначе, если всё по уму и всё по совести делал. Работать под началом Чернышева было очень приятно.

Тарасов, скажу так, много сделал для нашего хоккея. С ним я работал несколько лет в армейском клубе. Гонял нас на тренировках до изнеможения и всё время придумывал что-нибудь новое. Но с Анатолием Владимировичем я никогда не знал, с какой ноги он сегодня встал. Бывало, с утра благоволит ко мне, а вечером непонятно с чего косится в мою сторону.

С Чернышевым, конечно, работалось замечательно.

Четвертое послание Аркадию Чернышеву — от московского армейца Виктора Шувалова.

А свидетелем пятого послания — без слов! — автор стал при съемке фильма о Викторе Тихонове. Подъехали со съемочной группой на Ходынку к галерее славы нашего хоккея — уличные стелы с портретными фотографиями и короткой информацией с перечислением титулов и званий тренеров и хоккеистов. Виктор Васильевич вышел из машины и напрочь забыл о съемке — направился в дальний от нас конец галереи. Дошел до стелы Чернышева и замер. Минут на десять — пятнадцать...

Солнце выглянуло из-под майских предгрозовых облаков и словно по заказу нашей съемочной группы дополнительно направило луч света на портрет Аркадия Ивановича Чернышева.

На солнечном тренере сфокусировалось светило, обогревающее Землю.

На том, кто сам излучал свет и тепло.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТРЕНЕРСКОЙ КАРЬЕРЫ А. И. ЧЕРНЫШЕВА

- 1914, 16 марта — родился в городе Нижний Новгород.
1917 — переезд семьи в Москву.
1928 — после окончания семилетней школы поступил на работу в ЦАГИ на должность техника.
Начал играть в футбольном клубе имени Кухмистерова.
1930–1936 — клуб «РКИМА» по футболу и хоккею с мячом.
1936 — призван на воинскую службу в Наркомат внутренних дел.
1936–1945 — клуб «Динамо» (Москва) по футболу и хоккею с мячом.
1937 — обладатель Кубка СССР по хоккею с мячом.
Обладатель Кубка СССР по футболу.
Чемпион СССР по футболу.
1938 — обладатель Кубка СССР по хоккею с мячом.
Женился на Велте Мартыновне Мицис.
1940 — окончил ВШТ (Высшую школу тренеров).
Обладатель Кубка СССР по хоккею с мячом.
Чемпион СССР по футболу.
1941 — обладатель Кубка СССР по хоккею с мячом.
1941–1944 — инструктор на курсах Всевобуча для молодых бойцов.
1946 — автор первой шайбы первого чемпионата СССР по хоккею с шайбой.
1946–1974 — тренер, старший тренер (1946–1948 — играющий тренер) хоккейного клуба «Динамо» (Москва).
1947 — чемпион СССР
Родился сын Борис.
1948 — тренер сборной Москвы в матчах с ЛТЦ.
Присвоено звание «Заслуженный мастер спорта СССР».
1951 — родился сын Александр.
1953 — обладатель Кубка СССР.
1954 — чемпион СССР.
1954–1957 — старший тренер сборной СССР.
1954 — чемпион мира и Европы.
1955 — чемпион Европы, серебряный призер чемпионата мира.
1956 — чемпион Олимпийских игр, мира и Европы.
1957 — присвоено звание «Заслуженный тренер СССР».
Серебряный призер чемпионата мира и Европы.
1961–1972 — старший тренер сборной СССР.
1961 — серебряный призер чемпионата Европы, бронзовый призер чемпионата мира.
1963 — чемпион мира и Европы.
1964 — чемпион Олимпийских игр, мира и Европы.
1965 — чемпион мира и Европы.
1966 — чемпион мира и Европы.
1967 — чемпион мира и Европы.
1968 — чемпион Олимпийских игр, мира и Европы.

1969 – чемпион мира и Европы.
1970 – чемпион мира и Европы.
1971 – чемпион мира, серебряный призер чемпионата Европы.
1972 – чемпион Олимпийских игр.
Обладатель Кубка СССР.
1975–1983 – директор СДЮШОР «Динамо» (Москва).
1992, 17 апреля – скончался в Москве.
Похоронен на Ваганьковском кладбище.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров М. Н.* Призвание – тренер. М.: Физкультура и спорт, 1979.
Базунов Б. А., Михалев П. Ф. Автографы на шлеме. М.: Физкультура и спорт, 1967.
Беличенко О. И., Лукашин Ю. С. Хоккей: Большая энциклопедия. Т. 1–2. М.: Terra-Спорт, 2006.
Березкин М., Васин А., Серебряков А., Тихонов Е. История хоккейной команды Спартак (Москва). М.: Хоккейный клуб «Спартак», 2007.
Бобров В. М. Рыцари спорта. М.: Советская Россия, 1971.
Бобров В. М. Самый интересный матч. М.: Физкультура и спорт, 1963.
Брусованский А. М. Хоккей. М.: Физкультура и спорт, 1990.
Вайханский С. М. Золотая книга сборной СССР по хоккею. СПб.; М.: ИД «Нева»; ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
Викторов В. Я. Товарищ сборная. М.: Советская Россия, 1969.
Вьюник В. Победа в Тампере. Л.: Лениздат, 1966.
Гаврилин В., Спасский О. Десятая высота. М.: Физкультура и спорт, 1970.
Гаврилин В., Спасский О. Рекорд мастерства и мужества. М.: Физкультура и спорт, 1971.
Гущин С. Н. Из лабиринтов памяти. Екатеринбург: УГГУ, 1996.
Гущин С. Н. След погасшей звезды. Екатеринбург: Полиграфист, 1994.
Давыдов В. С. Любите хоккей! Играйте в хоккей. М.: Олма медиа групп, 2009.
Дворцов В. А. Хоккейный репортаж. М.: Молодая гвардия, 1978.
Дутов В. А. Неофициальные игры сборной СССР по хоккею с шайбой с 1948 по 1991 г. Уфа, 2013.
Душкин Е. А. Истоки хоккея Александра Мальцева. Киров: Кировская областная типография, 1999.
Зимин Е. В. Мастерство в твоих руках. М.: Физкультура и спорт, 1989.
Карасев А., Машков Н. Все матчи сборной России (СССР, СНГ) по хоккею. 1953–2011. М., 2011.
Комаров А. В. Хоккей. М.: Физкультура и спорт, 1977.
Коноваленко В. С. Третий период. М.: Молодая гвардия, 1986.
Кориак Ю. В. Раскаленный лед. Л.: Лениздат, 1977.
Кошевар Д. В. Мировой хоккей: Большая энциклопедия. Минск: Харвест, 2014.
Лукашин Ю. С. Хоккей. М.: Terra-Спорт, 2000.
Лукашин Ю. С. Хоккей на «Белых Олимпиадах». М.: Советская Россия, 1959.
Ляшенко В. Хоккей – час пик. М.: Библиотека «Комсомольской правды», 1969.
Мальцев С. Н., Душкин Е. А. Хоккей Александра Мальцева. Киров: Кировская областная типография, 2009.
Майоров Б. А. Я смотрю хоккей. М.: Молодая гвардия, 1970.
Михайлов Б. П. Мой хоккей. М.: Парламентская газета, 2006.
Михайлов Б. П. Такова хоккейная жизнь. М.: Эксмо, 2008.
Михайлов Б. П. Хоккей живет атакой. М.: Советский воин, 1982.
Михалев П. Ф. Им рукоплещут континенты. М.: Библиотека «Комсомольской правды», 1967.
Михалев П. Ф. Мо-лод-цы! М.: Библиотека «Комсомольской правды», 1963.

Мы из Динамо: Сборник / Под ред. В. Верхолашина. М.: Физкультура и спорт, 1968.

Перель А. С. Хоккей в СССР: Справочник. М.: Физкультура и спорт, 1955.

Раззаков Ф. И. Российский хоккей: от скандала до трагедии. М.: Эксмо, 2012.

Россошик Л. В. Тренеры седеют рано. М.: Терра-Спорт, 2001.

50 лет «Динамо»: Сборник / Сост. Г. Л. Черневич. М.: Физкультура и спорт, 1973.

Салуцкий А. С. Всеволод Бобров. М.: Физкультура и спорт, 1984.

Салуцкий А. С. Всеволод Бобров. 2-е изд. М.: Физкультура и спорт, 1987.

Сологузов Н. М. Мой друг хоккей. М.: Физкультура и спорт, 1967.

Старишинов В. И. Я – центрфорвард. М.: Физкультура и спорт, 1971.

Сысоев В. Д. Играет ЦСКА. М.: Военное издательство МО СССР, 1975.

Сысоев В. Д. Играет ЦСКА. 2-е изд. М.: Военное издательство МО СССР, 1982.

Тарасов А. В. Настоящие мужчины хоккея. М.: Физкультура и спорт, 1987.

Тарасов А. В. Путь к себе. М.: Физкультура и спорт, 1974.

Тарасов А. В. Хоккей. Родоначалники и новички. М.: Эксмо, 2015.

Тарасов А. В. Совершеннолетие. М.: Молодая гвардия, 1966.

Тарасов А. В. Совершеннолетие. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1968.

Тарасов А. В. Совершеннолетие. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 1970.

Тарасов А. В. Тактика хоккея. М.: Физкультура и спорт, 1963.

Тарасов А. В. Хоккей грядущего. М.: Физкультура и спорт, 1969.

Тарасов А. В. Хоккей грядущего. 2-е изд. М.: Физкультура и спорт, 1969.

Тарасов А. В. Хоккей с шайбой. М.: Военное издательство МО СССР, 1950.

Тихонов В. В. Хоккей: Надежды, разочарования, мечты. М.: Физкультура и спорт, 1985.

Фирсов А. В. Зажечь победы свет. М.: Физкультура и спорт, 1973.

Фролов В. В. На ледяных полях. М.: Физкультура и спорт, 1957.

Фролов В. В. Шайба и ее герои. М.: Советская Россия, 1964.

Харламов В. Б. Три начала. М.: Молодая гвардия, 1979.

Харламов В. Б. Хоккей – моя стихия. М.: Библиотека «Огонька», 1977.

Хоккейный клуб «Динамо» Москва: Сборник. М.: ТОО «Видар», 1998.

Юханссон С. Тумба говорит начистоту. М.: Физкультура и спорт, 1960.

Юханссон С. Тумба учит играть в хоккей. М.: Физкультура и спорт, 1962.

Журналы

Спорт в СССР. 1963–1972.

Спортивные игры. 1955–1972.

Теория и практика физической культуры. 1953–1972.

Территория Динамо. 2010–2013.

Физкультура и спорт. 1946–1972.

СОДЕРЖАНИЕ

Виталий Давыдов. Человек-легенда	5
Александр Мальцев. Слово об учителе	7
Солнце в тени	9
Первопроходец	24
«Русский блин»	35
Тандем – 1. На разных полюсах	52
Интеллигент	56
Тандем – 2. Разделение труда	83
Спустившись на землю	88
Тандем – 3. Комплектование сборной	97
«Отец родной»	109
Тандем – 4. Боеготовность	138
Самоуправство Чернышева	144
Тандем – 5. Погода в доме	158
Метода	169
Тандем – 6. План сражения	199
В Златоглавой без золота	206
Тандем – 7. Диржирование	218
Против «базового клуба»	236
Тандем – 8. По справедливости	270
Предвестник бури	275
Тандем – 9. По собственному желанию	287
Против «Народной команды»	293
Смотри на табло	315
Гений	319
«Уважили»	324
Солнечный тренер	327
Основные даты жизни и тренерской карьеры А. И. Чернышева ..	331
Литература	333

Р 35 Рейзер Л. Ю.
Аркадий Чернышев / Леонид Рейзер. — 2-е изд. —
М.: Молодая гвардия, 2020. — 335[1] с.: ил. — (Жизнь
замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1836).

ISBN 978-5-235-04378-7

Многолетний тренер сборной СССР и московского «Динамо» по хоккею с шайбой Аркадий Иванович Чернышев (1914–1992) по праву может быть назван первым среди наших первопроходцев этой заморской игры. Первый тренер, увидевший родоначальников хоккея канадцев, он первым сокрушил их при дебюте страны на международной арене. И именно под его руководством Советский Союз за два десятилетия превратился в могучую и признанную в мире хоккейную державу. Девять лет без единого поражения на тренерском мостике сборной, девять золотых медалей чемпионов мира и три выигранные Олимпиады подряд — такого достижения не знает больше ни один тренер в мире, и вряд ли этот невероятный рекорд когда-либо будет превзойден.

Но это отнюдь не полный перечень громких заслуг и профессиональных качеств Аркадия Чернышева. Эта фигура сколь масштабная и достойная, столь и незаслуженно обделенная славой при жизни и благодарной памятью потомков после смерти. В чем же феномен Чернышева? Каким образом сочетал он интеллигентность с искусством руководства ледовой дружиной? Почему о нем благодарно и почтительно отзываются все без исключения спортсмены разных клубов и разных поколений? На множество этих и других вопросов пришлось искать ответы автору книги — известному писателю, историку хоккея и журналисту Леониду Рейзеру.

УДК 796.9(092)
ББК 75.579

знак информационной
продукции 16+

Рейзер Леонид Юрьевич
АРКАДИЙ ЧЕРНЫШЕВ

Редактор А. Ю. Карпов
Художественный редактор А. В. Никитин
Технический редактор М. П. Качуркина
Корректор Г. В. Платова

Подписано в печать с готовой электронной версии 27.01.2020. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 19,5+2,52 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 2002050.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru> E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
Supply Chain Solutions 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04378-7